

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

15

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume fifteen

BILL, THE GALACTIC HERO

**BILL, THE GALACTIC HERO
ON THE PLANET
OF ROBOT SLAVES**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга пятнадцатая

**БИЛЛ-ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ
БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ,
НА ПЛАНЕТЕ
РОБОТОВ – РАБОВ**

Издательская фирма «Полярис»
1994

Bill, the Galactic Hero
Copyright © 1965 by Harry Harrison

Bill, the Galactic Hero
on the Planet of Robot Slaves
Copyright © 1990 by Byron Preiss Visual
Publications, Inc.

Билл — герой Галактики
© 1991 В. Ковалевский,
перевод на русский язык

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, оформление,
составление

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-103-0

БИЛЛ-ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ

*Моему другу и соратнику Брайану Олдису,
с секстантом в руке прокладывающему
курс для всех нас*

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

Билл так никогда и не понял, что все это случилось с ним только из-за похоти. Ведь если бы в ясном небе Фигеринадона-2 не сияло в то утро такое горячее солнышко и если бы Билл нечаянно не углядел сахарно-белые, округлые, как бочонок, ягодицы Инги-Марии Калифигии, купавшейся в ручье, жгучее томление плоти не отвлекло бы его от пахоты, и он провел бы борозду аж за край холма задолго до того, как с дороги донеслись завораживающие звуки музыки. Билл не услышал бы ее, и вся его дальнейшая жизнь сложилась бы совсем, совсем иначе. Но поскольку играли где-то рядом, он выпустил рукоятки подключенного к роботу плуга, повернулся и от удивления разинул рот.

Зрелище и в самом деле было сказочное. Парад возглавлял робот-оркестр двенадцати футов ростом, потрясавший воображение своим высоченным черным кивером, в котором скрывались динамики. Золоченые колонны ног торжественно несли его вперед, а тридцать суставчатых рук дергали за струны, пиликали и нажимали на клавиши бесчисленных музыкальных инструментов. Зажигательные звуки марша раззадорили Билла, и его крепкие крестьянские ноги, обутое в грубые башмаки, сами собой пустились в пляс, когда глянцевые сапоги солдат грохнули вдоль дороги. Десантники шли, молодежато выпятив грудь, медали бряцали на алых мундирах, и в мире определенно не было зрелища

прекрасней. Процессию замыкал сержант, сверкающий медью и галунами, густо увешанный медалями и орденскими лентами, при палаше и карабине, с поясом на животе и со стальными глазами. Цепким взглядом он окинул Билла, который, навалившись на изгородь, глазел на все эти чудеса. Сержант кивнул седой головой, заговорщически подмигнул и скривил в подобии дружеской улыбки рот, похожий на железный капкан.

В арьергарде маленькой армии катилась, подпрыгивая и оскальзываясь на ухабах, вереница запыленных подсобных роботов. Когда и они пролязгали мимо, Билл неуклюже перевалился через изгородь и затрусил вслед. В их деревенской глуши интересные происшествия случались не чаще двух раз в четыре года, и он отнюдь не собирался пропустить событие, обещавшее стать третьим по счету.

К тому времени, когда Билл прибежал на базарную площадь, там уже собралась толпа, привлеченная вдохновенным джаз-концертом. Робот очертя голову нырнул в бодрящие волны марша «Космический десант штурмует небеса», пробился сквозь «Грохот звездных битв» и почти самоуничтожился в неистовых ритмах «Саперов в траншеях Питхеда». Он вошел в такой раж, что нога его отскочила от туловища и взлетела в воздух. Робот ловко подхватил ее на лету и продолжал играть, балансируя на одной ноге и отбивая такт оторванной конечностью. Когда духовые испустили последний душераздирающий вопль, он указал обломком на другую сторону площади, где, как по волшебству, возникли экран объемного кино и переносной бар. Солдаты, не мешкая, скрылись в недрах бара, и сержант-вербовщик остался один в окружении роботов, расплывшись до ушей в радушной улыбке.

— Вали сюда, ребята! Дармовая выпивка за счет императора и потрясающие фильмы с приключениями в дальних краях, которые не позволят вам заснуть, пока вы хлещете ваше пойло! — гаркнул он необычайно громким, скрежещущим голосом.

Большинство — в том числе и Билл — приняли приглашение; только несколько умудренных опытом, бывалых мужиков уклонились от призыва и украдкой скрылись за домами.

Робот с краном вместо пупка и неиссякаемым запасом пластмассовых стаканчиков в одном из бедер пода-

вал прохладительные напитки. Билл, с наслаждением прихлебывая из стакана, любовался захватывающими дух приключениями космических десантников. Картина была цветная, с шумовыми эффектами и инфразвуковыми стимуляторами. Там были и битвы, и смерть, и победы, хотя погибали, разумеется, только чинджеры: солдаты в худшем случае отделялись пустяковыми царапинами, которые тут же скрывались под марлевыми повязками. Пока Билл упивался этим зрелищем, сержант-вербовщик Грю не спускал с него пороссячьих глазок, жадно горевших при виде мощного заливка парня.

Этот годится! — похрюкивал он про себя, бес-сознательно облизывая губы желтым языком и почти физически ощущая в своем кармане вес призовых монет. Все остальные просто сброд — перестарки, бабы-толстухи, сопливые мальчишки и прочая шваль. Но этот! Великолепный кусок пушечного мяса — широкоплечий, кучерявый, с массивной челюстью. Привычно положив руку на переключатель, сержант снизил фоновый инфразвук и направил концентрированное излучение прямо в затылок своей жертвы. Билл заерзал на стуле, вживаясь в панораму грандиозного сражения, развернувшегося перед глазами.

Когда отзвучали последние аккорды боя и погас экран, робот-бармен гулко заколотил по металлической груди и взревел: «ПЕЙ! ПЕЙ! ПЕЙ!». Публика с овечьей покорностью потянулась к нему, но Билла выхватила из толпы мощная рука.

— Глянь-ка, парень, что я тут припас для тебя, — сказал сержант, протягивая ему стакан с таким количеством подавляющего волю наркотика, что часть его выпала на дно в осадок. — Ты парень что надо, все это мужичье тебе в подметки не годится. Никогда не мечтал о солдатской карьере, а?

— Какой из меня вояка, шаржант! — Билл подвигал челюстями и сплюнул, пытаясь избавиться от внезапной шепелявости и удивляясь, отчего это мозги заволокло туманом. Хотя удивляться надо было крепости его рассудка, сохранившего хоть какую-то способность соображать, несмотря на лошадиную дозу наркотиков и стимуляторов. — Я не военная косточка. Хотелось бы приносить посильную пользу; моя мечта —

получить профессию техника по удобрениям. Вот скоро окончу заочный курс...

— Дерьмовая работенка для такого отличного парня! — воскликнул сержант, хватая Билла за руку, чтобы пощупать бицепсы. Камень! Он еле удержался от искушения заглянуть Биллу в рот и обследовать состояние коренных зубов. Ладно, успеется еще! — Пусть этим делом занимается тот, кто больше ни на что не годен. Да разве при такой профессии есть перспективы? А в солдатской службе — никаких пределов! Господи, да сам великий адмирал Пфлунгер прошел, как говорится, все медные трубы от рекрута до гранд-адмирала! Ты только подумай!

— Что ж, для мистера Пфлунгера это неплохо, а по мне так и удобрения — дело очень даже любопытное. Ох! Чего же это глаза так слипаются? Пойти соснуть, что ли?

— Валяй, но сначала уважь меня — взгляни-ка сюда! — Сержант заступил ему дорогу и показал на огромную книгу, которую держал крохотный робот. — Платье делает человека. Порядочные люди постыдились бы высунуть нос на улицу в таком затрапезном тряпье, которое ты напялил на себя, или в таких дырявых калошах. Какого черта одеваться *так*, когда можно — вот *этак*!

Взгляд Билла последовал за толстым пальцем сержанта к цветной картинке, изображавшей солдата в алой парадной форме, у которого чудесным образом появилось Биллово лицо. Сержант переворачивал страницы, и с каждой новой иллюстрацией форма становилась пышнее, а чин — выше. Билл ошалело уставился на последнюю картинку, запечатлевшую его в форме гранд-адмирала с плюмажем на шлеме; кожу у глаз испещрили гусиные лапки, над губами красовались седые усики, однако лицо без сомнения было его собственным.

— Вот каким ты станешь, — нашептывал ему сержант, — когда взойдешь на самый верх лестницы успеха... Попробуй-ка примерить форму! Эй, портной!

Билл собрался было возразить, но сержант заткнул ему рот толстой сигарой; не успел несчастный выплюнуть ее, как выкатившийся откуда-то робот-портной взмахнул рукой-занавеской и тут же раздел Билла до гола.

— Эй! Эй! — воскликнул Билл.

— Не бойсь! — гоготнул сержант, просовывая голову за занавеску и млея при виде Билловых мускулов. Он ткнул его пальцем в солнечное сплетение (камень!) и снова исчез.

— Ой-ей! — вскрикнул Билл, когда портной, выдвинув холодный стальной метр, стал снимать с него мерку. В глубине цилиндрического туловища робота что-то тихо звякнуло, и спереди из прорези выполз ослепительный алый мундир. В мгновение ока он оказался на плечах у Билла, и сверкающие золотые пуговицы застегнулись сами собой. За мундиром последовали великолепные серые молескиновые бриджи и сияющие лаком черные сапоги до колен. Билл прямо-таки обалдел, когда занавеска исчезла и перед ним появилось огромное зеркало.

— Девки-то от такого мундира просто с ума посходят, — сказал сержант. — А чего ж, очень даже законно!

Видение выпуклых полушарий Инги-Марии Калифигии на секунду затуманило Биллу взор, а придя в себя он обнаружил, что сжимает в руке перо, готовясь подписать контракт, подсунутый вербовщиком.

— Нет, — сказал Билл, слегка удивляясь собственной несговорчивости. — Не хочу. Техник по улучшениям...

— И не только этот чудесный мундир — ты получишь еще рекрутские премиальные, бесплатный медицинский уход и совершенно роскошные медали. — Сержант раскрыл плоскую коробочку, услужливо поданную роботом, и продемонстрировал разноцветную россыпь лент и побрякушек. — Вот «Почетная медаль новобранца», — торжественно изрек он, прикалывая к широкой груди Билла инкрустированное камнями изображение туманности на зеленой ленте. — А вот «Императорский заздравный золоченый рог», «Вперед, к победе над звездами», «Честь и слава матерям павших героев» и «Неиссякаемый рог изобилия». Последний, правда, вообще ничего не значит, но выглядит классно и в нем удобно хранить презервативы.

Сержант отступил на шаг и залюбовался Билловой грудью, увешанной лентами, блестящими медалями и цветными стекляшками.

— Нет, все равно не хочу, — ответил Билл. — Спасибо за предложение, но...

Сержант ухмыльнулся, готовый даже к этой последней вспышке сопротивления, и нажал на кнопку у себя на ремне, которая привела в действие гипноспираль в каблуке новой Билловой обуви. Мощный поток хлынул по нервным окончаниям, рука упряма дернулась вверх, и, когда рассеялась пелена перед глазами, он с удивлением обнаружил на контракте собственную подпись.

— Но...

— Поздравляю со вступлением в космический десант! — загремел сержант, наподдав ему по спине (трапецевидные — скала!) и отобрав перо. — СТАНОВИСЬ! — еще громче заорал он, и рекруты повалили из бара.

— Что они сделали с моим сыном! — визгливо запричитала Биллова мать, появившаяся на площади. Одной рукой она била себя в грудь, а другой тащила на буксире маленького Чарли. Чарли разревелся и намочил штанишки.

— Ваш сын стал солдатом к вящей славе императора, — сказал сержант, пинками выстраивая обалдевших рекрутов в колонну.

— Нет! Только не это! — зарыдала несчастная, выдирая седеющие пряди. — Пожалейте бедную вдову и ее единственного кормильца... Пощадите...

— Мама! — рванулся к ней Билл, но сержант пихнул его в строй.

— Мужайтесь, мадам, — сказал он. — Для матери нет высшей чести. — Он уронил в ее ладонь большую новенькую монету. — А вот и рекрутские премиальные — императорский шиллинг. Император будет счастлив узнать, что вы его получили. СМІР-Р-РНА!

Неуклюже щелкнув каблуками, рекруты расправили плечи и задрали подбородки. То же самое, к своему великому изумлению, проделал и Билл.

— НАПРА-О!

Они развернулись единым стройным движением: робот передал команду на гипноспираль в сапогах.

— ВПЕРЕД, ШАГО-ОМ АРШ!

И колонна ритмично двинулась вперед, управляемая настолько жестко, что Билл при всем желании не мог ни обернуться, ни послать матери прощальный привет. Она осталась где-то позади, и лишь последний отчаянный вопль пробился сквозь грохот марширующих сапог.

— Ускорить шаг до 130! — приказал сержант, взглянув на часы, вмонтированные в нготь мизинца. — До базы всего десять миль, ребята, — есть шансы уже сегодня добраться до лагеря.

Командный робот передвинул стрелку метронома на одно деление, темп марша ускорился, солдаты взмокли от пота. Когда они добрались, уже в потемках, до вертолетной базы, их алые бумажные мундиры обвисли лохмотьями, позолота с оловянных пуговиц сползла и тоненькая пленка, защищавшая пластиковые сапоги от пыли, облезла. Ободранный, измученный, пропыленный вид солдат полностью соответствовал состоянию их духа.

Глава 2

Ранним утром Билла разбудил не сигнал горниста, записанный на пленку, а ультразвук, пропущенный через металлическую раму койки, который тряс его с такой силой, что в зубах зашатались пломбы. Билл вскочил и сразу же задрожал от холода. Время было летнее, и поэтому пол в казарме охлаждали искусственно: в лагере имени Льва Троцкого не принято было миндальничать. Бледные замерзшие новобранцы один из другим соскакивали с соседних коек. Выматывающая душу вибрация прекратилась. Рекруты торопливо стащили со спинок кроватей будничную форму, изготовленную из дерюги типа наждачной бумаги, всунули ноги в тяжеленные красные рекрутские сапоги и потащились к выходу.

— Я здесь для того, чтобы сломить ваш дух! — загремел чей-то свирепый голос.

При виде главного демона здешнего ада новобранцев затрясло еще сильнее.

Главный старшина Смертвич Дранг был мастером своего дела от кончиков злобно торчащих колючих волос до рифленых подошв блестящих, словно зеркало, сапог. Широкоплечий, узкобедрый, длинные руки болтаются ниже колен, как у какого-то жуткого антропоида, костяшки на кулаках расплющены о тысячи выбитых зубов, — глядя на эту образину, невозможно было поверить, что он появился на свет из нежного женского чрева. Не мог он родиться — такого могли изготовить

разве что по специальному заказу правительства. Самой ужасной была голова. А лицо!.. Узенькая полоска шириною в палец отделяла волосы от мохнатых черных бровей, густыми зарослями нависших над темными провалами, в которых скрывались глаза — не глаза, а зловещие красные вспышки в кромешном адском мраке. Перебитый, раздавленный нос наползал прямо на рот, зияющий как ножевая рана на вспоротом животе трупа, а из-под верхней губы торчали двухдюймовые белые волчьи клыки, проложившие в нижней губе глубокие борозды.

— Я — главный старшина Смертвич Дранг, и вы должны называть меня «сэр» и «милорд». — Дранг мрачно прошелся вдоль шеренги трясущихся новобранцев. — Теперь я для вас отец и мать, вся ваша вселенная и ваш извечный враг, и очень скоро я заставлю вас пожалеть о том, что вы вообще родились на свет. Я сокрошу вашу волю! И если я обзову вас жабами — вам тут же придется заквакать! Моя задача — превратить вас в солдат, вбить в вас дисциплину. Беспрекословное подчинение, никакой свободы воли, абсолютное послушание — вот чего я требую от вас...

Он остановился перед Биллом, который дрожал чуть меньше прочих, и злобно набылчился:

— Экая гнусная рожа... Месяц нарядов на кухне по воскресеньям!

— Сэр...

— И еще месяц за пререкания.

Билл промолчал. Он уже усвоил первую солдатскую заповедь: держи рот на замке.

Смертвич двинулся дальше.

— Кто вы есть в данный момент? Дряблое вонючее штатское мясо низшего сорта. Я сделаю из него настоящие мускулы, превращу вашу волю в студень, а ваш мозг — в машину. Или вы станете настоящими солдатами, или я вас прикончу. Вы еще наслушаетесь обо мне разных историй, вроде того как я убил и съел новобранца, отказавшегося выполнить приказ.

Он остановился и уставился на них свирепым взглядом. Верхняя губа, как крышка гроба, медленно поползла вверх в злобной пародии на усмешку, на кончиках клыков повисли капли слюны.

— И эта история — чистая правда!

Стон прошел по рядам новобранцев, их затрясло, как под ледяными порывами ветра. Улыбка исчезла с лица Дранга.

— Жрать пойдете после того, как найдутся добровольцы на легкую работу. Кто умеет водить гелиокар?

Двое рекрутов с надеждой подняли руки, и он жестом вызвал их вперед:

— Прекрасно! Тряпки и ведра за дверь. Будете чистить сортир, пока остальные завтракают. Нагуляете аппетит к обеду.

Билл усвоил вторую солдатскую заповедь: не лезь в добровольцы.

Время обучения тянулось как страшный беспросветный сон. Служба становилась все тяжелей, а усталость — все невыносимей. Казалось, такого просто не может быть — однако все происходило на самом деле. Несомненно, над программой обучения потрудились целое скопище изощренных садистских умов. Головы новобранцам в целях единообразия обрили наголо, а гениталии выкрасили оранжевым антисептиком для защиты от насекомых, селившихся в промежностях. Пища, теоретически питательная, была невообразимо гнусной; если по недосмотру партия мяса оказывалась относительно съедобной, ее тут же выбрасывали на помойку, а повара снимали с должности. Ночью курсантов постоянно будили учебные тревоги газовых атак, а все время досуга они занимались своим обмундированием. Седьмой день недели считался днем отдыха, но у всех были свои взыскания, как у Билла на кухне, и выходные ничем не отличались от будней.

В очередное, третье воскресенье лагерной жизни, рекруты уныло дотягивали последний час перед отбоем, дожидаясь, когда наконец погасят свет и можно будет залезть на бетонные койки. Билл протиснулся сквозь слабое силовое поле, хитроумно сконструированное с таким расчетом, чтобы мошкара свободно проникала в барак, но не могла вылететь обратно. После четырнадцатичасового наряда ноги у него подкашивались, а кожа на руках от мыльной воды сморщилась и приобрела трупный цвет. Билл бросил на пол мундир, который, задубев от пота, грязи и пыли, так и остался стоять стоймя, и

вытащил из тумбочки бритву. В сортире он долго вертел головой, пытаясь выискать чистый кусочек зеркала. Все зеркала были густо заляпаны крупными буквами воодушевляющих лозунгов: «ДЕРЖИ ПАСТЬ НА ЗАМКЕ — ЧИНДЖЕРЫ НЕ ДРЕМЛЮТ», «ТВОЯ БОЛТОВНЯ — СМЕРТЬ ДЛЯ ДРУГА». Наконец Билл воткнул бритву рядом с надписью: «НЕУЖЕЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТВОЯ СЕСТРА СТАЛА ЖЕНОЙ ЧИНДЖЕРА?» — и посмотрел на свое отражение в центре буквы «О» в слове «ЖЕНОЙ». Обведенные черными кругами, налитые кровью глаза глядели на него из зеркала, пока он водил жужжащей бритвой под подбородком. Понадобилось какое-то время, чтобы смысл вопроса дошел до рассудка, помутившегося от измождения.

— Нет у меня никакой сестры, — пробурчал он, — а если бы и была, то какого черта ей выходить замуж за ящерицу?

Вопрос был чисто риторическим, но на него неожиданно последовал ответ с последнего стульчака во втором ряду:

— Не надо понимать так буквально. Задача лозунга — возбудить в нас непримиримую ненависть к подлому врагу.

Билла аж подбросило — он-то считал, что в нужнике никого нет, кроме него. Бритва злорадно взвизгнула и отхватила от губы кусочек мяса.

— Кто тут? Какого дьявола ты прятешься! — заорал он и вдруг узнал съезжившуюся в темноте маленькую фигурку рядом с бесчисленными парами сапог. — Ах это ты, Трудяга! — Злость его мгновенно улеглась, и Билл снова повернулся к зеркалу.

Трудяга Бигер давно стал неотъемлемой частью отхожего места, так что его уже никто и не замечал. Это был крутлолицый, постоянно улыбающийся парнишка, чьи розовые щечки-яблочки никогда не теряли свежести, а улыбка была столь неуместной в лагере имени Льва Троцкого, что его хотелось прибить на месте — если вовремя не вспомнить, что парень слегка тронутый. Бигер определенно был со сдвигом, поскольку всегда горел желанием услужить своим товарищам и постоянно вызывался дежурить в сортире. Мало того — он обожал чистить сапоги и приставал с этим ко всем однополчанам до тех пор, пока не стал еженощным чистильщиком сапог для всего взвода. Когда солдаты разбредались по баракам,

Трудяга Бигер скрючивался на своем троне в последнем ряду стульчаков, бывших его персональным владением, и окружал себя грудой сапог, которые начищал до зеркального блеска с неизменной улыбкой. Он торчал тут и после отбоя, работая при свете фитиля, горевшего в банке из-под сапожного крема, и вставал раньше всех, чтобы успеть закончить свою добровольную повинность. И всегда улыбался. Парнишка был явно не в себе, но солдаты не вязались к нему, поскольку сапоги он чистил мастерски, и оставалось только молиться, чтобы Бигер не загнулся от усердия раньше, чем закончится курс военной подготовки.

— Может, оно и так, но почему бы им не сказать по-простому: «Ненавидь проклятого врага еще сильнее»? — не унимался Билл. Он ткнул пальцем в плакат, висевший на стене напротив. На огромной иллюстрации с надписью «ЗНАЙ ВРАГА СВОЕГО!» был изображен чинджер в натуральную величину — семифутовый ящер, похожий на четверорукого чешуйчатого кенгуру с головой крокодила. — А потом, какая сестра захочет выйти замуж за эту образину? И что вообще эта тварь будет делать с чьей-то сестрой? Разве что сожрет ее?

Трудяга прошелся суконкой по носку начищенного сапога и тут же принялся за новый. Он даже нахмурился, давая понять, как серьезно относится к вопросу.

— Видишь ли, э-э-э... Никто не имеет в виду конкретную сестру. Это просто часть психологической подготовки. Мы должны выиграть войну, а чтобы выиграть войну, надо быть настоящими солдатами. А настоящие солдаты ненавидят врага. Вот так оно и получается. Чинджеры — единственные известные нам негуманоиды, которые вышли из стадии дикости, и, естественно, мы должны их истребить.

— Что, черт побери, значит — «естественно»? Никого я не желаю истреблять! Я сплю и вижу, как бы поскорее вернуться домой и стать техником по удобрениям.

— Так я же говорю не о тебе лично, э-э-э... — Трудяга открыл красной рукой новую банку с пастой и запустил в нее пальцы. — Я говорю о людях вообще, об их поведении. Не мы их — так они нас. Правда, чинджеры утверждают, будто война противна их религии, будто они только обороняются и никогда не нападают первыми, но мы не должны им верить, даже если это чистая правда.

А вдруг им придет в голову сменить религию или свои убеждения? В хорошеньком положении мы тогда окажемся! Нет, единственное правильное решение — вырубить их теперь же и под самый корень!

Билл выключил бритву и сполоснул лицо тепловатой ржавой водой.

— Бессмыслица какая-то... Ладно, моя сестра, которой у меня нет, не пойдет замуж за чинджера. Ну а как насчет этого? — Он ткнул пальцем в надпись на дощатом настиле: «ВОДУ СПУСКАЙ — О ВРАГАХ НЕ ЗАБЫВАЙ». — Или этого? — Лозунг над писсуаром гласил: «ЗАКРОЙ ШИРИНКУ, ОХЛАМОН, — СЗАДИ ПРЯЧЕТСЯ ШПИОН!». — Даже если на минуту забыть, что никаких секретов, ради которых стоило бы пройти хоть милю, не то что двадцать пять световых лет, мы все равно не знаем, — как чинджер вообще может быть шпионом? Разве семифутовую ящерицу замаскируешь под рекрута? Ей и под Смертвича Дранга не подделаться, даром что они как родные бра...

Свет погас, и, словно произнесенное вслух имя вызвало его, как дьявола из преисподней, в бараке взорвался голос Смертвича.

— А ну по койкам, живо! Вы что, говнюки паршивые, не знаете, что идет война?

Билл, спотыкаясь, пробрался к своей койке в темноте барака, единственным освещением которого служили красные уголья Дранговых глаз. Заснул он мгновенно, как только голова коснулась твердокаменной подушки, но буквально через минуту сигнал побудки вышвырнул его из койки. За завтраком, пока Билл в поте лица резал эрзац-кофе на мелкие кусочки, чтобы их можно было проглотить, теленовости передали сообщение о тяжелых боях с крупными потерями в секторе бета Лира. По столовой пронесся стон, объяснявшийся отнюдь не взрывом патриотизма, а тем, что любые плохие новости означали для новобранцев ужесточение режима. Никто не знал, в чем это будет выражаться, но сам факт сомнения не вызывал. Так оно и вышло.

Утро выдалось чуть прохладнее, чем обычно, поэтому смотр, регулярно проводимый по понедельникам, перенесли на полдень, чтобы железобетонные плиты плаца успели хорошенько раскалиться и обеспечили максимальное число солнечных ударов. Билл, стоявший в заднем ряду по стойке смирно, заметил, как над

парадной трибуной воздвигли балдахин с кондиционером. Это сулило появление большого начальства. Предохранитель атомной винтовки продырявил Биллу плечо, на кончике носа собралась большая капля пота и струйкой сорвалась вниз. Краем глаза он видел, как по рядам солдат зыбью пробегают волны: сомкнутые в тысячную толпу люди то и дело падали в обморок. Их подхватывали бдительные медбратья и волокли к санитарным машинам. Здесь солдат укладывали в тень, чтобы, как только они придут в себя, пихнуть их обратно в строй.

Оркестр грянул: «Вперед, десантники, — и чинджеры разбиты!»; переданный в каждый каблук сигнал встряхнул ряды, поставил их по стойке «смирно», — и тысячи штыков сверкнули на солнце. К парадной трибуне подкатила машина генерала — о чем свидетельствовали две звезды, намалеванные на борту, и кругленькая фигурка шмыгнула из раскаленного ада в благодатную прохладу балдахина. Билл еще никогда не видел генерала так близко, по крайней мере спереди; однажды, возвращаясь поздно вечером с наряда, он заметил, как генерал садился в машину возле лагерного лекционного зала. Во всяком случае, Биллу показалось, что это генерал, хотя он видел его всего мгновение, и то сзади. Поэтому в памяти генеральский образ запечатлелся в виде огромной задницы, приставленной к крошечной муравьиной фигурке. Впрочем, столь же смутное представление сложилось у Билла и о других офицерах: рядовые не сталкивались с ними во время обучения. Однажды ему все же удалось как следует разглядеть лейтенанта второго ранга около канцеляции: он убедился хотя бы в том, что у офицера есть лицо! Был еще военный врач, читавший рекрутам лекцию о венерических болезнях, который оказался всего в тридцати футах от Билла. Билл, однако, о нем ничего сказать не мог, так как ему досталось место за колонной, и там он сразу захрапел.

Когда оркестр умолк, над войсками проплыли антигравитационные громкоговорители, и генерал произнес речь. Ничего стоящего курсанты и не надеялись услышать, а в конце, как и следовало ожидать, генерал объявил, что в связи с тяжелыми потерями на полях сражений программа обучения будет ускорена. Потом опять заиграл оркестр, новобранцы строем разошлись

по баракам, переоделись в свои власняницы и быстрым шагом отправились на стрельбище палить из атомных винтовок по пластиковым макетам чинджеров, выскакивавшим из подземных щелей. Стреляли вяло, пока из одной щели не высунулся Смертвич Дранг. Тут все стрелки переключились на автоматический огонь, и каждый влепил ему без промаха целую обойму, что безусловно было рекордом меткости. Но дым рассеялся — и ликующие вопли солдат сменились криками отчаяния, когда они сообразили, что разнесли в клочья всего лишь пластиковую копию, оригинал которой появился сзади и, щелкнув клыками, вкатил им по месяцу нарядов вне очереди.

— Человеческий организм — удивительная штука! — произнес месяц спустя Скотина Браун в столовой для нижних чинов, поедая сосиски, сваренные из уличных отбросов и обернутые целлофаном, и запивая их теплым водянистым пивом.

Браун когда-то пас на равнине тоатов, за что его и прозвали Скотиной: всем известно, что эти пастухи выделяют там со своими тоатами. Высокий, худой, с кривыми ногами и задубевшей кожей, он редко разговаривал, привыкнув к вечному безмолвию степей, нарушаемому лишь жутким воем потревоженных тоатов, но зато был великим мыслителем, благо времени для размышлений у него было хоть отбавляй. Каждую мысль он вынашивал неделями, и ничто в мире не могло прервать этот процесс. Он даже не протестовал, когда его обзывали Скотиной: любой другой солдат за это сразу врезал бы по морде. Билл, Трудяга и другие парни из десятого взвода, сидевшие за столом, восторженно заорали и захлопали в ладоши, как всегда, когда Скотина изрекал что-либо вслух.

— Давай, давай, Скотина!

— Смотри-ка, оно еще разговаривает! Я-то думал, оно давным-давно околело!

— Ну-ка, объясни, почему это организм — удивительная штука?

Все смотрели, как Скотина Браун с трудом откусил шматок сосиски, тщетно попытался разжевать его и наконец проглотил целиком, отчего на глазах у него

выступили слезы. Заглушив боль в горле глотком пива, Скотина продолжал:

— Человеческий организм — удивительная штука потому, что пока он не помер, он живет.

Солдаты сидели молча, пока не сообразили, что продолжения не будет. После чего дружно подняли Брауна на смех:

— Господи, вот уж действительно Скотина!

— Шел бы ты в офицерскую школу, болван!

— Что он хотел этим сказать, ребята?

Билл понял, что хотел сказать Скотина, но промолчал. К этому времени взвод поредел уже наполовину. Одного курсанта куда-то перевели, других держали в госпитале или в психушке, а прочих списали вчистую — что для правительства было удобнее всего — за непригодностью к строевой по причине увечий. Или по причине смерти. Выжившие, от которых остались кожа да кости, теперь наращивали мускулы и полностью приспособились к беспощадному режиму лагеря, хотя и ненавидели его по-прежнему.

Билл поражался эффективности системы. Штатские суетились из-за экзаменов, званий, степеней, пенсий и тысячи других вещей, которые тормозили производство, отвлекая от работы. А военные решили эту проблему одним махом. Они просто убивали слабейших и пускали в дело тех, кто выжил. Билл не мог не уважать эту систему. И одновременно испытывал к ней отвращение.

— А я знаю, чего хочу! Я бабу хочу! — заявил Урод Аглисвей.

— Только, пожалуйста, без похабщины, — тут же оборвал его Билл, воспитанный в строгих правилах.

— Ну какая же это похабщина? — заныл Урод. — Я же не говорю, что снова хочу записаться в армию, или что Смертвич — тоже человек, или какую-нибудь другую гадость. Я просто сказал, что мне баба нужна. А кому не нужна?

— А мне нужна выпивка! — заявил Скотина Браун, глотнул обезвоженного и заново разведенного пива, содрогнулся и выпустил сквозь зубы длинную струю на асфальт, откуда она мгновенно испарилась.

— Точно! Точно! — подвывал Урод, энергично тряся бородавчатой головой с колтуном на макушке. —

Баба и выпивка — вот чего я хочу! — Его нытье перешло в скорбные стенания. — Чего еще солдату нужно?

Курсанты долго ворочали эту мысль и так и эдак, но не смогли придумать, чего бы им еще хотелось по-настоящему. Трудяга Бигер выглянул из-под стола, где он исподтишка обрабатывал чей-то сапог, и пискнул, что ему бы не повредила банка сапожного крема, но общество проигнорировало его. Даже Билл, как ни старался, не мог придумать ничего кроме этой неразрывно связанной пары желаний. Он напрягался изо всех сил, смутно припоминая, что на гражданке у него были всякие другие желания, но ничего не приходило на ум.

— Эй! А ведь до первой увольнительной осталось всего семь недель, — сказал из-под стола Трудяга Бигер и тут же взвизгнул, получив пинки со всех сторон.

Казалось, что время топчется на месте, но на самом деле оно неутомимо шло вперед, и недели одна за другой уходили в небытие. Это были тяжелые недели, заполненные солдатской наукой: штыковым боем, стрельбой, изучением личного оружия, лекциями по ориентировке, маршировкой на плацу и зубрежкой воинского устава. Занятия по уставу проводились с удручающим постоянством дважды в неделю и были особенно мучительны из-за того, что нагоняли на солдат необоримую сонливость. При первых же звуках гнусавого голоса, записанного на пленку, курсанты начинали клевать носом. Но специальная аппаратура, подключенная к каждому сиденью, чутко регистрировала биотоки пленников. Как только кривые альфа-волн указывали на переход от бодрствования к дремоте, мощный электрический разряд впивался спящему прямо в зад, встряхивая его владельца и пробуждая ото сна болезненным ударом. Затхлая аудитория походила на камеру пыток, в которой глухое бормотание лектора прерывалось отчаянными воплями подвергнутых электрошоку, а из моря опущенных голов то и дело выпрыгивали неестественно скрюченные фигуры.

Никто толком и не вслушивался в длинный перечень жутких экзекуций и взысканий, положенных по уставу за самые невинные преступления. Все и так понимали, что, завербовавшись, лишились элементарных челове-

ческих прав, и подробное перечисление того, что они потеряли, абсолютно не волновало курсантов. Гораздо больше их интересовало, сколько часов осталось до первого отпуска.

Ритуал, которым сопровождалась выдача этой награды, был необычайно унизителен, но солдаты, потупив глаза и еле переставляя ноги, все же продвигались вперед в очереди, готовые пожертвовать последними крохами самоуважения в обмен на вожделенный клочок полиэтилена. После схватки за места в монорельсовом поезде они наконец отправились в путь по эстакаде, электрические опоры которой вздымались над колючей проволокой, натянутой вдоль колен на высоте тридцати футов.

Поезд пересек обширные пространства зыбучих песков и спустился к крошечному фермерскому городку Лейвиллу.

До появления неподалеку лагеря имени Льва Троцкого это был типичный маленький центр сельскохозяйственной округи, да и теперь, периодически, когда солдат не отпускали в увольнение, городок продолжал следовать своим начальным аграрным наклонностям. В остальное же время амбары и склады с фуражом стояли закрытыми, зато открывались двери борделей и баров. Впрочем, обычно одни и те же помещения с успехом выполняли разные функции. Стоило первой партии отпускников с грохотом вывалиться со станции, как в действие тут же приводился механизм, превращавший закрома с зерном в постели, а продавцов — в сутенеров; кассиры, правда, оставались при своем занятии, зато цены взлетали вверх, а прилавки прогибались под тяжестью стаканов. В одно из таких заведений — полусалун, полупохоронное бюро — и попал Билл со своими друзьями.

— Чего будем пить, ребята? — поднялся им навстречу вечно улыбающийся владелец бара «Последнее отдохновение».

— Двойной формальдегид, пожалуйста, — ответил Скотина Браун.

— Не хулигань! — сказал хозяин, согнав с лица улыбку и доставая бутылку, на которой из-под яркой этикетки «Настоящее виски» просвечивала гравировка «Формальдегид». — Будете безобразничать, так и военную полицию вызвать недолго. — Как только по прилавку застучали монеты, улыбка вернулась на место. — Травитесь на здоровье!

Они уселись вокруг длинного узкого стола с медными ручками по бокам и отделились блаженству, ощущая, как благословенный поток алкоголя оmyвает их забытые пылью глотки.

— Был и я трезвенником, пока в армию не попал, — мечтательно проговорил Билл, осушив стакан с жидкостью, убойной для печени, и протянув руку за новой порцией.

— А с какой стати тебе было тогда напиваться? — пробурчал Урод.

— Что правда, то правда, — подтвердил Скотина Браун, жадно облизывая губы и вновь поднося к ним бутылку.

— Фу-у, — протянул Трудяга Бигер, нерешительно делая первый глоток. — Похоже на смесь микстуры от кашля, опилок, сивушного масла и спирта.

— Лакай, лакай! — гудел Скотина сквозь бутылочное горлышко. — Все это полезные для организма вещи...

— А теперь — по бабам! — завопил Урод, и они ринулись к выходу, пытаясь протиснуться в дверь всем скопом и образовав в результате небольшой затор.

— Эй! — крикнул кто-то, и, обернувшись, солдаты увидели, что Трудяга Бигер остался сидеть за столом.

— Бабы! — крикнул ему Урод, как кричат, подзывая собаку и показывая ей аппетитную кость. Человеческий клубок в дверях зашевелился, нетерпеливо перебирая ногами.

— Я... Пожалуй, я обожду вас тут, — сказал Трудяга, улыбаясь глупее обычного. — Вы идите, ребята.

— Ты что — заболел, Трудяга?

— Да вроде нет.

— Не вышел еще из щенячьего возраста, а?

— Э-э-э...

— Да какие у тебя тут могут быть дела?

Трудяга нырнул под стол, вытащил брезентовый саквояж и вывалил на пол груды красных сапог.

— Почистишь маленько...

Они молча двинулись по деревянному тротуару.

— Интересно, что это с ним? — спросил Билл, но не дождался ответа.

Все смотрели вперед — туда, где над выщербленной мостовой сияла вывеска, ослепляя соблазнительными ярко-красными всполохами:

**ПРИЮТ ДЕСАНТНИКА.
СТРИПТИЗ БЕЗ АНТРАКТОВ!
ЛУЧШИЕ НАПИТКИ И РОСКОШНЫЕ ОТДЕЛЬНЫЕ
КАБИНЕТЫ ДЛЯ ГОСТЕЙ И ИХ ЗНАКОМЫХ.**

Они ускорили шаг. Фасад «Приюта» украшали витрины из пуленепробиваемого стекла, в которых виднелись объемные картинки полностью одетых (ленточка на чреслах и две звездочки) девиц, сменявшиеся их изображением в голом виде (без ленточки и с упавшими звездочками). Однако Билл немедленно охладил пыл разгоряченных приятелей, указав на маленькую табличку, затерявшуюся среди изобилия пышных мясистых грудей: «Только для офицеров».

— Мотайте отсюда! — рявкнул на них военный полицейский, замахнувшись электронной дубинкой.

Они побрели дальше. В следующее заведение пускали всех, но за вход брали семьдесят семь кредиток, что значительно превышало их объединенные ресурсы. Потом опять замелькали вывески «Только для офицеров», а там уж и тротуар кончился, и огни остались позади.

— Что бы это значило? — спросил Урод, уловив приглушенный гул голосов, доносившийся из соседнего переулка.

Вглядевшись во тьму, они увидели длинную солдатскую очередь, уходящую далеко вперед и исчезающую за поворотом.

— Что тут такое? — спросил Урод солдата, стоявшего последним.

— Бордель для нижних чинов. И не вздумай пролезть без очереди, козел! Взад давай, понял?

Билл оказался замыкающим, но ненадолго. Очередь медленно продвигалась вперед, подходили все новые солдаты, выстраиваясь в хвосте. Ночь выдалась холодная, и Биллу частенько приходилось прикладываться к бутылке, чтобы согреться. Солдаты вяло перебрасывались репликами, напряженно умолкая по мере приближения к освещенному красным фонарем входу. Дверь открывалась и закрывалась, с равномерными временными интервалами, и приятели Билла один за другим проскальзывали внутрь. Наконец подошла его очередь; дверь приоткрылась, Билл сделал шаг вперед — но тут внезапно завывали сирены, и необъятный полицейский втиснул в проход свое жирное брюхо.

— Тревога! Эй вы, марш на базу! — гаркнул он.

Билл рванулся к двери, вложив в приглушенный вопль все свои разбитые надежды, но легкое прикосновение электронной дубинки оглушило его и бросило в сторону, смешав с беспорядочно бегущей толпой. Людской поток потащил его вперед под завывание сирен и всполохи искусственного северного сияния, которое разливалось на небе ослепительным призывом «К ОРУЖИЮ!!!» длиной в сотню миль. Чья-то рука поддержала Билла, чуть было не затоптанного тяжелыми красными сапогами. Это оказался добрый старина Урод, на лице которого застыла такая глупая блаженная ухмылка, что Билл от зависти чуть не врезал ему по физиономии. Однако не успел он поднять кулак, как их уже втиснули в вагон и поезд помчался обратно в лагерь.

Биллова злость мгновенно улетучилась, как только шишковатая клешня Смертвича Дранга выволокла его из толпы.

— Быстро паковаться — и на погрузку!

— Но как же так... Мы еще не закончили обучение...

— Вас никто не спрашивает! Славная битва в космосе подходит к победоносному концу, четыре миллиона вышли из строя, плюс-минус пара сотен тысяч. Требуется пополнение, а это вы и есть! Немедленно приготовиться к погрузке! Одна нога здесь, другая там!

— Но у нас нет космического обмундирования! Склады...

— Обслуживающий персонал уже отправлен.

— Еда...

— Повара и кухонная обслуга уже в космосе. Военное положение: все, в ком нет особой необходимости, отправлены в первую очередь. Вполне возможно, что они уже подошли! — Смертвич итрово щелкнул клыками и мерзко осклабился. — А я останусь тут в полной безопасности и буду обучать новых рекрутов. — На локте его звякнул сигнал особого коммуникационного канала. Смертвич вскрыл капсулу, начал читать, и улыбка медленно сползла с его лица. — Меня тоже забирают! — глухо уронил он.

Глава 3

За время существования лагеря имени Льва Троцкого через него прошло 98 672 899 новобранцев, так что процесс погрузки был хорошо отработан и проходил без сучка без задоринки. Но теперь лагерю надлежало свернуться. Билл и его товарищи были последней группой, и лагерь, подобно змее, заглатывающей свой хвост, занялся самоистреблением. Парикмахеры, едва успев снять с голов солдат отросшие патлы и уничтожить при помощи ультразвуковой вошебойки вшей, бросились стричь и брить друг друга, в суматохе вместе с клочьями волос и пучками усов сдирая лоскутья кожи и окропляя все крутом каплями крови, а затем нырнули в вошебойку, втащив за собой механика. Фельдшеры принялись вкалывать себе сыворотку против ракетной лихорадки и космической депрессии, писари быстро выписывали себе аттестаты, в то время как ответственные за погрузку пинками загоняли всех оставшихся на скользкие сходни ракет.

Вспыхнули дюзы, столбы пламени алыми языками слизнули стартовые площадки, искрящимся фейерверком запылали сходни, ибо механики, ответственные за сохранность трапов, были уже на борту. Ракеты взревели и с грохотом умчались в черное небо, оставив внизу пустынный призрак лагеря. Листки распоряжений и реестры экзекуций шурша облетали со стендов, плясали на опустевших улицах и липли к стеклам освещенных

окон офицерского клуба, где шла грандиозная шумная пьянка, то и дело прерываемая возмущенными жалобами недовольных офицеров, которым пришлось перейти на самообслуживание.

Все выше и выше поднимались космические челноки, направляясь к гигантскому флоту, затмевавшему сияние звезд, — самому крупному флоту в Галактике, который фактически еще продолжал достраиваться. Ослепительно горели огни сварочных аппаратов, раскаленные заклепки описывали в небе широкие дуги и падали в контейнеры. Прекращение световых вспышек означало, что очередной левиафан космических просторов готов к полету, и в этот момент радиосеть оглашалась душераздирающими воплями рабочих, которых не пускали обратно на верфи, мгновенно зачисляя в команды построенных ими кораблей. Война была тотальной.

Билл пролез по извилистой пластиковой трубе, соединявшей челнок с космическим дредноутом, и бросил свой мешок к ногам главного старшины, сидевшего за столом в камере воздушного шлюза размерами с хороший ангар. Вернее, попытался бросить, так как сила тяжести отсутствовала, и мешок повис над полом. Когда же Билл попробовал подпихнуть его, то и сам взлетел кверху. (Поскольку тело в свободном состоянии, говорят, невесомо, а каждое действие рождает противодействие — или что-то в этом роде.) Старшина заржал и потянул Билла на палубу.

— Брось свои пехотные замашки, увалень! Имя?

— Билл. Пишется с двумя «л».

— Бил, — пробормотал старшина, облизнув перо и вписав имя круглыми неуверенными буквами в корабельную ведомость. — Два «л» положены только офицерам, понял, вонючка? Знай свое место! Квалификация?

— Рекрут необученный, неквалифицированный, от космоса блюющий.

— Ладно, только не вздумай блевать здесь, для этого у тебя есть свой кубрик. Теперь ты — малоопытный заряжающий 6-го класса. Вали в кубрик 34И-89Т-001. Шевелись! Да держи этот чертов мешок над головой!

Едва Билл отыскал свой кубрик и швырнул на койку мешок, который повис в пяти дюймах над матрацем из искусственной шерсти, как туда ввалились Трудяга Бигер, Скотина Браун и толпа незнакомцев с автогенами в руках и обозленными физиономиями.

— А где Урод и другие парни из взвода? — спросил Билл.

Скотина пожал плечами и пристегнулся ремнями к койке, надеясь маленько всхрапнуть. Трудяга развязал один из шести мешков и достал оттуда несколько пар сапог, явно нуждающихся в чистке.

— Спасен ли ты? — послышался из дальнего кубрика чей-то глубокий проникновенный бас. Билл удивленно обернулся, и, заметив его заинтересованность, огромный солдат направил на него гигантский указующий перст.

— О брат мой, обрел ли ты вечное спасение?

— Кто ж его знает, — промямлил Билл, наклонился и принялся рыться в своем мешке, надеясь, что солдат отстанет. Однако тот не только не отстал, но пробрался через кубрик и уселся рядом на койку. Билл попробовал проигнорировать его, но это было не так-то просто, учитывая рост незнакомца — более шести футов, его недюжинную мускулатуру и железные челюсти. Кожа у солдата была чудесного черного цвета с пурпурным отливом, что вызвало у Билла легкое чувство зависти, так как сам он был серовато-розовым. Корабельная форма по цвету мало отличалась от кожи солдата, и он казался выточенным из цельного куска камня, на котором эффектно выделялись белки глаз и белозубая улыбка.

— Приветствую тебя на борту «Фанни Хилл», — сказал он и чуть не раздавил правую кисть Билла в дружеском рукопожатии. — Она в нашем флоте уже старушка, построена почти неделю назад. Что касается меня, то я — преподобный заряжающий 6-го класса Тембо, а по ярлыку на твоём вещевом мешке я вижу, что тебя зовут Билл, а раз уж мы с тобой в одной команде, Билл, то зови меня просто Тембо, а кстати — заботишься ли ты о спасении души?

— В последнее время мне некогда было об этом задумываться...

— Ну еще бы! Ты же с рекрутского обучения, а в это время посещение церкви считается воинским пре-

ступлением. Однако теперь все позади, можно подумать и о душе. Какого ты вероисповедания?

— Мои предки были фундаментальными зороастрийцами, значит, и я...

— Суеверие, мой мальчик, чистой воды суеверие! Сама судьба свела нас на этом корабле, дабы дать твоей душе последний шанс на спасение от геенны огненной. Ты слышал о Земле?

— Нет, я привык к простой пище...

— Это планета, мальчик мой, колыбель человеческой расы, откуда мы все ведем свое происхождение. Смотри, какой это прекрасный зеленый мир, это просто жемчужина космоса! — Тембо вытащил из кармана миниатюрный проектор, и на переборке возникло красочное изображение планеты, изящно плывущей в пустоте и окутанной легким покровом облаков. Внезапно белую пелену прорезала ярко-красная молния, облака вспенились и закипели, а на поверхности планеты возникли зияющие раны. Из портативного репродуктора раздался стонущий гул взрыва. — Но возникли распри меж сынами человеческими, и поражали они друг друга атомными ударами до тех пор, пока не возопила Земля, и страшен был вопль ее гибели! И когда смолкли последние взрывы, то была смерть на севере, и смерть на востоке, и смерть на западе, смерть, смерть, смерть... Понимаешь ли ты, что произошло? — Исполненный глубокого чувства голос Тембо сорвался, будто он и в самом деле ждал ответа на этот риторический вопрос.

— Не знаю, — сказал Билл, роясь без всякой надобности в своем мешке. — Я-то сам с Фигеринадона-2, это тихое местечко...

— Смерти не было НА ЮГЕ! А почему, спрашиваю я, был спасен Юг? И ответ на это: такова воля Самеди, чтобы ложные религии, ложные пророки и ложные боги были стерты с лица Земли и осталась лишь истинная вера — Первая Реформированная Церковь Водуистов *...

Тут зазвенел сигнал тревоги, настроенный таким образом, чтобы вызвать в черепной коробке резонирующие колебания, казалось, будто голову засунули внутрь

* Воду — культ, распространенный на некоторых Антильских островах, в том числе на Ямайке, Гаити и др. Самеди — один из фольклорных персонажей этого культа. (Примеч. пер.)

гигантского колокола, с каждым ударом которого глаза вылезали из орбит. Образовав у входа небольшую свалку, солдаты ринулись в коридор, где жуткий звон был чуть менее оглушительным и где их уже поджидали унтер-офицеры, готовясь загнать всех на боевые посты. Вслед за Трудягой Бигером Билл вскарабкался по скользкой лесенке и через люк попал в крюйт-камеру. Огромные стеллажи с зарядами тянулись вдоль стен, от верхних полок отходили кабели толщиной в руку и исчезали где-то в потолке. Перед стеллажами в палубе на равных расстояниях были проделаны круглые отверстия диаметром около фута.

— Буду краток: малейший проступок — и я лично спущу любого из вас в зарядный люк вниз головой. — Сальный палец указал на дырку в палубе, и всем стало ясно, что перед ними новое начальство. Оно было ниже, шире и толще Смертвича, но родовое сходство было несомненно. — Я — заряжающий 1-го класса Сплин. Или я сделаю из вас, то есть из гнусного сухопутного дерьма, умелых и опытных заряжающих, или спущу вас в ближайший люк. Наша техническая специальность требует высокой квалификации и навыка; обычно на ее освоение уходит как минимум год, но сейчас война, и вам придется ее освоить немедленно, иначе... Сейчас я вам покажу, как это делается. Тембо, марш из строя! Полка 19К-9 отключена от сети.

Тембо щелкнул каблуками и встал по стойке «смирно» возле указанной полки, на которой рядами стояли заряды — белые керамические цилиндры с металлическими крышками на концах. Каждый пятифутовый цилиндр, диаметром около фута, весил 90 фунтов и был опоясан красной полосой. Заряжающий 1-го класса Сплин щелкнул по ней ногтем:

— Такой лентой снабжен каждый заряд; она называется зарядной лентой и имеет красный цвет. Когда заряд сгорает, цвет ленты меняется на черный. Все сразу вы конечно не запомните, но у вас есть инструкции, которые вы должны зазубрить, чтобы от зубов отскакивало, иначе... Тембо, вон сгоревший заряд! ПО-ЩЕЛ!

— Ух-х! — выкрикнул Тембо, прыгнул к заряду и обхватил его обеими руками. — Ух-х-х! — повторил он, вытаскивая заряд из зажимов и бросая его в открытый люк. Затем с таким же уханьем он сдернул с полки

новый заряд, закрепил его и, ухнув напоследок, застыл по стойке «смирно».

— Вот как это делается по-солдатски! И вам придется делать так же, иначе... — Его прервал глухой гудок, похожий на подавленную отрыжку. — Сигнал на жратву. Придется вас распустить, но пока будете жрать, повторяйте все, чему я вас тут учил... Разойдись!

Они вышли в коридор и влились в густой поток солдат, спускавшихся в глубь корабельного чрева.

— Как думаешь, жратва-то тут хоть получше лагерной или как? — спросил Трудяга Бигер, возбужденно причмокивая губами.

— Хуже она быть не может, это исключено, — ответил Билл, становясь в очередь к двери с табличкой «СТОЛОВАЯ ДЛЯ НИЖНИХ ЧИНОВ № 2». — Любое изменение будет к лучшему. Мы ж теперь, как ни крути, боевые солдаты, верно? А в бой нужно идти в хорошей форме, так в уставе сказано.

Очередь двигалась томительно медленно, но за час они все же добрались до двери. За дверью усталый дневальный в засаленном комбинезоне вручил Биллу желтую пластмассовую чашку. Билл двинулся дальше и, когда подошла его очередь, очутился перед голой стеной, из которой одиноко торчал кран без ручки. Жирный повар в огромном белом колпаке и грязной майке махнул ему половником:

— Шевелись, шевелись, ты что — никогда не ел, что ли! Чашку под кран, жетон в прорезь, да поживее!

Билл подставил чашку и заметил на уровне глаз узкую прорезь в стальной переборке. Туда он засунул жетон, висевший у него на шее. Послышалось жужжание, и из крана вытекла тоненькая струйка желтоватой жидкости, наполнив чашку до половины.

— Следующий! — заорал повар и, оттолкнув Билла, освободил место для Трудяги.

— Что же это такое? — спросил Билл, изучая свою чашку.

— Что такое! Что такое! — Повар аж побагровел от ярости. — Твой обед, тупая скотина! Химически чистая вода, в которой растворено восемнадцать аминокислот, шестнадцать витаминов, одиннадцать минеральных солей, эфиры жирных кислот и глюкоза! А ты чего хотел?!

— Пообедать... — с надеждой проговорил Билл, и тут же из глаз у него посыпались искры от удара половником по голове. — Ну можно хотя бы без этих... жирных эфиров? — успел он крикнуть, прежде чем повар вытолкал его в коридор, где к нему присоединился Трудяга.

— Э-э-э... — сказал Трудяга. — Значит, тут все необходимые элементы для поддержания жизни почти до бесконечности. Здорово, правда?

Билл глотнул из чашки и печально вздохнул.

— Глянь-ка, — сказал Тембо, и Билл увидел на стене коридора кадр из проектора: туманный небосвод и облака с оседлавшими их крохотными человечками. — Тебя ожидает ад, мой мальчик, если ты не приобщишься к благодати. Отринь же ересь! Первая Реформированная Церковь Водуистов открывает тебе объятия, прильни же к ее груди и займи место на небесах по правую руку от Самеди!

Картина изменилась: облака стали гуще, из репродуктора под звуки тамтама полилось пение ангельского хора. Фигурки приблизились — все как одна чернокожие, в белых одеяниях, из-под которых торчали большие черные крылья. Ангелы улыбались, изящно махали друг другу крыльями, пролетая мимо верхом на облаках, и вдохновенно пели, барабани по маленьким тамтамам. Сценка была чудо как хороша, Билл чуть не прослезился.

— СМИР-Р-НА!

Лающий возглас гулким эхом обрушился со стен, солдаты расправили плечи, сдвинули каблуки и выкатили глаза. Божественный хор умолк: Тембо сунул проектор в карман.

— Равняйся! — скомандовал заряжающий 1-го класса Сплин.

Скосив глаза, солдаты смотрели на двух военных полицейских с пистолетами в руках — телохранителей офицера. Билл догадался, что это офицер: во-первых, они проходили специальный курс «Определение офицера», а во-вторых, в сортире висела картинка «Знай своих офицеров», которую он имел возможность досконально исследовать во время приступа дизентерии. У Билла аж челюсть отвисла от изумления, когда офи-

цер прошел мимо него на расстоянии вытянутой руки и остановился перед Тембо.

— Заряжающий 6-го класса Тембо, я принес тебе радостную весть. Ровно через две недели истекает семилетний срок твоей службы. Учитывая безупречный характер твоего послужного списка, капитан Зекиаль распорядился удвоить сумму обычного выходного пособия, демобилизовать тебя с почетом под барабанный бой и доставить обратно на Землю.

Тембо спокойно и твердо глядел сверху вниз на коротышку лейтенанта, покусывавшего обглоданные белесые усики.

— Это невозможно, сэр!

— Невозможно? — проскрипел лейтенант, расклаваясь взад-вперед на высоких каблуках. — Да кто ты такой, чтобы указывать мне, что возможно, а что нет?!

— Я не указываю, сэр, — невозмутимо ответил Тембо. — Пункт 13-9А, параграф 45, страница 8923, том 23 «Правил, распоряжений и дисциплинарных уложений» гласит: «В период военного положения нижний чин или офицер может быть уволен со службы на корабле, базе или в лагере только если он приговорен судом к смертной казни...»

— Ты что, корабельный юрист, а, Тембо?

— Никак нет, сэр! Я солдат, сэр. Стремлюсь выполнять свой долг, сэр.

— Темнишь ты, Тембо! Я ведь видел твой послужной список и помню, что в армию ты пошел добровольно, без всяких наркотиков или гипноза. А теперь еще и от демобилизации отказываешься! Плохо, Тембо, очень плохо! Это бросает тень на твое имя. Все это чертовски подозрительно! А может, ты шпион, Тембо?

— Я верный солдат императора, сэр, а не шпион.

— Да, ты не шпион, Тембо, мы тщательно тебя проверили. Но зачем ты все-таки завербовался в армию, Тембо?

— Чтобы стать верным солдатом императора, сэр, и по мере сил своих распространять Слово Божие. Спасены ли вы, сэр?

— Придержи язык, солдат, или я закую тебя в кандалы! Слыхали мы эту сказочку, *преподобный*, да не верим в нее. Как ты ни хитер, а мы тебя выведем на чистую воду!

Офицер засеменил прочь, что-то бормоча себе под нос, и никто не посмел шелохнуться, пока он не скрылся из виду. Солдаты посматривали на Тембо как-то странно, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Билл и Трудяга медленно побрели в свой кубрик.

— Отказаться от демобилизации! — повторял Билл с благоговейным ужасом.

— Слушай, а он не псих? — сказал Трудяга. — Другого-то объяснения, пожалуй, и быть не может.

— Психом до *такой* степени быть невозможно. Смотри-ка, интересно, что это? — Билл показал на дверь с надписью «Посторонним вход категорически воспрещен».

— Черт... не знаю... может — еда?

В тот же миг они оказались за дверью и плотно прикрыли ее за собой. Однако едой там и не пахло. Они стояли в длинном помещении с круто изогнутой стеной, на которой были укреплены какие-то устройства, похожие на гигантские огурцы, усеянные бесчисленными счетчиками, циферблатами, переключателями и снабженные телеэкраном и пусковым механизмом. Билл наклонился к ближайшему и прочел табличку:

— **ЧЕТВЕРТЫЙ АТОМНЫЙ БЛАСТЕР.** Ты только погляди, какие громадины! Похоже, это главная корабельная батарея. — Он обернулся и увидел, что Трудяга, подняв одну руку и повернув циферблат своих часов в сторону орудий, указательным пальцем другой руки нажимает на кнопку завода.

— Ты что делаешь? — спросил он.

— Я... это... Просто смотрю, который час.

— Так ты же ничего не видишь, циферблат-то глядит в другую сторону!

Услышав чьи-то гулкие шаги на батарейной палубе, они сразу вспомнили о запрещающей надписи на двери и пулей вылетели в коридор. Билл бесшумно притворил дверь, обернулся — но Трудяги уже и след простыл. Когда Билл вернулся в кубрик, Бигер усердно полировал чей-то сапог и даже не повернул к нему головы.

А все-таки, что он там вытворял со своими часами?

Глава 4

Этот вопрос изводил Билла все время, пока длилось изнурительное обучение профессии заряжающего. Упражнения, требовавшие точности и известных технических навыков, поглощали все его внимание, но в свободные минуты Билла одолевало беспокойство. Он думал об этом, стоя в очереди за обедом, терзался каждую ночь, перед тем как забыться тяжелым дурманящим сном. Он мучился всякий раз, когда выдавалась свободная минутка, и даже похудел. Похудел он, правда, не только из-за мучительных сомнений. Корабельная кормежка! Она служила только одной цели: поддерживать в солдатах жизнь. Но какую жизнь! Жалкую, безотрадную, полуголодную. Впрочем, Билл над этим не задумывался. Перед ним стояла куда более важная проблема, и он нуждался в помощи.

После воскресных занятий, в конце второй недели пребывания на корабле, он, вместо того чтобы ринуться в столовую с остальными, задержал заряжающего 1-го класса Сплина.

— У меня проблема, сэр.

— Пустяки, один укол, и все пройдет. Говорят, без этого никогда не станешь мужчиной.

— У меня другая проблема, сэр. Я хотел бы... я хотел бы поговорить с капелланом.

Сплин побледнел и прислонился к переборке.

— Я ничего не слышал, — просипел он. — Мотай в столовую, и, если сам не проболтаешься, я буду нем как рыба.

Билл зарделся.

— Очень сожалею, сэр, но это необходимо. Я не виноват, что мне нужно поговорить с ним, такое со всяким может случиться...

Голос Билла становился все глуше, он смущенно шаркал подошвами и внимательно рассматривал носки своих сапог. Молчание затянулось; когда Сплин наконец заговорил, товарищеские нотки из его голоса полностью испарились.

— Ладно, солдат, раз ты настаиваешь... Надеюсь, остальные парни об этом не пронюхают. Пропусти обед и отправляйся сейчас же. Вот пропуск.

Он нацарапал что-то на клочке бумаги, презрительно швырнул его, развернулся и зашагал прочь, оставив Билла униженно ползать по полу.

Судя по корабельному указателю, капеллан занимал каюту 362-В на 89-й палубе. Билл спускался в бесчисленные люки, петлял по коридорам, карабкался по сходам, пока наконец не оказался перед металлической дверью, утыканной заклепками. От усталости на лбу у него выступили крупные капли пота, в глотке пересохло. Он поднял руку и тихо постучал.

Через несколько мучительно долгих секунд раздалось глуховатое:

— Да, да, войдите. Не заперто.

Билл вошел и тут же вытянулся по стойке «смирно», увидев офицера, который сидел за письменным столом, почти целиком заполнявшим крохотную каюту. Лейтенант четвертого ранга был еще молод, но уже совершенно лыс. Под глазами у него залегли черные тени, на подбородке отросла щетина, измятый галстук съехал набок. Офицер рылся в грудѣ бумаг, заваливших весь стол, раскладывал их в кучки, на одних делал пометки, другие выбрасывал в переполненную мусорную корзину. Когда он отодвинул одну из стопок, Билл увидел на столе табличку: «ОФИЦЕР-КАСТЕЛЯН».

— Извините, сэр, — сказал Билл, — я, верно, ошибся и попал не в ту каюту. Я ищу капеллана.

— Это и есть каюта капеллана, но он дежурит с 13.00, даже такой болван, как ты, мог бы догадаться, что надо подождать еще 15 минут.

— Благодарю вас, сэр. Я зайду позже. — Билл попятился к двери.

— Ты останешься здесь и будешь работать. — Офицер поднял на Билла налитые кровью глаза и злорадно хихикнул. — Раз ты мне попался — рассортируешь квитанции на носовые платки. Я где-то затерял тут 600 сморкалок. Знаю, что пропасть они не могли, но... Думаешь, легко быть офицером-кастеляном?

Он шмыгнул носом от жалости к себе и пихнул Биллу грудку квитанций. Билл принялся их разбирать, но тут прозвучал звонок, возвестивший окончание вахты.

— Так я и знал! — плаксиво завопил офицер. — Эту проклятую работу чем больше делаешь, тем больше остается! А ты еще воображаешь, будто у тебя могут быть какие-то проблемы!

Дрожащими пальцами он перевернул табличку на столе. Теперь на ней красовалась надпись «КАПЕЛЛАН». Лейтенант ухватился за кончик галстука и с силой закинул его за правое плечо. Галстук был пришит к воротничку, который на специальных подшипниках легко скользил по рубашке. Воротничок с тихим жужжанием развернулся задом наперед, явив взору Билла белоснежную гладкую поверхность; галстук остался где-то за спиной.

Капеллан молитвенно сложил ладони, опустил глаза долу и сладко улыбнулся:

— Чем могу помочь, сын мой?

— Я думал, вы офицер-кастелян, сэр! — ошеломленно произнес Билл.

— Да, сын мой, и это далеко не единственное бремя, возложенное на мои слабые плечи. В эти трудные времена мало кто нуждается в капелланах, а спрос на офицеров-кастелянов велик. Стараюсь приносить пользу. — И он смиренно склонил голову.

— Но вы... кто же вы все-таки? Офицер-кастелян и по совместительству капеллан или капеллан и по совместительству офицер-кастелян?

— Тайна сия велика есть, сын мой. Существуют явления, в суть которых лучше не вникать. Но я вижу, что душа твоя в смятении. Скажи, веруешь ли ты?

— Во что?

— Это я *тебя* спрашиваю, во что? — рявкнул капеллан, в облике которого на миг проступили черты офицера-кастеляна. — Как я могу помочь тебе, если не знаю, какую религию ты исповедуешь?

— Фундаментальный зороастризм.

Капеллан вытащил из стола оклеенный целлофаном список и стал водить по нему пальцем.

— За... зе... Зоофилия... Зороастризм реформированный фундаментальный. Этот?

— Да, сэр.

— Что ж, все очень просто, сын мой... 21-52-05... — Он быстро набрал номер на диске, встроенном в крышку стола, а затем широким жестом, блеснув вдохновенным пророческим взором, смахнул всю бумажную груду на пол. Скрипнул потайной механизм, часть столешницы опустилась, и тут же поднялась обратно вместе с пластиковой черной шкатулкой, украшенной золочеными изображениями вздыбленных быков. — Минуточку! — сказал капеллан, открывая шкатулку.

Он развернул длинную белую полосу материи, затканной золотыми фигурками быков, и намотал ее на шею. Потом положил рядом со шкатулкой толстенную книгу в кожаном переплете, а на крышку водрузил двух металлических быков с углублениями на крестцах. В одно углубление он налил из пластмассовой фляжки дистиллированную воду, в другое — благовонное масло, которое тут же поджег. Билл наблюдал эти приготовления с чувством растущей радости.

— Какой счастливый случай, что вы тоже оказались зороастрийцем, — сказал он. — Теперь мне будет легче вам довериться.

— Никаких случайностей, сын мой, просто хорошая подготовка. — Капеллан бросил в пламя щепотку порошка хаомы*; у Билла аж в носу засвербело от пряного аромата курений. — По милости Ахурамазды я помазанный жрец зороастризма; по воле Аллаха — верный муэдзин ислама; по соизволению Иеговы — обрезанный рабби и так далее. — Тут его благостное лицо исказилось злобным оскалом. — А из-за нехватки офи-

* Хаома, хом — священное растение, сок которого выжимается во время главного зороастрийского богослужения. (Примеч. ред.)

церов еще и долбаный офицер-кастелян! — Чело его вновь прояснилось. — А теперь поделись со мной своими тревогами.

— Это так трудно... Возможно, я слишком подозрителен, но меня беспокоит поведение одного из моих друзей. В нем есть что-то странное. Как бы это сказать...

— Доверься мне, сын мой, поведай свои сокровенные помыслы и ничего не опасайся. Что бы ты ни сказал — все останется в стенах этой каюты, ибо я свято блюду тайну исповеди согласно обетам и призванию. Облегчи душу свою.

— Вы очень добры. Мне уже и так полегчало. Понимаете, мой приятель немного со сдвигом: чистит всем сапоги, добровольно дежурит в сортире, девчонками не интересуется...

Капеллан благостно закивал, мановениями руки подгоняя к ноздрям наркотические волны фимиама.

— Не вижу причин для беспокойства. Похоже, он славный малый. Разве не учит нас «Вендидад» *, что мы должны помогать ближнему, разделять бремя его и не гоняться по улицам за блудницами.

Билл нахмурился:

— Все это хорошо для воскресной школы, но в армии так себя не ведут. Мы думали, он просто чокнутый; возможно, так оно и есть, но дело не в этом. Мы с ним случайно попали на батарею, и я увидел, как он направил свои часы на орудия, нажал на головку завода, и в часах что-то щелкнуло. А вдруг это фотоаппарат? Я... Я думаю — он чинджеровский шпион!

Билл откинулся на спинку стула, тяжело дыша и обливаясь потом. Наконец он выговорил это страшное слово вслух.

Капеллан продолжал кивать и улыбаться, явно одурманенный ароматом хаомы. Потом, очнувшись, высморкался и раскрыл толстую книгу «Авесты». Он прочел какой-то отрывок на древнеперсидском, что, вероятно, его несколько взбодрило, и захлопнул книгу.

— Не лжесвидетельствуй! — загремел он с грозным видом, уставив на Билла обвиняющий перст.

* «Вендидад» («Закон против демонов даэва») — часть «Авесты», священного канона зороастризма. (Примеч. ред.)

— Вы не так меня поняли, — простонал Билл, ерзая на стуле. — Он же в самом деле что-то мудрил с часами! Я видел это совершенно отчетливо! Ничего себе — получил моральную поддержку!

— Я говорю это дабы укрепить в тебе веру, сын мой, пробудить в тебе чувство вины и напомнить о необходимости регулярно посещать храм божий. Ты уклонился с истинного пути!

— Не виноват я! В период рекрутского обучения ходить в церковь категорически запрещено!

— Обстоятельства не снимают греха, но на сей раз ты будешь прощен, ибо безгранично милосердие Аху-рамазды.

— А как насчет моего приятеля? Этого шпиона?

— Забудь свои подозрения, они недостойны верного адепта Зороастра. Бедный мальчик не должен пострадать из-за своей естественной склонности к дружелюбию, человеколюбию и любви к чистоте или из-за того, что в его испорченных часах что-то щелкает. Если он шпион, он должен быть чинджером, а чинджеры — семифутовые ящеры с хвостом. Понял?

— Да, конечно, — с несчастным видом промямлил Билл. — Это я и сам понимаю, но все равно не ясно...

— Если такое объяснение удовлетворяет меня, то тебе его и подавно достаточно. Видно, крепко Ариман овладел твоей душой, если ты так плохо думаешь о своем друге. Придется наложить на тебя епитимью — давай-ка быстренько помолимся вместе, пока не вернулся офицер-кастелян.

По окончании недолгого ритуала Билл помог убрать культовые предметы в шкатулку, которая тут же исчезла в недрах стола, а затем, попрощавшись, направился к двери.

— Минутку, сын мой, — сказал капеллан, просияв лучезарной улыбкой, завел руку за спину и ухватился за кончик галстука. Как только воротничок вернулся в исходное положение, благодушная улыбка мгновенно сменилась злобной гримасой. — Ты куда лыжи навострил, сукин сын?! Сидеть!

— Н-но, — начал заикаться Билл, — но вы же отпустили меня.

— Это капеллан тебя отпустил, а я как офицер-кастелян не имею к нему никакого отношения. А теперь —

быстро — имя чинджеровского шпиона, которого ты укрываешь!

— Я же говорил об этом на исповеди!

— Ты говорил с капелланом, а он сдержал слово и тайны твоей не выдал — я просто случайно услышал ваш разговор. — Офицер нажал красную кнопку на панели. — Военная полиция уже в пути. Выкладывай, пока нет полицейских, ублюдок, а то протащу тебя под килем без скафандра и лишу обеда на год вперед! Имя!

— Трудяга Бигер, — прорыдал Билл; в это мгновение в коридоре послышался громкий топот и два амбала в красных шлемах ввалились в крошечную каюту.

— Нашел для вас шпиона, ребята, — торжествующе заявил офицер-кастелян.

Полицейские оскалились, набрали в легкие воздуха и бросились на Билла. Обливаясь кровью, он рухнул под ударами кулаков и дубинок; подоспевший кастелян еле вырвал его из рук этих дегенератов с гипертрофированной мускулатурой и необычайно близко посаженными глазами.

— Да не он это... — задыхаясь, сказал офицер, бросив Биллу полотенце, чтобы тот вытер кровь с лица. — Это наш стукач, доблестный герой-патриот, который заложил своего друга по имени Трудяга Бигер. Сейчас мы схватим этого негодяя, закуем в кандалы, а потом хорошенько допросим. Вперед!

Полицейские подхватили Билла и понеслись по коридору. От ветерка, возникшего в результате их стремительного движения, несчастному даже немного полегчало. Офицер-кастелян приоткрыл дверь в кубрик заряжающих, просунул в нее голову и жизнерадостно крикнул:

— Привет, ребята! Трудяга Бигер здесь?

Бигер оторвался от очередного сапога, махнул рукой и улыбнулся:

— Вот он — я!

— Взять! — завопил офицер, отпрыгивая в сторону и показывая на Трудягу обличающим пальцем.

Полицейские ринулись в кубрик, бросив Билла у двери. Когда он поднялся на ноги, Трудяга уже был схвачен, скован по рукам и ногам, но продолжал улыбаться.

— Э-э-э... Ребята, вам, должно быть, сапоги надо почистить?

— А ну заткнись, шпион поганый! — взвизгнул офицер-кастелян, и, размахнувшись, врезал кулаком в эту нахальную улыбку. Вернее, хотел врезать — потому что Бигер так крепко вцепился зубами в ударившую его руку, что офицер никак не мог ее вырвать. — Он меня загрызет! Загрызет! — взвыл кастелян, тщетно пытаясь освободиться.

Оба полицейских, прикованные наручниками к Трудяге, подняли дубинки, чтобы задать ему как следует. В это мгновение верхушка черепа Трудяги отскочила, как крышка от шкатулки. Случись такое в обычной обстановке, зрелище и то показалось бы странным, сейчас же оно произвело просто потрясающее впечатление. Все, включая Билла, остолбенев, смотрели, как из открытого черепа Трудяги выскочила семидюймовая ящерица и плюхнулась на пол, оставив на нем довольно заметную вмятину. Ящерица была ярко-зеленая, с четырьмя крошечными ручонками, длинным хвостом и головой, похожей на рыльце детеныша крокодила: ну вылитый чинджер, только росту в ней было семь дюймов, а вовсе не футов!

— Все люди — козлы вонючие! Чинджеры никогда не потеют! Да здравствуют чинджеры! — пискнула ящерица голосом Бигера и метнулась через кубрик к койке Трудяги.

Всеобщий паралич еще не прошел. Солдаты застыли, окаменев от изумления и бессмысленно тараща выпученные глаза. Офицера-кастеляна пригвоздили к месту сомкнутые на его кисти челюсти, полицейские пытались высвободиться из наручников, приковавших их к неподвижному телу Бигера. Только Билл сохранил способность к действиям и, несмотря на то что голова у него еще кружилась от побоев, попытался схватить зверюшку. Крошечные коготки впились ему в ладонь, неизвестная сила сбила с ног, швырнула через кубрик и шваркнула о переборку.

— Вот тебе, стукач! — пискнул тоненький голосок.

Никто и глазом моргнуть не успел, как рептилия шмыгнула к вещевому мешку Трудяги, разорвала его и нырнула внутрь. Что-то пронзительно загудело, и из мешка высунулось блестящее острие, похожее на снаряд. Через мгновение в воздухе повис миниатюрный — не более двух футов в длину — космический корабль. Он повернулся вокруг вертикальной оси, нацелился

носом в переборку и замер. Гудение усилилось, перешло в звенящий визг, корабль рванулся вперед и прошел сквозь металлическую стену, будто через мокрую картонку. Послышалось еще несколько яростных взвизгов — это корабль продырявил другие переборки, — а затем душераздирающий скрежет оповестил, что аппарат прорвал обшивку дредноута и вышел в космос. Воздух с ревом устремился в пустоту, зазвенели колокола тревоги.

— Черт меня побери... — ошеломленно пробормотал офицер-кастелян и вдруг завопил: — Да уберите же наконец эту сволочную штуковину, пока она меня до смерти не загрызла!

Оба полицейских все еще боролись с наручниками, прочно сковавшими их с телом бывшего Трудяги. Сам же Трудяга Бигер только пялил глаза и глупо ухмылялся, намертво вцепившись зубами в кисть офицера. Билл схватил атомную винтовку, сунул ствол между челюстями Бигера и освободил зажатую руку. Производя эти манипуляции, он заметил, что черепная крышка Трудяги отскочила по проходившей над ушами линии и что держалась она на блестящем медном шарнире. Внутри открытого черепа вместо мозгов находился великолепно оборудованный командный пункт с креслицем, крошечной приборной панелью, телеэкраном и системой воздушного охлаждения. Как выяснилось, Трудяга был просто роботом, управляемым той ящерицей, которая сбежала в космическом снаряде. Она была совсем как чинджер — только ростом не более семи дюймов.

— Ну надо же! — сказал Билл. — Трудяга, значит, просто робот, а управляла им эта зверюшка, которая сейчас смылась. Она же вылитый чинджер, только семи дюймов ростом...

— Семь дюймов, семь футов — какая разница! — раздраженно буркнул офицер-кастелян, обматывая руку носовым платком. — Мы не обязаны сообщать каждому рекруту об истинных размерах противника или о том, что они живут на планете 10-Г. У нас, парень, другая задача: поддерживать в вас боевой дух.

Глава 5

Теперь, когда Трудяга Бигер оказался чинджеровским шпионом, Билл совсем осиротел. Скотина Браун, который и раньше не отличался разговорчивостью, совсем замолчал, так что Биллу не с кем было даже полаяться. Из старых приятелей по лагерю имени Льва Троцкого на батарею остался только Браун, а новые сослуживцы держались обособленно, собирались в кружок и разговаривали полупшепотом, бросая на Билла косые взгляды через плечо, когда он оказывался поблизости. Часы досуга они посвящали сварке: после каждой вахты врубали свои аппараты и приваривали все металлические предметы к полу, чтобы во время следующей вахты отодрать их обратно — идиотское времяпрепровождение, но, похоже, им это нравилось. Поэтому Биллу не оставалось ничего другого, как заводить воображаемые споры с Трудягой.

— Видишь, в какую передрагу я попал из-за тебя! — скулил он.

Бигер только улыбался, ничуть не тронутый жалобами.

— По крайней мере закрой свою черепушку, когда с тобой разговаривают! — злился Билл и протягивал руку, чтобы захлопнуть крышку на голове Трудяги.

Но это ничего не меняло. Бигер все равно мог только улыбаться. Никогда ему уже не чистить сапоги. Теперь он стоял неподвижно, придавленный к полу собственной тяжестью и магнитными подковами, а заряжающие

вешали на него грязное белье и сварочные аппараты. Бигер простоял так уже целые три вахты, и никто не знал, что с ним делать дальше, но тут наконец появились военные полицейские с ломami, погрузили Бигера на ручную тележку и увезли.

— Прощай! — крикнул ему вслед Билл и помахал рукой. Потом, продолжая начищать свой сапог, добавил: — Ты был хорошим парнем, даром что чинджевровский шпион.

Скотина Браун на это никак не отреагировал, сварщики с Биллом не разговаривали, а преподобного Тембо он сам старательно избегал.

Ветеранша флота «Фанни Хилл» все еще находилась на орбите — на ней устанавливали двигатели. Делать было почти нечего, так как предсказание заряжающего 1-го класса Сплина не сбылось и на овладение тонкостями профессии понадобилось значительно меньше года — фактически на это хватило пятнадцати минут. В свободное время Билл шатался по кораблю, обследуя все закоулки, гуляя повсюду, куда пропускала военная полиция, дежурившая в переходах, и даже подумывал, не навестить ли ему капеллана, чтобы вволю наругаться. Однако побоялся, что плохо рассчитает время и на вахте окажется офицер-кастелян, а это было бы уж слишком. Так, слоняясь по кораблю в полном одиночестве, он однажды заглянул в полуоткрытую дверь какой-то каюты и увидел на койке сапог.

Билл замер на месте, похолодел, остолбенел, ошалел, обомлел от ужаса и с трудом сдержал внезапные позывы мочевого пузыря.

Он узнал этот сапог. Он вспомнил бы его даже в свой смертный час, как помнил свой личный номер, который мог в любую минуту назвать с конца, с начала или с середины. Каждая деталь этого жуткого сапога въелась в его память: от шнуровки, змеящейся по мерзким голенищам, сделанным, как утверждали, из человеческой кожи, до рифленых подошв, измазанных чем-то красным — не иначе как человеческой кровью. Сапог принадлежал Смертвичу Дрангу.

Парализованный ужасом, словно кролик перед удавом, Билл почувствовал, как неведомая сила втягивает его внутрь каюты, заставляет скользить взглядом от ноги, всунутой в сапог, к поясу, затем к рубашке, к шее и, наконец, к лицу, которое он постоянно видел в ночных

кошмарах с первого дня пребывания в армии. Губы лежащего дрогнули:

— Это ты, Билл? Заходи, гостем будешь.

Билл, спотыкаясь, зашел в каюту.

— Леденцов хочешь? — спросил Смертвич и улыбнулся.

Пальцы Билла машинально потянулись к коробке, зубы сомкнулись на первом за несколько недель куске твердой пищи, попавшем в рот. Из полуатрофированных слюнных желез потекла слюна, желудок выжидательно заурчал, в то время как мысли бешено заматались по кругу, пытаюсь определить, что означает выражение лица Смертвича: уголки губ чуть приподняты над клыками, на щеках небольшие морщинки. Тщетно! Понять это выражение было невозможно.

— Я слышал, что Трудяга Бигер оказался чинджевровским шпионом, — начал Смертвич, закрывая коробку с леденцами и пряча ее под подушку. — Мне следовало раскусить его раньше. Я чувствовал, что с ним что-то неладно — вся эта чистка сапог и дерьма — но я-то думал, он просто со сдвигом. Надо было сообщить...

— Смертвич, — хрипло выдавил Билл. — Это невероятно, я знаю, но вы ведете себя как обыкновенный человек!

Смертвич хихикнул; это не был его обычный смешок, похожий на звук распиливаемых человеческих костей; это была вполне нормальная усмешка.

Билл продолжал, заикаясь:

— Но я же знаю, что вы — садист, извращенец, изверг, недочеловек, убийца...

— Тысяча благодарностей, Билл! Чертовски приятно это слышать. Я всегда стремился честно выполнять свой долг, но ничто человеческое мне не чуждо — всегда приятно, когда похвалят. Роль убийцы трудна, и я рад, что сумел произвести столь сильное впечатление даже на такого тупицу, как ты.

— Н-н-но... разве вы не убий...

— Полегче, ты! — рявкнул Смертвич, и в его голосе прорезалась такая привычная злоба, что температура тела Билла тут же упала на шесть градусов. Смертвич снова улыбнулся. — Ладно, не буду тебя винить за такие мысли, сынок, уж больно ты глуп, да к тому же деревенщина, и воспитание твое пострадало от общения

с солдатней... Пошевели-ка мозгами, малыш! Обучение воинской премудрости — слишком важное дело, чтобы поручать его любителям. Прочел бы ты кой-какие учебники для военных колледжей, у тебя бы кровь застыла в жилах, ей-Богу! Понимаешь, в доисторические времена сержанты в учебках, или как они там назывались, были *настоящими* садистами. Этим людям, лишенным всяких специальных знаний, командование позволяло прямо-таки уродовать новобранцев. Солдаты начинали ненавидеть службу, еще не научившись ее бояться, дисциплина летела ко всем чертям. А людские потери? То они строевой подготовкой загонят кого-то до смерти, то утопят целый взвод, то еще чего натворят. От одной мысли о таких нелепых потерях можно завывать!

— Могу я поинтересоваться, на каких предметах вы специализировались в колледже? — робко спросил Билл.

— «Воинская дисциплина», «Подавление воли» и «Методика воздействия». Тяжелый курс — целых четыре года, но диплом я получил, что совсем неплохо для парня из рабочей семьи. Я кадровый специалист, и просто не понимаю, за что эти неблагодарные ублюдки списали меня сюда, на эту ржавую консервную банку! — Он приподнял очки в золотой оправе, чтобы смахнуть набежавшую слезу.

— Неужто вы от них ждали благодарности? — с удивлением спросил Билл.

— Нет, конечно, какая глупость с моей стороны! Спасибо, что вправил мне мозги, Билл, из тебя еще выйдет настоящий солдат. Все, чего от них можно ожидать — это преступное пренебрежение служебными обязанностями, которое я смогу использовать в своих интересах через общество ветеранов; в ход можно пустить взятки, поддельные приказы, махинации и прочие штучки. Просто я и впрямь немало сил положил на вас, болванов, в лагере и надеялся, что за это меня хотя бы оставят в покое и позволят заниматься своим делом — так нет же, дудки! Придется подсушиться теперь, чтобы добиться перевода.

Он соскочил с койки и запер в сундучок леденцы вместе с очками в золотой оправе.

Билл, реакция которого в критические моменты была явно замедленной, усердно тер ладонью лоб, время от времени постукивая по нему кулаком.

— Какая удача, что вы родились таким уродом... Я хочу сказать — у вас такие выдающиеся зубы...

— При чем тут удача! — воскликнул Смертвич, щелкнув ногтем по одному из клыков. — Да знаешь ли ты, сколько стоит пара двухдюймовых, генетически мутированных, искусственно выращенных и хирургически пересаженных клыков? Черта с два ты знаешь! Мне пришлось отказаться от трех очередных отпусков, чтобы оплатить операцию! Но, скажу тебе, она того стоила: имидж — это все! Я просматривал снимки с изображениями доисторических громил: в своем роде они были парни что надо. Конечно, их подбирали по физическим данным и низкому уровню интеллекта, но дело свое они знали туто. Непрошибаемые головы, чисто выбритые скулы со шрамами, железные челюсти, отвратные плотоядные рожи — все было при них. Я подумал: небольшое капвложение вначале принесет мне в дальнейшем недурной доходец. Это была настоящая жертва, можешь мне поверить — не так-то много вокруг людей с имплантированными клыками, и не случайно. Жевать ими жесткое мясо, конечно, удобно, но в остальном... Поди попробуй, поцелуй свою первую девчонку... А теперь — исчезни, Билл. Дела у меня. Увидимся еще...

Последнюю фразу Билл еле расслышал — мгновенно сработавший инстинкт самосохранения унес его вдаль по коридору. Когда прошел внезапный приступ ужаса, Билл вразвалку двинулся дальше, словно утка с подбитой лапой: именно так, считал он, ходят бывалые космонавты. Он уже воображал себя закаленным старым воякой и полагал, что о военной службе знает все. За свое жалкое самомнение он был немедленно наказан. Громкоговорители на потолке сначала икнули, а затем гнусаво возвестили на весь корабль:

— Внимание! Внимание! Слушайте приказ самого Старика — капитана Зекиаля! Вы этого приказа давно уже ждете не дождетесь! Мы идем в бой! Немедленно навести полный порядок на корме и на носу, чтобы ничего не болталось, как дерьмо в проруби!

Глубокий, от сердца идущий стон эхом отдался во всех отсеках исполинского корабля.

Глава 6

Насчет первого полета «Фанни Хилл» ходили разные сортирные сплетни и слухи, но все это было вранье. Слухи распускались тайными агентами военной полиции и потому гроша ломаного не стоили. Верно было только одно: корабль куда-то отправлялся, поскольку они явно готовились к отправке. Даже Тембо не мог не признать этого, выгружая сняряды в цейхгаузе.

— С другой стороны, — заметил он, — может, все это придумано для обмана шпионов: они считают, что мы куда-то идем, а на самом деле туда придут совсем другие корабли.

— Куда — туда? — раздраженно спросил Билл, который содрал ноготь указательного пальца, развязывая веревочный узел.

— Господи, да куда угодно, не в этом дело! — Вопросы, не имевшие прямого отношения к религии, мало волновали Тембо. — Зато, Билл, я точно знаю, куда попадешь ты лично.

— И куда же? — последовал жадный вопрос охочего до слухов Билла.

— Прямехонько в ад, ежели не спасешь душу.

— Да хватит тебе! — взмолился Билл.

— Взгляни сюда, — соблазнял его Тембо, показывая через проектор небесную сценку с золотыми врата-

ми среди облаков, сопровождавшуюся тихими звуками тамтамов.

— А ну кончай свою душеспасительную трепотню! — загремел заряжающий 1-го класса Сплин, и изображение тут же пропало.

Билл почувствовал какую-то тяжесть в животе, но не обратил на нее внимания, поскольку истерзанный желудок постоянно подавал ему отчаянные сигналы, полагая, что его хозяин помирает с голоду, и никак не желая смириться с тем, что такой чудесный перемалывающий и переваривающий механизм обречен на жидкую диету. Но Тембо тоже бросил работу, склонил голову набок и ткнул себя ладонью в живот.

— Поехали! — сказал он. — Началась-таки космическая прогулочка! Они врубили межзвездный двигатель.

— Мы что же — выходим в подпространство? Теперь, значит, каждую клеточку тела начнет выворачивать наизнанку, да?

— Нет, от этого способа передвижения давно отказались: слишком много кораблей вошли с убийственной вибрацией в подпространство, но ни один из них не вынырнул обратно. Я читал в «Солдатском Таймсе» объяснения одного математика: что-то такое об ошибках в вычислениях, о более быстром течении времени в подпространстве; так что, может, пройдет целая вечность, прежде чем эти корабли появятся оттуда.

— Значит, пойдем надпространством?

— Такого вообще не существует.

— Так, может быть, нас распылят на атомы и занесут в память гигантского компьютера, который усилием мысли перебросит нас в другое место?

— Господи! — воскликнул Тембо, и его брови поползли почти до самой кромки волос на лбу. — Для деревенского парнишки-зороастрийца у тебя довольно-таки странные представления. Ты что — наклюкался или накурился какой-нибудь дряни?

— Да объясни ты мне толком, — взмолился Билл, — если и то и другое — чушь, то как же мы пересечем межзвездное пространство и сразимся с чинджерами?

— А вот как... — Тембо оглянулся, чтобы убедиться, что заряжающего 1-го класса поблизости нет, и

сложил ладони с согнутыми пальцами в форме шара. — Представь себе, что это наш корабль, вышедший в большой космос. Потом врубается бухой двигатель.

— Чего-чего?

— Бухой двигатель. Он так называется потому, что надувает предметы, и они начинают разбухать. Ты же знаешь, что все вокруг состоит из маленьких частичек: протонов, электронов, нейтронов, тронтронов и прочих штук, которые удерживаются вместе силами притяжения. Если тяготение ослабить — а я еще забыл сказать, что все эти козявки вертятся, как сумасшедшие, — так вот, если ослабить между ними связь, то частички начнут удаляться друг от друга, и чем слабее будет притяжение, тем дальше они разлетятся. Дошло?

— Дошло вроде, но не очень-то мне это по душе...

— Не волнуйся, дружище. Смотри на мои руки: по мере того как сила притяжения слабеет, корабль начинает разбухать. — Тембо широко раздвинул ладони. — Он становится все больше и больше, достигает размеров планеты, солнца, целой солнечной системы... Бухой двигатель доводит нас до нужных размеров, а потом его врубают в обратную сторону, мы съеживаемся — и вот, пожалуйста, мы уже там!

— Где это там?

— Да где нужно, — терпеливо ответил Тембо.

Билл отвернулся и стал усердно наводить блеск на один из снарядов, заметив прогуливающегося неподалеку заряжающего 1-го класса Сплина, который бросил на них подозрительный взгляд. Как только Сплин завернул за угол, Билл наклонился к Тембо и прошепел:

— Как же мы можем оказаться где-то в другом месте? Ни разбухание, ни съеживание нас не передвинет в пространстве.

— Видишь ли, этот бухой двигатель — хитрая штука. Вроде того, как если бы ты взял резиновую ленту и растянул ее за оба конца. Скажем, левая рука у тебя неподвижна, а правой ты растягиваешь ленту. Потом ты выпускаешь ее из левой руки, понятно? Ты же не передвигал резину, а только растянул ее, а потом дал ей съежиться — но она переместилась в пространстве. То же самое происходит и с нашим кораблем. Он разбухает, но лишь в одном направлении. Когда нос корабля достигнет точки назначения, корма все еще будет на месте

старта. Потом мы сократимся и — трах! — мы уже там, где надо. С такой же легкостью, дружок, ты бы мог попасть и на небеса, если бы...

— Кончай проповеди в рабочее время, Тембо! — пролаял заряжающий 1-го класса Сплин с другой стороны стеллажа, откуда он просматривал окрестности с помощью зеркала, укрепленного на стержне. — Будешь целый год чистить зажимы на стеллажах! Я тебя предупреждал!

Они молча занялись своей работой, но тут сквозь переборку в крюйт-камеру всплыла планетка размером не больше теннисного мяча. Прекрасная маленькая планетка с крошечными ледяными шапками у полюсов, океанами, облачным покровом и даже селениями.

— Ой, что это? — взвизгнул Билл.

— Никудышная навигация, — поморщился Тембо. — Накладка. Корабль одним концом пошел немного назад, а не вперед. Нет-нет! Не трогай ее — это чревато! Это та самая планета, с которой мы стартовали — Фигеринадон-2.

— Мой дом! — всхлипнул Билл, наблюдая со слезами на глазах, как планета уменьшается до размеров игрушечного стеклянного шарика. — Мама, прощай! — Он махал планете рукой, пока шарик не превратился в точку и не исчез из виду.

После этого события больше никаких особых происшествий не было, поскольку движения они не ощущали и не знали ни куда направляются, ни где находятся, ни когда остановятся. Но корабль, по-видимому, все же куда-то прибыл, так как пришел приказ готовиться к бою. Три вахты прошли спокойно, затем загремели колокола общей тревоги. Билл помчался на свой пост, впервые с момента зачисления в армию ощущая воодушевление. Его труды и жертвы не пропали даром: сегодня он наконец сразится с гнусными чинджерами!

Они заняли свои места возле зарядных люков, впившись глазами в красные полосы на зарядах. Через подошвы сапог Билл чувствовал слабую дрожь палубы.

— Что это? — спросил он у Тембо, еле шевеля губами.

— Работают атомные двигатели, это не разбухание. Маневрируем.

— Зачем?

— Следить за зарядными лентами! — гаркнул заряжающий 1-го класса Сплин.

Билл весь взмок от пота и только теперь заметил, как жарко стало в помещении. Тембо, не спуская глаз с зарядных лент, разделся и аккуратно сложил одежду на полу.

— Разве можно раздеваться? — спросил Билл и расстегнул воротник. — А почему такая жарница?

— Нельзя, конечно, но приходится выбирать между наказанием и опасностью зажариться. Заголяйся, сынок, иначе помрешь без покаяния. Мы, должно быть, сражаемся: включена система защиты. Семнадцать силовых полей, одно электромагнитное, да еще двойная броня корпуса и слой псевдоживой плазмы, которая затягивает пробойны. Теперь вся энергия накапливается внутри корабля и от нее никак нельзя избавиться. А значит — и от тепла. При работающих двигателях и потеющей команде тут будет жарковато. А начнется стрельба — станет еще хуже.

Невыносимый зной держался несколько часов, в течение которых они продолжали следить за зарядными лентами. Один раз Билл услышал — скорее ощутил босыми подошвами через раскаленный пол — какой-то слабый звук.

— Что это было?

— Торпеду пустили.

— Во что?

Тембо лишь пожал плечами и продолжал еще упорнее вглядываться в заряды. Еще целый час Билл мучился от жары, усталости и скуки, потом прозвучал сигнал отбоя и вентиляторы принесли желанную прохладу. Натянув на себя форму, Билл устало потащился в кубрик. На доске объявлений в коридоре был наклеен свежий мимеографический оттиск. Билл прочел расплывчатый текст:

Капитан Зекиаль

сему экипажу

К вопросу о недавних событиях

23/11 8956 года наш корабль участвовал в операции по уничтожению атомными торпедами вражеской установки 17КЛ-345 и вместе с другими кораблями объеди-

ненной флотилии «Красная опора» завершил свою миссию. Приказываю в связи с этим всему экипажу прицепить «Знак атомной грозди» к ленте «Награды за совместные боевые действия», а тем, кто впервые участвует в бою, разрешается надеть ленточку «Награды за совместные действия».

ПРИМЕЧАНИЕ: Некоторые лица замечены в ношении «Атомной грозди» вверх ногами, что совершенно недопустимо и по приговору военного трибунала карается смертью.

Глава 7

После героического уничтожения 17КЛ-345 потянулись унылые недели учений и муштры, которые должны были восстановить силы экипажа. В один из таких тоскливых дней раздался сигнал, которого Билл раньше не слышал: будто стальные рельсы ударялись друг о друга в вертящемся металлическом барабане, наполненном стеклянными шариками. Биллу и другим новичкам этот сигнал ничего не говорил, но Тембо прямо-таки слетел с койки и тут же прошелся в пляске «а на смерть нам наплевать», аккомпанируя себе ударами по крышке сундука.

— Спятил? — равнодушно спросил Билл, листая озвученный комикс «Всамделишные приключения сексуального вампира». С открытой страницы книжки доносились зловещие стоны.

— Разве ты не знаешь? Не знаешь? Это же почта, малыш, самый благословенный сигнал во всем космосе!

Конец вахты прошел в суете, беготне, ожидании и стоянии в длинной очереди. Выдача писем велась с хорошо продуманной безалаберностью и медлительностью, но наконец, несмотря на все препоны, почту все же раздали и Билл получил драгоценную открытку от матери. На открытке была изображена Зловонная Пададь — очистные сооружения на окраине их поселка;

Билл почувствовал, как к горлу подступил комок. На отведенном для текста малюсеньком квадратике он разобрал материнские каракули: «Урожай плохой, долги, робомул подцепил прокладочный сап — надеюсь, у тебя тоже все хорошо, целую, мама». Но все-таки это была весточка из дома, и Билл, стоя в очереди за обедом, перечитывал ее снова и снова. Стоявший перед ним Тембо тоже получил открытку — сплошные ангелы и церкви, как и следовало ожидать. Перечитав текст в последний раз, Тембо сунул открытку в свою обеденную чашку, чем страшно шокировал Билла.

— Зачем ты это сделал? — возмутился Билл.

— А какой же еще толк от писем? — прогудел Тембо и затолкал открытку еще глубже. — Смотри и учись!

Билл увидел, что открытка начала разбухать. Ее белая поверхность покрылась трещинами и облетела, рассыпавшись на мелкие кусочки, а коричневая внутренность полезла наружу и стала пухнуть, пока не заполнила всю чашку и не достигла дюйма в толщину. Тембо выгудил этот влажный ломоть и отгрыз от края здоровенный кусок.

— Обезвоженный шоколад, — проговорил он с набитым ртом. — Отлично! Попробуй-ка свою.

Не успел он договорить, как Билл пихнул свое послание в чашку и, затаив дыхание, уставился на разбухающую открытку. Исписанная обертка отвалилась, но внутренность оказалась не коричневой, а белой.

— Сахар — а может, хлеб, — сказал он, стараясь удержать слюну.

Белая масса вздулась и полезла наружу. Билл обхватил ладонями края чашки, а масса все росла и росла, поглощая последние капли жидкости, пока в руках у него не оказалась гирлянда из толстых букв длиной не меньше двух ярдов. Буквы сложились в лозунг: **ГОЛОСУЙТЕ ЗА НЕПОДКУПНОГО ПРОХВОСТА — ВЕРНОГО ДРУГА СОЛДАТ**. Билл откусил букву «Т», подавился и выплюнул мокрую жижу на пол.

— Картон! — сказал он с горечью. — Мать всегда покупает дешевку. Даже на обезвоженном шоколаде экономит... — Он попытался отпить из чашки,

чтобы заглушить вкус типографской краски, но чашка была пуста.

Где-то в высших эшелонах власти кто-то принял решение и подписал приказ. Большие события всегда порождаются ничтожными причинами: капля птичьего помета, упав на заснеженный горный склон, катится вниз, обрастает снегом, снежный ком увеличивается, достигает гигантских размеров — и вот уже стремительно несется вниз грохочущая масса льда и снега, ревущая лавина смерти, которая стирает с лица земли целые селения. Такое безобидное начало...

Кто знает, какова была первопричина событий в данном случае — разве только боги знают, но они молчат себе да посмеиваются. Может быть, надменная чванливая пава, жена могущественного министра, размышляла о какой-то редкостной безделушке и своим злобным ядовитым языком так допекла павлина-мужа, что он пообещал ей это украшение — лишь бы отвязалась наконец — и начал изыскивать средства на покупку. Может быть, он шепнул императору о возможности развернуть кампанию в секторе 77/7, где давно уже царит затишье, намекнул на грядущую славную победу, которая, если число погибших будет достаточно солидным, принесет с собой ордена, награды и денежные премии. И таким вот образом женская алчность, подобно птичьему помету, вызвала лавину военных действий, концентрацию могучих флотов, вовлекавших в свою орбиту все новые и новые корабли: так от камня, брошенного в пруд, разбегаются по воде все более широкие круги, пока не достигнут самого берега...

— Идем в бой, — сказал Тембо, пригнувшись к чашке с завтраком. — К жратве добавлены стимуляторы, вещества, подавляющие болевую чувствительность, селитра и антибиотики.

— И патриотическая музыка тоже по этому случаю? — отозвался Билл, стараясь перекричать трубный рев и грохот барабанов, изрыгаемый динамиками. Тембо кивнул.

— Осталось совсем немного времени для спасения души, дабы занять свое место среди воинства Самеди.

— Поговори об этом со Скотиной Брауном! — взвыл Билл. — У меня твои тамтамы просто из ушей лезут! Как гляну на переборку, так в глазах сразу ангелы плывут на облаках! Не приставай ты ко мне, сделай милость! Обрати Скотину — и к твоей водуистской толпе сразу присоединятся все пастухи, которые занимаются черт знает чем со своими тоатами!

— Я беседовал с Брауном о его душе, но результаты пока сомнительны. Он ничего не ответил, так что я даже не знаю, слышал ли он меня. С тобой, сынок, дело обстоит иначе: ты гневаешься, а это значит, что у тебя есть сомнения, сомнения же — первый шаг к вере...

Музыка оборвалась на середине вопля; на пару минут воцарилась оглушительная тишина, которая столь же внезапно взорвалась объявлением:

— Слушайте все! Внимание всего экипажа! Все по местам... через несколько секунд начинаем передачу с флагмана... транслируем выступление адмирала... Все по местам... — Сигнал общей тревоги заглушил говорящего, но как только жуткий звон умолк, голос прорезался снова: — Мы находимся на мостике гигантского оборудованного космических равнин — это великолепно оборудованный, оснащенный тяжелой артиллерией супербоевой корабль двадцати миль в длину под названием «Прекрасная Королева»... Вахтенные расступаются... прямо навстречу мне в своей скромной платиновой форме идет гранд-адмирал флота, почтенный лорд Археоптерикс... Ваша Светлость, вы могли бы уделить нам минутку внимания? Чудненько! Сейчас вы услышите голос самого...

Заряжающие, напряженно следившие за цветом зарядных лент, услышали очередной взрыв музыки; правда, затем действительно зазвучал низкий гнусавый голос — все пэры Империи почему-то говорят именно такими голосами:

— Парни! Мы идем в наступление. Наш флот, самый мощный из всех флотов, которые когда-либо видела Галактика, смело ринется на врага и нанесет ему сокрушительное поражение, от которого будет зависеть исход всей войны. Со своего командного пункта я вижу мириады световых точек, похожих на дырки в одеяле, и каждая из этих точек — не корабль, не эскадра, а

целый флот! Мы стремительно несемся вперед, охватывая...

Звук тамтамов заглушил голос адмирала, на зарядной ленте появились отворяющиеся золотые райские ворота.

— Тембо! — завопил Билл. — Немедленно прекрати! Я хочу слушать про битву!

— Консервированное дерьмо, — поморщился Тембо. — Куда лучше использовать оставшиеся минуты для спасения души. Это же запись, я слышал ее раз пять. Ее используют для поднятия боевого духа, когда ожидаются большие потери. Адмирал никогда и не произносил эту речь, они просто передают отрывок из старой телевизионной постановки.

— А-й-й-й! — крикнул Билл и ринулся вперед: заряд, за которым он следил, затрещал, рассыпая ослепительные искры вокруг зажимов, а лента на глазах обуглилась и почернела. — Ух-х-х! — крикнул он. Ухая все быстрее, обжигая ладони, он вытащил из зажимов раскаленный заряд, не удержав, уронил его на большой палец ноги и наконец швырнул обгоревший цилиндр в зарядный люк. Оглянувшись, он увидел, что Тембо уже вставил в зажимы новый заряд.

— Это был мой заряд, тебя никто не просил вмешиваться! — В глазах у Билла стояли слезы.

— Извини, но по уставу я должен помогать товарищам в свободную минуту.

— Ладно! Наконец-то мы в бою! — и Билл снова занял свое место, стараясь не ступать на отдавленную зарядом ногу.

— Это еще не бой — видишь, пока не жарко. Просто заряд был дефектным, поэтому так искрил у зажимов. Бывает, что они залеживаются на складах...

— ...целые армады с экипажами солдат-героев, — несло из репродуктора.

— А может, это все-таки настоящий бой? — нахмурился Билл.

— ...гром атомных батарей, трассирующие залпы торпед...

— Похоже, начинается! Стало теплее, правда, Билл? Давай-ка раздеваться, потом будет некогда.

— Раздеться догола! — прорывал заряжающий 1-го класса Сплин, прыгая, как антилопа, вдоль стеллажей в одних грязных носках, с вытатуированными на коже

шевронами и знаком отличия в виде несколько похабно изображенного заряда.

Раздался страшный треск, и Билл почувствовал, как его коротко остриженные волосы встали дыбом.

— Что это?! — взвизгнул он.

— Разрядился второй заряд из той же партии! — Тембо указал на полку. — Сведения совершенно секретные, но я слышал, что такое бывает, когда защитное поле подвергается радиационной атаке: от перегрузки оно становится зеленым, потом синим, фиолетовым — и в конце концов чернеет, а это означает, что поле прорвано.

— Вранье!

— Я же говорю — слухи. Данные по таким делам строго засекречиваются...

— БЕРЕГИСЬ!!!

Влажный воздух крюйт-камеры потряс оглушительный взрыв. Заряды, строем стоявшие на полке, выгнулись, задымили и почернели. Один из них раскололся пополам, выстреливая во все стороны шрапнелью осколков. Заряжающие метались, еле различая друг друга в клубах вонючего дыма. Наконец наступила короткая передышка, лишь с командного пульта доносилось какое-то бление.

— Вонючка проклятая! — ругнулся заряжающий 1-го класса, отпихивая ногой валявшийся на дороге заряд и кидаясь к экрану. Мундир Сплина висел на крючке рядом с видеофоном, и он торопливо натянул его на плечи, прежде чем нажать на клавишу приема. Когда экран осветился, Сплин уже застегивал последнюю пуговицу. Заряжающий 1-го класса отдал честь, так что на экране, очевидно, появился офицер: видеофон был повернут к Биллу ребром, поэтому он ничего не мог разглядеть, но квакающий голос с ноющими интонациями, характерный для людей со срезанным подбородком и переизбытком зубов, вызывал стойкую ассоциацию с офицерским званием.

— Не торопиться с рапортом, заряжающий 1-го класса Сплин! Может, заряжающий 2-го класса Сплин будет попроворнее?

— Сжальтесь, сэр! Я уже старик... — и он упал на колени, уйдя из поля зрения начальства.

— Встать, идиот! Починили вы заряды после перегрузки?

— Мы заменили их, сэр, а не чинили...

— Не морочь мне голову техническими деталями, мерзавец! Отвечай на вопрос!

— Полный порядок, сэр. Дела идут как по маслу, сэр. Никаких жалоб, Ваша милость.

— А почему не по форме?

— Я по форме, сэр! — хныкал Сплин, придвигаясь поближе к экрану, чтобы скрыть голый зад и дрожащие ноги.

— Врешь! У тебя на лбу пот, а в форме потеть не разрешается. Разве я потею? А на мне еще фуражка, надетая, как видишь, под правильным углом. Ладно, у меня золотое сердце, и на этот раз я тебя прощаю. Свободен!

— Подлый сукин сын! — громко выругался Сплин и сорвал с себя мундир. Термометр показывал 48 градусов, и ртуть продолжала подниматься. — Пот! У них там на мостике кондиционер, и как вы думаете, куда они сбрасывают нагретый воздух? Сюда! А-а-а! — вдруг дико заорал он.

Заряды на стеллаже зашипели. Три штуки взорвались, как бомбы. Пол под ногами вздыбился.

— Авария! — кричал Тембо. — Защита корабля пробита! Сейчас нас расплющит в лепешку! Началось! — Он кинулся к стеллажу и заменил почерневший заряд новым.

Это был настоящий ад. Заряды взрывались, как авиационные бомбы, разлетаясь на мелкие смертоносные керамические осколки. Одна из полок с треском обрушилась на металлическую палубу, раздался истошный вопль, который, к счастью, тут же оборвался: сверкающая молния пронзила тело заряжающего. Жирный дым вскипал клубами, заполняя помещение и выедавая глаза. Билл выдернул остатки покореженного заряда из закоптелых зажимов и прыгнул к запасной стойке. Обхватив обожженными руками девятифунтовый заряд, он повернулся было к стеллажу — но тут вселенная вокруг него разорвалась.

Все оставшиеся заряды, казалось, одновременно сморщились, а вдоль стен, потрескивая искрами, пронеслась ослепительная молния. В ее нестерпимом сиянии в один бесконечный миг Билл увидел, как пламя набросилось на заряжающих, раскидывая людей в стороны и испепеляя их, словно былинки, попавшие в костер. Тембо

вдруг съежился и рухнул грудой опаленной плоти, упавшая балка распоролла заряжающего 1-го класса Сплина от горла до паха, превратив его в сплошную зияющую рану.

— Смотри, что со Сплином-то! — выкрикнул Ско-тина Браун, но тут по нему прокатилась шаровая мол-ния, он страшно закричал, и в какую-то долю секунды обуглился дочерна.

По счастливой случайности в момент вспышки Билл держал перед собой массивный заряд. Пламя лизнуло ничем не защищенную левую руку, основной же удар принял на себя цилиндр. Билла со страшной силой швырнуло на стойку с запасными зарядами, он кубарем покатился по палубе, и смертельный огненный язык прошел прямо над его головой. Огонь исчез так же неожиданно, как и появился, оставив после себя жар, дым, тошнотворный запах горелого мяса, разрушение и гибель.

Испытывая мучительную боль, Билл пополз к люку. На черной искореженной палубе никто не шелохнулся.

Нижнее помещение оказалось таким же раскален-ным, а воздух таким же непригодным для дыхания, как и наверху. Билл полз, даже не осознавая, что опирается на израненные колени и окровавленную руку, тогда как вторая рука — черный страшный обрубок — безжиз-ненно тащится за ним, и только милосердный шок спасает его от невыносимой боли.

Билл перевалился через порог и пополз в проход. Воздух тут был чище и прохладнее. Он сел и вдохнул его благословенную свежесть. Отсек показался знако-мым, и Билл попытался вспомнить, откуда он его знает. Длинная изогнутая стена, толстые концы огромных ору-дий... Ну конечно, это же главная батарея, те самые орудия, которые фотографировал чинджеровский шпи-он Трудяга Бигер. Теперь она выглядела совсем иначе: потолок, покрытый вмятинами, прогнулся и навис над палубой, будто кто-то дубасил по нему гигантским мо-лотом. У ближайшего орудия в кресле скорчился какой-то человек.

— Что случилось? — спросил у него Билл.

Он схватил человека за плечо, но тот неожиданно свалился на пол — легкий, почти невесомый, одна обо-лочка со сморщенным пергаментным лицом.

— Обезвоживающий луч! — пробормотал Билл. — А я-то считал, что это выдумка из телепостановок!

Сиденье бомбардира было мягким и удобным — гораздо более удобным, чем покоробленная металлическая палуба. Билл занял освободившееся место и невидящими глазами уставился на экран, по которому прыгали маленькие световые зайчики.

Над экраном крупными буквами было напечатано: «ЗЕЛЕННЫЕ ОГНИ — НАШИ КОРАБЛИ, КРАСНЫЕ — ВРАЖЕСКИЕ. ОШИБКА КАРАЕТСЯ ВОЕННО-ПОЛЕВЫМ СУДОМ».

— Запомним, запомним, — бормотал Билл, съезжая со скользкого сиденья. Стараясь удержаться в кресле, он ухватился за торчащую перед ним рукоятку, и световой кружок с буквой «х» в центре медленно пополз по экрану. Это показалось забавным. Билл навел кружок на один из зеленых огоньков, но тут в его мозгу мелькнуло смутное воспоминание о военном суде. Чуть повернув рукоятку, он перевел кружок на красное пятнышко, перекрыв его буквой «х». На рукоятке была красная кнопка, на которую так и тянуло нажать. Ближайшее орудие издало тихое ф-ф-ф, красные огни погасли. Стало скучно, и Билл выпустил рукоятку.

— Да ты, дурачок, настоящий вояка!

Услышав за спиной чей-то голос, Билл с трудом повернул голову. В дверях стоял человек в обгорелой форме, с которой свисали лохмотья золотого шитья. Человек пошатнулся и шагнул вперед.

— Я все видел! — выдохнул он. — Буду помнить это до гробовой доски! Настоящий вояка! Какое мужество! Какое бесстрашие! Один лицом к лицу с врагами, без всякой защиты, он не бросил корабль на произвол судьбы...

— Что за вонючую чушь ты несешь? — хрипло осведомился Билл.

— Герой! — воскликнул офицер, хлопнув его по спине и вызвав тем самым приступ острой боли, которая последней каплей переполнила чашу помутненного рассудка. Билл свалился, потеряв сознание.

Глава 8

— А теперь наш милый солдатик будет умницей и выпьет свой вкусенький обедик...

Нежный голосок прорвался сквозь безумный кошмар, мучивший Билла во сне, и он с трудом разлепил тяжелые веки. Ему удалось сфокусировать взгляд на чашке, стоявшей на подносе, который протягивала белая рука, переходившая выше в белоснежный халат с выпуклой женской грудью. Издав утробный рык, Билл отшвырнул поднос и кинулся на эту выпуклость, однако проволоочные тяжи, державшие на весу забинтованную левую руку, отбросили его назад, и он завертелся на кровати, словно наколотый на булавку жук, не переставая хрипло урчать. Медсестра взвизгнула и убежала.

— Рад видеть, что тебе полегчало, — сказал врач, отработанным движением опрокинув Билла на постель и ловко вывернув ему правую руку приемом дзюдо. — Сейчас я дам тебе новую порцию обеда, а потом впущу твоих приятелей для торжественной встречи, они там в коридоре ждут не дождутся.

Онемевшая правая рука отошла, Билл взялся за чашку. Глотнул.

— Какие приятели? Какая такая встреча? Что тут происходит? — спросил он подозрительно.

Дверь распахнулась, и в палату вошли солдаты. Билл всматривался в их лица, стараясь найти друзей, но

видел только бывших сварщиков и какие-то совершенно чужие рожи. И тут он вспомнил все.

— Скотина Браун сгорел! — закричал он. — Тем-бо изжарился! Спина распотрошило! Все погибли! — Он нырнул под одеяло и страшно застонал.

— Герой не должен так себя вести! — сказал врач, откидывая одеяло и подтыкая его под тюфяк. — Ты же герой, солдат, чья храбрость, находчивость, преданность долгу, боевой дух, самоотверженность и меткость спасли наш корабль. Защитные поля были пробиты, машинное отделение разрушено, артиллеристы убиты, корабль лишился управления, вражеский дредноут уже готовился нас прикончить, но тут явился ты, словно ангел мщения, весь израненный, почти при смерти, и из последних сил дал залп, звук которого услышал весь флот, тот самый залп, который уничтожил врага и спас нашу славную старушку «Фанни Хилл». — Врач вручил Биллу листок бумаги. — Сам понимаешь, это цитата из официального приказа, а я лично думаю — тебе элементарно подфартило.

— Вы просто завидуете! — хмыкнул Билл, которому его новая роль героя начинала нравиться.

— Брось эти фрейдистские штучки! — рявкнул врач и тут же горестно всхлипнул: — Всю жизнь мечтал быть героем, а сам только и делаю, что пришиваю им руки да ноги. Сейчас снимем повязку.

Солдаты сгрудились у кровати, наблюдая, как врач отсоединяет проволочные тяжи и разматывает бинты.

— Как моя рука, док? — вдруг заволновался герой.

— Сгорела как котлета. Пришлось ампутировать.

— А это что? — с ужасом взвизгнул Билл.

— Эту руку я отрезал от трупа. После боя их было предостаточно. Потеряно около сорока двух процентов экипажа. Клянусь, я только и делал, что пилил, рубил и сшивал.

Последний бинт упал на пол, и солдаты восторженно заахали.

— Смотри, какая шикарная лапа!

— А ну-ка, пошевели пальцами!

— Чертовски аккуратный шов на плече — глянь, какие ровные стежки.

— Экая она мускулистая, здоровенная и длиннющая, совсем не похожа на ту коротышку справа.

— А черная какая! Вот это цвет так цвет!

— Это рука Тембо! — зашелся в крике Билл. — Заберите ее обратно!

Он рванулся с кровати, но рука тащилась за ним. Его силой уложили на подушки.

— Тебе же дико повезло, дубина! Получил такую лапищу, да еще от друга!

— Он бы обрадовался, если б узнал, что она досталась тебе!

— Теперь у тебя навсегда сохранится о нем память!

Рука действительно была хороша. Билл согнул ее и пошевелил пальцами, поглядывая на них с недоверием. Кисть работала нормально. Он потянулся и схватил за руку одного из солдат. У того захрустели кости, он заорал от боли и попятился. Билл внимательнее посмотрел на свою новую руку и вдруг начал изрыгать проклятия в адрес врача:

— Кретин, костоправ проклятый! Клистирная затычка! Хороша работа — это же *правая* рука!

— Ну, правая! И что же?

— Так ты же мне отрезал левую! Теперь у меня две правые руки!

— Слушай! Левых было маловато. Я же не волшебник! Сделал для тебя все, что мог, а ты еще ругаешься! Будь доволен, что я тебе вместо нее ногу не пришпандорил. — Он злобно ухмыльнулся. — Или кое-что другое...

— Отличная рука, Билл, — сказал солдат, растирая пострадавшую кисть. — Тебе крупно повезло. Сможешь отдавать честь любой рукой — так больше ни у кого не получится.

— Верно, — скромно сказал Билл, — мне это просто в голову не пришло. В самом деле повезло.

Он попытался отдать честь левой-правой рукой, она послушно согнулась в локте, а пальцы потянулись к виску. Солдаты вытянулись по стойке смирно и тоже откозыряли. Дверь со скрипом отворилась, в нее просунулась офицерская голова.

— Вольно, парни! Это неофициальный визит Старика.

— Сам капитан Зекиаль!

— Никогда не видел Старика!

Солдаты чирикали, как воробьи, и нервничали, как девственницы в первую брачную ночь. В палату вошли еще три офицера, а за ними — нянька, которая вела за руку десятилетнего дегенерата в капитанском мундире со слюнявчиком.

— Бу-у-у... пыветик, мальчики, — сказал капитан.
— Капитан выражает вам свое почтение, — сухо пояснил лейтенант первого ранга.

— Это ты, который в кьяватке?

— И в первую очередь герою сегодняшнего дня.

— Чего-то я еще хотел сказать, а чего?..

— И далее он желает проинформировать доблестного воина, спасшего наш крейсер, что ему присвоено звание заряжающего 1-го класса, каковой чин автоматически продлевает срок службы на семь лет, а после выписки из госпиталя доблестный герой с первой же оказией будет отправлен на имперскую планету Гелиор, где император лично вручит ему «Пурпурную стрелу» с «Подвеской туманности Угольного Мешка».

— Хочу пи-пи...

— А теперь служебные обязанности призывают капитана на капитанский мостик. Посему он шлет вам всем свои наилучшие пожелания.

— Не слишком ли молод наш Старик для своего поста? — поинтересовался Билл, когда свита с капитаном удалилась.

— Что ты! Он даже постарше многих. — Врач рылся в куче иголок для инъекций, выискивая самую тупую. — Запомни, капитаном может стать только настоящий аристократ, но даже нашей многочисленной аристократии не хватает для такой обширной галактической Империи. Приходится довольствоваться тем, что есть. — Врач выбрал самую погнутую иглу и вставил шприц.

— Ладно, мне ясно, почему он так молод, но не кажется вам, что он несколько глуповат для своей работы?

— Берегись, ты же оскорбляешь Его Величество, болван! Тут удивляться нечему: Империи уже более двух тысяч лет, аристократия воспроизводится исключительно инбридингом, в результате — дефективные гены и вырождение; вот и получаются наследники, способные украсить своим присутствием любой дурдом. Наш Старик еще ничего, у него только мозги набекрень, а посмотрел бы ты на капитана моего прежнего корабля!

Врач содрогнулся и с яростью вонзил иглу в филейную часть Билла. Тот заорал и с грустью посмотрел на струйку крови, медленно сочившуюся из проделанной в его коже дыры.

Дверь закрылась. Билл лежал в полном одиночестве, рассматривая голую стену и свои перспективы. Итак, он заряжающий 1-го класса, и это хорошо. Но принудительное продление срока службы уже менее приятно. Настроение у него упало. Захотелось поболтать с друзьями, но тут он вспомнил, что все они погибли, и настроение упало еще больше. Билл попытался найти какую-нибудь более веселую тему для размышлений, но ничего не мог придумать, пока не обнаружил, что умеет пожимать руку самому себе. Это открытие его несколько развеселило.

Он откинулся на подушку и здоровался с собой за руку до тех пор, пока не уснул.

КНИГА ВТОРАЯ

КРЕЩЕНИЕ В КУПЕЛИ АТОМНОГО РЕАКТОРА

Глава 1

Прямо перед пассажирами в носовом конце цилиндрической ракеты местных сообщений находился огромный иллюминатор — гигантский щит из бронированного стекла, за которым летели изодранные в клочья облака. Билл с комфортом расположился в антиперегрузочном кресле, с любопытством разглядывая эту живописную картину. В тесном салоне могло разместиться человек двадцать, но сейчас пассажиров было только трое, включая Билла. Рядом с ним сидел (Билл старался как можно реже смотреть в ту сторону) бомбардир 1-го класса, выглядевший так, будто им выстрелили из его собственного орудия. На пластмассовом лице бомбардира выделялся единственный налитый кровью глаз. В сущности, бомбардир представлял собой что-то вроде самоходной корзины, так как все четыре отсутствующие конечности ему заменяли поблескивающие металлом устройства — сплошные сияющие поршни, электронные панели и закрученные спиралью провода. Бомбардирская эмблема была приварена к стальной раме, служившей одним из предплечий. Третий пассажир, здоровенный пехотный сержант, захрапел сразу после пересадки с межзвездного корабля на челночную ракету.

— Эх, блин, так тебя и разэдак! Нет, ты только глянь сюда! — ликовал Билл, когда ракета наконец пробила облака и внизу засияла золотая сфера Гелиора — имперской планеты, столицы десяти тысяч солнц.

— Альбе́до — будь здоров! — прокричал откуда-то из-под пластикового покрытия бомбардир. — Аж глазу больно!

— Еще бы! Чистое ж золото! Это даже представить себе невозможно — планета, покрытая чистым золотом!

— Действительно невозможно, да я в это и не верю. Слишком дорогое удовольствие. А вот вообразить планету, покрытую анодированным алюминием — это сколько уютно. Тем более, что так оно и есть.

Теперь, когда Билл пригляделся и увидел, что поверхность планеты сверкает действительно совсем не так, как должно блестеть настоящее золото, настроение его слегка подпортилось. Однако он заставил себя приободриться. Пусть они отняли у него мечту о золоте, но со славой Гелиора этого не произойдет! Гелиор все равно останется средоточием империи, недремлющим и всеведущим оком в самом сердце Галактики! Известие о малейшем происшествии на любой планете, на любом космическом корабле немедленно поступает сюда, классифицируется, кодируется, заносится в реестры, аннотируется, рассматривается, теряется, обнаруживается вновь, принимается к сведению и становится руководством к действию. С Гелиора поступают приказы, которые управляют мирами людей и защищают эти миры от угрозы вторжения чужаков. Гелиор — рукотворная планета; все ее моря, горы и континенты покрыты металлическим щитом толщиной в несколько миль, образующим множество этажей и уровней; все ее население подчинено одной-единственной идее — идее власти.

Все ближе и ближе придвигается сияющая поверхность планеты — вот уже видны бесчисленные звездолеты всевозможных размеров и конструкций, в черном небе мерцают огни идущих на посадку и взлетающих ракет. И вдруг — неожиданная вспышка, а затем полная тьма в иллюминаторе.

— Крушение! — ахнул Билл. — Мы погибли!

— Типун тебе на язык! Это просто-напросто обрыв ленты. Поскольку на этом корыте нет ни одного золотопогонника, механик не стал запускать ее снова.

— Так это было кино...

— А ты как думал? У тебя что, крыша поехала? Ты ж понимаешь — будут они в обычных челноках делать

такие огромные окна, да еще на носу, где трение при вхождении в атмосферу моментально прожгло бы в них дырки! Конечно, кино... Да к тому же, по-моему, ленту показали задом наперед. Скорее всего, на Гелиоре сейчас уже давно ночь.

Пилот при посадке чуть не раздавил их в лепешку, придав ракете ускорение в 15 g (он, видимо, тоже знал, что на борту нет офицеров), и пока солдаты пытались вправить сместившиеся позвонки и затолкать на место глаза, повывезавшие из орбит, люк с грохотом открылся. На планете была глубокая ночь, да еще и с дождем. Помощник 2-го класса по пассажирской части просунул в каюту голову и одарил их профессионально дружелюбной улыбкой.

— Приветствую вас на Гелиоре — имперской планете тысячи наслаждений... — Его лицо исказилось привычной гримасой: — Разве с вами, подонки, нет офицеров? А ну катитесь отсюда, да помогите разгрузить урановую руду, нам нужно уложиться в расписание.

Билл с бомбардиром сделали вид, что не слышат; помощник по пассажирской части протиснулся к спящему сержанту, храпевшему, словно испорченный ротор (что ему такая мелочь, как ускорение в 15 g!), и попытался растормошить его. Храп перешел в сдавленное рычание, прерванное диким воплем помощника по пассажирской части, которому спящий двинул коленом в пах. Продолжая что-то бормотать, сержант вслед за остальными покинул ракету и помог установить разъезжающиеся стальные подпорки бомбардира на скользкой поверхности взлетной площадки. Солдаты равнодушно смотрели, как из грузового отсека прямо в глубокую лужу приземлились их вещмешки. Под занавес мстительный помощник по пассажирской части сделал им еще одну мелкую пакость: отключил силовое поле, защищавшее их от дождя, так что они моментально вымокли до нитки и заledenели на холодном ветру.

Ветераны взвалили на плечи рюкзаки — бомбардир тащил свой вещмешок на платформе с колесиками — и зашлепали к ближайшим огонькам, тускло светившим сквозь колющие струи дождя примерно в миле от места посадки. На полпути бомбардир вырубился из-за короткого замыкания в проводке; Билл с сержантом подсунули под него платформу, покидали ему на колени

рюкзаки — и приобрели на оставшийся отрезок пути удобную ручную тележку.

— Вот так штука, из меня вышла недурная тачка для багажа, — пробасил бомбардир.

— Не выступай! — ответил ему сержант. — По крайней мере ты заимел вполне приличную цивильную профессию. — Сержант пинком распахнул дверь, и их окутало блаженное тепло штабного помещения.

— Не найдется ли у вас банки растворителя? — спросил Билл у сидевшего за барьером клерка.

— Ваши проездные документы! — потребовал тот, проигнорировав вопрос.

— Растворитель есть у меня в мешке, — сказал бомбардир; Билл, развязав мешок, принялся за поиски.

Они протянули свои документы, вытащив бумаги бомбардира из нагрудного кармана, и клерк сунул их в прорезь огромной машины, стоявшей за спиной. Машина зажужжала и замигала огоньками, а Билл тем временем обработал растворителем все контакты в электропроводке бомбардира, не оставив на них ни капли воды. Прогудел сигнал, и машина изрыгнула документы; из другого отверстия с тиканьем выползла длинная печатная лента. Клерк подхватил ее конец и быстро пробежал глазами.

— Попались, голубчики, — произнес он с садистским удовольствием. — Вам троим должны вручить «Пурпурную стрелу» на торжественной церемонии в присутствии самого императора, но киносьемка начнется ровно через три часа. За это время вам туда нипочем не добраться.

— Не твое собачье дело, — огрызнулся сержант. — Мы ведь только что сошли с корабля. Выкладывай, куда идти-то!

— Район 1457-Д, уровень К-9, квартал 823-7, коридор 492, студия 34, комната 62, спросить режиссера Ратта.

— И как же нам туда добираться? — поинтересовался Билл.

— Меня можешь не спрашивать, я у них не служу, — клерк швырнул на барьер три квадратных тома толщиной около фута со стальными цепями, приваренными к корешкам. — Ищите дорогу сами — вот ваши поэтажные планы. За них придется расписаться, утеря плана — подсудное дело, карается...

Внезапно осознав, что он здесь один, лицом к лицу с тремя ветеранами, клерк мертвецки побледнел и потянулся к красной кнопке. Не успел он дотронуться до нее, как металлическая рука бомбардира, выбрасывая снопы искр и клубы дыма, пригвоздила его палец к стойке. Сержант склонился над барьером, приблизившись вплотную к клерку, и произнес низким, леденящим душу голосом:

— Мы не будем искать дорогу сами. Ты покажешь нам ее. Давай сюда гида!

— Гиды только для офицеров, — попытался возразить несчастный и громко икнул, когда стальной палец, похожий на толстый прут, ткнул его в живот.

— Можешь считать нас офицерами, — выдохнул сержант, — мы не возражаем.

Клацая зубами, клерк заказал гида. Маленькая железная дверца напротив стойки со стуком отворилась. У гида было цилиндрическое стальное туловище на шести колесах, голова, напоминающая голову гончей, и пружинный блестящий хвост.

— Ко мне! — скомандовал сержант.

Гид кинулся к нему, высунув изо рта красный пластиковый язык и издавая механическое пыхтение, слегка заглушаемое стуком шестеренок. Сержант взял конец печатной ленты и быстро набрал код 1457-Д К-9 823-7 492 ст. 34 62, нажимая на кнопки, расположенные на голове гида. Тот звонко твякнул несколько раз, захлопнул пасть, вильнул хвостом и помчался по коридору. Ветераны последовали за ним.

Больше часа они мотались по бегущим дорожкам и эскалаторам, тряслись в пневмокарах по монорельсовым дорогам и движущимся тротуарам, скользили с этажа на этаж в антигравитационных лифтах, пока наконец не добрались до комнаты № 62. В самом начале пути, сидя на скамеечке бегущей дорожки, солдаты прикрепили цепи поэтажных планов к поясным ремням: даже Биллу было понятно без объяснений какую ценность представляет собой путеводитель в этом городе размером с планету. У двери комнаты № 62 гид трижды пролаял и укатил прочь, прежде чем они успели его схватить.

— Жаль, надо было быть половчее, — сказал сержант. — Эта штука дорогого стоит.

Он пнул ногой дверь и явил их взорам толстого мужчину, который сидел за письменным столом и орал в видеофон:

— Плевал я на ваши извинения! Из извинений шубу не сошьешь! Я знаю одно: график съемок на грани срыва, простаивают готовые к работе камеры, а главных действующих лиц нет как нет! Я задаю вам вопрос, и что же я слышу в ответ... — Он поднял глаза и завопил: — Вон! Убирайтесь вон! Вы что, не видите: я занят!

Сержант схватил видеофон, шваркнул его об пол и растоптал в пыль дымящиеся мелкие осколки.

— Здорово ты насобачился добиваться внимания, — сказал Билл.

— Два года непрерывных боев заставят насобачиться, — ответил сержант, угрожающе скрипнув зубами. — Мы прибыли, Ратт, что нам делать дальше?

Расшвыривая обломки видеофона, Ратт шагнул вперед и распахнул дверь за письменным столом.

— По местам! Дать освещение! — заорал он.

Поднялся невообразимый шум, вспыхнули ослепительные софиты. Прибывшие за наградами ветераны вышли вслед за Раттом на огромную шумную сцену, заполненную суетливо бегающими людьми. Камеры на моторизованных тележках и кранах ползали вокруг съемочной площадки, боковины и задник которой изображали тронный зал. Окрашенные стеклянные окна создавали иллюзию яркого солнечного света, трон был выхвачен золотистым лучом прожектора. Подгоняемая визгливыми приказаниями режиссера, толпа придворных и высших воинских чинов выстроилась перед тронном.

— Он обозвал их кретинами, — в ужасе прошептал Билл. — Его же расстреляют за это!

— Ну и осел же ты все-таки, — сказал бомбардир, разматывая провод со своей правой ноги и втыкая его в розетку, чтобы подзарядить батареи. — Ведь это актеры! Станут они для такого дела тревожить настоящих придворных, как же!

— Времени до прибытия императора у нас хватит только на одну репетицию, так что смотрите внимательно! — Режиссер Ратт вскарабкался на императорский трон и устроился там поудобнее. — Я буду императором. Теперь вы, виновники торжества: ваша роль самая простая, попробуйте только завалить! Времени для дуб-

лей у нас не будет. Вы станете сюда и, когда я крикну «Мотор!», замрете по стойке «смирно», как учили, не зря же вы жрали хлеб налогоплательщиков! Эй ты, который слева, в птичьей клетке — выруби немедленно свои треклятые моторы, ты нам забьешь всю звуковую дорожку! Только скрипни еще тормозами, я тебя враз обесточу! Внимание! Вы будете стоять смирно, пока не услышите свою фамилию, после чего сделаете шаг вперед и снова замрете. Император нацепит на вас ордена, вы отдадите честь, а затем — руки по швам и шаг назад. Дошло? Или это слишком сложно для ваших недоразвитых мозгов, забитых всякой дрянью?

— А пошел бы ты! — рыкнул сержант.

— Очень остроумно! Ну ладно, попробуем. Начали!

Они успели прорепетировать всю церемонию дважды, когда наконец пронзительно взвизгнули горны и шесть генералов с лучевыми пистолетами на взводе вошли в зал и встали спиной к трону. Все статисты, операторы, механики — даже сам режиссер Ратт — согнулись в поклоне, а ветераны вытянулись в струнку. Император прошаркал к помосту, взобрался на него и плюхнулся на трон.

— Продолжайте... — сказал он скучным голосом и негромко рыгнул, прикрыв рот ладонью.

— Мотор! — заорал режиссер во всю мощь своих легких и выскочил из кадра.

Загремела музыка, и церемония началась. Когда церемониймейстер зачитал приказ с описанием подвигов, за которые герои сподобились получить благороднейшую из всех наград — «Пурпурную стрелу» с «Подвеской туманности Угольного Мешка», император поднялся со своего трона и величественно прошествовал вперед. Первым стоял пехотный сержант; Билл краем глаза видел, как император взял из поданной ему коробочки разукрашенный золотом, серебром, рубинами и платиной орден и пришил его к груди воина. Сержант отступил назад и настала очередь Билла. Где-то далеко, за тридевять земель громоподобный голос произнес его имя. Билл шагнул вперед, до последних мелочей соблюдая ритуал, тщательно отработанный в лагере имени Льва Троцкого. Перед ним стоял самый обожаемый человек Галактики. Длинный распухший нос, украшавший триллионы банкнот, был повернут прямо к нему. Выступающая вперед верхняя челюсть с торчащими наружу зубами,

не сходявшая с миллиардов телевизионных экранов, шевельнулась, и императорские уста произнесли Биллово имя. Косой императорский глаз смотрел прямо на него! Волна обожания поднялась в груди у Билла, подобно громадному валу прибоя, с грохотом бьющего в берег, и он отдал честь самым изысканным образом, на какой только был способен.

Отказырял он, надо сказать, блистательно, поскольку на свете не так уж много людей с двумя правыми руками. Оба предплечья описали плавные дуги, оба локтя замерли под предписанным углом, обе ладони со звонким щелчком уперлись в виски. Сделано это было мастерски, и император так удивился, что на одно ничтожное мгновение ему удалось сфокусировать на Билле оба глаза, после чего зрачки привычно разбежались в разные стороны. Все еще потрясенный необычным приветствием, император нашарил орден и воткнул булавку через мундир прямо в трепещущую Биллову плоть.

Билл не почувствовал боли, но внезапный укол отпустил пружину, сдерживавшую невыносимое эмоциональное напряжение: уронив салютующие руки, он рухнул на колени в духе старых добрых феодальных времен — в точности как в исторических телепостановках, откуда, собственно, его раболепное подсознание и выудило эту идею, — и схватил императорскую кисть, покрытую подагрическими шишками и старческой гречкой.

— Отец ты наш! — заверещал он, припадая к этой руке.

Свирепые генералы-телохранители ринулись вперед, и смерть уже распростерла над Биллом свое крыло, но тут император улыбнулся, тихонько освободил ладонь и вытер стекающую с нее слюну о Биллов мундир. Неврежное движение пальца вернуло охрану на место; император прошествовал к бомбардиру, укрепил на нем оставшийся орден и отступил назад.

— Готово! — завопил режиссер Ратт. — Пленку на проявление, все вышло вполне натурально, особенно этот деревенский олух, распутивший сопли!

Тяжело поднимаясь с колен, Билл увидел, что император и не собирается возвращаться к трону, а стоит в центре беспорядочно движущейся толпы актеров. Охранники куда-то исчезли. Билл с беспредельным удив-

лением тарашил глаза, глядя как кто-то снимает с императора корону, сует ее в ящик и уносит прочь.

— Опять тормоз заел, — ворчал бомбардир, дергая рукой и продолжая отдавать честь. — Опустит эту чертову хреновину вниз, будь ласков. Вечно как подымешь выше плеча, так заедает.

— Но император... — начал Билл, нажимая на поднятую руку до тех пор, пока тормоз не взвизгнул и не отпустил.

— Актер, а кто же еще. Чтобы *настоящий* император, да раздавал ордена простым солдатам? Разве только тем, кого произвели на поле боя в офицеры, или другим высоким шишкам. Правда, его здорово загримировали — немудрено попасть впросак, особенно такому остолопу, как ты. Ну и видик же был у тебя — просто блеск!

— Берите, — сказал кто-то, вручая им обоим штампованные металлические копии орденов и поспешно забирая оригиналы.

— По местам! — гремел через усилитель голос режиссера. — У нас осталось десять минут на сцену «Императрица с наследником целует альдебаранских подкидышей по случаю Дня плодородия!» Выкиньте отсюда этих пластмассовых недоносков и уберите с площадки зевак!

Героев в три шеи вытолкали в коридор, дверь за ними захлопнулась и закрылась на замок.

Глава 2

— Я устал как собака, — сказал бомбардир, — да и ожоги болят.

В результате очередного короткого замыкания бомбардир ночью прожег кровать в «Старом добром борделе для ветеранов».

— Да плюнь ты, — приставал к нему Билл. — До отправки звездолета еще целых три дня, а потом — это же имперская планета, Гелиор! Господи, да тут столько всего, на что стоит посмотреть! Висячие Сады, Радужные Фонтаны, Жемчужный Дворец! Да неужто мы все это упустим?!

— Бери пример с меня! Отосплюсь чуток — и обратно в бордель! Ну а если тебе нужно, чтобы кто-то водил тебя за руку и показывал достопримечательности, возьми с собой сержанта.

— Да он же не просыхает!

Пехотный сержант был законченным пьяницей-одиночкой и не разменивался по мелочам. К тому же он вовсе не был сторонником разбавленного спирта и не собирался выбрасывать деньги на красивые этикетки. Все свои наличные он ухлопал на взятку санитару, который достал ему две бутылки чистого 99-процентного этилового спирта, коробку глюкозы, физиологический раствор, иглу от шприца и кусок резиновой трубки. На полке, подвешенной над койкой сержанта, стояла оплетенная бутыл, из которой смесь стекала по

трубке в иголку, воткнутую в руку изобретательного пьянчуги, и поступала в организм в виде непрерывного внутривенного вливания. Сержант неподвижно лежал на кровати, пьяный в стельку и обеспеченный закусью, и если бы ему не мешали, провалялся бы в таком состоянии еще пару лет, пока не иссякнет волшебный источник.

Билл навел глянец на сапоги и запер сапожную щетку вместе с прочими причиндалами в свой ящик. Путешествие могло и затянуться: на Гелиоре заблудиться — раз плюнуть, особенно если у тебя нет гида. На дорогу от студии до казармы у них ушел чуть не целый день, хотя с ними был сержант, прекрасно разбиравшийся в планах и указателях. Пока они паслись около казармы, никаких проблем не возникало, но Биллу уже обрыдли нехитрые развлечения, которые полагались отпускным воякам. Он жаждал увидеть Гелиор, настоящий Гелиор — столицу Галактики. Что ж, если никто не хочет его сопровождать, он пойдет один!

На Гелиоре, даже имея поэтажный план, очень трудно определить реальное расстояние между двумя точками, так как схемы этажей и уровней весьма условны и безмасштабны. Ну а путешествие, которое наметил для себя Билл, обещало быть достаточно длительным, поскольку маршрут основного вида транспорта — пневматической магнитной подземки — проходил по 84 картам. Не исключено, что конечный пункт вообще окажется на другом полушарии. Город размером с планету! Эта мысль никак не укладывалась в голову — во всяком случае, в голове у Билла.

Сандвичи, купленные в казарме у буфетчика, кончились на полпути к заветной цели, и желудок Билла, вновь жадно приспособившийся к твердой пище, заурчал настолько жалобно, что ему пришлось сойти на эскалатор в районе 9266-Л, черт знает на каком уровне, и начать поиски столовки. Очевидно, Билл оказался в Секторе машинописи, ибо толпа состояла почти исключительно из женщин со сгорбленными спинами и очень длинными пальцами. Единственная столовая, обнаруженная Биллом, была битком набита этими дамами. В их визгливом обществе он с усилием пропихивал в глотку завтрак, состоявший из единственного имевшегося в наличии набора блюд: сандвичей с засохшим фруктовым сыром и анчоусной пастой, а также картофельного

пюре с изюмом и луковым соусом. Запивалось все это тепловатым травяным чаем, который подавали в крошечных, с наперсток, чашечках. Еда, возможно, была бы не такой гнусной, если бы буфетчик неукоснительно не поливал ее ирисочной подливкой. Никто из женщин не обращал внимания на Билла, так как в течение рабочего дня все они находились под слабым гипнозом, имевшим целью снизить число опечаток. Поглощая пищу, Билл чувствовал себя чем-то вроде призрака, поскольку женщины чирикали и щебетали, совершенно не замечая его, и время от времени машинально отстукивали пальцами по краю столешницы свои реплики. В конце концов Билл сбежал, но завтрак произвел на него гнетущее впечатление, и, видимо, поэтому он ошибся и сел не на тот поезд.

Поскольку номера уровней и блоков в каждом районе повторялись, можно было запросто заблудиться, даже не заметив этого, и лишь в конце пути обнаружить, что путешествуешь совсем в другом районе. Именно это и произошло с Биллом, который после астрономического числа пересадок в самые разнообразные виды транспорта сел наконец в лифт в полной уверенности, что теперь-то уж он точно попадет в знаменитые на всю Галактику Дворцовые Сады. Все остальные пассажиры вышли на более низких уровнях, и роболифт, развив бешеную скорость, взлетел на самый верх. Билла слегка подбросило в воздухе, когда сработали тормоза, а уши заложило от резкой перемены давления. Как только дверцы лифта открылись, Билл вышел наружу, прямо в крутящийся снежный вихрь; пока он озибался в полном недоумении, лифт за его спиной лязгнув дверцами и исчез.

Билл очутился на металлической равнине — самом высоком уровне города, неразличимого из-за бушующей метели. Он хотел было нажать на кнопку, чтобы вызвать лифт обратно, но в этот момент внезапный порыв ветра умчал за собой всю снежную крутоверть, и с безоблачного неба засияло горячее солнышко. Это было невероятно.

— Так не бывает! — возмутился Билл.

— Все бывает, если я того пожелаю, — раздался чей-то хрипучий голос прямо у него над ухом. — Ибо аз есмь Дух Жизни.

Билл отпрянул в сторону, словно испуганный робоконь, и уставился на маленького белобородого человечка с хлопающим носом и покрасневшими глазами, который бесшумно возник у него за спиной.

— Видно, у тебя все мозги из черепушки повытекли, — огрызнулся Билл, обозленный собственным испугом.

— А ты бы тоже спятил на такой работенке, — просипел человечек и смахнул ладонью повисшую на носу каплю. — То зачоченеешь, то изжаришься на солнце, то чуть не сдохнешь от насморка, то наглотаешься чистого кислорода... Я Дух Жизни, — прохрипел он, — и я в состоянии...

— Ну раз уж ты заговорил об этом, — голос Билла заглушил вой неожиданно налетевшей метели, — я, в общем, тоже в таком состоянии... будто хлебнул лишку. Мне-е-е-е... — Ветер взвил и унес прочь слепящую снежную завесу, и Билл с разинутым ртом уставился на внезапно открывшийся пейзаж.

Пятна рыхлого снега и лужи испещрили поверхность планеты, золотистое покрытие облезло, обнажив грязно-серый выщербленный металл с бурыми потеками ржавчины. Ряды гигантских труб толщиной в человеческий рост с воронкообразными зевами наверху тянулись до самого горизонта. Из воронок с глухим ревом вырывались клубы снега и пара и столбами подымались в небо. Один из таких столбов обрушился вниз, и облако расколосось прямо у Билла на глазах.

— Восемнадцатый готов! — проорал в микрофон человечек, схватил со стены грифельную доску и, разбрызгивая снеговую жижу, бросился к заржавленным ветхим мосткам, которые, дрожа и лязгая, перемещались вдоль труб. Билл с криком устремился за стариком, не обращавшим на него никакого внимания. По мере того как мостки, клацая и раскачиваясь, уносили их все дальше и дальше, Билл все больше недоумевал — куда же идут эти трубы? Любопытство одолело его настолько, что он вытянулся вперед и пристально вгляделся в загадочные горбы на горизонте. Горбы оказались гигантскими звездолетами, каждый из которых был подсоединен к толстой трубе.

С неожиданным проворством старик спрыгнул с мостков и понесся к звездолету на восемнадцатой площадке, где высоко вверху крохотные фигурки рабочих

снимали герметическую муфту, соединявшую трубу с кораблем. Старик записывал показания счетчика, вмонтированного в трубу, а Билл наблюдал, как подъемный кран захватывает конец огромной гибкой кишки, появившейся из недр планеты, и подводит ее к вентилю на вершине звездолета. Кишка с ревом завибрировала, выпуская на месте соединения с кораблем клубы черного дыма, которые поплыли над грязной металлической равниной.

— Можно узнать, что за чертовщина тут происходит? — взмолился Билл, отчаявшись что-либо понять.

— Жизнь! Вечная жизнь! — закаркал старикашка, поднимаясь из глубин мрачной депрессии к вершинам маниакального восторга.

— А нельзя ли поточнее?

— Вот мир, обшитый металлом! — Старик топнул ногой, в ответ раздался глухой звон. — И что это означает?

— Это означает, что мир обшит металлом.

— Правильно. Для солдата ты на удивление сообразителен. Итак, если мы покроем планету металлом, а зелень на ней останется только в Дворцовых Садах да еще в парочке ящиков за окнами — что получится в результате?

— Все помрут, — сказал Билл; как-никак он был деревенским парнем и на всех этих фотосинтезах и хлорофиллах собаку съел.

— Опять правильно. И ты, и я, и император, и еще миллиарды бездельников трудятся изо всех сил, превращая кислород в углекислый газ при отсутствии всякой растительности, способной перевести его обратно в кислород. Если мы будем продолжать этот процесс достаточно долго, то задышим себя до смерти.

— Значит, эти корабли привозят жидкий кислород?

Старик кивнул головой и снова запрыгнул на мостки. Билл последовал за ним.

— Верно! Они получают его бесплатно на аграрных планетах. А потом загружают свои трюмы углем, который мы с большими трудами экстрагируем из углекислого газа, и дуют обратно в деревню, где этот уголь сжигают, или пускают на удобрения, или перерабатывают, добавляя в пластмассы и прочие продукты...

Билл перепрыгнул с мостков на ближайшую площадку, проводил взглядом старика, растаявшего в клубах

испарений, и, преодолевая головокружение, вызванное избытком кислорода, принялся лихорадочно листать страницы поэтажного плана. В ожидании лифта он установил по коду на двери свое местонахождение и начал прокладывать по карте маршрут к Дворцовым Садам.

На сей раз он не позволил себе отвлекаться. Питаясь только шоколадными батончиками и запивая их газировкой из придорожных автоматов, Билл избежал опасностей и соблазнов забегаловок, а отказавшись ото сна — опасности пропустить пересадку. Голодный, с черными мешками под глазами, он вывалился из антигравитационной шахты и с колотящимся сердцем подошел к разукрашенной, благоухающей, ярко освещенной вывеске «Висячие Сады». Неподалеку он заметил турникет и кассовое окошко.

— Один билет, пожалуйста.

— Это обойдется в десять имперских монет.

— Дороговато однако, — проворчал Билл, вытаскивая банкноты одну за другой из своего тощего бумажника.

— Если бедный — мотай с Гелиора.

В программу работа-кассира было заложено немало таких хлестких ответов. Билл проигнорировал его и прошел через турникет.

Сады превзошли все его ожидания. Идя по серой гравейной дорожке, проложенной внутри внешней ограды Садов, Билл любовался зелеными кустами и травами, что росли за сетчатым титановым забором. Не далее чем в сотне ярдов, за травяным бордюром, в воздухе колыхались экзотические растения и цветы, доставленные со всех планет империи. А за ними... Если приглядеться, можно было даже невооруженным глазом различить вдали крошечные Радужные Фонтаны. Билл опустил в прорезь телескопа монетку и долго смотрел, как мерцают яркие краски — почти как на экране телевизора, ничуть не хуже! Он двинулся дальше, кружа внутри стены и купаясь в лучах искусственного солнца, сиявшего под гигантским куполом.

Но даже пьянящие наслаждения Садов не могли побороть гнетущей усталости, сжавшей Билла железными тисками. Он рухнул на стальную скамейку, при-

варенную к стене, чтобы передохнуть хоть пару минут, и на мгновение прикрыл глаза, утомившиеся от ослепительного света. Голова Билла сама собой опустилась на грудь, и он тут же уснул мертвецким сном.

Мимо него проходили экскурсанты, поскрипывая золой под ногами, но он ничего не слышал; он не проснулся даже тогда, когда один из посетителей присел на край скамейки.

Поскольку Билл так никогда и не увидел его, нет смысла подробно описывать этого человека — достаточно сказать, что у него была нечистая кожа, перебитый красный нос, злобные глазки под обезьяньими надбровьями, широкие бедра, узкие плечи, ноги разной длины, узловатые грязные пальцы и нервный тик.

Долгие секунды падали в вечность; мужчина сидел неподвижно. Наконец рядом не осталось ни одного экскурсанта. Быстрым змеиным движением незнакомец выхватил из кармана атомный резак-карандаш. Маленькое невообразимо горячее пламя тихо зашипело, соприкоснувшись с цепочкой, соединявшей поэтажный план с поясом Билла, и мгновенно приварило ее к стальной скамейке. Билл спокойно похрапывал.

Волчья ухмылка расползлась по лицу мужчины, подобно тому как расходятся кругами стоячие воды, в которые нырнула крыса. Еще одно неуловимое движение — и атомное пламя перерезало цепочку около корешка. Сунув резак-карандаш в карман, вор встал, схватил с Билловых колен поэтажный план и быстро зашагал прочь.

Глава 3

Билл не сразу понял, что с ним произошло. Он медленно возвращался к действительности, с тяжелой головой и дурными предчувствиями. Только после повторной попытки отделиться от скамьи до него дошло, что цепочка накрепко спаяна с сиденьем, а поэтажный план исчез. Оторвать цепь не удалось; в конце концов он просто отцепил ее от поясного ремня и оставил на скамейке. После чего направился к выходу и постучал в окошко кассы.

— Деньги не возвращаем! — сказал робот.

— Я хочу заявить о преступлении.

— Преступлениями занимается полиция. Вам следует позвонить по видеофону. Номер ЛЛЛ-ЛЛ-ЛЛЛ.

Откинулась маленькая дверца, из отверстия выскочил аппарат и стукнул Билла в грудь, чуть не сбив его с ног. Билл набрал номер.

— Полиция, — раздался голос, и на экране появилось бульдожье лицо сержанта, одетого в ярко-синюю форму.

— Я хочу заявить о краже.

— Крупное хищение или мелкое?

— Не знаю. Украли мой поэтажный план.

— Это мелкое хищение. Обратитесь в ближайший полицейский участок. Наша линия предназначена для чрезвычайных сообщений, и вы пользуетесь ею неза-

конно. Наказание за незаконное использование линии срочного оповещения...

Билл с силой нажал на кнопку, и экран погас. Билл снова повернулся к роботу-кассиру.

— Деньги не возвращаем! — произнес тот.

Билл нетерпеливо рявкнул:

— Заткнись! Мне надо только узнать, где ближайший полицейский участок.

— Я робот-кассир, а не информационный робот. Нужной вам информации в моей программе нет. Посмотрите в своем позтажном плане.

— Но мой план украден!

— Тогда обратитесь в полицию.

— Но...

Билл побагровел и со злостью пнул будку кассира сапогом.

— Деньги не возвращаем! — раздалось ему вслед.

— Пей, пей, прибалдей, — прошептал Биллу прямо на ухо неведомо откуда подкативший робот-бар, мелодично позвякивая, будто встряхивая кубики льда в покрытом изморозью бокале.

— Отличная идея! Пива! И кружку побольше! — Билл опустил монеты в прорезь и подхватил сосуд, загрохотавший по желобу и едва не скатившийся на землю. Пиво охладило и немного успокоило Билла. Он взглянул на висевший неподалеку указатель «К Жемчужному Дворцу». — Схожу во Дворец, посмотрю, как да что, может, там кто-нибудь подскажет, где полицейский участок. Эй, что за шутки?!

Робот-бар, выхвативший кружку из Билловых рук, чуть не оторвал ему указательный палец и тут же с немыслимой для человека точностью швырнул сосуд в открытую пасть мусоропровода, торчавшего из стены футах в тридцати от них.

Жемчужный Дворец оказался таким же доступным для обозрения, как и Висячие Сады, и Билл решил сначала заявить о краже, а уж потом отправиться на экскурсию в зарешеченный загончик, окружавший Дворец на весьма почтительном расстоянии. Возле входа в загончик стоял, выпятив толстое пузо и помахивая дубинкой, полицейский, который наверняка знал адрес ближайшего участка.

— Где тут полицейский участок? — спросил Билл.

— Я тебе не информационная будка. Воспользуйся своим поэтажным планом.

— Но, — произнес Билл сквозь зубы, — я не могу. Мой поэтажный план украден, и именно поэтому я хочу... — не успев договорить, Билл взвизгнул, так как полицейский заученным движением вонзил конец своей дубинки ему под мышку и загнал его за угол.

— Я сам был солдатом, пока не выкупился... — пробасил полицейский.

— Я бы с большим удовольствием выслушал ваши воспоминания, если бы вы убрали дубинку у меня из-под мышки, — простонал Билл и облегченно вздохнул, почувствовав свободу.

— Я сам был солдатом, и мне бы не хотелось, чтобы парень с «Пурпурной стрелой» и «Подвеской туманности Угольного Мешка» попал в переделку. К тому же я честный человек, взяток не беру, но если кто-то захочет одолжить мне до полочки двадцать пять монет, я буду ему весьма признателен.

Билл от рождения был туповат, но в последнее время жизнь его многому научила. Деньги исчезли так же быстро, как появились, после чего полицейский заметно помягчел и принялся постукивать концом дубинки по своим желтым зубам.

— Прежде чем ты сделаешь официальное заявление лицу, находящемуся при исполнении, я кое-что скажу тебе, дружище: мы ведь сейчас просто болтаем о том о сем. На Гелиоре есть немало способов попасть в беду, но самый верный из них — потерять свой поэтажный план. За это на Гелиоре вешают. Я знавал парня, который зашел в участок сообщить, что кто-то спер его план, так ему мгновенно нацепили наручники, он и глазом моргнуть не успел. Так что ты хотел мне сказать?

— Не найдется ли у тебя спичек?

— Не курю.

— Тогда будь здоров.

— Держи ухо востро, парень.

Билл опрометью кинулся за угол и задыхаясь прислонился к стене. Что же теперь делать? Он и с планом-то еле отыскивал дорогу, как же теперь без плана? Билл почувствовал свинцовую тяжесть в животе, но усилием воли подавил приступ страха и попробовал сконцентрироваться. Однако эта попытка ни к чему не привела, только голова пошла кругом. Казалось, у него уже

несколько лет во рту маковой росинки не было; при мысли о еде у Билла началось такое обильное слюноотделение, что он чуть не захлебнулся. Жратва — вот что ему необходимо, жратва как топливо для мозга... Ему просто надо расслабиться, посидеть над сочным кровавым бифштексом; когда его внутреннее «я» будет удовлетворено, он опять сможет мыслить здраво и найдет выход из этой неразберихи. Должен же быть какой-то выход! До конца увольнительной еще целый день, так что время пока есть.

Билл побрел по круто изгибающемуся переулку и вышел в широкий туннель, залитый ярким светом. Ослепительнее всего горела вывеска «Золотой скафандр».

— «Золотой скафандр», — прочел он вслух. — Похоже, это мне и нужно: ресторан, известный на всю Галактику по бесчисленным телепередачам! Для поднятия настроения лучше не придумаешь. Дороговато, пожалуй, ну да черт с ним...

Затянув потуже ремень и поправив воротничок, Билл поднялся по широким золотым ступеням и прошел через бутафорский люк. Метрдотель раскланивался и улыбался, нежная мелодия увлекала за собой, а пол прямо из-под ног ушел куда-то вниз. Беспомощно хватаясь за гладкие стены, Билл скатился по золоченому желобу, описал плавную дугу и шлепнулся на пыльную металлическую мостовую. Перед ним на стене огромными буквами была намалевана наглая надпись: «Мотай отсюда, бродяга!». Билл встал, отряхнулся и услышал нежное воркование невесты откуда взявшегося робота, который шептал ему на ухо голосом юной прелестной девушки:

— Держу пари, ты проголодался, милый? Почему бы тебе не попробовать неоиндийской пиццы с кэрри Джузеппе Сингха? Его заведение в двух шагах отсюда, а как туда добраться — написано на обороте карточки.

Робот вынул из щели на груди открытку и осторожно вложил ее Биллу в рот. Это явно был дешевый и очень плохо отлаженный робот. Билл выплюнул размякшую от слюны карточку и обтер ее носовым платком.

— А что, собственно, со мной произошло? — спросил он.

— Держу пари, ты проголодался, милый? Гр-р-рак, — переключился робот на другую программу. — Тебя как нищего бродягу катапультировали из «Золотого скафан-

дра», известного на всю Галактику по бесчисленным телепередачам. Когда ты зашел в это заведение, тебя тут же просветили рентгеном и сведения о содержимом твоих карманов автоматически передали на компьютер. А поскольку денег у тебя не хватало даже на входной билет, порцию спиртного и налог, тебя вышвырнули вон. Но ты же еще голоден, милый? — Робот плотоядно поглядывал на Билла, а сладкозвучный сексуальный голосок не умолкая лился из разбитого ротового отверстия: — Давай зайдем к Сингху, который славится самой вкусной и дешевой едой. Попробуешь аппетитнейшую сингхову ласангу с дахлом и лимонной подливкой...

Билл согласился пойти не потому, что его соблазнило кошмарное бомбейско-итальянское варево; его привлекли схема и инструкции на обороте рекламной карточки. Им овладело какое-то странное ощущение безопасности при мысли о том, что он отправится из одного пункта в другой, следуя четким указаниям, спустится вниз по железному трапу, попадет в шахту антиграва, потолкается в толпе на бегущей дорожке.

За последним поворотом в нос ему ударило зловоние тухлого сала, гнилого чеснока, горелого мяса, и Билл понял, что прибыл на место. Еда была немислимо дорогая и гораздо хуже на вкус, чем Билл способен был вообразить, тем не менее она приглушила болезненное урчание желудка, пусть даже грубым ударом, а не приятным насыщением. Выковыривая ногтем жуткий хрящ, застрявший у него между зубами, Билл исподтишка поглядывал на своего соседа по столу, который с мучительными стонами заглатывал ложку за ложкой нечто, не имеющее названия. Сотрапезник Билла был одет в яркую праздничную одежду, толст, румян и по всем признакам добродушен.

— Привет, — улыбаясь, сказал Билл.

— Отвали, чтоб ты сдох, — рявкнул человек.

— Я только сказал «привет», — с некоторой угрозой в голосе произнес Билл.

— Этого вполне достаточно. Всякий, кто брал на себя труд обратиться ко мне за те шестнадцать часов, что я пробыл на этой так называемой планете наслаждений, либо надул меня, либо облапошил — в общем, так или иначе увел мои денежки. Я почти разорен, а

впереди еще шесть дней тура «Осмотри Гелиор и помни вечно».

— Да я только хотел попросить у вас разрешения взглянуть на ваш поэтажный план, пока вы обедаете.

— Сказал, отвали.

— Ну пожалуйста!

— Ладно уж, так и быть. За двадцать пять монет. Деньги вперед. И только пока я ем.

— Идет.

Билл выложил деньги, нырнул под стол и, сидя на корточках, принялся лихорадочно листать страницы книги, записывая пункты отправления по мере того, как находил их. Толстяк над головой продолжал есть и стонать, а когда ему попадался особенно противный кусок, цепь дергалась, заставляя Билла начинать поиски сначала. Он успел изучить почти половину пути до Транзитного центра ветеранов, когда толстяк вырвал у него поэтажный план и выскочил наружу.

Когда Одиссей вернулся из своего страшного плаванья, он пощадил слух Пенелопы и не открыл ей всех ужасающих подробностей. Когда Ричард Львиное Сердце, освободившись из темницы, возвратился домой после долгих и опасных крестовых походов, он не оскорбил чувствительности королевы Беренгардии душераздирающими историями, а просто поздоровался с ней и отомкнул пояс целомудрия. Поэтому и я, мой добрый читатель, не стану утомлять тебя описанием опасностей и невзгод, поджидавших Билла на его пути, ибо они превосходят всякое воображение. Достаточно сказать, что он добился своего. Он достиг Транзитного центра ветеранов.

Не веря своим глазам, Билл долго и тупо разглядывал вывеску «Транзитный центр ветеранов», после чего привалился к стене, чтобы унять дрожь в коленях. Он все-таки добился своего! Конечно, восемь суток опоздания из отпуска — не шутка, но разве в этом дело! Скоро он опять окажется в дружеских объятиях братьев по строю, оставив позади бесконечные стальные

коридоры, забитые вечно спешащей толпой, трапы, бегущие дорожки, антигравы, эскалаторы, пневмолифты и прочую гадость. Он напьется со своими ребятами до поросячьего визга, он позволит алкоголю растворить воспоминания о кошмарных странствиях, он постарается забыть ужас скитаний без пищи, без воды, без звука человеческого голоса, кошмар нескончаемых блужданий в кромешной тьме среди черных штабелей в Секторе копировальной бумаги. Билл отряхнул с одежды пыль, остро ощущая стыд при виде каждой прорехи, каждой пропавшей пуговицы, складки в неполюженном месте, которые превращали форму черт знает во что. Если удастся незаметно проникнуть в казарму, он сначала переоденется, а потом уже явится в канцелярию.

Несколько человек обернулись в его сторону, но Билл беспрепятственно проскочил через общую комнату в казарменную спальню. Его матрац был скатан, простыни исчезли, тумбочка опустела. Похоже, он таки влип в паршивую историю, а паршивая история в армии — дело серьезное. Чтобы подавить леденящее чувство страха, Билл ополоснулся в отхожем месте, глотнул прямо из-под крана животворной воды, а затем потащился в канцелярию. За столом сидел сержант первого ранга — верзила садистского вида, с такой же темной кожей, как у Биллова дружка Тембо. В одной руке сержант держал пластиковую куклу в форме капитана, а другой втыкал в нее распрямленные скрепки для бумаг. Не поворачивая головы, он зыркнул в сторону Билла и нахмурился.

— У тебя будут серьезные неприятности, солдат, раз ты позволяешь себе являться в канцелярию в таком виде.

— У меня неприятности посерьезнее, чем вы думаете, сержант, — ответил Билл, устало облокотившись о стол.

Сержант уставился на непарные руки Билла, быстро перебегая глазами с одной на другую.

— Где ты взял эту ладонь, солдат? А ну, выкладывай! Я ее хорошо знаю.

— Она принадлежала моему дружку, и к ней, как положено, есть и плечо и предплечье.

Горя желанием перевести разговор на любую тему, которая не имела бы отношения к его воинским проступкам, Билл протянул для осмотра руку, о которой

шла речь, и пришел в неопиcуемый ужас, когда пальцы вдруг сжались в твердый как камень кулак, бицепс вздулся горой, и кулак, взметнувшись в воздух, звезда-нул сержанта прямо в челюсть, выкинув его из кресла и уложив вверх тормашками на полу.

— Сержант!!! — завопил Билл, схватив другой рукой взбунтовавшуюся кисть и с силой прижимая ее к груди.

Сержант медленно поднялся на ноги. Билл, дрожа, приготовился к самому худшему. Он не поверил своим глазам, когда увидел, что сержант, улыбаясь, снова садится за стол.

— Так я и думал, что рука знакомая. Она принадлежала моему старому приятелю Тембо. Мы частенько подшучивали друг над другом таким вот образом. Ты заботься о ней как следует, слышишь? А может, у тебя еще есть что-нибудь от Тембо? — Услышав отрицательный ответ, сержант отбил на краю стола быструю барабанную дробь. — Что ж, значит, он отправился на небеса, чтобы совершить великий обряд джу-джу. — Улыбка сползла с его лица, и оно приняло привычное брюзгливое выражение. — А ты попал в беду, солдат. Выкладывай-ка свои документы.

Сержант вырвал из ослабевших Билловых пальцев учетную карточку и сунул ее в специальную прорезь в столе. Мигнули лампы, стол загудел, задрожал и зажегся экраном. Сержант прочитал появившийся на экране текст, и кислая мина на его физиономии сменилась гримасой холодной ярости. Повернувшись к Биллу, он пронзил его через узкие глазные бойницы таким взглядом, от которого немедленно скисло бы молоко, а некоторые низшие формы жизни — вроде мышей или тараканов — тут же подошли бы. От этого взгляда у Билла застыла в жилах кровь, и он задрожал, словно дерево на ветру.

— Где ты спер это удостоверение? Кто ты такой?

С третьей попытки Биллу удалось разлепить онемевшие губы и выдавить из себя:

— Это я... это мое удостоверение... это я — заряжающий 1-го класса Билл...

— Врешь! — Ноготь, специально отточенный, чтобы единым взмахом вскрывать шейную артерию, царапнул по карточке Билла. — Это удостоверение украдено, так как заряжающий 1-го класса Билл отбыл отсюда

на звездолете восемь суток назад. Так утверждает отдел кадров, а там не ошибаются никогда. Попался, сучий потрох!

Сержант нажал красную кнопку с надписью «Военная полиция», и вдалеке раздался злобный вой сирены. Билл зашаркал подошвами, глаза его забегали в поисках выхода.

— А ну-ка, придержи его, Тембо! — крикнул сержант. — Я намерен до конца разобраться в этой истории!

Левая-правая рука Билла крепко ухватилась за край стола, и оторвать ее оказалось невозможно. Билл все еще боролся с мятежной рукой, когда за его спиной раздался тяжелый грохот сапог.

— В чем дело? — прорычал знакомый голос.

— Попытка выдать себя за младшего командира, да еще несколько менее важных проступков, которые уже не имеют значения, так как первое преступление карается электролоботомией и тридцатью ударами плети.

— О, сэр, — радостно воскликнул Билл, развернувшись и с умилением взирая на некогда ненавистную фигуру Смертвича Дранга. — Скажите им, что я — это я!

Один из полицейских был обыкновенный изверг в человеческом образе, в красной каске и отутюженном костюме, с дубинкой и пистолетом, а другой — не кто иной, как Смертвич Дранг.

— Ты знаешь арестованного? — спросил сержант.

Смертвич прищурился и смерил Билла оценивающим взглядом с головы до ног.

— Я знал заряжающего 6-го класса Билла, но руки у того были одинаковые. Тут что-то неладно. Мы им займемся в караулке и сообщим, в чем он сознается.

— Согласен. Берегите его левую руку. Она принадлежала моему старому дружку.

— Мы ее и пальцем не тронем.

— Но я же Билл! — вопил несчастный. — Это же я, это мое удостоверение... Я могу доказать...

— Самозванец! — заявил сержант и ткнул пальцем в экран. — В досье записано, что заряжающий 1-го класса Билл отбыл отсюда восемь суток назад. А в досье не бывает ошибок.

— В досье не может быть ошибок, иначе во Вселенной начнется полная неразбериха, — откликнулся

Смертвич, с силой втыкая конец электронной дубинки в живот Билла и подталкивая беднягу к двери. — А что, заказанная пальцедробилка уже прибыла? — спросил он у другого полицейского.

Пожалуй, только смертельной усталостью можно объяснить дальнейшие действия Билла. Усталостью, отчаянием и страхом, которые смешались и переполнили его душу; ведь в душе он был хорошим солдатом — смелым, аккуратным, исполнительным, с гетеросексуальными наклонностями. Но предел выносливости есть у каждого человека, и Билл своего предела достиг. Он верил в неукоснительную справедливость правосудия — поскольку никогда не сталкивался с ним — однако при мысли о пытке совсем обезумел. Когда его расширенные зрачки остановились на табличке «Грязное белье», прикрепленной к стене, он прыгнул вперед совершенно автоматически, ничего не соображая от ужаса, и этот внезапный отчаянный прыжок заставил руку Тембо оторваться от стола. Бежать! За этой дверцей в стене должна быть шахта, ведущая в прачечную, а на дне шахты наверняка скопилась куча замечательных грязных простынь и полотенец, которая смягчит падение с высоты. Он спасен! Не обращая внимания на звериный рык полицейских, Билл нырнул в отверстие вниз головой.

И чуть не вышиб себе мозги. Это была вовсе не шахта, а большая, высотой около четырех футов, прочная металлическая корзина для белья.

Полицейские лупили по захлопнувшейся дверце, но она не поддавалась, потому что Билл уперся в нее ногами.

— Заперто! — орал Смертвич. — Удрал, гад! Куда ведет эта бельевая шахта? — Смертвич явно пришел к тому же ошибочному умозаключению, что и Билл.

— Откуда мне знать! Я тут человек новый! — пыхтел второй полицейский.

— На электрическом стуле ты тоже будешь новичком, если мы не изловим этого мерзавца!

Голоса полицейских зазвучали глуше, удаляясь под топот сапог, и Билл рискнул пошевелиться. Сильно болела шея, повернутая под каким-то немыслимым углом, колени вонзились в живот, грудa белья, в которую Билл уткнулся лицом, почти придушила его, не давая вздохнуть. Он попытался выпрямить ноги, уперся ими в стальную стенку — что-то громко хлопнуло, и Билл

вылетел наружу, а бельевая корзина скользнула в грузовой лифт, створки которого открылись в другом конце стены.

— Вот он! — раздался знакомый ненавистный голос.

Билл метнулся в сторону. Сапоги бухали уже прямо за его спиной, но тут он увидел шахту антиграва и снова нырнул вниз головой, на сей раз более удачно. Когда распаленные погоней полицейские прыгнули за ним, невесомость разнесла их футов на пятнадцать друг от друга. Медленно и плавно они поплыли вниз. Билл поднял голову и содрогнулся при виде оскаленной рожи Смертвича, парившей наверху.

— Дружище, — всхлипнул Билл, молитвенно сложив ладони. — За что ты преследуешь меня?

— Никакой я тебе не дружище, проклятый чиндже-ровский шпион! И к тому же никудышный шпион — руки-то у тебя разные! — Смертвич выхватил из кобуры пистолет и тщательно прицелился Биллу прямо между глаз. — Застрелен при попытке к бегству.

— Пощади! — взмолился Билл.

— Смерть чиндже-рам! — Смертвич нажал на гашетку.

Глава 4

Пуля не спеша выплыла из облака медленно расходящихся пороховых газов и проплыла фута два в направлении Билла, пока жужжащее антигравитационное поле не остановило ее. Простодушный автомат, управляющий антигравом, перевел скорость пули в массу и, приняв ее за еще одно тело, попавшее в шахту, определил ей точно рассчитанное место. Падение Смертвича замедлилось, пока он не оказался футах в пятнадцати от пули, тогда как другой полицейский завис примерно на таком же расстоянии от Смертвича. Расстояние между беглецом и преследователями теперь вдвое превышало первоначальное, чем Билл не преминул воспользоваться, нырнув в выходной люк на следующем уровне. Открытая дверца лифта радушно приняла его в свои объятия и захлопнулась задолго до того, как изрыгающий проклятья Смертвич выбрался из шахты.

Теперь спасение зависело только от умения замечать следы. Билл наутад пересаживался с одного вида транспорта на другой, спускаясь каждый раз на более низкий уровень, подобно кроту, зарывающемуся в землю. Остановился он только тогда, когда совсем выбился из сил, и в полном изнеможении рухнул у подножия

стены, задыхаясь, как трицератопс * в период течки. Постепенно приходя в себя, Билл увидел, что забрался на такую глубину, на какой еще никогда не бывал. Коридоры выглядели мрачными и обветшалыми, было что-то древнее в их конструкции и облицовке из склепанных стальных плит. Вдоль стен тянулись циклопические колонны по несколько сот футов в диаметре — гигантские структуры, удерживавшие на себе всю тяжесть верхних этажей города-мира. Почти все двери в коридорах были заперты, на многих висели замысловатые замки. Билл устало поднялся и побрел по тускло освещенному туннелю в поисках воды. Горло от жажды горело огнем.

Автомат с прохладительными напитками, встроенный в стену, оказался совсем рядом. От автоматов, с которыми Биллу приходилось иметь дело раньше, этот отличался толстыми прутьями решетки, защищавшей фасад, и табличкой: «Механизм оборудован устройством "Поджарим без масла". Попытка взломать влечет за собой удар током в 100 тысяч вольт». Билл нашарил в карманах монеты на двойную порцию колы с героином и осторожно отступил на безопасное расстояние от сыпавшего искрами автомата, пока тот наполнял стакан.

Утолив жажду, Билл почувствовал себя куда лучше, но стоило ему заглянуть в бумажник, как хорошее настроение испарилось без следа. На все про все у него осталось восемь кредиток, кончатся они — и что тогда? Изможденный, одурманенный наркотиком, Билл почувствовал такой острый приступ жалости к себе, что не выдержал, рухнул на пол и разрыдался. Он смутно сознавал, что мимо снуют случайные прохожие, но не обращал на них внимания, пока какая-то троица не остановилась рядом, опустив своего четвертого приятеля на пол. Билл взглянул на эту компанию и отвернулся — он слышал их голоса, но не улавливал смысла слов, отдавшись грезам наркотического кайфа.

— Бедняга Гольф! Пожалуй, ему крышка...

— Это уж точно. Более натурального предсмертного хрипа я отродясь не слыхивал. Давай-ка бросим его тут — роботы-уборщики подберут потом.

— А как же наше дело? Нам нужен четвертый, иначе ничего не получится.

* Ископаемый динозавр с тремя рогами на голове. (Примеч. ред.)

— А может, подойдет этот беспланник, что валяется у стены?

Сильный удар сапогом перевернул Билла на другой бок и возвратил его к действительности. Он прищурился, разглядывая склонившихся над ним людей, странно похожих друг на друга — бородатых, оборванных, грязных. Они отличались только ростом да размером, а роднила их еще одна деталь: ни у одного из них не было на поясе позтажного плана, и без этих толстых томиков, покачивающихся, словно маятник, они выглядели какими-то раздетыми.

— Где твой план? — спросил самый рослый и самый обросший, снова ткнув Билла сапогом.

— Украли... — всхлипнул Билл.

— Ты что — солдат?

— Они отняли у меня удостоверение...

— Деньги есть?

— Нету... ничего нету... все ушло как прошлогодний снег...

— Тогда ты теперь тоже беспланник, — хором заявила троица, помогая Биллу встать на ноги. — А теперь давай вместе споем Гимн Беспланников.

И они затянули дрожащими голосами:

Поднимайтесь все как один,
Братья-беспланники! Мы победим.
За правое дело сражаться пойдем,
Свергнем тиранов, правду найдем.
И тогда придет желанный час свободы —
Снова мы увидим голубые своды
И услышим тихий шепоток
Дождя.

— Тут в конце рифма не выдержана, — сказал Билл.

— Ах, у нас ведь так мало талантов, — ответил самый щуплый и самый старый беспланник и закашлялся.

— Заткнитесь, вы! — прикрикнул верзила и врезал им обоим по почкам. — Слушай, я — Литвак, а это моя банда. Теперь ты тоже член нашей банды и звать тебя Гольфом 28169-минус.

— Нет, меня зовут Билл, это имя проще выговорить. — И тут же схлопотал еще один удар.

— Цыц! Билл — трудное имя, потому что новое, а я никогда не запоминаю новых имен. Одного из моей банды всегда зовут Гольфом 28169-минус. Так как тебя кличут?

— Билл... Ой! Я хотел сказать — Гольф.

— Вот так-то лучше. И не забывай, что у тебя еще есть и номер.

— Я жрать хочу! — канючил старик. — Когда мы начнем налет?

— Немедленно. Пошли.

Они перешагнули через Гольфа, отдавшего душу в тот самый момент, когда у него появился преемник, и устремились вперед по промозглому переходу. Билл следовал за ними, гадая, в какую же историю он вляпался теперь; впрочем, он так устал, что даже встревожиться не было сил. Поскольку разговор все время вертелся вокруг еды, Билл решил отложить все вопросы на потом, а пока это было даже приятно — что кто-то другой думает за него и отдает распоряжения. Как будто снова в строю. Пожалуй, здесь даже лучше — по крайней мере, никто не заставляет ежедневно бриться.

Маленький отряд, щурясь от ослепительного света, выбежал в широкий коридор. Литвак знаком приказал остановиться, подозрительно огляделся по сторонам, приложил замызанную ладонь к похожему на цветную капусту уху и прислушался, морща лоб от напряжения.

— Вроде бы чисто. Слушай, Шмутциг, ты останешься здесь и, если кто покажется, поднимешь тревогу. А ты, Спорко, будешь сторожить у следующего поворота. Новый Гольф пойдет со мной.

Оба дозорных отправились на места, а Билл последовал за главарем банды к небольшой нише с запертой железной дверью, которую верзила Литвак взломал одним ударом, вытащив из-под своих лохмотьев тяжеленный молот. В комнате оказалось великое множество труб самых разных диаметров, которые выходили из пола и исчезали в потолке. Литвак указал на номера, выбитые на трубах:

— Нам нужен номер кл-9256-Б, — бросил он Биллу. — Ищи!

Билл быстро обнаружил трубу толщиной примерно с запястье, на которой виднелся указанный номер, но только он окликнул главаря, как из коридора послышался тонкий свист.

— Немедленно наружу! — приказал Литвак и, вытолкнув Билла, захлопнул дверь, загородив спиной сломанный запор. Из конца туннеля доносилось громохание, плеск и лязг, постепенно нараставшие и приближавшиеся к нише, в которой укрылись беспланники. Литвак завел за спину руку с молотком. Шум усилился, и рядом с нишей появился санитарный робот, который выпучил на них бинокулярные стебельчатые глаза.

— Будьте добры, подвиньтесь, данный робот желает подмести то место, на котором вы стоите, — прозвучал уверенный голос, записанный на пленку. Робот помахал перед ними своими щетками.

— Мотай отсюда, — прорычал Литвак.

— Противодействие санитарному роботу при исполнении им своих обязанностей является наказуемым асоциальным деянием. Полагаю, вы не продумали последствий того, что санитарная служба не...

— Проклятый болтун! — оскалился Литвак и треснул молотком по черепной коробке робота.

— Уонк! — взвизгнул робот и шатаясь покатил по коридору, беспорядочно разбрызгивая воду из всех своих отверстий.

— Надо кончать дело, — распорядился Литвак, распахивая дверь.

Он сунул Биллу молоток, а сам из какого-то укромного местечка в своем отрепье вытащил ножовку, с помощью которой атаковал трубу. Металл был тверд, и уже через минуту Литвак покрылся потом и выдохся.

— Теперь давай ты! — крикнул он Биллу. — Пили изо всех сил, потом я тебя сменю. — Трудясь поочередно, они за три минуты распилили трубу. Литвак спрятал ножовку и снова взялся за молоток. — Поехали! — сказал он и, поплевав на ладони, нанес трубе сильнейший удар.

Двух ударов хватило, чтобы верхняя часть перепиленной трубы согнулась, отойдя от места соединения с торчавшим из пола отрезком, из которого тут же полезла наружу бесконечная гирлянда склеенных концами зеленых сарделек. Литвак перебросил ее Биллу через плечо и стал обматывать его сардельками, поднимаясь все выше и выше. Сардельки достигли уже уровня Билловых глаз, так что он смог прочитать белые буквы на травянисто-зеленой оболочке: «Хлоро-кобылки», «В каждой сардельке бездна солнечного света!», «Конские

колбаски повышенного качества», «В следующий раз обязательно требуйте сосиски Мерина!»

— Довольно! — простонал Билл, пошатываясь под тяжестью груза.

Литвак оборвал гирлянду и начал наматывать ее на собственные плечи, но поток блестящих зеленых сарделек внезапно иссяк. Выдернув из трубы несколько последних звеньев цепочки, Литвак бросился к двери.

— Тревога объявлена, сейчас начнется погоня! Надо уходить, пока полиция не сцапала!

Он пронзительно свистнул, оба стоявших на стреме подбежали к ним, и банда помчалась вперед. Билл с непривычки и под тяжестью сарделек беспрерывно спотыкался, пока длился этот кошмарный бег по туннелям, лестницам, осклизлым трубам, винтовым переходам и пока они не достигли заброшенной пыльной площадки, освещенной тусклым светом нескольких лампочек. Литвак поднял решетку люка, они попрыгали вниз и стали ползком пробираться вдоль кабелей, проложенных в узкой трубе, которая соединяла два городских уровня. Шмутциг и Спорко ползли за Биллом, подбирая сардельки, падавшие с его измученных плеч. Наконец через смотровую решетку они пролезли в темное убежище, и Билл рухнул на замусоренный пол. Вопя от нетерпения, бандиты жадно сорвали с Билла его носу; через минуту в железной корзине для мусора уже горел костер, а на вертеле поджаривались зеленые колбаски.

Божественный запах жареного хлорофилла привел Билла в чувство, и он с любопытством огляделся. В мерцающем свете костра он увидел вокруг себя огромную пещеру, стены и потолок которой скрывались во мгле. Мощные колонны поддерживали верхние уровни, а между колоннами высились груды какого-то хлама. Старик Спорко подошел к ближайшей куче, выдернул из нее связку бумаг и стал подбрасывать по листику в костер. Один листок упал рядом, и, прежде чем сунуть его в огонь, Билл разобрал, что это какой-то пожелтевший от времени правительственный документ.

Хотя Биллу никогда не нравились хлоро-кобылки, сейчас он ими прямо-таки наслаждался. Аппетит был хорошей приправой, а горелая бумага придавала сарделькам оригинальный привкус. Воры запивали колбаски ржавой водичкой из банки, подставленной под трубу,

из которой постоянно бежала тоненькая струйка, и наслаждались этим королевским пиром. Все-таки жизнь прекрасна, думал Билл, вытаскивая из огня колбаску и дуя на нее. Хорошая еда, хорошая вода и компаньоны тоже ничего. Свобода!

Литвак и старик уже спали на подстилках из смятой бумаги, когда к Биллу подсел Шмутциг.

— Это ты нашел мое удостоверение? — спросил он громким шепотом, и Билл понял, что перед ним сумасшедший.

Огонь бросал яркие блики на треснувшие стекла очков Шмутцига в дорогой серебряной оправе. На шее безумца, наполовину скрытые нечесаной бородой, шуршали остатки крахмального воротничка и висели обрывки некогда красивого галстука.

— Нет, не видал я твоего удостоверения, — ответил Билл. — Я и своего-то не видал с тех пор, как сержант первого ранга забрал его и позабыл вернуть. — Билла снова охватила жалость к себе, мерзкие сардельки свинцовой тяжестью давили на желудок. Шмутциг весь во власти своей идеи фикс, не обратил внимания на его ответ.

— Видишь ли, я ведь очень важное лицо. Шмутциг фон Дрек — человек, с которым следует считаться, и они очень скоро это поймут. Они думают, что им все сойдет с рук, но не тут-то было. Ошибка, говорят они, самая обыкновенная ошибка: магнитная лента порвалась, а когда ее склеивали, то крошечный — совсем крошечный — кусочек отрезали, и именно на этом кусочке были записаны все мои данные, но я-то впервые узнал об этом, когда в конце месяца не пришла моя зарплата, и я пошел, чтобы справиться, в чем дело, а они заявили, будто никогда не слышали обо мне. Но это невозможно: фон Дрек — старинное и славное имя, я служил эшелонным менеджером уже в двадцать два года, у меня было триста пятьдесят шесть подчиненных в отделе бумажных скрепок 89-го филиала конторского обеспечения. Поэтому им не следовало делать вид, будто они меня знать не знают, пусть даже я позабыл свое удостоверение дома в другом кармане, и уж никак не следовало в мое отсутствие выбрасывать из квартиры все имущество под предлогом, что она была сдана несуществующей личности. Я бы доказал, кто я такой,

будь при мне удостоверение... Ты не видал моего удостоверения?

Опять двадцать пять, подумал Билл и сказал:

— Тяжелый случай! Я тебе вот что скажу — я помогу тебе найти удостоверение. Вот прямо сейчас пойду и начну искать.

И прежде чем слабоумный Шмутциг успел ответить, Билл уже скользил между огромными кучами старых папок, чрезвычайно довольный тем, как ловко он провел этого придурка. Билл ощущал приятную сытость, ему хотелось отдохнуть без всяких помех. Если он в чем и нуждался, так это в крепком сне, утром еще будет время подумать обо всей этой неразберихе и поискать из нее выход. Ощупью пробираясь в хаосе бумажных стогов, Билл отошел подальше от товарищей по несчастью, вскарабкался на шаткую грудку и перебрался с нее на другую, еще более высокую. Вздохнув с облегчением, подsunул под голову стопку документов и закрыл глаза.

В ту же минуту высоко под потолком склада вспыхнули яркие лампы, послышались залиvistые трели полицейских свистков и гортанные выкрики. Волосы у Билла встали дыбом.

— Хватай вон того! Смотри, не упусти!

— Я поймал главного вору!гу!

— Сегодняшние хлоро-кобылки были последними в вашей жизни, паразиты вонючие! Повкалываете теперь на урановых рудниках на Зане-2.

Потом кто-то спросил:

— Всех взяли?

Билл съежился, отчаянно вжимаясь в папки и стараясь унять бешеные удары сердца.

— Всех, — ответил чей-то голос. — Всю четверку! Мы давно за ними следим, чтобы взять с поличным.

— Но их здесь только трое!

— Четвертого я видел совсем недавно — его задубевший труп тащил санитарный робот.

— Стало быть, порядок. Пошли!

И снова Билла окатило волной страха. Кто-нибудь из бандитов наверняка расколется и, зарабатывая себе поблажку, расскажет полицейским, что в банде есть новичок. Надо уходить, пока не поздно. Бесшумно соскользнув с бумажного хлама, Билл пополз в противоположном от двери направлении. Если там нет выхода — он в

западне, но сейчас об этом думать не надо. За спиной снова залились свистки, и Билл понял, что охота началась. В крови разыграл адреналин, съеденный лошадиный белок придал силу ногам, и Билл галопом припустил к двери, врезавшись в нее всем телом. Дверь дрогнула и приоткрылась, скрипя ржавыми петлями. Не думая об опасности, он кубарем скатился вниз по спиральной лестнице, спускаясь все ниже и ниже и думая лишь о спасении.

И вновь, повинуясь инстинкту загнанного зверя, Билл бессознательно рвался на все более низкие уровни планеты. Он не замечал, что стены здесь местами укреплены стальными бандажами и покрыты пятнами ржавчины, не обращал внимания на разбухшие деревянные двери — *деревянные!* — на планете, где уже сотни тысяч лет не росло никаких деревьев. Воздух становился все более спертым, а иногда и зловонным. Подгоняемый страхом, Билл проскочил сквозь облицованный камнем туннель; какие-то неизвестные твари бросились от него врассыпную, топоча когтистыми лапами. На некоторых участках света не было вовсе, и Биллу приходилось пробираться ощупью, касаясь пальцами стен, покрытых отвратительным скользким лишайником. Там же, где светильники еще действовали, они горели тускло из-за налипших на них клочьев паутины и дохлых насекомых. Билл брел по лужам с тухлой водой, и постепенно до его сознания стала доходить необычность окружающей обстановки. Прямо под ногами у него оказалась крышка еще одного люка; Билл машинально поднял ее и обнаружил, что люк никуда не ведет. Крышка просто прикрывала ящик с каким-то веществом, напоминавшим крупный сахарный песок. Может, это какой-то изоляционный материал? А может, что-то съедобное? Билл наклонился, взял щепотку и попробовал пожевать. Нет, несъедобно. Он сплюнул, хотя вкус напомнил о чем-то очень знакомом. И вдруг его осенило.

Это была грязь. Земля. Почва. Песок. То, из чего состоят планеты, из чего состоит и *эта* планета, — естественная поверхность Гелиора, на которой покоится фантастическая громада города-мира. Билл взглянул вверх и внезапно ощутил всю неимоверную тяжесть, нависшую над его головой и грозившую раздавить его в долю секунды. Значит, он сейчас стоит на самом дне,

на скальном фундаменте: эта мысль вызвала у него острый приступ клаустрофобии. Издав слабый стон, он шатаясь побрел по туннелю, в конце которого виднелись огромные запертые на засов ворота. Другого выхода отсюда не было. Но когда Билл пригляделся к мощной бронированной облицовке ворот, он почувствовал, что туда его тоже не тянет. Кто знает, какие невообразимые кошмары скрываются за этим порталом на самом дне Гелиора?

Билл стоял, тупо уставившись перед собой, не в силах пошевелиться; ворота заскрипели и приотворились. Он развернулся, готовый пуститься наутек, и тотчас заорал от ужаса, когда неведомое нечто вцепилось в него железной хваткой.

Глава 5

Билл не то чтобы не пытался вырваться из сдавивших его объятий — просто это было безнадежно. Он извивался в белых костлявых клешнях, стараясь оторвать их от себя, сучил в воздухе ногами и беспомощно блеял, словно ягненок в когтях орла. Все было тщетно: его втащили через гигантские ворота, которые тут же автоматически захлопнулись.

— Приветствую вас... — раздался у него за спиной чей-то замогильный голос.

Объятия разжались, Билл пошатнулся, обернулся и увидел громадного белого робота. Рядом с ним, гордо подняв большую лысую голову, стоял необыкновенно серьезный человечек в белом мундире.

— Можете не называть свое имя, — сказал человечек, — если не хотите. Меня зовут инспектор Джейс. Вы просите убежища?

— А вы что — предлагаете его? — В голосе Билла звучало сомнение.

— Вопрос интересный! Весьма интересный! — Джейс с тихим шелестом потер сухие морщинистые руки. — Однако оставим на потом теологические споры, как бы соблазнительны они ни были. Позволю себе заметить, что ваше заявление о предоставлении убежища было бы наилучшим выходом для всех. Перед вами убежище, готовы ли вы воспользоваться им?

Теперь, когда Билл несколько оправился от первого потрясения, к нему постепенно стала возвращаться осторожность: он вспомнил, сколько неприятностей уже свалилось на него из-за неумения держать рот на замке.

— Послушайте, ведь я даже не знаю, кто вы такой, где я нахожусь и что вы имеете в виду, говоря об убежище.

— Вы совершенно правы, это моя ошибка: принял вас за одного из беспланников, хотя ваши лохмотья явно были когда-то солдатским мундиром, а этот обломок потускневшего металла — высоким воинским орденom. Приветствую вас на Гелиоре — имперской планете; кстати, как там дела на полях сражений?

— Прекрасно, замечательно! Но в чем, собственно, дело?

— Я инспектор Джейс из городской санитарной службы. Искренне надеюсь, что мне простится моя вольность, если я позволю себе заметить, что вы, похоже, находитесь в затруднительном положении — у вас нет ни мундира, ни поэтажного плана, ни, как я полагаю, удостоверения личности. — Инспектор внимательно следил за Биллом птичьим глазом. — Но не все потеряно. Попросите убежища, и мы дадим вам хорошую работу, новую форму и даже новые документы.

— И за это мне придется стать мусорщиком? — усмехнулся Билл.

— Мы предпочитаем термин «эм-мэн», — скромно поправил его инспектор.

— Я подумаю об этом, — холодно отозвался Билл.

— А я помогу вам принять решение, — проговорил инспектор и нажал кнопку в стене. Ворота, ведущие во тьму, с лязгом отворились, и робот, вцепившись в Билла, принялся выталкивать его наружу.

— Убежища! Прошу убежища! — взвизгнул Билл и недовольно пробурчал, когда робот отпустил его, а ворота закрылись: — Я только что собирался сказать это добровольно, так что нечего было давить на меня.

— Тысяча извинений! Мне ведь так хочется, чтобы вы чувствовали себя у нас счастливым! Еще раз приветствую вас от имени санитарной службы! Рискуя вызвать ваше неудовольствие, все же осмелюсь спросить, не нужно ли вам новое удостоверение личности? Многие из наших служащих предпочитают начинать здесь жизнь заново, и, надо сказать, мы располагаем для этого

обширнейшей коллекцией документов, способной удовлетворить любой вкус. Это естественно, ведь к нам попадает все что угодно — начиная от трупов и кончая содержимым корзины для бумаг, — так что не удивляйтесь тому количеству удостоверений, которое мы храним. Будьте любезны, в этот лифт, прошу вас...

Санитарная служба действительно обладала огромными запасами документов, аккуратно сложенных в ящики, выстроенные длинными рядами в алфавитном порядке. Билл почти сразу же отыскал удостоверение какого-то Вильгельма Штуццикаденти, вполне подходящее ему по внешним данным, и показал его инспектору.

— Отлично! Рад видеть тебя в наших рядах, Вилли...

— Зовите меня лучше Биллом.

— ...приветствую тебя на новой службе, Билл, на службе, где всегда не хватает людей и где ты можешь выбрать себе поле деятельности, которое будет полностью соответствовать твоим талантам и интересам. Когда ты думаешь о санитарной службе, что прежде всего приходит тебе на ум?

— Отбросы!

Инспектор вздохнул.

— Обычная реакция, хотя от тебя я мог бы ожидать и большего. Отбросы — это только один из элементов, которыми приходится заниматься нашему отделу сбора, в дополнение к мусору, бытовым стокам и макулатуре. А есть и другие отделы: поддержания чистоты общественных помещений, ремонта водопровода и канализации, научных исследований, переработки фекалий...

— Ой, по-моему, это самое интересное! Ведь до того, как меня насильно забрали в армию, я учился на заочных курсах техников по производству удобрений.

— Да это же просто замечательно! Ты должен рассказать мне обо всем в деталях, но сначала давай сядем и устроимся поудобнее. — Инспектор подтолкнул Билла к глубокому мягкому креслу, а затем, повернувшись к торговому автомату, достал из него два пластиковых цилиндрических пакета. — Попробуй-ка этот охлажденный алко-хук...

— Да о чем рассказывать-то! Курсы я не кончил, и, видимо, так и не сбудется мечта всей моей жизни — заниматься удобрениями. Разве что в вашем отделе переработки фекалий...

— Очень сожалею, весьма прискорбно, это дело, безусловно, тебе подошло бы, но, видишь ли, если и есть хоть один процесс, который не причиняет нам никаких хлопот, так это переработка фекалий, ибо она полностью автоматизирована. Фекалии — наша гордость, так как на Гелиоре с населением свыше ста пятидесяти миллиардов человек...

— Ого!

— Ты прав, и я понимаю причину твоего восторга... Это действительно уйма фекалий, и я надеюсь, что когда-нибудь буду иметь удовольствие показать тебе наш завод. Однако там, где есть фекалии, должна быть и пища, а поскольку Гелиор импортирует все свое продовольствие, то нам приходится поддерживать замкнутый безотходный производственный цикл, который представляет собой воплощенную мечту любого инженера-ассенизатора. Звездолеты с аграрных планет доставляют сюда продовольствие, поступающее в распоряжение населения, а затем в действие вступает то, что можно назвать главным конвейером: мы получаем жижу, перерабатываем ее с помощью фильтров, химических, анаэробных бактерий и тому подобного... Но я, кажется, утомил тебя?

— Нет, нет, пожалуйста, продолжайте, — взмолился Билл, улыбаясь и смахивая непрошеную слезу костяшками пальцев. — Просто я сейчас счастлив, мне ведь так давно не приходилось участвовать в интеллигентном разговоре...

— Могу себе представить — военная служба отупляет... — Инспектор панибратски похлопал Билла по плечу. — Забудь о прошлом, теперь ты среди друзей. Так о чем бишь я? Ах да, бактерии, затем сушка, прессование... Мы выпускаем лучшие во всей цивилизованной Галактике брикеты концентрированных фекалий, и я готов поспорить с любым, кто...

— Я совершенно уверен в этом! — горячо поддержал его Билл.

— Автоматические транспортеры и лифты доставляют эти брикеты в космопорты, где их загружают в звездолеты, как только трюмы освобождаются от продовольствия. Полная загрузка за полную загрузку — вот наш девиз. И я слышал, что на некоторых планетах с бедными почвами жители кричат от радости, когда звездолеты идут на посадку. Да, жаловаться на качество

переработки фекалий не приходится, но зато в других отделах проблем полным-полно. — Инспектор осушил свой пакет и нахмурился; все его оживление исчезло так же быстро, как выпивка. — Ни в коем случае! — рявкнул он, когда Билл, прикончив свой напиток, стал заталкивать пластиковый пакет в стенное отверстие мусоропровода. — Я не хотел тебя обидеть, — тут же извинился инспектор, — но это одна из наших основных проблем. Я говорю, разумеется, о мусоре. Задумывался ли ты когда-нибудь о том, сколько газет выкидывают ежедневно сто пятьдесят миллиардов человек? Сколько пластмассовых стаканчиков? Пластиковых подносов? Наш исследовательский отдел трудится над этим денно и нощно, но мы все равно не успеваем. Просто кошмар какой-то! Пакет алко-хука — одно из наших изобретений, но это ведь только капля в море.

Когда последняя влага испарилась из пакета, он вдруг противно задержался, и Билл в ужасе уронил его на пол, где тот продолжал шевелиться и изменять форму, съеживаясь и усыхая прямо на глазах.

— За это нам следует благодарить математиков, — продолжал инспектор. — Для тополога что музыкальная пластинка, что пакет с выпивкой, что чайная чашка — все едино: твердое тело с дыркой в середине, а потому одно может быть без труда трансформировано в другое. Мы изготовили эти пакеты из пластика, сохраняющего память о первоначальной форме, к которой он и возвращается после высыхания. Взгляни-ка на него!

Пакет перестал дергаться и спокойно лежал на полу — плоский, покрытый мелкими и частыми бороздками диск с дырочкой в центре. Инспектор Джейс поднял его, оторвал этикетку «Алко-хук», и Билл увидел под ней другую — «Любовь на орбите, бинг-банг-бонг! В исполнении знаменитой Прямокрылочки».

— Изобретательно, не правда ли? Пакет превращается в пластинку с записью одного из самых пошлых шлягеров, к которому ни один настоящий любитель алко-хука не останется равнодушным. Диск забирают с собой, его берегут, а не выбрасывают в мусоропровод, тем самым избавляя нас от лишних хлопот. — Джейс взял обе руки Билла в свои и пристально посмотрел на него увлажнившимися глазами. — Обещай, что ты займешься этими исследованиями, Билл. Нам так недостает умелых и знающих людей, людей, способных проник-

нуть в самую суть наших проблем! Хотя ты и не закончил своего курса по удобрениям, ты будешь для нас настоящим подспорьем — нам необходимы свежие мозги, свежие идеи. Новая метла хорошо метет, не правда ли, Билл?

— Ладно! — решительно сказал Билл. — Исследования в области мусора — крепкий орешек, настоящая мужская работа.

— Билл, она твоя! И вдобавок — кабинет, паек, форменная одежда и весьма приличная зарплата, а уж мусора и макулатуры столько, сколько душа пожелает. Ты не пожалеешь об этом...

Пронзительный вой сирены прервал инспектора на полуслове. В комнату вбежал какой-то возбужденный потный человек.

— Инспектор, все пошло к чертям! Операция «Летающая тарелка» провалилась! Только что к нам ворвалась банда астрономов... Сейчас они лупят наших ученых! Катаются по полу, точно дикие звери!

Не успел посыльный договорить, как инспектор выскочил за дверь. Билл помчался следом и с разгона прыгнул в мусорную шахту. Транспортёр двигался недостаточно быстро для инспектора, который скакал, как заяц, с одной секции на другую; Билл неотступно следовал за ним по пятам. Наконец они оказались в лаборатории, загроможденной сложным электронным оборудованием, среди которого катался запутанный клубок драчунов, яростно лупивших и пинавших друг друга.

— Прекратить! Немедленно прекратить! — кричал инспектор, но его никто не слушал.

— Давайте-ка я попробую, — сказал Билл. — Не зря же нас гоняли в учебке! Которые тут наши эм-мэны?

— В коричневой форме...

— Все ясно!

Билл, мурлыкая какой-то мотивчик, ввинтился в ревущую толпу и пинками, ударами по почкам, а то и приемом каратэ, от которого у противника перехватывало дыхание, довольно быстро восстановил порядок.

Никто из сражавшихся интеллектуалов не мог похвастаться физической подготовкой, и Билл прошел сквозь них, как слабительное сквозь желудок, после чего стал вылавливать из общей кучи тела своих новых соратников.

— В чем дело, Басуреро? — спросил инспектор Джейс.

— Они, сэр, они вломились сюда с воплями, требуя немедленно прекратить операцию «Летающая тарелка», и это как раз тогда, когда нам наконец удалось ускорить процесс ликвидации чуть не в два раза...

— Что это за операция «Летающая тарелка»? — озадаченно спросил Билл, совершенно не понимая, о чем идет речь.

Никто из астрономов еще не очухался, лишь один слабо постанывал, приходя в себя, так что инспектор счел возможным ответить Биллу и указал на гигантский аппарат в углу комнаты.

— Это могло стать решением проблемы, — начал он, — связанной с подносами, тарелками, судками для обедов и прочей нечистью. Страшно сказать, сколько кубических футов этой дряни у нас накопилось! Вернее, кубических миль! И вот Басуреро, случайно просматривая технический журнал, наткнулся на статью о передатчиках материи, и мы, изыскав необходимые средства, немедленно приобрели самую большую из существующих моделей. К ней мы присобачили транспортер и погрузчик... — Инспектор открыл панель в боку аппарата, и Билл увидел мощный поток пластмассового утиля, кромсаемого огромными ножницами — ...и теперь эту треклятую посуду мы запикиваем в передатчик материи — и больше никаких забот!

Билл все еще не понимал:

— Но... куда же все это идет? Куда выходит эта система?

— Хороший вопрос. В нем вся суть проблемы. Сначала мы просто выбрасывали мусор в космос, но астрономическая служба заявила, что множество предметов возвращается обратно в виде метеоритов и затрудняет наблюдение за звездами. Тогда мы повысили мощность и начали выбрасывать мусор за пределы орбиты, но тут запротестовало управление астронавигации, утверждая, что мы создаем в космосе аварийные ситуации, и нам пришлось опять ломать головы. В конце концов Басуреро удалось узнать у астрономов координаты ближайшей звезды, и с тех пор мусор сбрасывается прямо туда: никаких проблем и все довольны!

— Кретин! — еле шевеля распухшими губами, сказал один из астрономов, с трудом поднимаясь на ноги. —

Ваш проклятый летающий мусор превратил эту звезду в Новую! Мы никак не могли понять, чем вызвана вспышка, пока не обнаружили в архивах ваш запрос о координатах звезды и не проследили всю идиотскую операцию до ее истоков.

— Попридержи язык, козел вонючий, не то я снова уложу тебя баиньки! — рявкнул Билл.

Астроном отпрянул, побледнел и продолжал уже гораздо более вежливо:

— Послушайте, вы же должны понять, что произошло. Нельзя безнаказанно пичкать солнце потоками атомов водорода и углерода. В результате оно превратилось в Новую и, как я слышал, с ближайших планет даже не успели эвакуировать персонал расположенных там баз.

— Борьба с мусором тоже требует жертв. Пусть утешаются, что погибли за человечество.

— Ну, вам-то легко рассуждать! Впрочем, что сделано, то сделано... Однако вам придется прекратить операцию «Летающая тарелка». И немедленно!

— Это еще почему? — вскинулся инспектор Джейс. — Я признаю, что история с Новой была несколько неожиданной, но тут уж ничего не поделаешь. Как вы слышали, Басуреро утверждает, что ему удалось удвоить скорость выброса, так что теперь мы быстро ликвидируем все свои запасы...

— А как вы думаете, с чего это вдруг скорость увеличилась вдвое? — прорычал астроном. — Вы довели эту звезду до такого состояния, что она теперь пожирает все подряд и в любую минуту может превратиться в Сверхновую. При этом она не только уничтожит все тамошние планеты, но захватит и Гелиор и его солнце. Немедленно остановите свою дьявольскую машину!

Инспектор вздохнул, а затем устало, но решительно повел рукой:

— Выключи ее, Басуреро... Я так и знал, что это не сможет продолжаться долго.

— Но, сэр! — вскричал инженер, в отчаянии заламывая руки. — Мы снова окажемся у разбитого корыта. Мусор начнет накапливаться...

— Делай, как приказано!

Покорно вздохнув, Басуреро потащился к пульту управления и выключил рубильник. Транспортёр лязг-

нул в последний раз и замер, жужжащие генераторы простонали и умолкли. Работники санитарной службы подавленно застыли, понутив головы, астрономы, постепенно приходя в сознание и помогая друг другу, выбирались из лаборатории. Последний из них, стоя в дверях, обернулся, оскалился и злобно выплюнул:

— Мусорные крысы!

С силой брошенная в него отвертка звякнула о захлопнувшуюся дверь, довершив поражение санитарной службы.

— Что ж, не все битвы выигрываются, — энергично заговорил инспектор Джейс, хотя словам его явно не доставало убедительности. — Во всяком случае, я привел тебе свежее подкрепление, Басуреро. Это Билл. Парнишка полон блестящих идей, подключи его к работе своей группы.

— Очень приятно! — Высокий толстый здоровяк с оливковой кожей и черными как смоль волосами, спускавшимися до самых плеч, стиснул огромной ладонью обе Билловы ладони. — Пойдем, все равно пора прерваться на кормежку, так что я сейчас обрисую тебе ситуацию, а ты расскажешь мне о себе.

Пока они пробирались через анфилады бесконечных помещений санитарной службы, Билл поделился с новым начальством некоторыми фактами своей биографии. Басуреро так увлекся, что свернул не в ту сторону и машинально открыл дверь. Хлынувший оттуда поток пластиковых стаканов и подносов затопил их до колен, прежде чем дверь удалось захлопнуть.

— Видал! — воскликнул Басуреро, еле сдерживая гнев. — Мы скоро захлебнемся в этом болоте! Помещения уже переполнены, а мусор все прибывает и прибывает. Клянусь Кришной, не представляю, что будет дальше — места для хранения больше нет.

Он вынул из кармана серебряный свисток и с яростью дунул. Звуча не было. Билл попятился, с опаской глядя на Басуреро, который, в свою очередь, хмуро уставился на Билла.

— Нечего паять на меня с таким испутом! Я еще с катушек не съехал. Это ультразвуковой свисток для вызова роботов, частота его звука слишком высока для человеческого уха, но роботы слышат его отлично... Во, гляди!

Тихо шурша резиновыми колесами, вкатился рабочий робот — раб-бот — и стал ловкими движениями рук-граблей загружать пластмассовый мусор в свой контейнер.

— Шикарная штука — этот свисток! — позавидовал Билл. — Можно вызвать робота в любую минуту. Как ты думаешь, теперь, когда я стал эм-мэном, мне тоже дадут такой?

— Видишь ли, эту вещь выдают по особому разрешению, — ответил, открывая дверь в столовую, Басуреро. — Раздобыть ее чрезвычайно трудно...

— Не понимаю. Ты мне прямо скажи — получу я свисток или нет?

Басуреро, проигнорировав вопрос, углубился в меню и набрал номер на кухонном диске. Из щели выскочил поднос с быстрозамороженным завтраком; Басуреро сунул его в радарный разогреватель.

— Так как же? — настаивал Билл.

— Ну раз уж ты такой настырный, — ответил Басуреро, испытывая некоторую неловкость, — я тебе скажу: мы берем их из коробок с кукурузными хлопьями. На самом деле это собачьи свистки для детишек. Я тебе покажу целый ящик этого барахла, сам выберешь, какой больше понравится.

— Заметано! Понимаешь, мне тоже хочется вызывать роботов...

Разогрев еду, они уселись за стол. Басуреро насупившись устался на пластмассовый поднос, а под конец со злостью ткнул его вилок.

— Вот, — буркнул он, — таким образом мы сами способствуем своей гибели. Скоро увидишь, какие горы вырастут из этого дерьма, особенно теперь, когда вырубили передатчик материи.

— А в океане мусор топить не пробовали?

— Проект «Большой всплеск» действует, но я мало что могу рассказать о нем — он полностью засекречен. Океаны на этой чертовой планете, как и все прочее, покрыты оболочкой и находятся в препоганом состоянии. Мы сбрасывали в них мусор до тех пор, пока уровень воды не поднялся настолько, что во время приливов стало заливать смотровые люки в оболочке. Мы и теперь сбрасываем в океан отходы, но уже в меньших количествах.

— Как же это возможно? — изумился Билл.

Басуреро подозрительно огляделся по сторонам, наклонился к Биллу через стол, приложил указательный палец к губам, подмигнул, ухмыльнулся и хрипло прошептал:

— Ш-ш-ш-ш!

— Секрет? — шепотом спросил Билл.

— Угадал! Метеорологическая служба мокрого места от нас не оставит, если пронюхает. А делаем мы вот что: выкачиваем из океана воду, опресняем ее и складуем, а соль выбрасываем обратно. Некоторые трубопроводы, по которым в океан поступают стоки, мы тайком переоборудовали на работу в обратном режиме. Как только поступают сведения, что наверху идет дождь, мы тотчас начинаем качать туда опресненную воду, и она выпадает вместе с дождем. Метеорологическая служба с ума сходит: с тех пор как начал действовать проект «Большой всплеск», среднегодовые осадки в умеренном поясе увеличились на три дюйма, а снега на полюсах скопилось столько, что верхние уровни местами прогибаются под его тяжестью. Но... мусор прежде всего! И мы сбрасываем его в океаны. Только смотри, никому ни слова — это секрет!

— Буду нем как рыба. Но идея, идея-то какова!

Гордо улыбнувшись, Басуреро очистил свой поднос от остатков еды и сунул его в щель мусоропровода, откуда мгновенно прямо на стол вывалилось как минимум полтора десятка таких же подносов.

— Видал! — заскрежетал зубами Басуреро. — Тут нам и конец! Мы ведь на самом нижнем уровне, и все, что выбрасывают наверху, валится к нам, так что скоро нас погребут под этой дрянью — хранить ее негде, а избавиться от нее невозможно. Мне надо бежать... Придется немедленно приводить в действие аварийный план «Большая блоха»!

Он вскочил и кинулся к двери. Билл последовал за ним.

— «Большая блоха» — она тоже засекречена?

— Как только мы провернем эту операцию, она уже не будет секретом. Мы подкупили инспектора службы здравоохранения, чтобы он сфабриковал доказательства заражения паразитами спального блока, одного из самых больших — миля в ширину, миля в длину и миля в высоту. Только представь себе — свалка для мусора объемом 147 725 952 000 кубических футов! Жильцов

эвакуируют для окуривания помещения, но вернуться им будет уже некуда — мы быстренько заполним все это пространство пластиковыми подносами!

— А если жильцы пожалуются?

— Будут жаловаться, конечно, но что толку? Свалим все на ошибку чиновников и посоветуем подать жалобу по административным каналам, а административные каналы на этой планете — штука особенная! На разбор каждой бумаги уходит от десяти до двадцати лет... А вот и твой кабинет! — Он указал на открытую дверь. — Устраивайся поудобнее, посмотри архивы и протоколы, а к следующей смене постарайся родить какую-нибудь свежую идею.

Басуреро попрощался и убежал.

Кабинет был маленький, но Биллу он страшно понравился. Билл прикрыл дверь и стал восторженно разглядывать стеллажи, стол, вращающееся кресло, настольную лампу — все это было сделано из выброшенных бутылок, банок, коробок, ящиков, солонок, подставок и прочей ерунды. Однако налюбоваться он еще успеет, подумал Билл, а теперь пора за работу.

Он выдвинул верхний ящик шкафа с папками и уставился на черный костюм, мучнисто-белое лицо и всклокоченную бороду покойника. Потом быстро задвинул ящик и отскочил от шкафа.

— Ну-ну, — сказал он себе, стараясь унять дрожь в голосе. — Ты повидал немало трупов, солдат, стоит ли пугаться еще одного?

Он снова подошел к шкафу и выдвинул ящик. Труп открыл припухшие глазки-бусинки и устремил на Билла пронзительный взгляд.

Глава 6

— Что вы делаете в моем шкафу? — спросил Билл, когда неизвестный — низкорослый мужичонка в безнадёжно измятом старомодном костюме — выкарабкался из ящика и начал разминать затекшие члены.

— Надо было повидаться с тобой наедине. А такой способ — самый надёжный, это мне по опыту известно. Ты ведь из недовольных, верно?

— Кто вы?

— Люди называют меня Икс.

— Икс?

— А ты здорово сечешь, видно, не дурак. — По лицу Икса скользнула улыбка, на мгновение обнажив коричневые пеньки зубов. — Ты как раз такой человек, в каких нуждается наша партия: ты человек многообещающий.

— Какая еще партия?

— Не задавай слишком много вопросов, если не хочешь неприятностей. Дисциплина — штука серьезная. Просто уколи палец и подпиши кровавую клятву.

— Это еще зачем? — Билл внимательно следил за Иксом, готовый к любым неожиданностям.

— Ты ведь ненавидишь императора, который настолько завербовал тебя в свою фашистскую армию, ты же свободолюбивый, богобоязненный человек, готовый пожертвовать жизнью ради ближнего своего. Ты готов

принять участие в восстании, в славной революции, которая освободит.

— Убирайся вон!

Билл схватил человечка за шиворот и потащил к двери. Икс вывернулся и забежал за письменный стол.

— Ты пока еще просто прислужник преступной клики, но ты освободишься от оков. Прочти эту книгу. — Что-то шурша упало на пол. — И подумай. Я еще вернусь.

Билл бросился к нему, но тут в стене отскочила панель, Икс юркнул в отверстие и исчез. Панель, щелкнув, встала на место; тщательно осмотрев стену, Билл не нашел ни щели, ни шва на совершенно монолитной с виду поверхности. Дрожащими пальцами он поднял брошюру и прочел название: «Кровь. Руководство по вооруженному восстанию для новичков». Билл побледнел и отшвырнул книжонку. Потом он попытался сжечь ее, но страницы были сделаны из огнеупорного материала. Разорвать брошюру тоже не удалось. Ножницы затупились, так и не разрезав ни единой страницы. В отчаянии Билл засунул ее за шкаф и решил выкинуть все это из головы.

После беспощадного садистского рабства воинской службы обыкновенная ежедневная работа по уничтожению обыкновенного ежедневного мусора доставляла Биллу огромное наслаждение. Он работал с увлечением, до такой степени погрузившись в дела, что даже не услышал, как отворилась дверь, и буквально подскочил при звуке мужского голоса.

— Это санитарная служба? — спросил румяный незнакомец, рассматривая Билла поверх груды пластмассовых подносов, которую держал на вытянутых руках. Не оглядываясь, человек захлопнул дверь, и под стопкой подносов у него появилась еще одна рука с пистолетом. — Шевельнешься — тебе конец! — предупредил он.

Считать Билл умел не хуже других: две руки да еще одна в сумме составляли три, а потому он не стал шевелиться понапрасну, но выбрал единственно верное движение — пнул ногой в нижний поднос, так что вся

горка въехала налетчику прямо в подбородок. Налетчик рухнул навзничь, подносы взлетели в воздух, и не успел последний из них приземлиться, как Билл уже сидел на спине бандита, выкручивая ему шею болевым венерическим приемом, с помощью которого можно было переломить хребет, точно высохший прошлогодний прут.

— Дюдя... — стонал бандит. — Дядя... юдя... дю...

— А я-то считал, что вы, чинджеры, знаете чуть ли не все языки, — ворчал Билл, еще круче сдавливая противника.

— Мы... друг... — икал налетчик.

— Ты чинджер, у тебя три руки...

Человек затрепыхался еще сильнее, и одна рука отлетела в сторону. Билл поднял ее, чтобы получше рассмотреть, на всякий случай отшвырнув пистолет подальше.

— Да она искусственная!

— А ты как думал? — прохрипел бандит, ощупывая шею оставшимися руками. — Это часть маскировки. Придумано весьма хитроумно. Могу нести что-нибудь двумя руками, а одна свободна. А почему ты не хочешь участвовать в революции?

Билла прошиб пот, и он бросил быстрый взгляд на шкаф, за которым валялась проклятая брошюрка.

— О чем ты говоришь? Я верноподданный императора...

— Да? Почему же ты тогда не доложил в ГБР, что человек, назвавшийся Иксом, пытался тебя завербовать?

— А ты откуда знаешь?

— Мы все знаем. Вот мое удостоверение. Я агент Пинкертон из Галактического бюро расследований. — Он показал инкрустированное драгоценными камнями удостоверение с цветной фотографией и гербовой печатью.

— Мне не хотелось никаких осложнений, — заюлил Билл, — вот и все. Я никого не трогаю и хочу, чтобы меня никто не трогал.

— Прекрасные намерения... для анархиста! Ведь ты же анархист, парень? — Острый взор Пинкертона пронзил Билла насквозь.

— Нет! Нет! Я такого слова и выговорить-то не сумею!

— Надеюсь, что так. Ты неплохой парень, и я постараюсь, чтобы у тебя все было в порядке. Я даю тебе еще один шанс. Когда снова встретишься с Иксом, скажи ему, что передумал и хочешь вступить в партию. Вступишь и будешь работать на нас. Каждый раз, как побываешь на собрании, будешь звонить мне по телефону, номер которого записан на этом батончике. — Пинкертон швырнул на стол шоколадку в бумажной обертке. — Запомнить и съесть. Понятно?

— Нет, этим я заниматься не буду.

— Будешь! Или мы через час расстреляем тебя за пособничество врагу. Станешь нам помогать — будешь получать по сто монет в месяц.

— Плата вперед?

— Вперед! — Пачка банкнот плюхнулась на стол. — Это тебе за будущий месяц. Смотри, их надо отработать. — Пинкертон подобрал с пола подносы и вышел.

Чем больше Билл размышлял о том, что с ним случилось, тем сильнее потел, осознавая, в какую скверную переделку попал. Меньше всего ему хотелось связываться с революционерами, особенно сейчас, когда он обрел покой, отличную работу и неограниченное количество мусора, однако он понимал, что в покое его все равно не оставят. Если он не вступит в партию, ГБР доставит ему кучу неприятностей, а еще, не дай Бог, всплывет его настоящее имя — тогда ему крышка, это уж как пить дать. Был, конечно, шанс, что Икс забудет о нем и не придет, а ведь пока ему не предложат, он не сможет вступить в партию. Билл ухватился за эту тоненькую соломинку и принялся за работу, надеясь утопить в ней все свои беды.

Как только он углубился в папку с надписью «Отбросы», его сразу посетило вдохновение. Тщательная проверка подтвердила, что такая идея еще никому не приходила в голову. Биллу потребовалось около часа, чтобы собрать все нужные материалы, и еще почти три часа, чтобы, обращаясь чуть ли не к каждому встречно-

му с расспросами и пройдя немыслимое число миль, отыскать дорогу в кабинет Басуреро.

— Ну а теперь валяй — ищи дорогу обратно в свою дыру, — проворчал Басуреро. — Не видишь, что ли — я занят. — Дрожащей рукой он налил в стакан очередную порцию «Настоящей выдержанной отравы» и залпом осушил его.

— Можешь позабыть о своих неприятностях...

— А что, по-твоему, я делаю, как не пытаюсь забыть о них! А ну, выметайся!

— Хорошо, только сначала я покажу тебе кое-что. Это новый способ избавления от пластиковых подносов.

Басуреро вскочил на ноги, не обращая внимания на упавшую на пол бутылку, содержимое которой тут же начало выедать дыру в тефлоновом покрытии.

— Ты это серьезно? Ты уверен? У тебя действительно есть новое решение?

— Уверен!

— Ужасно не хочется это делать, но придется... — Басуреро весь передернулся, снял с полки банку с этикеткой «Протрезвитель — мгновенное средство против опьянения. Не принимать без предписания врача и предварительного страхования жизни». Он достал пятилистную, размером с орех, пилюлю, внимательно осмотрел ее со всех сторон, снова содрогнулся и наконец проглотил ее с видимым усилием. Все тело его завибрировало, он крепко зажмурился, в животе у него громко заклокотало, а из ушей пошел легкий дымок. Открыв наконец красные, как у кролика, глаза, он посмотрел на Билла совершенно трезвым взглядом и прохрипел: — Так в чем дело?

— Знаешь, что это такое? — спросил Билл, швырнув на стол внушительный том.

— Совершенно секретный телефонный справочник города Сторхестелорби на Проционе-3, насколько я могу судить по обложке.

— Знаешь, сколько у нас таких старых телефонных книг?

— Страшно сказать. Нам присылают все новые и новые, прежде чем мы успеваем отделаться от старых. Ну и что?

— Сейчас увидишь. Есть у тебя пластиковые подносы?

— Издеваешься? — Басуреро открыл дверцу шкафа, и сотни подносов с глухим шумом посыпались на пол.

— Чудненько! Теперь мы добавим кое-что — немного картона, бечевку, оберточную бумагу — кстати, все это извлечено из мусорной свалки — и порядок! Теперь, если ты вызовешь робота-на-все-руки, я продемонстрирую тебе второй этап моего проекта.

— Р-Н-В-Р — это один короткий и два длинных. — Басуреро сильно дунул в беззвучный свисток, но тут же застонал, сжал голову обеими руками и просидел так до тех пор, пока голова не перестала вибрировать. Дверь распахнулась, и на пороге возник робот, руки и щупальца которого тряслись в предвкушении работы. Билл показал ему на стол.

— За работу, робот. Возьми пятьдесят подносов, упакуй их в картон и бумагу и перевяжи накрепко бечевкой.

Жужжа от электронного экстаза, робот стремительно кинулся к столу, и секунду спустя на полу уже лежал отлично упакованный сверток. Билл наугад открыл справочник и ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию.

— Теперь напиши этот адрес и эту фамилию, сделай пометку, что это благотворительный дар, не облагаемый налогом, и отправь почтой.

Из пальца робота вылезло перо, которым он тут же написал на пакете адрес и имя получателя, после чего взвесил пакет на вытянутой руке, проштемпелевал личной печатью Басуреро и аккуратно опустил в щель пневматической почты. Раздался чмокающий звук всасывания: вакуумная труба подхватила пакет и повлекла его к верхним этажам. Басуреро застыл с разинутым ртом, глядя, с какой скоростью исчезают один за другим пятьдесят подносов, что дало Биллу возможность дополнить свой проект последним штрихом:

— Итак, упаковка бесплатна, адреса бесплатны, равно как и упаковочные материалы. Добавь к этому, что почтовые услуги, поскольку мы государственное учреждение, тоже бесплатны.

— Ты прав — это сработает! План великолепный, и я начну проводить его в жизнь немедленно, в самых широких масштабах. Мы завалим этими сволочными подносами всю обитаемую Галактику! Не знаю, как и благодарить тебя, Билл...

— Как насчет денежной премии?

— Хорошая идея. Сейчас же прикажу выписать ведомость.

Билл прогулочным шагом направлялся к себе в кабинет; рука его ныла от бесконечных поздравительных рукопожатий, а в ушах звенело от похвал. Мир был прекрасен — в нем стоило жить! Он захлопнул за собой дверь, сел за письменный стол и только тогда заметил висящее за дверью измятое черное пальто. Он понял, чье это пальто. А потом увидел пару глаз, блестящих над темным воротником, и сердце у него упало: Икс все-таки вернулся.

Глава 7

— Ну как, изменил ты свое мнение насчет вступления в партию? — спросил Икс, снявшись с гвоздя и легко спрыгивая на пол.

— Пришлось поломать голову над этим вопросом, — ответил Билл, стора за стыда за собственное вранье.

— Думать — значит действовать. Мы должны сделать так, чтобы даже запаха этих фашистских кровопийц не осталось в наших домах.

— Уговорил. Вступаю.

— Логика всегда побеждает. Подпиши этот бланк, сюда капли немного крови, подними руку и держи ее так, пока я буду произносить тайную клятву.

Билл поднял руку, и Икс беззвучно зашевелил губами.

— Я ни слова не слышу, — удивился Билл.

— Я же сказал, что клятва тайная, от тебя требуется только сказать «да».

— Да.

— Приветствую тебя во имя славной революции. — Икс горячо расцеловал Билла в обе щеки. — А теперь пойдем на подпольное собрание, оно начнется с минуты на минуту.

Икс скользнул к дальней стене кабинета и пробежал пальцами по узору на панели, нажимая на потайные пружины: раздался щелчок, секретная дверца распахнулась. Билл с сомнением посмотрел на скользкую темную лестницу, уходящую в бездонную глубину.

— Куда ведет эта лестница?

— В подполье, куда же еще. Следуй за мной, да смотри не отставай. Эти туннели построены много тысячелетий тому назад, давно забыты жителями верхних этажей, и в них с незапамятных времен обитают всякие жуткие твари.

Икс взял в стенной нише факел, зажег его и устремился в затхлую зловонную тьму. Билл следовал за чадным пламенем, мерцавшим под ветхими сводами пещеры, переходил из одного туннеля в другой, то спотыкаясь о ржавые рельсы, то погружаясь по колено в черную воду. Вдруг где-то рядом скрежетнули гигантские когти и из крошечного мрака донесся скрипучий нечеловеческий голос:

— Крово...

— ...пролитие, — отозвался Икс и прошептал Биллу: — Отличный страж — антропофаг с Дапдрофа, сожрет мгновенно, если не дашь правильного отзыва на сегодняшний пароль.

— А какой должен быть отзыв? — спросил Билл, приходя к выводу, что ГБР требует от него слишком многого за жалкую сотню монет в месяц.

— По четным дням — «крово-пролитие», по нечетным «*delenda est — Carthago*» *, а по воскресеньям — «некро-филия».

— Не слишком же вы заботитесь о жизни членов своей организации...

— А иначе антропофаг оголодает, нам нужно поддерживать его в хорошей форме. Все, теперь — ни слова. Я потушу факел и возьму тебя за руку.

Огонь погас, стальные пальцы впились в бицепс Билла. Казалось, прошла целая вечность, пока наконец где-то вдали не забрезжил тусклый свет. Пол под ногами выровнялся, в неровном мерцающем свете Билл увидел впереди открытую дверь. Он повернулся к своему провожатому и взвизгнул:

— Кто ты такой?!

Бледное неуклюжее чудище, державшее Билла за руку, медленно повернуло к нему лицо, разглядывая его глазами, похожими на сваренные вкрутую яйца. Кожа страшилища была мертвенно белой и склизкой, голова

* Карфаген должен быть разрушен (лат.). (Примеч. ред.)

безволосой, одежду заменяла тряпка, повязанная вокруг бедер, а на лбу горела алая литера А.

— Я андроид, — сказала чудище безжизненным голосом. — Это понял бы любой болван, увидев у меня на лбу букву А. Революционеры зовут меня Големом.

— Интересно, как зовут тебя революционерки?

Андроид не отреагировал на эту жалкую попытку сострить, а просто пихнул Билла в огромный зал, освещенный факелами. Билл испуганно огляделся и попятился, однако андроид уже заблокировал дверь.

— Садись! — приказал он, и Билл послушно уселся.

Он оказался в самой странной компании, какую только можно вообразить. Кроме мужчин весьма революционного вида — бородатых, в черных шляпах, вооруженных круглыми как мячики бомбами с длинными взрывателями, кроме женщин-революционерок, длинноволосых, дурно пахнущих, с длинными мундштуками в зубах, одетых в короткие юбки, черные чулки и бюстгалтеры с оборванными бретельками, здесь были и революционные роботы, и революционные андроиды, и такие странные создания, о которых лучше не упоминать. Икс сидел за простым кухонным столом и постукивал по нему рукояткой пистолета.

— К порядку! Я требую порядка! Слово имеет товарищ ХС-189-825-РУ из Подпольного Движения Сопротивления Роботов.

Скрипя суставами, к столу подошел огромный покоренный робот с выбитым глазом и ржавыми пятнами на туловище. Он оглядел собрание единственным глазом, изобразил на своем неподвижном лице подобие усмешки и глотнул машинного масла из банки, услужливо протянутой изящным роботом-парикмахером.

— Мы в ПДСР, — заскрежетал он, — знаем свои права. Мы трудимся не хуже других, по крайней мере лучше, чем мягкопузые андроиды, которые утверждают, что они ни в чем не уступают людям. Мы требуем равных прав... равных прав...

Клака андроидов замахала бледными руками — словно спагетти повылезали из кипящей кастрюли — и улюлюканьем и свистом согнала робота с трибуны. Икс снова застучал о стол рукоятку пистолета, требуя порядка, но тут у бокового входа поднялась какая-то возня и кто-то решительно пробился оттуда к председательскому столу. Вернее, не кто-то, а что-то — кубиче-

ский ящик с гранями в квадратный ярд, укрепленный на колесах и весь утыканный цветными лампочками, циферблатами и кнопками. За ним тянулся толстый кабель.

— Ты кто такой? — спросил Икс, подозрительно направляя ствол пистолета на это сооружение.

— Я полномочный представитель компьютеров и электронных мозгов Гелиора, объединившихся для борьбы за равные права перед законом.

Произнося свою речь, машина одновременно печатала ее на карточках, по четыре слова на каждой, и извергала их из себя непрерывным потоком. Икс раздраженно смел карточки со стола.

— В очередь! — крикнул он.

— Это дискриминация! — взревела машина таким оглушительным басом, что пламя факелов заколебалось. Не переставая вопить, она устроила настоящий снегопад из карточек, на которых огненными буквами горело слово «ДИСКРИМИНАЦИЯ!!!», а потом принялась выпускать из себя длинную желтую ленту с той же надписью.

Престарелый робот ХС-189-725-РУ поднялся на ноги и, скрипя проржавевшими суставами, добрался до покрытого каучуком кабеля, который тянулся за представителем компьютеров. Чикнули гидравлические ногти-ножницы, и кабель отсоединился. Лампочки на ящике погасли, поток карточек иссяк. Отрезанный кабель задержался, испустил пучок искр, а потом медленно, как огромная змея, пополз к дверям и пропал из виду.

— Призываю собрание к порядку! — прохрипел Икс и снова трахнул пистолетом по столу.

Билл обхватил голову руками: его терзали сомнения, стоит ли все это жалких ста монет в месяц...

Впрочем, сто монет в месяц — денюжки недурные. Билл откладывал их почти целиком. Вольготные месяцы катились один за другим, он регулярно ходил на собрания и строчил рапорты в ГБР, а каждое первое число месяца находил свои деньги запечатанными в яичную булочку, которую неизменно получал на завтрак. Промасленные банкноты Билл прятал в резинового игрушечного котенка, найденного в куче мусора, и теперь игрушка быстро толстела. Подготовка революции отни-

мала у Билла немного времени, так что он с увлечением отдавался работе в санитарном департаменте. Его назначили ответственным за операцию «Посылка с сюрпризом», ему подчинялась бригада из тысячи роботов, круглосуточно паковавших и рассылавших по всей Галактике пластиковые подносы. Билл считал свою работу важным гуманитарным делом и представлял себе, как радуются жители далекой Фароффии или еще более удаленной Дистанты, получая посылки, из которых вываливаются каскады замечательных литых подносов. Но увы, счастье оказалось призракным, и однажды утром безмятежное Биллово блаженство было грубо нарушено подкравшимся роботом, который шепнул ему на ухо:

— Sic temper tyrannosaurus *, передай дальше, — и исчез.

Это был сигнал. Революция началась!

* Здесь: Так вымерли тираннозавры (искаж. лат.). (Примеч. ред.)

Глава 8

Билл запер дверь кабинета на ключ, в последний раз нажал на потайную пружину, и секретная дверца широко открылась. Вернее, не открылась, а с громким стуком упала на пол, поскольку за этот счастливый год, что Билл проработал мусорщиком, ею пользовались столь усердно, что в кабинете постоянно гулял сквозняк, даже когда панель была закрыта. Все было кончено. Кризис, которого он так страшился, наступил, предстояли большие перемены, и независимо от того, победит революция или нет, опыт подсказывал Биллу, что перемены эти будут к худшему.

Со свинцовой тяжестью в ногах, спотыкаясь, он побрел по пещерам, оскальзываясь на ржавых рельсах и переходя вброд водные потоки, а потом машинально отозвался на пароль, который неразборчиво прохрипел невидимый антропофаг, чья пасть была набита едой. Видимо, кто-то был так взволнован, что дал неверный отзыв. Билл вздрогнул: это было дурное предзнаменование.

Как обычно, Билл уселся возле роботов — крепких надежных ребят с запрограммированным инстинктом почтительности, не мешавшим, однако, их революционному пылу. Когда Икс заколотил по столу, требуя внимания, Билл стал мысленно готовить себя к грядущим испытаниям. Уже несколько месяцев назад заделавшийся эм-мэном Пинкертон настойчиво требовал от

него серьезной информации, а не просто сведений о времени проведения собраний и численности присутствующих.

— Факты! Факты! Факты! — твердил Пинкертон. — Отрабатывай свои денежки!

— У меня вопрос, — сказал Билл громким дрожащим голосом, взорвав неожиданно наступившую тишину.

— Время вопросов прошло, — сурово ответил Икс. — Настало время действий.

— Да я не против действий, — настаивал Билл, всем существом ощущая направленные на него человеческие, электронные и оптические взоры. — Я только хочу знать, за кого мы будем бороться. Ты никогда не говорил нам, кто получит трон, с которого мы сгоним императора.

— Нашего вождя зовут Икс — это все, что тебе следует знать.

— Но ведь и тебя зовут Икс!

— Наконец-то ты начинаешь постигать азы революционного учения. Всех руководителей первичных ячеек зовут Иксами, чтобы заморочить головы нашим врагам.

— Насчет врагов не знаю, но у меня в голове все перепуталось, это точно.

— Ты рассуждаешь как контрреволюционер! — завизжал Икс и поднял пистолет. Ряды стульев за Билловой спиной мгновенно опустели.

— Нет! Нет! Я такой же честный революционер, как и все остальные! Да здравствует революция! — Билл отдал партийный салют, подняв над головой сжатые вместе ладони, и быстренько сел на место. Все присутствующие тоже отсалютовали, и Икс, смягчившись, направил ствол пистолета на большую карту, висевшую на стене.

— Вот цель нашей ячейки: захват имперской электростанции на площади Шовинизма. Разбитые на взводы, мы соберемся возле нее, а затем ровно в 0016 часов пойдем в атаку. Сопротивления не будет, станция никем не охраняется. Оружие и факелы получите у входа, равно как и печатные схемы пути к месту сбора для беспланников. Вопросы есть? — Икс взвел курок и прицелился в съевшегося Билла. Вопросов не было. — Отлично. А теперь встанем и споем Гимн Славной Революции.

Смешанный хор человеческих и механических голосов затянул:

Вставай, бюрократии узник разбуженный,
Готовься на битву, народ Гелиора.
Есть ногти, есть зубы, а значит — оружие,
И рухнут тираны и сгинут запоры!

Освеженные этим воодушевляющим, хотя и несколько монотонным упражнением, заговорщики выходили из зала медленной чередой, получая у дверей революционное снаряжение. Билл сунул в карман печатную инструкцию, вскинул на плечо факел и кремневую лучевую винтовку и в последний раз зашагал по тайным переходам. Времени на предстоящую дорогу было маловато, а ему еще надо было успеть доложиться в ГБР.

Легко сказать — доложиться; Билл весь взопреп, непрерывно набирая один и тот же номер. Не соединилось, хоть тресни: в трубке все время звучал сигнал отбоя. Либо линия была занята, либо революционеры уже нарушили работу связи. Билл с облегчением вздохнул, когда утрюмое лицо Пинкертонна наконец заполнило крошечный экран.

— Что стряслось?

— Я узнал имя вождя революции. Этого человека зовут Икс.

— Ты еще премию потребуй за такую информацию, болван! Мы знаем об этом уже несколько месяцев. Что-нибудь еще?

— Ну... Революция начинается в 0016. Может, это вас заинтересует? — Теперь он поймет, на что я способен, подумал Билл.

Пинкертон зевнул.

— И это все? К твоему сведению: твои сведения давно устарели. Ты ведь у нас не единственный шпик, хотя, наверное, самый никудышный. Теперь слушай меня и заруби себе на носу. Твоя ячейка должна захватить имперскую электростанцию. Дойдешь вместе с ними до площади, увидишь магазин с вывеской «Быстрозамороженные кошерные гамбургеры», там будет наш отряд. Присоединишься и доложишь мне. Понял?

— Так точно!

Связь прервалась. Билл огляделся в поисках куска бумаги, чтобы обмотать факел и кремневку, пока не придет время пустить их в дело. Надо было поторапливаться — до назначенного часа оставалось всего ничего, а путь предстоял долгий и запутанный.

— Ты чуть не опоздал, — прошептал андроид Голем, когда Билл ввалился в тупичок, назначенный местом сбора их ячейки.

— Заткнись, ты, урод из пробирки! — задыхаясь и сдирая бумагу со своего снаряжения, огрызнулся Билл. — Дай лучше огоньку факел запалить.

Чиркнула спичка, и тут же вокруг затрещали и задымили смоляные факелы. По мере того как минутная стрелка подползала к условленному моменту, напряжение нарастало. Ноги собравшихся нервно постукивали по металлическому тротуару. Билл аж подпрыгнул, когда тишину разорвал резкий свист. Люди и роботы подхватились и плотной массой, с хрипылыми воплями понеслись по переулку. Они мчались по коридорам и переходам с винтовками наперевес, рассыпая ливни искр с горящих факелов. Вот она, революция! Билл, подхваченный толпой, увлеченно орал вместе со всеми и тыркал факелом в стены и в сиденья самодвижущейся дороги, вследствие чего тот, естественно, погас, так как на Гелиоре все было сделано из металла и других огнеупорных материалов. Зажигать факел было некогда, и Билл отшвырнул его прочь. Толпа выплеснулась на огромную площадь перед электростанцией. Погасли и другие факелы, но повстанцы больше в них не нуждались: пришло время пустить в ход верные кремневые лучевики, чтобы выпустить кишки подлым императорским прихвостням, которым вздумается заступить дорогу революции. Все новые и новые отряды вливались с улиц на площадь, образуя колышущуюся безмозглую массу, подступавшую к мрачным стенам электростанции.

Внимание Билла привлекла то загоравшаяся, то гасшая электрическая реклама: «Быстрозамороженные кошерные гамбургеры», и он ахнул, вспомнив о приказе: Ариман их всех разрази! Он же напрочь забыл, что служит агентом ГБР, и чуть не пошел на штурм элект-

ростанции: Успеть бы выбраться отсюда, пока еще не началась контратака! Обливаясь потом, он стал пробиваться к светящейся вывеске и, выбравшись из толпы, со всех ног помчался к спасительной гавани. Похоже, успел! Ухватившись за дверную ручку, Билл рванул ее на себя, но дверь не открылась. В панике он так тряс и дергал ее, что фасад дома противно закрипел и начал раскачиваться взад и вперед. Парализованный ужасом, Билл усталился на шатающуюся стену, но тут неподалеку раздался громкий свист.

— Сюда, сюда, придурок проклятый! — хрипло прокаркал чей-то голос, и Билл увидел агента ГБР Пинкертона, который выглядывал из-за угла и яростно махал ему рукой.

Билл кинулся за угол и обнаружил там порядочную толпу, которой, однако, вполне хватало места, поскольку дома как такового в сущности не было. До Билла наконец дошло, что вместо здания на площадь выходит картонная фронтальная стена, укрепленная деревянными подпорками, и стена эта служит прикрытием мощному атомному танку. Вдоль его бронированной туши с гигантскими траками выстроился отряд тяжеловооруженных пехотинцев и агентов ГБР, а вокруг них беспорядочно толпились революционеры в дырявых костюмах, прожженных искрами от факелов. Рядом с Биллом оказался андроид Голем.

— И ты тут? — ахнул Билл, на что андроид скривил губы в тщательно отрепетированной усмешке.

— Точно! Слежу за тобой по приказу ГБР с самого начала. Наша организация ничего на самотек не пускает...

Пинкертон прильнул к щели в фальшивой стене.

— Думаю, агенты уже все собрались, — сказал он, — но лучше для верности подождать еще немного. По последним данным, в операции было завязано шестьдесят пять шпиков из разведки и контрразведки. У революционеров нет ни единого шанса...

На электростанции взвыла сирена — это, видимо, был условный сигнал, так как солдаты кинулись на фанерную стену, она отделилась от подпорок и рухнула на мостовую.

Площадь Шовинизма была пуста.

Пуста, да не совсем. Присмотревшись, Билл увидел человека, которого не заметил вначале. Человек бежал

по направлению к ним, но увидев, что скрывается за упавшей стеной, испустил жалобный вопль и остановился.

— Сдаюсь! — крикнул он, и Билл тотчас узнал его — это был его старый знакомый Икс.

Ворота электростанции распахнулись, из них с грохотом выползла рота танков-огнеметов.

— Трус! — взревел Пинкертон и щелкнул ружейным затвором. — Не пытайся бежать, Икс, сумей хотя бы умереть как мужчина!

— Но я не Икс, это моя шпионская кличка! — Икс сорвал фальшивые бороду и усы, открыв дрожащее невыразительное лицо с выступающей вперед нижней челюстью. — Меня зовут Гилл О'Тим, я магистр искусств и преподаватель Имперской школы контрразведки и подготовки двойных агентов. Меня нанял для проведения этой операции принц Микроцефал, чтобы свергнуть с престола своего дядю и взойти на трон. Я могу доказать, у меня есть документы...

— Не делай из меня идиота, — рявкнул Пинкертон, прицеливаясь. — Старый император, да упокоится с миром его душа, помер уже год назад, и принц Микроцефал давно восседает на троне. Не можешь же ты бунтовать против того, кто тебя нанял!

— Я никогда не читаю газет! — застонал О'Тим, он же Икс.

— Огонь! — твердо скомандовал Пинкертон, и со всех сторон хлынул огненный шквал атомных пуль, гранат и трассирующих снарядов.

Билл ничком рухнул в грязь, а когда осмелился приподнять голову, площадь была совершенно безлюдна — на мостовой осталось только жирное пятно да неглубокая вмятина. Робот-уборщик быстро стер пятно, потом зажужжал, попятился и залил выемку жидким пластиком из канистры, спрятанной где-то в туловище, после чего проехался по пластику, и на мостовой не осталось никаких следов.

— Привет, Билл!

Голос был знакомый до боли — настолько, что волосы у Билла встали торчком, словно щетина на зубной щетке. Он обернулся и увидел отряд военной полиции, возглавляемый огромной ненавистной фигурой в полицейском мундире.

— Смертвич Дранг! — выдохнул Билл.

— Он самый.

— Спасите меня! — закричал Билл, кинувшись в ноги агенту ГБР Пинкертону и обхватив его колени.

— Спасти тебя? — заржал Пинкертон и двинул коленом Биллу в подбородок, опрокинув несчастного на-
взничь. — Я же сам вызвал полицейских. Мы провери-
ли твое досье, парень: дела твои — хуже некуда. Вот
уже год, как ты числишься в самовольной отлучке, а в
нашем отделе дезертиры ни к чему.

— Но я же работал на вас... помогал вам...

— Заберите его, — сказал Пинкертон и отвернулся.

— Нет в мире справедливости, — простонал Билл,
когда цепкие пальцы Смертвича впились в его плечо.

— Конечно, нет, — согласился Смертвич. — А ты
как думал?

И Билла уволокли прочь.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Хоть лопни, но $E = mc^2$

Глава 1

— Адвоката мне! Адвоката! Требую обеспечить защиту моих гражданских прав! — орал Билл, колотя по решетке камеры покореженной миской, в которой ему доставляли ужин, состоявший из хлеба и воды. Однако никто не откликнулся на его зов, и, окончательно охрипнув, Билл обессиленно свалился на бугристую пластиковую койку и уставился в металлический потолок. Погрузившись в отчаяние, он смотрел невидящим взглядом на крюк в потолке, пока наконец не сообразил, на что он смотрит. Крюк? Зачем он здесь? Несмотря на апатию, овладевшую Биллом, эта мысль не давала ему покоя — точно так же, как не оставляло его недоумение по поводу того, что впридачу к дырявому тюремному комбинезону ему выдали крепкий пластиковый ремень, снабженный огромной пряжкой. Кто же подпоясывает ремнем комбинезон, сшитый из цельного куска ткани? У Билла отобрали решительно все, оставив ему бумажные тапочки, засаленный комбинезон и отличный ремень. Зачем? И зачем здесь этот крепкий большой крюк, нарушающий нетронутую гладкость потолка?

— Спасен! — закричал Билл и, вскочив на краешек койки, расстегнул ремень.

На конце ремня тут же обнаружилось отверстие, точь-в-точь подходящее для крюка. Пряжка же пред-

ставляла собой великолепный узел для скользящей петли, готовой любовно обвиться вокруг Билловой шеи. Стоило только сунуть голову в петлю, установить пряжку где-то под ухом и отпихнуть койку, чтобы повиснуть над полом на расстоянии фута. Ну просто блеск!

— Ну просто блеск! — в полном восторге заорал Билл, прыгнул с койки и, громко улюлюкая, забегал кругами под висящей петлей. — Я еще не зарезан, не поджарен и не подан к столу! Они, значит, хотят, чтобы я покончил с собой и тем самым облегчил им жизнь.

Билл улегся на койку со счастливой улыбкой на губах и погрузился в размышления. Наверняка он может как-то выкрутиться из этой ситуации и остаться в живых, иначе зачем бы им прилагать столько усилий, чтобы предоставить ему возможность покончить с собой? А может, они ведут какую-то другую, более тонкую игру? Подают ему надежду, когда надеяться на самом деле не на что? Нет, это вряд ли. У них есть множество качеств: мелочность, эгоизм, злоба, мстительность, высокомерие, жажда власти — этот перечень можно продолжать до бесконечности, но ясно одно: такая черта, как тонкость, в него не войдет. У них? В первый раз в жизни Билл задумался над вопросом: что значит — *они*? Все взваливали на них ответственность за свои беды, каждый знал, что от них исходят все неприятности. Он по собственному опыту знал, каковы *они* на самом деле. Но кто же *они* такие?

Чьи-то шаги замерли у дверей камеры. Подняв глаза, Билл столкнулся с пронзительным взглядом Смертвича Дранга.

— Кто *они* такие? — спросил Билл.

— *Они* — это каждый, кто хочет быть одним из них, — философски изрек Смертвич, цыкая зубом. — *Они* — это одновременно и образ мышления и социальный статус.

— Не компостируй мне мозги своими дурацкими загадками! Я задал прямой вопрос и жду такого же прямого ответа.

— А я тебе прямо и отвечаю, — искренне удивился Смертвич. — *Они* умирают, на смену им приходят другие, но как социальное явление *они* бессмертны.

— Ладно, зря я спросил, — сказал Билл и, придвинувшись к решетке, прошептал: — Мне нужен адвокат. Смертвич, дружище, ты можешь найти мне хорошего адвоката?

— Они сами назначат тебе адвоката.

Билл издал громкий неприличный звук:

— Ну-ну, мы-то с тобой хорошо знаем, что из этого получится. Мне нужен адвокат, который меня вытащит. Деньги у меня есть.

— С этого надо было начинать. — Смертвич надел очки в золотой оправе и стал медленно листать маленькую записную книжку. — Я возьму десять процентов комиссионных.

— Идет.

— Так... Тебе нужен честный и дешевый адвокат или дорогой, но жулик?

— У меня есть семнадцать монет, спрятанных в таком месте, где их никто не найдет.

— Так бы сразу и сказал. — Смертвич захлопнул книжку. — Видимо, они подозревали об этом, потому и выдали тебе ремень да сунули в камеру с крюком. За такие бабки ты можешь нанять самого лучшего адвоката.

— А кто из них лучший?

— Абдул О'Брайен-Козн.

— Давай его сюда.

Дважды приносили Биллу болтанку из непеченого хлеба с водой, прежде чем в коридоре снова слышались шаги и звучный проникновенный голос эхом прокатился по темнице.

— Салам, приятель! Клянусь, я преодолел гезунд штик * препятствий, чтобы добраться до тебя.

— Мое дело будет рассматриваться военно-полевым судом, — сказал Билл скромному спокойному человеку с простоватым лицом, стоявшему за решеткой. — Не думаю, чтобы на нем разрешили присутствовать штатскому адвокату.

— Ей-Богу, земляк, по воле Аллаха я готов ко всяким неожиданностям. — Адвокат вытащил из кармана щетинистые усики с нафиксатуаренными кончиками

* Гезунд штик — уйма (*игиш*). (Примеч. ред.)

и приклеил на верхнюю губу. Одновременно он выпятил грудь колесом, плечи его, казалось, сделались шире, в глазах появился стальной блеск, а мягкие черты лица приобрели офицерскую надменность. — Рад с тобой познакомиться. В этом деле мы будем заодно, и я хочу, чтобы ты крепко усвоил — я тебя не подведу, хоть ты и простой солдат.

— А куда же исчез Абдул О'Брайен-Коэн?

— Видишь ли, я военный юрист в запасе. Капитан А.К.О'Брайен к вашим услугам. Насколько я помню, разговор шел о семнадцати тысячах?

— Из них десять процентов мои, — вмешался подоспевший Смертвич.

Начались переговоры, которые заняли несколько часов. Все трое испытывали взаимную симпатию, уважение и не верили друг другу ни на грош, так что пришлось выработать массу предосторожностей. Наконец Смертвич и адвокат удалились, унося с собой детальный план спрятанного клада, а у Билла осталось подписанное кровью и скрепленное отпечатками больших пальцев признание в том, что они являются членами партии, поставившей своей целью свержение императора. Когда оба пришли обратно с деньгами, Билл вернул им признание в обмен на расписку О'Брайена в получении пятнадцати тысяч трехсот кредиток в качестве окончательного расчета за защиту Билла перед Генеральным военным трибуналом. Ко всеобщему удовлетворению все было сделано быстро и по-деловому.

— Изложить вам мою версию событий? — спросил Билл.

— Разумеется нет, поскольку она не имеет никакого отношения к обвинениям. Когда ты вступил в армию, ты автоматически лишился всех неотъемлемых прав человека. Поэтому они могут сделать с тобой все что угодно. Остается уповать только на то, что они сами являются узниками своей же системы и должны подчиняться сложному и противоречивому кодексу законов, который складывался в течение многих столетий. Они хотят расстрелять тебя за дезертирство, и дельце, надо сказать, состряпали непробиваемое.

— Значит, меня расстреляют?

— Вполне возможно, но у нас есть шанс, и мы должны рискнуть.

— Мы?.. Ты что — претендуешь на половину пули или как?

— Не хами, когда разговариваешь с офицером, ду-бина. Положись на меня, не теряй веры и надейся, что они допустят какой-нибудь ляпсус.

Теперь оставалось только сидеть и ждать судебного дня. Билл догадался, что час его пробил, когда ему принесли форму с лычками заряжающего 1-го класса. Затем послышалась грозная поступь охранника, дверь отворилась, и Смертвич вызвал арестованного из камеры. Они вместе зашагали по коридору; Билл развлекался как мог, то и дело меняя ногу и сбивая охранника с ритма. Но когда перед ними распахнулась дверь в зал заседаний, Билл выпятил грудь с бренчащими медалями и постарался придать себе уверенный вид опытного вояки. Подойдя к капитану О'Брайену, милитаризованному до кончиков ногтей блестящей офицерской формой, он опустился рядом на свободный стул.

— Молодцом! — одобрил его О'Брайен. — Держи хвост пистолетом, и мы побьем врага его собственным оружием.

Они вытянулись по стойке «смирно», когда члены суда начали заходить в зал. Билл и О'Брайен сидели на одном конце длинного черного пластикового стола, а на другом конце уселся судебный обвинитель — седовласый и суровый с виду майор с дешевым перстнем на пальце. Десять офицеров — членов суда разместились в креслах вдоль стола, бросая грозные взгляды на публику и свидетелей.

— Начнем! — с подобающей случаю торжественностью произнес председатель — лысый и толстый адмирал флота. — Заседание суда открыто, да свершится правосудие, и пусть преступник без проволочек будет признан виновным и расстрелян.

— Возражаю! — вскричал О'Брайен, вскакивая с места. — Это предвзятое отношение к подсудимому,

который, как известно, считается невиновным до тех пор, пока не будет доказано обратное.

— Возражение отклоняется. — Молоток председателя ударил по столу. — Адвокат обвиняемого штрафует на пятьдесят кредиток за пререкания. Обвиняемый виновен, что будет доказано вескими уликами, и его обязательно расстреляют. Справедливость восторжествует.

— Вот, значит, как они собираются вести дело, — незаметно шепнул О'Брайен Биллу. — Но я смогу переиграть их, коль скоро правила игры теперь известны.

Судебный обвинитель начал монотонно зачитывать вступительную речь:

— ...итак, мы докажем, что заряжающий 1-го класса Билл самовольно продлил положенный ему девятидневный отпуск, оказал сопротивление полиции, убежал от производивших задержание и скрылся от погони, после чего целый год отсутствовал, а посему обвиняется в дезертирстве...

— Виновен, черт подери! — Один из членов суда, красноречивый кавалерийский майор с черным моноклем в глазу, вскочил настолько стремительно, что кресло грохнулось на пол. — Голосу за признание виновным! Расстрелять мерзавца!

— Полностью согласен, Сэм, — пробасил председатель, легонько постукивая молотком, — но расстрелять его мы должны с соблюдением законных формальностей, так что придется тебе немного погодить.

— Это же неправда, — шепнул Билл своему адвокату. — Ведь факты...

— Помолчи о фактах, Билл. Тут они никого не интересуют. Факты не меняют сути дела.

— ...а потому мы требуем высшей меры наказания — смерти, — гнусил судебный обвинитель, наконец-то добравшись до конца речи.

— Надеюсь, вы не собираетесь отбирать у нас драгоценное время, капитан! — сказал председатель, грозно глядя на О'Брайена.

— Всего несколько слов, если позволите...

В зале послышался шум, какая-то женщина в лохмотьях и наброшенном на голову платке подбежала к столу, прижимая к груди завернутый в одеяло сверток.

— Ваша честь, — задыхаясь, проговорила она, — не отнимайте у меня Билла, он для меня единственный свет в окошке! Билл — хороший человек, и что бы он ни сделал, он сделал это ради меня и нашего крошки. — Она приподняла сверток, откуда доносилось слабое попискивание. — Каждый божий день собирался он уйти от нас, чтобы вернуться на службу, но я была больна, наш малютка хворал, и я со слезами умоляла Билла остаться...

— Убрать ее! — молоток громко ударил по столу.

— ...и он оставался, каждое утро давая клятву, что это будет последний раз и прекрасно понимая, что, если он покинет нас, мы умрем с голоду... — Женщина продолжала выкрикивать последние фразы, пока военные полицейские, преодолевая сопротивление, волокли ее к дверям: — ...и Бог благословит Вашу честь, если вы отпустите Билла, но если вы осудите его, пусть ваши черные сердца сгниют в аду...

Хлопнула дверь, и голос умолк.

— Вычеркнуть все это из протокола! — сказал председатель, с ненавистью глядя на защитника. — Если бы у меня были доказательства, что вы имеете отношение к происшедшему, я бы расстрелял вас вместе с вашим клиентом.

О'Брайен с невинным видом сложил руки на груди и откинул голову назад, собираясь произнести наконец свою речь, но его опять прервали. Какой-то старик взгромоздился на скамейку для зрителей и, размахивая руками, требовал внимания.

— Слушайте все! Да свершится правосудие, и пусть я послужу орудием его! Я хотел было хранить молчание и позволить свершиться казни невинного, но не могу! Билл — мой сын, мой единственный сыночек, это я умолил его прийти ко мне, ибо я умираю от рака и хотел повидать его в свой последний час, но он остался со мной, дабы заботиться обо мне... — Снова завязалась борьба, но когда полицейские попытались оттащить старика, оказалось, что он прикован к скамье. — ...Да, он ухаживал за мной, он варил мне похлебку, заставлял меня есть ее и делал это с таким упорством, что постепенно я стал поправляться и совершенно выздоровел благодаря заботам моего преданного сыночка. А теперь мой мальчик должен умереть из-за того, что спас

меня. Я не могу этого допустить! Возьмите взамен мою жалкую ненужную жизнь...

Атомные клещи перегрызли цепь, и старика вышвырнули за дверь.

— Хватит! Это переходит все границы! — взвизнул побагровевший председатель и с такой силой хватил по столу молотком, что тот разлетелся на мелкие кусочки. — Очистить зал от свидетелей и зрителей! Суд решил вести оставшуюся часть заседания согласно Правилам прецедентов, без участия свидетелей и без предъявления улик. — Председатель бросил беглый взгляд на своих помощников, которые дружно закивали в знак полного согласия. — А посему я объявляю подсудимого виновным и приговариваю его к расстрелу. К стенке его немедленно!

Члены суда зашевелились и начали вставать, но их остановил ленивый голос О'Брайена:

— Разумеется, дело суда решать, как ему следует вести заседание, но все же необходимо определить статью или прецедент, согласно которым вынесено решение.

Председатель тяжело вздохнул и сел на место.

— Я просил вас, капитан, не создавать ненужных затруднений, вы знаете Уложение не хуже, чем я. Но если вы настаиваете... Пабло, прочти им...

Помощник прокурора принялся перелистывать толстенный том, лежавший на его конторке, отметил пальцем какое-то место и громко зачитал:

— Свод законов военного времени... статья... параграф, страница... ага — вот, параграф 298-Б... Если военнослужащий покинет свой пост на срок более одного года, его следует считать виновным в дезертирстве, даже если он лично не присутствует на суде, а дезертирство карается мучительной смертью.

— Ну что же, все ясно. Еще вопросы будут? — спросил председатель.

— Вопросов нет, но мне бы хотелось привести прецедент. — О'Брайен воздвиг перед собой высокую стопку толстых книг и прочел из самой верхней: — Вот, пожалуйста... Дело рядового Ловенвига против Военно-воздушных сил Соединенных Штатов, Техас, 1944 год. Здесь сказано, что Ловенвиг отсутствовал в течение четырнадцати месяцев, а затем был обнаружен на чер-

даже собственной казармы, откуда спускался по ночам, чтобы поесть и попить на кухне, а также опорожнить горшок. Поскольку он не покидал территорию базы, его не смогли объявить дезертиром и подвергли легкому дисциплинарному взысканию.

Члены суда усадились на место, с интересом наблюдая за помощником прокурора, который лихорадочно рылся в своих книгах. Наконец он оторвался от них и самодовольно улыбнулся:

— Все верно, капитан, за исключением того обстоятельства, что осужденный покинул предписанное место пребывания — «Транзитный центр ветеранов» — и болтался по всей планете Гелиор.

— Вы совершенно правы, сэр, — отозвался О'Брайен, вытаскивая еще один том и размахивая им над головой. — Но вот еще один прецедент: Драгстед против Управления по расквартированию Имперского военноморского флота Гелиора, 8832 год. Здесь указано, что исходя из необходимости правовой дефиниции необходимо идентифицировать планету Гелиор с городом Гелиором, а город Гелиор — с планетой Гелиор.

— Все это не вызывает никаких сомнений, — перебил О'Брайена председатель, — но только к делу отношения не имеет. Во всяком случае, к данному делу, а потому попрошу вас заткнуться, капитан: мне пора на турнир по гольфу.

— Через десять минут, сэр, вы будете свободны, если признаете действительность двух указанных прецедентов. После чего я предъявлю суду еще одно свидетельство: документ, подписанный адмиралом флота Мартышонком...

— Как... мной? — ахнул председатель.

— ...в котором говорится, что с начала военных действий против чинджеров Гелиор переходит на военное положение и рассматривается как единый военный объект. Из этого я заключаю, что обвиняемый не виновен в дезертирстве, поскольку он никогда не покидал данную планету, а значит никогда не покидал и назначенного ему места службы.

Повисла тяжелая тишина, которую в конце концов нарушил встревоженный голос председателя, повернувшегося к помощнику прокурора:

— Неужели этот сукин сын не ошибается, Пабло? Мы что, не можем расстрелять парня?

Помощник прокурора, обливаясь потом, перерыл свои фолианты, отпихнул их в сторону и с горечью произнес:

— Он прав, я ничего не могу поделать. Этот арабско-еврейско-ирландский жулик поймал нас. Обвиняемый невиновен в инкриминируемом ему проступке.

— Значит, казни не будет? — спросил один из членов суда писклявым жалобным голосом, а другой уронил голову на сложенные на столе руки и зарыдал.

— Ладно, но так легко он не отделается, — нахмурился председатель. — Если обвиняемый был на своем посту весь этот год, тогда он должен был нести свою службу. Но, видимо, он ее просто проспал. А это означает, что он спал на посту. В силу этого приговариваю его к тяжелым работам в военной тюрьме сроком на один год и один день и приказываю понизить в звании до заряжающего 7-го класса. Сорвите с него лычки и уберите с глаз долой. Я и так опаздываю на гольф.

Глава 2

Пересыльная тюрьма, построенная из пластиковых щитов, небрежно привинченных к погнутому алюминиевому каркасу, помещалась в центре большого квадрата, обнесенного шестью рядами колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения. По периметру ходили полицейские патрули с атомными винтовками наперевес. Робот-тюремщик, к которому был прикован Билл, протащил его через многочисленные ворота с дистанционным управлением. Этот приземистый робот представлял собой обыкновенный куб, едва доходивший Биллу до колен и передвигавшийся на лязгающих гусеницах. Из верхней грани у него торчал стальной стержень, к которому были прикреплены наручники, защелкнутые на Билловых запястьях. Побег исключался; при попытке к бегству робот-садист взрывал миниатюрную атомную бомбу, уничтожая себя, потенциального беглеца и всех, кто находился поблизости. Добравшись до места, робот остановился и без возражений позволил сержанту-стражнику отомкнуть наручники. Освободившись от арестованного, машина укатила в гараж.

— Ну что, умник, теперь ты под моим началом, и это тебе вряд ли понравится! — зарычал на Билла сержант, выпятив вперед огромную челюсть, покрытую шрамами. На бритой голове сержанта поблескивали крохотные близко посаженные глазки, в которых светилась непреходимая тупость.

Билл прищурился и медленно поднял лево-правую руку, напрягивая бицепс. Мускулы Тембо вздулись и с треском порвали тонкую тюремную робу. Затем Билл ткнул пальцем в ленточку «Пурпурной стрелы» на своей груди.

— Знаешь, как я ее заработал? — проговорил он бесстрастно. — Я голыми руками угробил тринадцать чинджеров, засевших в дзоте. А сюда я попал за то, что, укокошив чинджеров, вернулся и пришел сержанта, который меня туда послал. Так ты говоришь, мне здесь не понравится, а, сержант?

— Ты чего... Ты меня не трогай, и я тебя не трону. — отшатнулся стражник. — Тебе в тринадцатую камеру, прямо по лестнице...

Сержант замолк и принялся с хрустом обкусывать ногти на всей пятерне одновременно. Билл смерил его долгим оценивающим взглядом, повернулся и вошел в здание.

Дверь тринадцатой камеры была открыта. В маленькую клетушку сквозь полупрозрачные пластиковые стены сочился тусклый свет. Почти все пространство занимали двухэтажные нары, оставляя узкий проход вдоль стены. Две покосившиеся полки, прибитые к стене напротив входа, да выведенная по трафарету надпись «УБИРАТЬ НЕ ЛЕНИСЬ, ВСЛУХ НЕ МАТЕРИСЬ — РУГАНЬ НА РУКУ ВРАГУ», составляли всю меблировку камеры. На нижних нарах лежал человек с острым личиком и внимательно разглядывал Билла хитрыми глазками. Билл, в свою очередь, уставился на него и нахмурился.

— Входите, сержант, — сказал человек, торопливо вставляя подпорку, чтобы установить верхние нары. — Я хранил это нижнее место только для вас, клянусь честью! Зовут меня Блэки, я отбываю десять месяцев за то, что послал лейтенанта второго ранга на...

Человек оборвал свою речь на вопросительной ноте, но Билл ничего не ответил. У него страшно устали ноги. Он скинул красные сапоги и вытянулся на койке. Блэки свесил голову с верхней полки, напоминая грызуна, с любопытством озирающего окрестности вокруг своей норки.

— Жратва еще не скоро. Не уютно закусить котлеткой Мерина? — Рядом с головой появилась рука и бросила Биллу блестящий пакетик.

Подозрительно осмотрев его, Билл дернул за шнурок, прикрепленный к углу пакета. Как только воздух проник в пакет и коснулся самовоспламеняющейся прокладки, котлета разогрелась, и уже через три секунды от нее пошел восхитительный пар. Из другого отделения пакета Билл выдавил каплю кетчупа и осторожно откусил первый кусок. Это была настоящая сочная конина.

— Эта старая кобыла вполне съедобна, — сказал он с набитым ртом. — Как тебе удалось протащить ее сюда?

Блэки ухмыльнулся и многозначительно подмигнул:

— Есть кое-какие контакты. Достанем все, что душа пожелает. Не расслышал, как твое имя, сержант.

— Билл. — Еда смягчила его угрюмое настроение. — Год и один день за сон на посту. Хотели было расстрелять, да у меня оказался отличный адвокат. Котлета была что надо. Жаль, нечем ее запить.

Блэки вытащил бутылочку с этикеткой «Капли от кашля» и передал Биллу.

— Один мой дружок-медик специально изготовил их для меня. Алкоголь пополам с эфиром.

— Ух ты! — воскликнул Билл, наполовину осушив пузырек и вытирая проступившие слезы. Он уже чувствовал себя на дружеской ноге со всем миром. — Хороший ты парень, Блэки!

— Что правда, то правда, — серьезно ответил тот. — Друзья нужны повсюду — и в армии, и на флоте. Спроси старину Блэки, он не обманет. А тебя, кажется, Бог силенкой не обидел, Билл?

Билл лениво продемонстрировал ему бицепс Тембо.

— Это мне нравится, — восхищенно сказал Блэки. — С твоими мускулами и с моей головой мы славно заживем.

— Голова у меня тоже есть!

— Пусть она отдохнет. Дай ей передышку, а я пока буду думать за двоих. Я, брат, столько армий прошел — тебе и не снилось. Свое первое «Пурпурное сердце» я заработал под предводительством Ганнибала. Видишь шрам? — Он показал маленький белый рубец на ладони. — Когда я понял, что его песенка спета, то перебежал, к Ромулу и Рему. С тех пор я непрерывно совершенствовал эту тактику и никогда не оставался внакладе. Утром перед битвой у Ватерлоо я понял, откуда дует

ветер, нажрался в прачечной мыла и получил сильнейший понос. И ничего не потерял, можешь мне поверить. Аналогичная ситуация сложилась на Сомме... или на Ипре... вечно путаю эти древние названия. Помнится, я сжевал сигарету и сунул ее под мышку — подхватил лихорадку и пропустил еще один спектакль. Словчить можно всегда, ты уж поверь старине Блэки.

— Я и не слышал о таких сражениях. Это с чиндже-рами, что ли?

— Нет, это было давно, задолго до них. Много войн тому назад.

— Так значит, ты совсем старик, Блэки? По твоему виду не скажешь!

— Возраст у меня почтенный, да обычно я об этом помалкиваю: люди на смех поднимают. А ведь я помню, как строились пирамиды, какая поганая жратва была в ассирийской армии, как было побеждено племя Вага, когда он со своими воинами пытался прорваться в наши пещеры, а мы скатывали на них валуны.

— Брехня вонючая, — лениво сказал Билл, приканчивая склянку.

— Ну вот, и ты туда же. Поэтому я и не люблю рассказывать старинные байки. Мне не верят даже тогда, когда я показываю свой талисман. — Он вытащил маленький белый треугольник с зазубренными краями. — Зуб птеродактиля. Лично выбил его камнем из пращи, которую сам же и изобрел.

— Он пластмассовый, верно?

— Я так и знал! Приходится вечно держать рот на замке. Так и живу: каждый раз по новой вступаю в армию и плыву себе по течению.

Билл приподнялся и разинул рот:

— Снова записываешься в армию? Да это же самоубийство!

— Ничего подобного! Самое безопасное место во время войны — это армия. Дуракам на фронте отстреливают задницы, гражданским в тылу задницы отрывают бомбами, а мы, которые посерединке, остаемся в целости и сохранности. На одного солдата на передовой приходится 30-50, а то и все 75 нестроевых. Выучишься на писаря — и живи! Разве кто-нибудь слышал, чтобы стреляли в писаря? А я крупнейший специалист по писарской части. Но это во время войны, а в мирное время, когда они по ошибке заключают перемирие,

самое милое дело служить в боевых частях. Кормят лучше, отпуск больше, а делать абсолютно нечего. Зато много ездешь.

— А что ты будешь делать, когда начнется война?

— Я знаю 735 различных способов попасть в госпиталь.

— Обучишь меня хоть парочке?

— Для друга, Билл, я на все готов. Обучу сегодня же вечером, после ужина. Тюремщик, который принесет жратву, отказался выполнить одну мою маленькую просьбу. Чтоб ему руку сломать!

— Какую? — Билл с хрустом сжал кулак.

— По выбору клиента.

Пластиковый лагерь был пересыльным пунктом, в котором заключенные содержались временно, между прибытием и отправкой. Жизнь в нем была легкая и вольготная, чем одинаково наслаждались как заключенные, так и тюремщики. Ничто не нарушало безмятежного течения времени. Появился было один ревностный тюремщик, переведенный из полевых частей, но во время раздачи еды с ним произошел несчастный случай — сломал, бедняга, руку. Даже стражники радовались, когда его увозили. Примерно раз в неделю Блэки уходил под конвоем в архивный отдел базы, где подделывал ведомости для подполковника, который очень активно занимался махинациями на черном рынке и намеревался выйти в отставку миллионером. Трудясь над ведомостями, Блэки одновременно ухитрялся устраивать охранникам повышения по службе, выписывал незаслуженные отпуска и денежные премии за несуществующие ордена и медали. В результате и он и Билл отлично ели, пили и толстели. Все это было прекрасно, но однажды утром, после возвращения из архива, Блэки неожиданно разбудил Билла.

— Хорошие новости, — сказал он. — Нас наконец отправляют.

— Что ж тут хорошего? — буркнул Билл, злой, невыспавшийся и с похмелья. — Мне здесь нравится.

— Скоро тут будет для нас жарковато. Подполковник уже давно косо на меня посматривает. Думаю, собирается сплавить нас на другой конец Галактики,

прямо в гущу сражений. Но до следующей недели он нас не тронет, пока я не закончу возню с его счетами, поэтому я подделал секретный приказ, и мы незамедлительно отправимся на Табес Дорзалис *, где находятся цементные разработки.

— В эту пыльную дыру! — хрипло заорал Билл, схватил Блэки прямо за горло и встряхнул его как следует. — В эту всегалактическую цементную шахту, где люди умирают от силикоза за пару часов! Это же самая распроклятая преисподняя во всей Вселенной!

Блэки вырвался из рук Билла и забился в угол камеры:

— Обожди ты! — сказал он, переведа дух. — Ишь, раскипятился! Выпусти пар, а то взорвешься! С чего ты взял, что я отправлю нас в такое место? Это его в телепередачах так показывают, а у меня есть кой-какая информация! Работа в шахте — это, конечно, не сахар, но у них там огромная военная база и все время требуются писари, а из-за нехватки солдат шоферами берут даже ссыльных. Я переделал твою воинскую специальность с заряжающего на водителя. Вот твое свидетельство, позволяющее водить все — от мотоцикла до восьмидесятидевятитонного атомного танка. Получим непыльную работенку, а на базе кондиционированный воздух.

— Уж больно хорошо тут было, — проворчал Билл, косясь на пластиковый квадратик, удостоверяющий его права на вождение множества странных машин, которых он по большей части и в глаза не видел.

— Они ездят и ломаются, как и все прочие, — утешил его Блэки и начал укладывать свой чемоданчик.

То, что произошла какая-то ошибка, они поняли только тогда, когда колонну арестантов заковали в кандалы, соединив их пропущенной через ошейники цепью, и под охраной взвода военной полиции повели на звездолет.

* *Tabes dorsalis* — сухотка спинного мозга (лат.). (Примеч. ред.)

— Давай! Давай! — орали полицейские. — Отдыхать будете после, когда попадете на Табес Дорсальгию!

— Куда, куда нас отправляют?! — задохнулся Билл.

— Тебе же сказали! Шевелись, вонючка!

— Ты ведь говорил о Табес Дорзалис, — закричал Билл на Блэки, шедшего в цепочке прямо перед ним. — Табес Дорсальгия — это база на Вениоле, где идут непрерывные бои! Нас же гонят прямо на бойню!

— Описочка вышла, — вздохнул Блэки. — Бывает, сам понимаешь...

Он увернулся от пинка и потом спокойно смотрел, как полицейские дубинками избивают Билла до полусмерти и волокут на корабль.

Глава 3

Вениола... Окутанный туманами мир ужасов, медленно ползущий по орбите вокруг призрачной зеленой звезды Гернии, подобно какому-то отвратительному чудовищу, явившемуся из бездонных глубин космоса. Какие тайны скрывают эти вечные туманы? Какие безымянные твари корчатся и воют в смрадных озерах и глубоких черных лагунах? Столкнувшись с кошмарами этой планеты, люди сходят с ума, не в силах противостоять безликому страху. Вениола... Болотистый мир, логовище безобразных до отвращения венианцев...

Жара была влажной, удушливой и зловонной. Бревна новеньких бараков мгновенно сгнили и покрылись плесенью. Сброшенные сапоги обрастали грибами, не успев долететь до пола. В поселке с арестантов сразу сняли кандалы — бежать из рабочего лагеря было некуда. Билл бродил крутами, высматривая Блэки, пальцы на руке Тембо сжимались, как челюсти голодающего. Потом он вспомнил, что, когда их выгружали из корабля, Блэки успел перекинуться словечком с охранником, сунул ему что-то в руку, а спустя несколько минут его отделили от колонны и куда-то увели. Вероятно, он уже сидит где-нибудь в канцелярии, а завтра получит место в помещении для медперсонала.

Билл вздохнул и постарался выбросить все из головы: ничего не поделаешь, это просто еще одно проявление враждебной и неподвластной ему силы. Он повалился на ближайшую койку. Из щели в полу мгновенно вылез отросток лианы, четырежды оплел койку, намертво привязав к ней Билла, а затем вонзил ему в ногу шип и стал сосать кровь.

— Гр-р-р, — хрипел Билл, борясь с зеленой петлей, которая все туже затягивалась на горле.

— Никогда не ложись без ножа, — проговорил тот же желтый сержант, подходя к койке и перерубая кинжалом лиану.

— Спасибо, сержант.

Билл оторвал от себя омертвевшие кольца и выбросил их в окно.

Сержант вдруг задрожал, как натянутая струна, и повалился на койку к ногам Билла.

— К-к-карман... рубашки... п-пилюли... — выдавил он, стуча зубами.

Билл вытащил из его кармана пластиковую коробочку и впихнул ему в рот несколько пилюль. Дрожь прекратилась. Сержант мешком привалился к стене — худой, желтый, мокрый от пота.

— Желтуха, болотная малярия и перемежающаяся лихорадка... Никогда не знаешь время приступа. На фронт послать нельзя — не могу держать винтовку... И вот я, старший сержант Феркель, лучший, будь я проклят, огнеметчик среди головорезов Кирьясова, должен изображать няньку в лагере заключенных! Думаешь, это меня унижает? Ни черта подобного! Наоборот, я просто счастлив, и только одно может осчастливить меня еще больше: немедленная отправка из этой клоаки!

— Как полагаешь, твоему здоровью алкоголь не повредит? — спросил Билл, протягивая ему пузырек с каплями от кашля. — А местечко дрянное, верно?

— Не только не повредит, совсем даже... — Послышалось звучное бульканье, и когда сержант снова заговорил, его голос звучал хрипло, но достаточно громко: — Дрянное — не то слово! Драка с чинджерами вообще поганое занятие, но тут у них есть союзники — венианцы. Эти венианцы похожи на заплесневелых тритонов, а мозгов у них хватает только на то, чтобы держать атомную винтовку да нажимать на спуск. Но это их планета, и они дерутся насмерть в своих болотах.

Они прячутся в тине, плывут под водой, прыгают с деревьев, весь этот мир просто кишит ими. У них нет ничего — ни коммуникаций, ни системы снабжения, ни армейских подразделений. Они просто дерутся, и все тут! Мы убиваем одного — другие его съедают. Раним другого в ногу — они ее отрывают, сжирают, а у раненого вырастает новая. Если у кого-то из них кончаются патроны или отравленные стрелы, они проплывают сотню миль до базы, получают что надо и возвращаются в бой. Мы сражаемся тут уже три года, а контролируем не больше ста квадратных миль.

— Сто — это не так уж мало.

— Только для такого болвана, как ты! Это ж десять на десять миль — всего на пару квадратных миль больше, чем мы захватили при высадке.

За окном устало захлюпали шаги. Измученные, пропитанные жидкой грязью люди ввалились в барак. Сержант Феркель заставил себя встать и дунул в свисток.

— Внимание, новички! Вы зачислены в роту Б и сейчас же отправитесь в топи, чтобы закончить работу, начатую недоносками из роты А сегодня утром. Придется потрудиться как следует! Я не собираюсь взывать ни к вашей чести, ни к совести, ни к чувству долга... — Феркель выхватил атомный пистолет и выстрелил в потолок. Через образовавшуюся дыру хлынул дождь. — Я надеюсь на ваш инстинкт самосохранения, так как каждый, кто будет валять дурака, увиливать или отлынивать от работы, получит пулю в лоб. Ну а теперь — марш!

Трясущийся, с оскаленными зубами, он выглядел достаточно безумным для того, чтобы привести свою угрозу в исполнение. Билл и другие солдаты роты Б выскочили под дождь и построились рядами.

— Взять топоры и ломы! Будем строить дорогу! — скомандовал капрал охраны, пока они тащились по грязи к воротам.

Рота заключенных шла в окружении вооруженного конвоя. Охранники должны были защищать арестантов от врага, так как о побеге не могло быть и речи. Они медленно брели через болото по гати из срубленных деревьев. Над головами со свистом пронеслось несколько тяжелых транспортных самолетов.

— Повезло нам сегодня, — сказал один из заключенных-старожилов. — Они выслали взвод тяжелой пехоты. Вот уж не думал, что кто-то из них уцелел!

— А какая у них задача? — спросил Билл. — Расширить плацдарм?

— Куда там! Все они смертники. Но пока их будут перемалывать, давление неприятеля на нас немного уменьшится, так что мы сможем поработать, не неся крупных потерь.

Не дожидаясь приказа, они остановились, глядя как пехотинцы ливнем сыплются в болото и тут же исчезают, подобно каплям дождя, попавшим в лужу. Та и дело вспыхивали портативные атомные бомбы, превращая в пыль парочку венианцев, но им на смену моментально приходило бесчисленное пополнение. Трещало стрелковое оружие, бухали разрывы гранат. Потом среди деревьев показалась какая-то фигура, которая приближалась к ним, прыгая, словно мячик. Это был пехотинец в бронированном скафандре и газонепроницаемом шлеме, — что-то вроде ходячей крепости, увешанной атомными бомбами и гранатами. Вернее, не ходячей, а прыгучей, поскольку тяжелая амуниция не позволяла передвигаться иначе как прыжками — при помощи двух ракет, укрепленных на бедрах. По мере его приближения прыжки становились все ниже и ниже. Наконец он приземлился ярдах в пятидесяти и сразу погрузился по пояс в болото. Ракеты при соприкосновении с водой громко зашипели. Пехотинец подпрыгнул еще раз, но ракеты работали с перебоями, и, увязнув в болотной жиже, он поднял забрало шлема.

— Ребята! — крикнул он. — Проклятые чинджеры прострелили мой баллон с горючим! Не могу прыгать — ракеты не работают! Помогите, ребята, дайте руку! — Он хлопнул по воде протянутой пятерней.

— Вылезай из своего дурацкого скафандра, и мы тебя выудим, — отозвался капрал охраны.

— Ты что, спятил! — завопил пехотинец. — Да на это дело уйдет не меньше часа! — Он снова включил свои ракеты, они зафыркали, он взлетел на фут над водой и грузно плюхнулся обратно в болото. — Топливо кончилось! Помогите мне, ублюдки! Что же это, мать вашу... — орал он, продолжая погружаться. Вскоре на поверхности болота показалось несколько пузырей и все было кончено.

— Вечно с ними одна и та же история, распротак их на хрен! — выругался капрал — Колонна! Шаго-ом марш! — скомандовал он, и арестанты захлюпали вперед. — Эти скафандры весят по три тысячи фунтов. Камнем идут ко дну.

Если это был спокойный денек, то Биллу оставалось только надеяться, что он никогда не попадет в более горячую ситуацию. Вениола представляла собой сплошное болото, и продвигаться вперед без дорог было невозможно. Если отдельным подразделениям и удавалось просочиться подальше, то для машин, нагруженных боеприпасами, и тяжело вооруженной пехоты это было немыслимо. Поэтому рабочие отряды должны были прокладывать гати прямо под огнем противника.

Вода вокруг них вскипала бурунами от выстрелов из атомных винтовок, над головами листопадом сыпались отравленные дротики. Залпы и одиночные выстрелы снайперов не умолкали ни на минуту, а заключенные валили деревья, рубили ветки, укладывали стволы, чтобы продвинуть дорогу хоть на несколько дюймов. Билл рубил, пилил и старался не обращать внимания на крики и всплески воды от падающих тел, пока наконец не стемнело.

Поредевшая за день рота вернулась в бараки.

— За сегодня мы продвинулись ярдов на тридцать, — сказал Билл своему соседу-старожилу.

— Ну и что? Ночью венианцы проберутся сюда вплавь и растащат бревна.

Билл понял, что отсюда надо сматываться как можно быстрее.

— У тебя остался еще веселящий напиток? — спросил сержант Феркель у Билла, который, рухнув на койку, соскабливал ножом грязь, налипшую на сапоги.

Прежде чем ответить, Билл рубанул лиану, пролезавшую через щель в полу.

— А у тебя найдется немного времени, чтобы дать мне полезный совет?

— Я превращаюсь в настоящий кладезь советов, если предварительно чем-нибудь прополощу глотку.

Билл вытянул из кармана пузырек.

— Как можно убраться из этого пекла?

— Заполучить пулю в лоб, — ответил сержант, присасываясь к горлышку. Билл вырвал у него пузырек.

— Это я и без тебя знаю! — прорычал он.

— Тогда можешь обойтись без моих советов! — рявкнул в ответ сержант.

Они почти соприкасались носами, в глотках у обоих хрипло бурлило. Выяснив отношения и доказав друг другу, что оба они не робкого десятка, противники расслабились: Феркель прислонился к стене; Билл со вздохом протянул ему пузырек.

— А как насчет канцелярской работы?

— У нас нет канцелярии. Мы не ведем никакого учета. Все ссыльные здесь рано или поздно погибают, а когда именно — это никого не волнует.

— А если получить ранение?

— Попадешь в госпиталь, заштопают и пришлют обратно.

— Стало быть, остается только бунт!

— Последние четыре попытки ни к чему не привели. Они просто отозвали корабли с продовольствием и не давали жратвы, пока мы не согласились воевать дальше. Местная пища для нашего метаболизма — чистый яд. Кое-кто доказал это ценой своей жизни. Любой мятеж, чтобы кончиться успехом, должен начаться с захвата кораблей и бегства с этой проклятой планеты. Если у тебя есть какие-нибудь предложения, я сведу тебя с Постоянным комитетом по подготовке мятежа.

— Но должен же быть хоть какой-нибудь способ вырваться отсюда!

— Я т-тебе сразу сказал: п-пуля в лоб! — проговорил Феркель и в отключке свалился на койку.

— Ну, это мы еще посмотрим!

Билл вытащил из кобуры сержанта пистолет и выскользнул за дверь.

Защищенные броней прожекторы заливали светом нейтральную полосу, отделявшую их от неприятеля. Билл пополз в противоположном направлении — туда, где вспыхивали отдаленные огни приземлявшихся ракет. Из болотистой почвы то и дело вырастали силуэты барачных и складов, но Билл держался от них подальше:

они охранялись, а пальцы часовых всегда лежали на спуске. Охранники падали в каждую тень, в направлении каждого шороха, а зачастую и просто так — для поддержания боевого духа. Впереди горели яркие огни, и Билл осторожно пополз к ним на брюхе, надеясь из-за кустов получше рассмотреть высокую, освещенную прожекторами изгородь из колючей проволоки, которая тянулась в обе стороны до бесконечности.

Выстрел из атомной винтовки выжег в яре от него глубокую яму, а самого Билла накрыл ослепительный луч прожектора.

— Дежурный офицер приветствует тебя! — зазвучал из укрепленных на столбах громкоговорителей чей-то сочный голос. — Это предупреждение записано на магнитную ленту. Ты пытаешься покинуть лагерь и попасть в запретную зону, где размещено командование. Это категорически запрещено. Твое присутствие зарегистрировано автоматическим контролем. Дула атомных винтовок направлены прямо на тебя. Через шестьдесят секунд будет открыт огонь. Вспомни, что ты патриот, солдат! Вспомни о присяге! Смерть чиндже-рам! Осталось пятьдесят пять секунд! Неужели ты хочешь, чтобы твоя мать узнала, что ее сын — трус? Пятьдесят секунд. Вспомни, сколько денег потратил император на твое обучение! Разве он заслужил такую черную неблагодарность? Сорок пять секунд...

Билл выругался и выстрелил в ближайший громкоговоритель, но остальные продолжали работать. Билл повернулся и пополелся обратно.

Он уже подходил к своему барaku, держась подальше от передовой, чтобы не попасть под пули нервной охраны, когда огни неожиданно погасли. Одновременно со всех сторон загрели винтовочные залпы и взрывы гранат.

Глава 4

Рядом в грязи шевельнулось что-то живое, и Билл рефлекторно нажал на спуск. В короткой вспышке атомного пламени он увидел обугленные останки венианца, а возле них — несметные полчища чудовищ, которые с визгом бросились в атаку. Билл прыгнул в сторону, увернулся от огня и драпанул со всех ног. Единственной его мыслью было спасти свою шкуру, убравшись подальше от стрельбы и атакующего неприятеля. О том, что в той стороне лежало непроходимое болото, он и не думал.

Жить! Жить! — вопило его дрожащее «я», и он лез напролом, подгоняемый этим воплем. Бежать было трудно, твердая почва сменилась полужидкой грязью, а та — водой. Отчаянно колотя по воде руками и ногами, Билл целую вечность добирался до относительно сухого места. Первый приступ паники прошел, стрельба осталась где-то позади, и, совершенно выбившись из сил, он повалился на кочку. Чьи-то острые зубы тут же вонзились ему в задницу. Хрипло взыв от боли, он кинулся бежать и врезался в дерево. Удар был не настолько силен, чтобы изувечить Билла, а соприкосновение с грубой корой пробудило в нем древний инстинкт самосохранения, и он вскарабкался наверх. На довольно значительной высоте он обнаружил удобную развилку, образованную двумя толстыми ветвями, и примостился там, упиравшись спиной в ствол и держа пистолет нагото-

ве. Никто его не преследовал, ночные звуки постепенно затихли; Билл, надежно укрытый темнотой, начал клевать носом. Несколько раз он просыпался, тревожно вглядываясь во тьму, и наконец крепко уснул.

С первым проблеском мутного рассвета Билл разлепил отяжелевшие веки и огляделся. На соседней ветке сидела маленькая ящерица и рассматривала его блестящими, как драгоценные камни, глазами.

— Э-э-э... Похоже, ты окончательно выдохся, — сказал чинджер.

Выстрел Билла оставил на коре дымящийся шрам; чинджер вылез из-под ветки и аккуратно смахнул лапкой пепел.

— Полегче с пистолетом, Билл. Я мог прикончить тебя ночью в любую минуту, если бы захотел.

— Я узнал тебя, — прохрипел Билл. — Трудяга Бигер, верно?

— Он самый. Вот мы и снова вместе, совсем как в старые добрые времена! — Мимо прошмыгнула сороконожка; Трудяга чинджер-Бигер схватил ее тремя лапками, а четвертой начал обрывать ей ножки и запихивать их в рот. — Я сразу признал тебя, Билл, и мне захотелось поболтать с тобой. Ты уж прости, что я обозвал тебя стукачом, это было очень грубо с моей стороны. Ты ведь просто выполнял свой долг. А скажи, как тебе удалось меня раскусить? — спросил он, хитро подмигнув.

— Отвяжись от меня, чучело! — рявкнул Билл и полез в карман за бутылочкой каплей от кашля.

Трудяга вздохнул:

— Ладно. Я, конечно, не ожидаю, что ты выдашь мне какие-нибудь военные тайны, но, надеюсь, ты не откажешься ответить на несколько простых вопросов. — Он отбросил изуродованное туловище сороконожки и, порывшись в сумчатом кармане, достал табличку и крохотную авторучку. — Пойми, Билл, я ведь не профессиональный шпион, меня втянули в это дело из-за моей научной специальности — экзоптологии. Слышал о такой?

— Нам как-то читали лекцию... Этот самый экзоптолог все болтал про инопланетных рептилий и другую живность...

— Довольно близко к истине... Эта наука изучает инопланетные формы жизни, а для нас вы — гомоса-

пиенсы — как раз и являетесь такой формой... — Он поспешно нырнул под ветку, увидев, что Билл поднимает пистолет.

— Думай, о чем говоришь, сучонок!

— Виноват, неудачно выразился. Короче говоря, поскольку я специализируюсь на изучении вашего вида, то меня сделали шпионом. Что ж, в военное время всем нам приходится идти на жертвы. Когда я тебя тут приметил, я подумал, что ты мог бы помочь мне решить некоторые вопросы — в интересах чистой науки, разумеется.

— Например? — подозрительно посмотрел на него Билл и швырнул пустую бутылку в болото.

— Ну... э-э-э... Для начала скажи мне, как ты относишься к чинджерам?

— Смерть чинджерам!

— Но это в тебя вдолбили... А как ты к нам относишься до вступления в армию?

— Да плевать мне было на вас! — Краем глаза Билл заметил какое-то подозрительное шевеление в листве над головой Трудяги.

— Отлично! Тогда объясни мне, кто же так ненавидит чинджеров, что готов вести с ними войну на полное уничтожение?

— Да таких, верно, и вовсе нет. Просто больше не с кем воевать, вот и воюем с вами.

Листья раздвинулись, и между ними, блестя глазами-щелочками, высунулась крупная гладкая голова.

— Так я и думал! И это подводит нас к самому главному вопросу: почему вы, гомосапиенсы, так любите вести войны?

Рука Билла непроизвольно сжала рукоятку пистолета: за чудовищной головой, свисавшей над Трудягой чинджер-Бигером, тянулось бесконечное змеиное туловище толщиной около фута.

— Вести войны? Не знаю, — ответил Билл, замороженный бесшумным приближением огромной змеи. — Думаю, нам это просто нравится — вот и все.

— *Нравится?* — заверещал чинджер, подпрыгнув от волнения. — Цивилизованной расе не могут нравиться войны, смерть, убийства, увечья, насилие, пытки, боль и все такое прочее! Вы — нецивилизованная раса!

Змея молниеносно рванулась вперед, и Трудяга чинджер-Бигер, издав тоненький писк, исчез в ее разинутой пасти.

— Да... наверное, мы и впрямь недостаточно цивилизованны, — сказал Билл, держа змею на мушке. Однако она мирно уползла, продемонстрировав по меньшей мере ярдов пятьдесят своего туловища и вильнув на прощание хвостом. — Так тебе и надо, шпион проклятый! — Билл облегченно вздохнул и спустился на землю.

Только внизу Билл осознал весь ужас своего положения. Зыбкая болотистая почва поглотила все следы его ночного бегства, и он не имел ни малейшего представления, в какой стороне искать линию фронта. Тусклый солнечный свет еле пробивался сквозь покров облаков и густой туман; Билл похолодел, сообразив, как ничтожны его шансы попасть к своим. Отнятая у врагов территория составляла всего десять миль в длину и в ширину — блошиный укус на теле планеты. Однако оставаться на месте было еще хуже, а потому, избрав, как ему показалось, наиболее вероятное направление, Билл двинулся вперед.

— Мне каюк, — сказал он, и это было похоже на правду. Несколько долгих часов блуждания по болоту не принесли ему ничего, кроме усталости, зуда от укусов насекомых, изрешетивших ему всю кожу на спине, да потери квартиры-другой крови, высосанной пиявками. С скромный запас патронов, которые ему пришлось потратить на дюжину каких-то тварей, собиравшихся им позавтракать, подошел к концу. Билл проголодался, умирал от жажды и по-прежнему не имел ни малейшего представления о том, где он находится.

Остаток дня прошел в безрезультатных скитаниях, и, когда сгустились сумерки, Билл был близок к полному истощению, а запас капель от кашля иссяк. Желудок от голода сводило судорогой. На дереве, куда он забрался в поисках ночлега, Билл обнаружил аппетитные красные плоды.

— Наверняка ядовитый! — Он оглядел плод со всех сторон, понюхал. Пахло восхитительно. Билл зашвырнул его подальше.

Утром он почувствовал, что голод становится просто зверским.

— Сунуть дуло в рот и разнести себе черепушку, что ли? — проговорил он задумчиво, взвешивая в руке пистолет. — Нет, это всегда успеется. Мало ли что может произойти... — и не поверил своим ушам, услышав в джунглях человеческие голоса.

Билл притаился за веткой, держа пистолет наготове.

Голоса приближались, потом послышался звон металла. Под деревом проскользнул вооруженный венианец, но Билл не стал стрелять, поскольку из тумана вынырнули еще какие-то фигуры. Они появлялись один за другим — длинная колонна пленников, закованных в железные ошейники, соединенные общей цепью. Каждый пленный нес на голове большой ящик. Билл смотрел, как они бредут мимо, и тщательно подсчитывал число конвойных венианцев. Их было пятеро. Шестой шел в арьергарде; как только он поровнялся с деревом, Билл бесшумно прыгнул вниз и ударом тяжелого сапога раскрыл ему череп. Венианец был вооружен копией стандартной атомной винтовки чинджеровского производства, и Билл злобно усмехнулся, ощутив в руках ее привычную тяжесть. Сунув пистолет за пояс, он крадучись последовал за колонной, держа винтовку наперевес. Пятого конвойного он уложил прикладом, подобравшись к нему сзади. Двое пленных солдат заметили это, но у них хватило ума промолчать. Билл начал подкрадываться к четвертому охраннику, но того насторожило подозрительное движение среди пленных: он обернулся и поднял винтовку. Шансов прикончить его без шума уже не оставалось; Билл выстрелом снес ему голову, а потом помчался вдоль колонны. Наступившую после грохота выстрела тишину разорвал его громкий крик:

— Ложись! Быстро!

Солдаты плюхнулись в болотную жижу, а Билл прижал атомную винтовку прикладом к животу, перевел ее на автоматический режим и принялся палить на бегу, поводя стволом из стороны в сторону, точно садовым шлангом. Огненная струя описывала ослепительную дугу в ярде от земли. Из тумана доносились крики и стоны, а потом у Билла кончились патроны. Он отшвырнул винтовку и схватился за пистолет. Двое стражников были мертвы; последний, раненый, успел еще выстрелить, не целясь, прежде чем Билл поджарил и его.

— Неплохо! — сказал он, останавливаясь и тяжело переводя дыхание. — Шестеро из шести.

Из колонны пленных неслись тихие стоны. Билл безглаголиво оглядел трех солдат, которые не успели выполнить его команду.

— В чем дело? — спросил он, толкнув одного из них носком сапога. — Никогда не бывал в переделках, а? — Тот ничего не ответил, так как уже превратился в обутленную головешку.

— Никогда... — простонал второй, корчась от боли. — Позови костоправа, там в конце колонны есть один... О-о-о! И зачем я покинул «Фанни Хилл»! Врача...

Билл хмуро взглянул на три золотых шара на воротнике раненого лейтенанта четвертого ранга, потом нагнулся и стер с его лица грязь.

— Ты?! Офицер-кастелян! — зарычал он яростно и поднял пистолет, намереваясь закончить так удачно начатую работу.

— Это не я! Это не я! — стонал лейтенант, тоже признавший Билла. — Офицера-кастеляна нет, его утопили в сортире! Это же я — твой добрый пастырь! Я принес тебе благословение Ахурамазды, сын мой! Читаешь ли ты «Авесту» на сон грядущий?

— Еще чего, — проворчал Билл. Пристрелить лейтенанта он уже не мог и подошел к третьему раненому.

— Привет, Билл... — слышался слабый голос. — Видно, мои рефлексy начали сдавать... Тебя я не виню, сам оплошал, надо было вовремя выполнять команду...

— Да уж, черт побери, надо было, — сказал Билл, глядя в знакомое клыкастое ненавистное лицо. — Ты умираешь, Смертвич, не повезло тебе.

— Знаю, — ответил Смертвич, закашлялся и закрыл глаза.

— Встать в круг! — заорал Билл. — Мне нужен лекарь!

Колонна послушно изогнулась, наблюдая, как медик осматривает раненых.

— Лейтенанту надо перевязать руку, и все дела, — сказал фельдшер. — Просто слабый ожог. А с клыкастым парнем покончено. Он умирает.

— Можно как-нибудь поддержать его жизнь?

— Можно, только ненадолго.

— Займись этим. — Билл оглядел пленных. — Ошейники снять можете?

— Ключей нет, — ответил здоровенный сержант-пехотинец. — Эти ящерицы даже не взяли их с собой. Придется топтать в таком виде до дома. С чего это ты вздумал рисковать своей шкурой и спасти нас? — подозрительно спросил он.

— Как же, стал бы я вас спасать! — усмехнулся Билл. — Я подыхал с голоду и решил, что в ящиках может найтись жратва!

— Жратвы сколько угодно, — облегченно вздохнул сержант. — Теперь я понимаю, почему ты рискнул.

Билл вскрыл банку консервов и уткнулся в нее с головой.

Глава 5

Мертвого солдата освободили от цепи, отрубив ему голову. Двое солдат, скованных со Смертвичем, собирались проделать с ним то же самое. Билл вступил с ними в дискуссию, разъясняя, что гуманность требует спасти раненых товарищей, и после того, как он пообещал отстрелить им ноги, они полностью согласились с его аргументами. Пока скованные солдаты подкреплялись консервами, Билл срезал пару тонких стволов и соорудил из них носилки, приспособив для этой цели несколько солдатских курток. Одну из захваченных винтовок он оставил себе, а остальные раздал пехотному сержанту и нескольким солдатам-ветеранам.

— Есть у нас шансы вернуться на базу? — спросил он сержанта, тщательно счищавшего грязную жижу с винтовки.

— В принципе есть. Мы можем идти назад по собственным следам, это нетрудно — народу прошло немало. Только хорошенько гляди по сторонам и, как увидишь венианца, стреляй, иначе живыми не уйдем. Когда услышим пальбу, поищем местечко поудобнее и прорвемся. Шансов у нас пятьдесят на пятьдесят.

— Ну, по крайней мере, положение наше сейчас не хуже, чем час назад.

— Еще бы! Однако задерживаться тут не стоит.

— Тогда потопали!

Идти по следам оказалось даже легче, чем они предполагали, и уже после полудня до них донеслись первые глухие звуки отдаленной битвы. Единственный венианец, встреченный ими на пути, был сразу же убит. Билл остановил колонну.

— Надо поест. Жрите сколько влезет, остальное выбросим. Передать команду по линии. Скоро выступаем.

Он пошел взглянуть на Смертвича. Лицо у раненого было бледнее бумаги.

— Хреново... — прошептал он. — Это конец, Билл... я знаю... Больше уже не придется мне запутывать рекрутов... стоять в очереди за получкой... вытаскивать пистолет... Прощай, Билл. Ты настоящий друг... так заботишься обо мне...

— Рад, что ты так думаешь, Смертвич. Может, и ты мне окажешь небольшую услугу. — Билл порылся в карманах умирающего, вытащил записную книжку и нацарапал что-то на чистом листке. — Подпишись-ка, приятель, по старой дружбе.

Огромная нижняя челюсть Смертвича отвисла, злобные красные глазки открылись и уставились в небо.

— Сдох, проклятая сволочь, не вовремя, — с отвращением проговорил Билл.

Немного подумав, он вымазал чернилами большой палец Смертвича и прижал его к бумаге.

— Медик! — крикнул он. Колонна свернулась кольцом, чтобы фельдшер мог подойти к раненому. — Чего с ним?

— Окошел, — поставил диагноз фельдшер.

— Перед смертью он завещал мне свои зубы. Видишь, что тут написано? Это настоящие мутированные клыки, и стоят они приличную сумму. Их можно трансплантировать?

— Конечно, если в ближайшие двенадцать часов вырезать их и заморозить.

— Нет проблем — мы потащим его с собой. — Билл выразительно посмотрел на носильщиков и похлопал по пистолету, чтобы предотвратить возражения. — Позовите-ка сюда лейтенанта.

Хмуρο взглянув на подошедшего капеллана, Билл протянул ему листок из записной книжки.

— Мне нужна офицерская подпись. Перед смертью раненый продиктовал мне завещание, но был слишком слаб, чтобы его подписать, поэтому просто приложил к

листку большой палец. Припишите внизу, что вы были свидетелем и подтвердите законность бумаги, а потом распишитесь.

— Но... я не могу этого сделать, сын мой! Я же не видел, как покойный прикладывал... Гр-р-х-х...

«Гр-р-х-х» он сказал потому, что Билл всунул ему в рот пистолетный ствол и принялся медленно вращать его, держа палец на спуске.

— Стреляй! — посоветовал пехотный сержант, а трое солдат заплодировали. Билл вытащил ствол наружу.

— Рад, страшно рад оказать тебе услугу, — воскликнул капеллан, хватаясь за перо.

Билл прочел документ, удовлетворенно крикнул, подошел к фельдшеру и присел рядом с ним.

— В госпитале работаешь? — спросил он.

— Точно! И если попаду туда снова, то уж ни на минуту его не покину. Дьявольская невезуха: я как раз подбирал раненых, когда началась атака.

— Говорят, раненых отсюда не отправляют, а заштопывают и снова посылают на передовую.

— Правильно говорят. В этой войне выжить почти невозможно.

— А если ранение настолько серьезно, что бедняга уже не способен сражаться?

— Современная медицина творит чудеса, — неразборчиво пробормотал фельдшер, уписывая обезвоженную тушенку. — Или ты сразу помираешь, или оказываешься через пару недель на передовой.

— Ну а если у парня, допустим, оторвало руку?

— Запасными руками у нас забит целый холодильник. Пришьют новую — и вперед.

— А ступню? — не унимался Билл.

— Правильно — я совсем забыл! Ступней у нас маловато. Так много ребят с оторванными ногами, что коек не хватает. Этих парней уже начали вывозить с планеты.

— Слушай, есть у тебя обезболивающие таблетки? — спросил Билл, меняя тему разговора.

Медик вытащил белую бутылочку.

— Слопаешь штуки три и не почувствуешь, как у тебя голову ампутуют.

— Давай три.

— Если случайно увидишь парня, которому только что оторвало ступню, не забудь, что ногу надо немедленно

перетянуть над коленом, да потуже, чтобы кровью не истек.

— Спасибо, приятель.

— Да не за что.

— Пошли, — сказал сержант-пехотинец. — Чем быстрее мы отсюда выберемся, тем больше шансов вернуться домой.

Шальные вспышки атомных винтовок воспламеняли листву у них над головами, от грохота тяжелых орудий вздрагивало под ногами болото. Колонна двигалась параллельно линии огня и, когда огонь затих, остановилась. Билл, единственный, кто не был прикован к общей цепи, пополз на разведку. Вражеские позиции были укреплены довольно слабо, и вскоре он нашел место, удобное для прорыва. Прежде чем вернуться к своим, Билл вытащил из кармана крепкую бечевку, позаимствованную с продовольственного ящика, наложил чуть повыше правого колена крепкий жгут, закрутил его палкой как можно туже и проглотил таблетки. Затаившись в густом кустарнике, он крикнул:

— Прямо, потом круто направо! Сворачивать возле тех деревьев! Бего-омарш!

Билл вел колонну вперед, пока не показались первые окопы, а затем с криком «Кто идет?» бросился в густые кусты.

— Чинджеры! — заорал он и сел на землю, прислонившись спиной к дереву.

Потом тщательно прицелился и отстрелил себе правую ступню.

Услышав, как испуганные солдаты с треском ломятся через кустарник, Билл отшвырнул пистолет, пальнул несколько раз из винтовки по деревьям и с трудом поднялся на ноги. Опираясь на атомную винтовку, он заковылял к своим. К счастью, идти пришлось недолго: двое солдат, по-видимому, новички, иначе они были бы умнее, выскочили из окопов ему на помощь.

— Спасибо, братцы, — выдохнул Билл и свалился на землю. — Все-таки война — это страшная штука.

Эпилог

Звуки бравурного марша эхом разносились по холмам, бились о скалистые выступы и замирали в зеленой тени под деревьями. Из-за поворота, гордо печатая шаг, вышла маленькая торжественная процессия, возглавляемая блистательным роботом-оркестром. Золотые лучи играли на его сочленениях, солнечными зайчиками вспыхивали медные инструменты, на которых азартно наяривал робот. За ним катил небольшой отряд разномастных подсобных механизмов, а в арьергарде одиноко шагал седой сержант-вербовщик, побрякивая рядами медалей. Дорога была ровная, но сержант вдруг споткнулся, оступившись, и выругался с той замысловатостью, которая достигается лишь многими годами службы.

— Стой! — скомандовал он.

Маленький отряд остановился; сержант прислонился к каменной стене, ограждавшей дорогу, задрал правую штанину и свистнул. К нему быстро подкатил один из роботов, протягивая ящик с инструментами, из которого сержант вынул большую отвертку и подтянул болт на искусственной ноге. Затем выдавил на шарнир несколько капель из масленки и опустил штанину. Выпрямившись, он увидел за оградой робомула, запряженного в плуг, и крепкого крестьянского парнишку, бредущего за мулом.

— Пива! — гаркнул сержант. — И «Элегию космонавтов»!

Робот-оркестр заиграл нежную мелодию старинной песни, и к тому времени, когда робомул закончил бо-розду, на ограде уже стояли две запотевшие глиняные кружки с пивом.

— Славная мелодия, — сказал паренек.

— Хочешь пивка? — предложил сержант, вытряхнув в кружку белый порошок из спрятанного в рукаве пакетика.

— С удовольствием. Жарко сегодня, как в чер... как в пекле.

— Ну, скажи «в чертовом пекле», сынок, мне это слово знакомо.

— Мама не велит браниться. Какие у вас большие зубы, мистер!

Сержант клацнул зубами.

— Такой взрослый парень обязательно должен ругаться иногда. Был бы ты солдатом, мог бы поминать черта сколько угодно — даже «твою мать!» мог бы говорить, если б захотел.

— Не думаю, что когда-нибудь мне захочется говорить *такое*. — Под густым загаром у парнишки проступил яркий румянец. — Спасибо за пиво, надо пахать. Мама не велит мне разговаривать с солдатами.

— Твоя мать совершенно права. Большинство из них — законченные алкаши и матерщинники. Слушай, сынок, а хочешь посмотреть снимок последней модели робомула, которая может работать тысячу часов без смазки? — Сержант протянул руку, робот вложил в нее портативный проектор.

— Ой, как интересно! — Парнишка прильнул к проектору и покраснел еще сильнее. — Это же не мул, мистер, это девчонка и даже без одежды...

Сержант быстро нажал на кнопку в крышке аппарата. Что-то щелкнуло, и парнишка застыл как вкопанный. Ни один мускул не дрогнул у него на лице, пока сержант вынимал проектор из его парализованных ладоней.

— Возьми перо, — сказал сержант. Пальцы мальчика послушно сомкнулись. — Теперь подпиши этот бланк внизу, где напечатано «подпись рекрута».

Скрипнуло перо, и в тот же миг воздух прорезал чей-то пронзительный жалобный вопль.

— Чарли! Что вы делаете с моим Чарли! — причитала древняя, совершенно седая старуха, ковля из-за холма.

— Твой сын стал солдатом к вящей славе императора, — сказал сержант и махнул роботу-портному.

— Нет, ради Бога, нет! — умоляла женщина, цепляясь за руку сержанта и орошая ее слезами. — Одного сына я уже потеряла, неужели этого недостаточно... — Сквозь слезы она посмотрела на сержанта и вздрогнула: — Но вы... ты... ты же мой сын! Билл, ты вернулся домой! Я узнала тебя, мой мальчик, несмотря на эти зубы, и шрамы, и черную руку, и протез вместо ноги! Сердце матери не обманешь!

Сержант хмуро взглянул на старуху.

— Может, ты и права, — сказал он. — То-то мне этот Фигеринадон-2 показался знакомым.

Робот-портной закончил работу: ярко засиял на солнце мундир из алой бумаги, блеснула тонюсенькая пленка на сапогах.

— Стано-о-вись! — гаркнул Билл, и рекрут перелез через стенку.

— Билли, Билли! — рыдала старуха. — Это же твой младший брат, это Чарли! Ты не забереешь своего младшего братишку в солдаты, ведь правда?!

Билл подумал о матери, о маленьком братишке Чарли, о том месяце службы, который ему скостят за нового рекрута, и рявкнул:

— Заберу!

Гремела музыка, маршировали солдаты, рыдала мать, как рыдают матери во все времена, а бравый маленький отряд все дальше уходил по дороге, пока не скрылся в закатном зареве за вершиной холма.

**БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ,
НА ПЛАНЕТЕ
РОБОТОВ – РАБОВ**

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ БИЛЛА

Билл — это его так звали. Потому что имя у него было такое — Билл. Простой деревенский парень, который волей судьбы был обманом завербован в вооруженные силы Империи, заброшен к далеким звездам и разлучен с зеленеющими родными полями, серебристым робомулом и голубоватой мамочкой — у нее было что-то неладно с сосудами.

История о том, как Билл стал Героем Галактики, рассказана в книге «Билл, Герой Галактики». Это подлинная история, и на каждой странице ее можно видеть следы слез. (Искусственных слез, капавших из печатной машины.) Прочтите ее. Она заставит вас посмеяться, заставит вас поплакать, заставит вас вскочить и кинуться в туалет, чтобы поплевать. Вы увидите, как старательно изничтожала Билла солдатчина, как под этим губительным влиянием он сначала увядал и засыхал, а потом снова пошел в рост и созрел. Как он стал настоящим солдатом, научившись ругаться последними словами — ну, во всяком случае, предпоследними — не меньше 354 раз в день, напиваться в стельку и с вожделением устремлять на девиц глаза, налитые спермой. Любая женщина могла бы гордиться, будь у нее такой сын. Хотя я никак не могу понять почему.

После того как Билла, опоив зельем, обманом завербовали в космическую пехоту, его направили в учебный лагерь имени Льва Троцкого. Там, под командой Смерт-

вича Дранга, садиста-инструктора строевой подготовки с клыками по семь сантиметров длиной, моральные устои Билла были подорваны, воля его сломлена, умственные способности ослаблены, а дух сокрушен — в общем, он превратился в образцового пехотинца. Только своему великолепному физическому развитию — следствию многих лет тяжелой работы на родной ферме — он был обязан тем, что не оказался вдобавок еще и раздавлен, как таракан.

Как только полный курс обучения был им пройден — а в сущности, еще до того, как он был пройден, и, что куда важнее, до того, как Билл успел побывать в борделе для солдатского состава, — его вместе с товарищами по казарме спешно погрузили на борт боевого космолета, ветерана космического флота «Фанни Хилл» *, и отправили на войну.

Война шла уже давно. Человечество вело наступление на звезды. Там, среди звездной пыли, солнц, планет, комет и космического мусора, обитала раса разумных инопланетян — чинджеры. Это были мирные маленькие зеленые ящерки с четырьмя лапами, чешуйчатой кожей и хвостом, как у всякой ящерицы. Поэтому их, естественно, следовало истребить: не исключено, что когда-нибудь они могут стать опасными. И потом — для чего еще нужны армия и флот, как не для того, чтобы воевать?

Однообразие военной службы в космосе было слегка нарушено, когда Билл узнал, что его хороший приятель по кличке Трудяга Бигер — на самом деле шпион чинджеров. Сначала Биллу было нелегко понять, как это может быть: пусть его разум и пострадал от солдатчины, но ведь всякий знает, что чинджеры похожи на поеденных молью аллигаторов, имеют по четыре ручки и двухметровый рост. Все стало понятнее, когда выяснилось, что Трудяга Бигер — не простой шпион. Вернее, вообще не шпион, а робот, которым управляет чинджер ростом в пятнадцать сантиметров, с командного пункта внутри черепа Трудяги Бигера. Пятнадцать сантиметров или два метра — какая разница, военные всегда склонны к некоторым преувеличениям в интере-

* Фанни Хилл — женщина из публичного дома, героиня одноименного романа XVIII в. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

сах пропаганды. Так или иначе, шпиону удалось скрыться, и снова пошла обычная жизнь с ее постоянным голодом и скукой, пока Билл наконец не вступил в бой в качестве заряжающего.

В ожесточенной битве все его товарищи были убиты, а Билл получил легкое ранение — ему оторвало взрывом левую руку. Несмотря на это и по чистой случайности, именно он произвел выстрел, эхо которого прокатилось по всему флоту, — выстрел, уничтоживший вражеский космолет. Совершив этот героический подвиг и обзаведясь новой, отличной, крепкой чернокожей правой рукой, которую ему пришили взамен оторванной левой (теперь у него стало две правые руки, и он мог сам с собой обмениваться рукопожатием, что его очень забавляло), он получил медаль и звание Героя.

Кроме того, он ухитрился сбежать в самоволку, что означает — отсутствовать в казарме без официального на то разрешения, то есть ненадолго вырваться из когтей солдатчины. В ходе своих дальнейших приключений на планете Гелиор он тоже некоторое время был шпионом, а кроме того занимался вывозкой мусора и другими увлекательными делами. Настолько увлекательными, что в конце концов снова попал в строй и был обречен погибнуть на далекой планете, откуда не возвращался никто из солдат, которых туда отправляли. Однако, наведя с помощью алкоголя кое-какие справки, Билл выяснил, что хотя обычных раненых здесь сразу же посылали обратно в строй, слегка подштопав и пришив им новые руки и любые — ну, почти любые — другие части тела вместо старых, — на планете ощущался острый дефицит ступней. Поэтому если солдат лишался ступни, его отсылали на ремонт в тыл, и впоследствии ему предстояло драться где-то в другом месте. К несчастью, у Билла обе ступни были целы, и дело шло к тому, что ему не миновать погибнуть в бою. Однако со своей обычной изобретательностью он отстрелил себе правую ступню, рассудив, что это лучше, чем ждать когда ему отстреляют все остальное.

Вот как это случилось. И теперь, обзаведясь искусственной ступней, далеко зашедшим алкоголизмом, начальной стадией сексуального помешательства, пересаженными клыками, которые завещал ему Смертвич Дранг, и загубленной печенью, Билл готов встретить свою судьбу. Добровольно вступив на императорскую службу

(как будто у него был выбор), он на всю жизнь обречен оставаться межзвездным воином, потому что срок его службы постоянно автоматически продлевается, хочет он этого или нет. Биллу повезло, пожалуй, только в одном: поскольку одна ступня у него искусственная, от ног у него воняет вдвое меньше, чем у остальных солдат.

И вот наш герой поневоле снова отправляется в бой.

Гарри Гаррисон

Глава 1

Новая работа не слишком нравилась Биллу. А должна бы нравиться, потому что, как почти все в армии, она не требовала от него никаких, или почти никаких, мыслительных способностей. Нужны были только прочно укорененные условные рефлексy. Один из которых сейчас заскребся у него в мозгу, напоминая, что тяжелая поступь новобранцев доносится до него все слабее. Билл поднял глаза и увидел, что они уже почти скрылись из виду. По правде говоря, не почти, а совсем — за облаком пыли из-под сапог, которые они еле волочили. Билл набрал побольше воздуха и рявкнул:

— Круго-ом... арш!

Рядом упала на землю птичка, оглушенная громогласной командой. Билл немного приободрился: значит, из него уже получается настоящий инструктор строевой подготовки. Новобранцы тоже приободрились: стоило им промаршировать еще немного дальше, и они утодили бы в глубокий овраг с крутыми каменистыми склонами. Первая шеренга уже дрожала от страха, оказавшись перед ужасным выбором — погибнуть в овраге или принять смерть от руки инструктора. Они повернули — не слишком четко, потому что ноги у них подкашивались от усталости, — и, надсаживаясь от кашля, замаршировали назад, в облако пыли.

Когда строй приблизился, Билл злобно зарычал, оскалив зубы. Особую выразительность гримасе придавал

один-единственный длинный клык, который заходил за нижнюю губу и практически упирался пожелтевшим концом в подбородок. Билл постучал по клыку ногтем и оскалился еще сильнее. Два клыка придали бы ему грозный вид, но с одним он был похож на бульдога, потерпевшего поражение в драке. С этим что-то надо было делать.

Его вывел из задумчивости громкий топот. Бросив перед собой беглый взгляд, он увидел, что надвигающаяся шеренгу отделяет от него всего один шаг. Ближайший к нему новобранец затаил дыхание от ужаса при мысли, что сейчас затопчет инструктора.

— Рота, стой! — рявкнул Билл.

Натруженные ноги, топнув еще раз, остановились, и новобранец чуть не ткнулся в Билла. Он стоял лицом к лицу со страшным инструктором, уставившись ему в глаза, налитые кровью, своими, забитыми пылью.

— Ты на что это глазеешь? — угрожающе прошипел Билл разъяренной змеей.

— Ни на что, ваше величество, сэр, ваше высочество...

— Не ври, ты глазеешь на мое лицо.

— Нет, то есть да, только я не виноват, оно у меня прямо перед глазами.

— И не просто на лицо, а на мой клык. И думаешь — почему это у него только один клык?

Билл сделал шаг назад и, с отвращением глядя на шатающихся, перепуганных, загнанных до полусмерти новобранцев, прорычал:

— Вы все это думаете, да? Отвечайте — да!

— Да! — хрипло выдохнули они хором, от усталости плохо соображая, что вообще происходит.

— Так я и знал, — вздохнул Билл и мрачно постучал ногтем по одинокому клыку. — Да вы тут не виноваты. Инструктор с двумя клыками — жуткое, наводящее страх зрелище. А один клык — это, прямо скажу, печальная картина.

Он засопел от жалости к самому себе и утер рукой каплю, свисавшую с носа.

— Я, конечно, не жду от вас сочувствия, слабоумные вы уроды. Ни преданности, ничего такого, потому что у вас одно на уме — иди-ка ты на хрен, приятель. Нет, я жду откровенного шкурничества и попытки меня подкупить. Мы будем заниматься строевой подготовкой

до тех пор, пока не стемнеет или пока вы не сдохнете, если это случится раньше. — Он сделал паузу, и по рядам пронесся стон. — Но может быть, вы попытаетесь превзойти вчерашнее пополнение, которое так прониклось ко мне сочувствием, что добровольно собрало по доллару с носа на то, чтобы вставить мне второй клык. Должен признаться, я ощутил такой прилив благодарности, что тут же прекратил занятия.

Пехотинцы, совсем недавно против своей воли призванные на службу, чтобы прославить Империю, уже усвоили несколько уроков выживания. Прекрасно поняли они и этот намек. Послышался звон монет, и Билл, пройдя по рядам, принял их добровольные пожертвования.

— Разойтись, — проворчал он, пересчитывая добычу. «Хватит. Да, как раз хватит». Он улыбнулся, но тут взгляд его упал на собственные ноги, и улыбка мгновенно исчезла. Вставить клык — это была только одна из двух проблем, которые стояли перед ним. А сейчас он смотрел на вторую.

Его левая ступня в начищенном до зеркального блеска сапоге выглядела нормально и вполне годилась, чтобы топтать новобранцев. Но с правым сапогом дело обстояло иначе. Совсем иначе. Прежде всего, он был вдвое больше левого. Еще интереснее был большой палец, торчавший далеко назад из дыры над каблуком. Внушительный желтый палец, который заканчивался сверкающим когтем. Билл зарывал в бессильном гневе, и его правая нога, дернувшись, оставила на утоптанной земле глубокую царапину. Хочешь не хочешь, но с этим тоже надо было что-то делать.

Когда Билл двинулся через плац к казарме, из-за гор донеслись раскаты грома. Он с опаской покосился на небо и увидел, что по нему с огромной скоростью приближается черная туча. С такой же скоростью налет порыв ветра. Билл закашлялся от пыли, клубами окутавшей его, но ненадолго: пыль тут же прибил проливной дождь, мгновенно превративший плац в море жидкой грязи. Промочив Билла до нитки, дождь перестал, и пошел град. Огромные градины с плеском шлепались в грязь и барабанили по его каске. Но не успел Билл дойти до казармы, как облака бесследно улетели, и под тропическим солнцем от мундира Билла повалили клубы пара. «Интересный климат на этой планете», — подумал он.

Больше ничего интересного на этой планете не было. Бесплодная и никому не нужная, она отличалась только тем, что здесь было два времени года: жестокая зима и тропическое лето. На ней не было ни руд, которые стоило бы добывать, ни земель, которые стоило бы возделывать, ни природных ресурсов, которые стоило бы использовать. Другими словами, это было идеальное место, чтобы устроить здесь военную базу. Так и сделали, не останавливаясь ни перед какими неоправданными расходами, и теперь гигантский остров-континент посреди бурного, покрытого айсбергами моря представлял собой сплошной огромный военный лагерь. Форт Гранджи, получивший свое имя в честь известного всей Галактике командора Мерда Гранджи. Известен он был исключительно тем, что скончался от далеко зашедшего геморроя, вызванного обжорством. Но поскольку он приходился двоюродным дедом императору, его имя осталось овеванным бессмертной славой.

Эти и подобные им мрачные мысли вертелись в голове у Билла, пока он шарил в своем кошельке, достав его из привинченной к полу железной тумбочки. Хватит, как раз хватит. Шестьсот двенадцать имперских долларов. Пора.

Расстегнув молнии, он скинул сапоги. Три желтых больших пальца на правой ноге скрючились и затекли, и он с наслаждением их расправил. Потом он скинул форму и сунул ее в измельчитель, где армированное бумажное волокно мгновенно распалось на составные части. Он оторвал от рулона на стене уборной новую форму и натянул ее. Потом с большим трудом, бормоча ужасные ругательства, вколотил в правый сапог свои длинные желтые большие пальцы.

Как только Билл открыл дверь казармы, снова обрушился жестокий ливень. Серdito ворча про себя, он захлопнул дверь, досчитал до десяти, снова открыл дверь, вышел на обжигающий солнцепек и поспешно зашагал к главному госпиталю.

— Доктор сейчас занят и не может вас принять, — сказала аппетитная дежурная по приемному покою с нашивками капрала, обрабатывая пилкой край кроваво-красного ногтя. — Запишитесь вот здесь на прием — ровно через три недели в четыре утра... ой!

Ойкнула она потому, что он, злобно зарывчав, выбросил вперед ногу, и коготь, торчавший из пятки, оставил на металлической поверхности стола глубокую царапину.

— Какого хрена, капрал, что я, первый день в армии, что ли?

— Может, и не первый, только вежливо разговаривать еще не научились. Выйдите вон, а не то вызову полицию, и вас расстреляют за порчу казенного имущества... ой!

Ее вопль слился со скрежетом металла, и на столе появилась еще одна царапина.

— Позовите доктора. Скажите ему, что тут пахнет деньгами, а не лекарствами.

— Что же вы сразу не сказали? — недовольно фыркнула она и с размаху ткнула пальцем в кнопку переговорного устройства. — К вам, адмирал, посетитель с наличными.

Она проделала это с большой готовностью и рвением: всякий раз, как что-нибудь подобное отвлекало доктора-адмирала от противозаконных экспериментов, он с такой же готовностью выделял ей процент от добычи и добрую порцию зелья.

Дверь позади нее приоткрылась, и высунулась лысая голова доктора-адмирала Мела Практиса. Он уставился на Билла одним глазом — другой закрывал торчащий черный монокль. Монокль должен был скрывать тот факт, что доктор лишился глаза при неких ужасных обстоятельствах, о которых мы умолчим. Но потом вместо глаза ему поставили электронный телескоп-микроскоп, что оказалось очень удобно. Его противозаконные медицинские эксперименты были столь гнусны, что, когда о них стало известно, его приговорили к смерти на колу — с возможностью замены на службу в медчасти военно-космического флота. Нелегко было ему сделать выбор. Впрочем, в конечном счете получилось неплохо: командующий базой, погрязший в алкоголизме, смотрел на его эксперименты сквозь трясущиеся пальцы. Чтобы пальцы не переставали трястись и все его гнусные затеи по-прежнему сходили ему с рук, Практис не жалел медицинского спирта, которым располагал в неограниченном количестве.

— Это вы на лоботомию? — спросил Практис.

— Какая там к хрену лоботомия? Клык, доктор, имплантация клыка, помните? Тогда у меня бабок хватило только на один. Но теперь я принес остальные.

— Нет бабок — нет зубок. Показывайте, сколько у вас есть.

Билл потряс кошельком, и послышался звон монет.

— Ну, проходите, не стоять же нам тут целый день.

Практик высыпал монеты в умывальник и, сунув пустой кошелек в помойное ведро, полил их антисептиком, а потом принялся считать.

— Никогда не знаешь, какую заразу может подцепить солдат. Тут десяти долларов не хватает.

— Кому же знать, как не вам, — сами почти всех и заразили. Ни хрена, доктор, цена — как договорились. Шестьсот двенадцать.

— Это было на прошлой неделе. Надо учесть инфляцию.

— Больше у меня нет, — жалобно сказал Билл.

— Тогда давайте расписку — пусть вычтут из ближайшей получки.

— Свести у вас нет, — пробурчал Билл, ставя свою подпись.

— А мне она не положена — я специально справлялся в церкви перед тем, как поступить на службу. Ваше имя? Мне надо проверить по компьютеру, где у меня хранится ваш клык.

— Билл. Через два «л».

— На два «л» имеют право только офицеры. — Он забарабанил по клавиатуре. — Вот он, на «Бил», все правильно. Двенадцатый холодильник, в жидком азоте.

Схватив металлические щипцы, доктор выскочил из комнаты и через минуту вернулся с пластиковым цилиндром, от которого валил пар. Он сунул его в микроволновую печь и нажал на несколько кнопок.

— Думаю, шестидесяти секунд хватит. Если продержат дольше, изжарится.

— Смотрите, без шуток, доктор, это серьезное дело.

— Только для вас, солдат. Для меня это всего несколько лишних долларов — они пойдут моему брокеру, чтобы когда-нибудь я смог откупиться от службы.

Из печи донесся сигнальный звонок, и доктор ткнул большим пальцем через плечо в сторону операционного стола.

— Снимите брюки и ложитесь.

— Брюки? Но он же должен быть во рту, доктор, — куда это вы собираетесь его приживлять?

Вместо ответа Практис мерзко ухмыльнулся и подкатил к столу электронный автомат.

Билл поперхнулся — резиновые захваты широко разинули ему рот. Практис, что-то бормоча, принялся набирать на клавиатуре команды. Билл завопил хриплым голосом сквозь захваты: лазерный скальпель с шипением вгрызся ему в десну, а шипцы начали раскачивать зуб.

— Ах, виноват, забыл, — солгал Практис, делая обезболивающий укол.

Не прошло и нескольких секунд, как зуб был удален, десна разрезана, гнездо в челюсти рассверлено, корень клыка прочно установлен на место, в зазоры впрыснут ускоритель роста, и все залито шовным клеем.

— Прополощите рот, сплюньте и выметайтесь, — приказал Практис, когда Билл, шатаясь, встал со стола.

— Так-то лучше, — сказал Билл, восхищенно глядясь в зеркало. Он постучал ногтем по обоим клыкам и оскалился. Лицо его стало вполне ужасающим. — Смертвич Дранг мог бы мной гордиться, если бы остался в живых.

— Катитесь отсюда.

— Это еще не все, доктор. — Билл скинул свой огромный правый сапог, расправил длинные пальцы и провел три глубокие царапины в пластиковом полу. — А что вы скажете про это? Что скажете?

— Скажу, что это очень мило. Только когти, пожалуй, пора подстричь.

— Не когти, а ступню менять надо! Не оставаться же мне до конца жизни с куриной лапой громадного размера!

— А почему бы и нет? Это лучше, чем деревянная нога.

— Мне нужна настоящая!

— А у вас и есть настоящая — настоящая гигантская куриная лапа. И позвольте вам сказать — не буду хвастать, но во всей известной Вселенной нет другого хирурга, который смог бы это сделать. А еще жалуются, что я занимаюсь так называемыми противозаконными экспериментами! Да они все на коленях ко мне приползут, когда у них будет что-нибудь неладно со ступнями, вот увидите!

— Я хочу увидеть только одно — настоящую, живую человеческую ступню вместо вот этого.

— Вы не маленький, солдат, и не морочьте мне голову своими пустячными проблемами. Сейчас идет война, солдат, — или вы про это ничего не слышали? То одного не хватает, то другого. А чего не хватает постоянно — так это запасных ступней.

— И вы ничего не можете сделать?

— Я могу пришить вам вместо этого кроличью лапку. Говорят, она приносит удачу.

— Но мне нужна настоящая ступня! — завопил Билл. Но его вопля никто не услышал, потому что как раз в этот момент прогремел взрыв, и большая часть крыши госпиталя взлетела на воздух.

Глава 2

Пока доктор Практис трясся от страха, тупо уставившись на зияющую дыру в потолке и падающие обломки, Билл проворно нырнул под металлический стол. Обеспечив таким образом безопасность собственной шкуры, он подумал о будущем, о своей куриной лапе и из чисто эгоистических побуждений, протянув руку, втащил в свое убежище и доктора. В следующее мгновение на место, где тот только что стоял, обрушилась груда кирпичей, и Практис захлебнулся от ужаса, а потом бросил на Билла взгляд, полный собачьей благодарности.

— Вы спасли мне жизнь, — пролепетал он.

— Только не забудьте об этом, когда придет следующая партия замороженных ступней. Я хочу выбрать первым.

— Все будет ваше! А если вам не терпится, то у меня есть одна очень изящная ступня тридцать пятого размера — все, что осталось от медсестры, которую загрызли сторожевые псы.

— Нет, спасибо, уж лучше я подожду. Та, что у меня сейчас, не так уж плоха на время боевых действий, пока не появится вполне подходящая.

— Почему это вы заговорили о боевых действиях? — взвизгнул Практис.

— Потому что они уже начались, и мы сейчас в самой гуще. Разве вам ни о чем не говорят свист бомб, разрывы снарядов и вопли умирающих?

Полный отчаяния стон Практиса заглушило громовое хлопанье крыльев, и по комнате пронеслась какая-то тень. Билл рискнул выглянуть из-под стола и увидел, что над ними кружит громадный дракон. Своими глазами-бусинками дракон заметил внизу движение, раскрыл пасть и выдохнул язык пламени. Билл поспешно втянул голову под стол, и дымное пламя опалило пол вокруг. Практис стонал и трясся от страха. Но Билл только рассердился.

— Как же это можно такое допускать на военной базе? Где оборонительные меры? Где противодраконовая артиллерия? Ну, сейчас я покажу этой чешуйчатой гадине, пока она до меня не добралась!

Как только хлопанье крыльев отдалилось, Билл на четвереньках выполз из-под стола и выскочил сквозь пролом в стене. На секунду он остановился, с восхищением глядя, сколько разрушений произвел дракон за такое короткое время, и тут же снова нырнул в укрытие, когда над головой появился еще один дракон, извергая из клоаки поток бомб. Когда вокруг перестали падать обломки, Билл кинулся к ближайшему оружейному шкафу и одним ударом своей когтистой ноги вышиб дверь.

— Отлично, просто отлично, — в восторге вскричал он и схватил черный цилиндр, на котором белыми буквами было написано: «РЗВ».

— РЗВ, — сказал он, пристраивая цилиндр на плечо. — Ракета земля—воздух.

Поглаживая указательным пальцем спусковой крючок, он приложился глазом к прицелу. Перед ним предстала восхитительная картина — перекрестье линий, приходящееся в точности посреди брюха ближайшего дракона.

— Вот тебе от пехоты, — радостно воскликнул он, нажимая на спуск.

Послышался щелчок, и из дула высунулась металлическая лапа, державшая флажок. На нем было изящными стежками вышито: «ПРОМАХ».

— Вот те хрен — ракета-то, оказывается, учебная! — взвыл Билл и швырнул цилиндром в дракона.

Тот, заметив развевающийся флажок, сделал правый вираж и перешел в пике. Клубы дыма летели из его ноздрей и стлались позади, а из раскрытой пасти тянулся

к Биллу ослепительный язык пламени, способный изжарить его, как отбивную на вертеле.

— Вот оно, — мужественно пробормотал Билл. — Погибнуть так далеко от дома — да еще с куриной лапой!

Язык пламени все приближался, — и тут дракон взорвался: ракета угодила ему точно в пупок.

— Значит, кто-то все-таки нашел годную ракету, — буркнул Билл, глядя, как драконья туша валится на крышу отхожего места, стоявшего прямо перед ним. Но вместо мягкого шлепка, которого ожидал Билл, раздался оглушительный звон. Все стало понятно, когда на землю упала оторванная голова дракона. Из обрубка шеи торчали провода и металлические прутья, а из порванных трубопроводов вместо крови текло масло.

— Мог бы и догадаться, — сказал Билл довольным тоном. — Машина. Драконы из плоти и крови — это для пташек. Аэродинамически неустойчивы. Крылья слишком малы, прежде всего.

Размышляя об этих извечных тайнах, он с интересом смотрел, как на макушке драконьей головы открывается нечто вроде дверцы. Это зрелище что-то очень ему напомнило. Особенно после того, как на него сердито уставилось четверорукое зеленое существо пятнадцати сантиметров ростом.

— Да это чинджер! — ахнул Билл.

— А ты думал, это драконий мозжечок? — насмешливо произнес чинджер.

Билл схватил с земли обломок бетона и хотел было расплющить на месте маленькое зеленое чудище, но не успел. Враг-инопланетянин распахнул люк в шее дракона и выхватил оттуда маленький ракетный двигатель с лямками, которые быстро накинуд на себя.

— Вперед, чинджеры! — пискнул он, крохотные ракеты заработали, и он стрелой взлетел в небо.

Билл бросил бетонный обломок и заглянул в пост управления, скрытый в черепе дракона. Он был в точности такой же, как в голове Трудяги Бигера, — с пультом и маленьким термосом для воды. Над пультом оказалась даже металлическая табличка с серийным номером. Билл нагнулся и вгляделся получше.

— «СДЕЛАНО В США», — прочитал он. — Интересно, что бы это значило?

К этому проявил интерес не только он. Теперь, когда бомбежка уже наверняка закончилась, из-под развалин госпиталя выполз доктор Практис. Страх, сотрясавший его, сменился научной любознательностью.

— Это еще что такое?

— Сейчас уже ничего. А был это механический бомбоносный огнедышащий дракон с чинджером внутри.

— А что значит «СДЕЛАНО В США»?

— Вот и я об этом думаю, доктор. — Билл огляделся по сторонам, отошел и вытащил из-под обломков больничную каталку. — Ну-ка, помогите мне погрузить сюда эту голову — мы отвезем ее командующему базой и посмотрим, что он скажет.

Это оказалось нелегко сделать, потому что штабу изрядно досталось. Когда они подошли, какой-то адмирал с золотыми якорями и скрещенными паяльниками инженерных войск на погонах стоял, мрачно созерцая дымящиеся остатки. Он поднял глаза и кивнул Практису.

— Мы с вами, Мел, остались целы, но остальные офицеры погибли. Все до единого. У них тут как раз шла оргия в пользу Красного Креста.

— Во всяком случае, они погибли на боевом посту.

— Прекрасная смерть, — вздохнул инженер и с большим подозрением покосился на Практиса. — А давно вы стали адмиралом, доктор Мел Практис?

— А вам какое до этого дело, профессор Лубянка?

— Такое, что старший в чине принимает командование. Сегодня в девять вечера исполняется уже два года, шесть месяцев и три дня, как я стал адмиралом.

— А я на такие мелочи не обращаю внимания, — язвительно сказал Практис.

— Из чего следует, что вы самозванец, клистирная вы трубка.

— Ах ты, электромонтажник говенный!

— Солдат, убейте этого мятежника.

— Это приказ, сэр?

— Да.

Билл схватил Практиса за горло и принялся душить.

— Сдаюсь! — прохрипел тот, и новый командующий дал Биллу знак его отпустить.

— Захватите с собой эту драконью голову. Надо доложить в штаб флота, что произошло. И выяснить,

откуда было совершено нападение. Этот сектор считается давно уже умиротворенным.

Электронная лаборатория уцелела благодаря своему выгодному расположению — вдали от штаба, по соседству с очистными сооружениями. Инженеры из команды адмирала Лубянки явились на его зов и унесли останки дракона. На Практиса и Билла никто не обратил внимания, и они, повинаясь безошибочному солдатскому инстинкту, смылись.

— Не пригласить ли вам меня в офицерский клуб на совещание, сэр? — жизнерадостно намекнул Билл.

— Это зачем? — подозрительно спросил Практис.

— Выпить, — последовал мгновенный ответ.

Они взялись уже за вторую бутылку «Растворителя для старой краски», когда их разыскал посыльный.

— Адмирал приказывает вам обоим явиться к нему. Немедленно или еще быстрее.

— А хрен с ним! — насмешливо бросил доктор Практис.

Посыльный извлек пистолет.

— Мне приказано пристрелить вас обоих на месте, если заупрямитесь.

Добежав рысью до лаборатории, они немного протрезвели и предстали перед Лубянкой, шатаясь и подерживая друг друга. Он, что-то ворча, листал лежавшие на столе перед ним донесения. Подняв глаза на вошедших, он содрогнулся.

— Сядьте, пока не упали, — приказал он и помахал в воздухе какой-то бумажкой. — Бардак, как всегда, — проскрипел он сквозь зубы. — С наших баз на спутниках успели запустить электронный зонд по следу космолета, который сбросил нам сюда этих драконов. Он направляется в сторону альфы Большого Пса — до сих пор этот сектор считался нейтральным. Мы должны выяснить, что происходит — и где находится эта планета США.

— Ну, это вы у нас гений по части электроники, а не я, — ехидно сказал Практис. — Старому костоправу это не по зубам.

— По зубам. Я назначаю вас командиром космолета, который отправится в погоню.

— Почему меня?

— Потому что вы чуть ли не единственный офицер, который остался в моем распоряжении. Положение

обязывает. А этот истукан полетит с вами, потому что обстрелянных солдат у нас тоже не густо. Я наскребу вам кое-какую команду, но многого обещать не могу.

— Ну, спасибо и на том. Может, еще чем-нибудь порадуете?

— Порадую. Они разбомбили все наши космолеты. Кроме мусорного буксира.

— А я летал на мусорном буксире, — радостно сказал Билл.

— Значит, будете чувствовать себя как дома. Соберите вещи и будьте здесь самое позднее в три пятнадцать. В три шестнадцать за вами будет послана расстрельная команда. К этому времени электронное оборудование для пеленгования будет погружено.

— Как бы нам от этого отвертеться? — мрачно спросил Практис, когда они пробирались среди развалин, в которые превратилась база.

— Никаких шансов. Я поинтересовался этим в первый же день, как сюда попал. Удрать с базы проще простого, только удирать некуда. Здешние растения несъедобны. Кругом океан. Прятаться негде.

— Ну и ну! Тогда идите со мной и помогите нести мои вещи.

— Я вам не понадобится, сэр, — сказал Билл, показывая куда-то за спину доктора. — Вон те три санитара вполне справятся.

Практис обернулся, но никого не увидел. Потом снова взглянул перед собой и тоже никого не увидел. Он издал вопль ярости, но Билл был уже далеко.

Билл был уже далеко и брел к своей казарме, преисполненный самого черного отчаяния. Конечно, солдатская жизнь никогда не бывает усыпана розами, да и здешняя планета — дыра дырой, однако тут он по крайней мере имел шанс остаться в живых. А прогулка к звездам на мусоровозе под командованием сумасшедшего доктора ничего хорошего не сулила. Он порывался в самых укромных закоулках своего мозга, но не смог обнаружить никакого сколько-нибудь осуществимого плана бегства. Отстрелить себе другую ступню? Да нет, это кончится тем, что он окажется с двумя куриными лапами и вдобавок с петушиным хвостом — уж настолько-то он Практиса знал. Похоже было, что его дело в шляпе.

Прикрыв рукой кодовый замок своей тумбочки, он другой рукой набрал код. Потом прижал большой палец к специальной пластинке для распознавания отпечатков пальцев и только после этого сунул в скважину ключ. Лишние предосторожности никогда не повредят, особенно когда имеешь дело с солдатней. Он пошарил рукой в тумбочке и задумался: что взять с собой в полет? Двенадцать дюжин презервативов вряд ли там ему понадобятся. Нож-кастет с отравленными иглами может пригодиться. Что-нибудь почитать? Он мрачно полистал «Боевые комиксы» — с их страниц зазвучали тихие разрывы снарядов и едва слышные вопли. Как всегда, почти все шансы были за то, что он больше никогда не увидит эту базу. Впрочем, жалеть особо не о чем. Так или иначе, лучше взять с собой все.

Билл вытащил из-под койки свой рюкзак и тщательно уложил его, побросав туда все вещи из тумбочки. Времени до посадки оставалось еще много. Он дотронулся пальцем до своих говорящих часов и услышал шепот: «Сенатор Мак-Герк, друг пехотинцев, с удовольствием сообщает, что сейчас ровно двадцать три часа». Часы были дешевые — он получил их в подарок от матери.

Еще полдня до отправления — достаточно, чтобы утопить горе в вине. Билл огляделся вокруг, соображая, у кого могло бы быть спиртное. Не у новобранцев, это уж точно. В углу была каморка сержанта, он подошел и постучал в дверь.

— Ты там, сержант?

Ответом ему была тишина, — ничего лучше и желать не приходилось. Билл отломал от ближайшей койки железный прут и взломал дверь. Внутри был сущий свинюшник, — но свинья, которая в нем жила, понимала толк в выпивке. Билл выбрал две бутылки самого смертоносного вида, спрятал одну в рюкзак и откупорил другую. Как только из горлышка перестал идти дым, он сделал большой глоток и удовлетворенно вздохнул. А потом принялся накачиваться до полного обалдения, — но сначала установил будильник на своих говорящих часах.

К тому времени, как Мак-Герк, друг пехотинцев, сообщил ему, что пора кончать баиньки, Билл как раз прикончил бутылку. Он, шатаясь, поднялся на ноги и закинул за плечо рюкзак. То есть сделал слабую попытку

закинуть его за плечо, но вместо этого рюкзак кинул его на пол.

— Ух! — выговорил он, лежа на рюкзаке и глядя, как кружатся лампочки под потолком.

— Вам нравится так лежать? — раздался голос.

Билл долго моргал глазами и в конце концов с трудом разглядел силуэт одного из новобранцев, удивленно склонившегося над ним. Здоровенного парня, между прочим. После нескольких безуспешных попыток Билл ухитрился более или менее членораздельно произнести:

— Мне не нравится так лежать.

Сочувственно хмыкнув, новобранец помог Биллу подняться на подкашивающиеся ноги и установил его в вертикальном положении.

— Фамилия? — спросил Билл, старательно выговаривая звуки.

— Вербер, ваша честь. Только что прибыл...

— Заткнись. Бери рюкзак. Держи меня. Пошли.

Неверными шагами они добрались до посадочной площадки. Взглянув на издавший виды старый буксир, Билл содрогнулся. С помощью поддерживавшего его Вербера он с трудом поднялся по трапу на борт.

За дружескую услугу, оказанную Биллу, Вербер был вознагражден тем, что его заставили грузить оборудование, а потом включили в состав команды, потому что людей не хватало. Так армия наказывает тех, кто нарушает первую заповедь: «Держи язык за зубами и не высывайся».

Глава 3

Ничего не скажешь, «Имельда Маркос» *, этот ветеран мусоровозного флота, был доброй рабочей лошадкой. Пусть в ширину он был больше, чем в длину, пусть корпус его был испещрен вмятинами, пятнами ржавчины и кофейной гущи, увешан веселыми гирляндами использованной туалетной бумаги и картофельных очисток, — пусть так. Но при всем том он вполне мог, пыхтя и отдуваясь, делать свое дело. Еще не родился на свет такой мусорный контейнер, который он не смог бы поднять в космос. Не существовало такой емкости для помоев, которую он не смог бы вывести на орбиту. Он был настоящий работяга.

Чего нельзя было сказать про его командира. Капитан Блай ** когда-то с отличием окончил Космическую академию, выделялся блестящими способностями и подавал большие надежды. Но он лишился всего, совершив одну маленькую ошибку — на мгновение увлекшись, когда увлекаться не следовало, на мгновение поддавшись низменным инстинктам. К несчастью, в

* Маркос, Имельда — вдова президента Филиппин Фердинандо Маркоса (1917—1989), в 1986 г. бежавшего в США и обвиненного в хищении государственных средств.

** Капитан Блай — нарицательное имя жестокого командира. (Исторический капитан Блай — командир корабля «Баунти», на котором его жестокость вызвала мятеж.

тот день его командир трагически рано вернулся домой. Он застал молодого Блая в постели со своей женой. И со своим племянником. Не говоря уж об овце и о его любимой охотничьей собаке. Командир очень любил эту собаку.

Стоит ли говорить, что после этого Блаю пришлось плохо? Есть вещи, которые делать не принято. Даже на флоте. А это многое значит. Мгновенное увлечение погубило его карьеру. Он остался жив, чтобы всю жизнь об этом жалеть. Если бы еще хоть не эта собака! Но раскаиваться было поздно. Всякий джентльмен на его месте должен был бы поступить, как подобает джентльмену. Но он больше не был джентльменом. Об этом позаботились офицеры флота. Его переводили с корабля на корабль, он опускался все ниже и ниже и нигде не задерживался надолго. Пока не стал капитаном «Имельды Маркос».

Это был добрый старый буксир, делавший свое дело без блеска, но на совесть. Даже когда его капитан был пьян, или под кайфом, или и то и другое, что чаще всего и случалось. Однако сейчас, впервые на памяти команды, включая старейшего ее члена — помощника трамбовщика, он был трезв. С мертвенно-бледным лицом, заросшим густой щетиной, с трясущимися руками и налитыми кровью глазами, он стоял на мостике, сердито уставившись на адмирала Практиса.

— Вы не имели права вот так явиться на борт моего корабля, приварить к пульту управления эту огромную безобразную штуку и взять на себя командование, когда вас об этом не просили...

— Заткнитесь, — намекнул Практис. — Вы будете делать то, что вам прикажут.

Адмирал Лубянка выпростал голову из недр безобразной штуки, о которой шла речь, и одобрительно прорычал:

— И не забывайте об этом, Блай. Приказы будет отдавать он. Вы можете управлять этим железным ломом, — но командует здесь Практис. Вот этот электронный пеленгатор занимается электронным пеленгованием, ради которого и затеяна вся операция. Мой специалист, младший мегагерц-техник Ки Бер-Панк, будет следить за передвижениями вражеского корабля. Он будет задавать вам курс. Ваша задача, если вы решите принять это поручение, а отказаться от него

вы не имеете права, состоит в том, чтобы выследить этих проклятых драконов, выяснить, где они гнездятся, и доложить мне сюда. Готово, Бер-Панк?

Техник припаял последний контакт и кивнул, отчего его грубые черные волосы рассыпались по бледному прыщавому лбу и упали на темные очки, за которыми не видно было глаз.

— Подключился. Система в норме, — грубым голосом ответил он. — ПЗУ пэззукает, электрончики электронят. Все на ходу. А кое-что даже на бегу.

— Давно пора, — проворчал Лубянка и больно ткнул Практиса пальцем в грудь. — Выполняйте задание, Практис, и выполняйте как следует, иначе вам крышка.

— А мне и так уже крышка, так что терять мне нечего. Отчаливайте, Лубянка, иначе вместе с нами попадете на эту небесную свалку. Корабль готов к старту, капитан Блай?

Блай, скрипнув зубами, бросил на него взгляд, полный уничтожающего презрения.

— Хорошо, — сказал Практис. — Я вижу, мы прекрасно сработаемся.

Адмирал Лубянка направился к выходу, и Биллу пришлось шагнуть в сторону — или, точнее говоря, отшатнуться: не настолько он еще протрезвел. Капитан Блай подождал, пока красный огонек на двери шлюза не сменится зеленым, и нажал на кнопку стартового предупреждения. По всему кораблю загудели сигналы тревоги, словно заурчало в брюхе у великана, и команда поспешно принялась пристегиваться. Билл рухнул в свободное кресло и затянул ремни как раз в тот момент, когда капитан Блай включил двигатель на полную мощность. Ускорение в 11g всей своей тяжестью навалилось каждому на грудь. А Биллу на грудь всей своей тяжестью навалилась еще и крыса, которую стартовым толчком сбросило с трубы под потолком. Она не сводила с Билла блестящих красных глаз, оскалив длинные желтые клыки. Билл тоже не сводил с нее столь же красных глаз, оскалив свои клыки, столь же длинные и желтые. Ни он, ни она не могли шевельнуться и в бессильной ярости злобно глядели друг на друга, пока двигатели не отключились. Билл попытался было поймать

крысу, но та соскочила с него на пол и кинулась к двери.

— Мы на орбите, — сказал капитан Блай. — Какой курс?

— Сейчас, папаша, сейчас, — бормотал Ки, тыча пальцем в кнопки и крутя рукоятки.

Он покосился на дисплей, на экране которого плясали искры, потом постучал по нему длинным грязным ногтем. Искры исчезли, и на экране появилось четкое изображение.

— Не все сразу. Надо посчитать. Процессор тут древний, 80286, но у него есть сопроцессор для расчетов, для него это семечки...

— Молчать! — рявкнул Практис, оглядывая рубку. Вербер только что направился вниз по трапу. — Эй ты, стой! — скомандовал он.

— Мне в туалет, — жалобно отозвался тот.

— А мне холодного пива. И сначала, а своими делами можешь заниматься потом. Неси.

— Готово! — воскликнул Ки. — Вот курс: прямое восхождение — семьдесят один градус, шесть минут и семнадцать секунд, склонение — ровно двенадцать градусов. Так держать!

Взвыли гироскопы, и мусоровоз лег на курс. На пульте под умелыми, хотя и трясущимися, пальцами капитана замигали огоньки.

— Пока не отстегивайтесь, — предупредил он. — Сверхсветовой двигатель нам только недавно установили, это экспериментальная модель. Сейчас как раз первое испытание.

— Вернитесь на базу! — завопил Практис. — Я хочу выйти!

— Поздно! — с наслаждением произнес капитан Блай, нажимая на какую-то кнопку. — Давно уже поздно. Всем нам придется через это пройти. Мне терять нечего — я уже все потерял...

Слезы жалости к самому себе навернулись ему на глаза. Но они не помешали Блаю заметить, как к нему подкрадывается Практис. В руке капитана появился бластер с помятым и выщербленным стволом.

— Сидеть! — приказал он. — И радоваться! До сих пор сверхсветовые полеты совершались со шлеп-двигателем. Насколько я знаю, мы первые, кому довелось испытывать новый — шприц-двигатель. Его

поставил тут этот ненормальный адмирал Лубянка. Сказал, что, испытав его, я смогу смыть позор со своего имени. «Поздно, — сказал я ему. — Я живу опозоренным^м и, если придется, умру опозоренным». А теперь — поехали!

Он ткнул грязным пальцем в большую красную кнопку, корабль вздрогнул, и у каждого появилось ощущение, словно его стискивает какая-то гигантская рука.

— Это только... начало... У нас впереди раскрылась... черная дыра... Мы... втискиваемся в нее... впрыскиваемся в нее... со сверхсветовой скоростью. Вот почему... это называется... шприц-двигатель. Нас давливают... световое давление...

«Крайне неудобный и неприятный способ передвижения в пространстве», — решил Билл и с тоской вспомнил старый добрый шлеп-двигатель. Тем не менее они остались в живых, и на том спасибо. Когда они перестали чувствовать себя в тисках, а космос за пределами корабля принял более или менее прежний вид, Ки повернулся к пеленгатору и принялся крутить рукоятки.

— В самую точку, ребята. След на месте, даже сильнее, чем раньше. И ведет он к планете, которая виднеется вон там. Та, у которой концентрические кольца, сплюснутая луна и черное пятно у северного полюса. Видите?

— Трудно не увидеть: больше никаких планет тут нет, — недовольно сказал Практис. — Засеките ее положение, и давайте отваливать отсюда к дьяволу, пока нас не заметили.

— Вот предсмертные слова, достойные великого человека, — пробормотал капитан Блай, уставившись на экран, заполненный летящими драконами.

— Где там ваш шприц-двигатель? Пора выпрыскиваться обратно! — взвизгнул Практис.

Но не успели его слова достигнуть ушей капитана Блая, как было уже поздно. Больше того — поздно было уже тогда, когда они только слетели с его уст. Молниеносные заряды всепожирающей энергии вылетели из драконьих пастей и окутали корабль. Все предохранители перегорели, все лампы погасли. Корабль начал падать.

— Что-то очень близко мы к этой планете, — заметил Билл, вызвав на себя град проклятий. — Спокойнее, спокойнее. Кто-нибудь знает, как нам выпутаться на этот раз?

— Молитесь, — сказал Ки, возведя глаза к небу, а точнее — выпучив их, потому что небо окружало их со всех сторон. — Молитесь о спасении и подмоге.

Капитан Блай насмешливо фыркнул:

— Если ты думаешь, что это нам поможет, ты тут единственный сосунок. У нас один, и только один шанс. Горючее кончилось, аккумуляторы сели...

— Значит, нам конец! — выкрикнул в отчаянии Практис, вырвав у себя пригоршню волос.

— Пока еще нет. Я сказал, что у нас есть один шанс. Передний трюм загружен мусором, готовым к сбросу. Это делается с помощью гигантской пружины — ее сжимает мусор, когда его загружают под давлением. В самый последний момент перед тем, как нам упасть на планету, я сброшу мусор. По законам Ньютона всякое действие равно противодействию. Это погасит нашу скорость, и мы остановимся неподвижно.

— Мусорный двигатель? — простонал Билл. — И это все? Ничего себе способ погибнуть...

Но его жалобного стона никто не услышал. Корабль уже вошел в атмосферу, и по нему что есть силы барабанили молекулы воздуха. Расплющиваясь о корпус, они разогрели его до белого каления, а корабль продолжал валиться вниз — сквозь воздушную оболочку планеты, становившуюся все плотнее и плотнее, сквозь пелену высоких облаков, к земле, которая со страшной скоростью неслась навстречу.

— Сбрасывайте мусор! — взмолился Практис, но тщетно: капитан Блай сохранял спокойствие. Несмотря на умоляющие вопли, его толстый грязный палец неподвижно лежал на кнопке.

Они падали все ниже и ниже, пока не оказались так близко к земле, что свободно могли различить на ней каждую песчинку...

И в последнюю наносекунду последней микросекунды палец с силой опустился на кнопку.

«Ба-бах!» — развернулась пружина, высвободив в одном могучем толчке всю накопленную энергию.

«Бу-бух!» — вылетел мусор, устремившись к поверхности планеты, до которой оставалось уже совсем немного.

«Бу-бо-ба-ба-а-х!» — мягко приземлился мусоровоз на гору старых газет, консервных банок, апельсиновых корок, перегоревших лампочек, обезглавленных крыс, использованных одноразовых пакетиков с чаем и обрывков бумаги.

— Неплохо, прямо скажу, — довольным тоном заметил капитан Блай. — Совсем неплохо. Просто рекордная посадка.

В рубке послышались щелчки расстегиваемых ремней и осторожные шаги по ржавой палубе.

— А приятно чувствовать тяжесть, — высказался Билл. — Маловата она здесь, конечно, но все-таки...

— Молчать! — рявкнул Практис. — У меня есть один, и только один вопрос. К вам, Ки. Вы... — голос его прервался, он прокашлялся и продолжал: — Вы передали положение этой планеты?

— Я пытался, адмирал. Но, прежде чем я успел послать сигнал, питание отключилось.

— Попробуйте еще! Ведь не совсем же сели аккумуляторы. Попробуйте!

Ки набрал на клавиатуре несколько команд и нажал клавишу исполнения. Экран засветился, но тут же снова погас. Погасли и сигнальные лампочки. Послышался испуганный крик Вербера, сменившийся радостным всхлипыванием, когда загорелось тусклое аварийное освещение.

— Сработало! — радостно крикнул Практис. — Сработало! Сигнал ушел!

— Это точно, адмирал. И при таком напряжении далеко ушел. Метра на полтора, не меньше.

— Стало быть, мы выброшены на необитаемый остров, — пробормотал Билл. — Заблудились в космосе. На вражеской планете. Окружены летучими драконами. В миллионах парсеков от дома. В вышедшем из строя космолете, стоящем на куче мусора.

— Ты все понял, приятель, — кивнул Ки. — Примерно так оно и есть.

Глава 4

— Вот ваше пиво, сэр. Можно мне теперь в туалет? — робко произнес Вербер, протягивая Практису банку пива, когда-то просто тепловатого, а теперь горячего, как кровь, от его разгоряченной руки.

Практис буркнул что-то нечленораздельное, схватил банку и одним глотком осушил ее наполовину. Капитан Блай долго шарил по карманам своего мятого комбинезона, пока не нашел недокуренную сигарету с героином, которую тут же закурил. Билл с наслаждением принялся к выдохнутому им дыму и хотел было попросить затянуться, но передумал и подошел к иллюминатору, чтобы взглянуть на чужую планету. Но ничего, кроме мусора, за иллюминатором видно не было.

Практис с гримасой отвращения допил тепловое пиво и свистнул мокрыми губами. Билл обернулся, и он кинул ему банку.

— Ну-ка, куриная нога, пойдите и бросьте ее в кучу вместе с остальным мусором. А заодно посмотрите, что там к чему, и расскажите мне, на что это похоже.

— Вы приказываете произвести разведку на местности и доложить?

— Ну да, если вам так уж хочется изъясняться на этом дурацком армейском жаргоне. Я прежде всего доктор, а потом уж адмирал. В общем, валяйте.

Тусклый свет аварийных лампочек освещал только самое начало трапа. Билл щелкнул каблуками, чтобы

включить фонарик, вмонтированный в носок ботинка, и, посвечивая себе, начал спускаться в шахту, которая вела к выходу. Генератор не работал, и люк воздушного шлюза не пожелал открыться, когда Билл нажал на кнопку. Билл, кряхтя, принялся крутить ручной штурвал. Когда люк приоткрылся сантиметров на тридцать, он протиснулся в шлюзовую камеру. Сквозь иллюминатор из бронестекла падал внутрь яркий солнечный свет. Билл прижался глазом к стеклу — ему не терпелось взглянуть на этот незнакомый мир. Но увидел он только мусор.

— Замечательно, — проворчал он и потянулся к штурвалу, открывавшему наружный люк, но остановился.

Что таится по ту сторону люка? Какие инопланетные ужасы поджидают его там? Что там за атмосфера — если она вообще есть? А что, если, открыв люк, он в следующее же мгновение будет уже мертв? Однако рано или поздно это придется сделать. Не сидеть же до бесконечности взаперти в этой покалеченной мусорной корзине вместе с ее несносным капитаном и шарлатаном-адмиралом!

— Давай, Билл, давай! — пробормотал он сам себе. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Горестно вздохнув, он повернул штурвал...

И замер, услышав громкое шипение воздуха в открывшейся щели. Сердце у него от испуга забилося, как сумасшедшее, но он тут же понял, что это всего лишь выравнивается давление. Утерев пот со лба, он нагнулся и принюхался к струе воздуха, овевавшей ему лицо. Воздух был горячий, сухой и сильно отдавал мусором. Но он остался жив! Преисполнившись гордости и забыв про только что испытанный страх, он принялся крутить штурвал, пока люк не распахнулся настежь. В шлюз ворвалось солнце и послышалось легкое потрескивание. Билл выглянул наружу, тут же повернулся и быстрым шагом направился в глубину корабля. Практис, глядевший в шахту сверху, увидел, как он промелькнул мимо, и окликнул его:

— Куда вы?

— За своим рюкзаком.

— Зачем? Что там, снаружи?

— Пустыня. Куча мусора и песок, больше ничего нет. Ни драконов, ничего.

Практис заморгал.

— Тогда за каким дьяволом вам, солдат, понадобился ваш рюкзак?

— Я выхожу наружу. Мусор горит.

Вопли Практиса и громкие команды летели вслед Биллу, когда он со своим рюкзаком выскочил в люк. Он не стал задерживаться и даже не оглянулся. Самый ценный урок, который он вынес за время многолетней солдатской службы, был очень прост: береги шкуру. Только отойдя от корабля подальше, он остановился, бросил рюкзак и, тяжело дыша, уселся на песчаную дюну. Сидя там и одобрительно кивая, он с большим интересом наблюдал за поспешным бегством с корабля.

Из открытого люка неслись отчаянные крики. Через несколько секунд из люка вылетел какой-то ящик, за ним последовали другие. Поскольку речь шла и о его собственном спасении, Билл подошел помочь — он оттащил ящики от корабля и пошел за следующей порцией. Пламя, треска, разгоралось все сильнее. Билл оттащил на безопасное расстояние еще один ящик и крикнул в люк:

— Если кто хочет выйти, пусть выходит сейчас же, иначе будет поздно!

И он отскочил в сторону: из горящего корабля посыпались бегущие крысы. За ними последовали члены экипажа, кашляя и задыхаясь.

Первым был, конечно, Практис: командир всегда должен находиться впереди. Особенно во время отступления. Следующим бежал Ки, согнувшись под тяжестью какого-то электронного лома, за ним спешили Вербер и капитан Блай. А за ними — какой-то незнакомец. И не просто незнакомец — Билл разглядел, что это незнакомка. Существо женского пола с нашивками на рукаве.

— Кто... кто... кто ты? — спросил Билл.

Она окинула его презрительным взглядом.

— Кончай кудахтать, хреновая твоя голова, и говори «мэм», когда обращаешься к старшему по званию. Доложи свое имя, звание и должность.

— Есть, сэр... то есть мэм. Рядовой Билл, мэм, прохожу службу по призыву, в настоящий момент с похмелья и устал.

— Оно и видно. Я старшина-механик первой статьи Тарсил. Возьми мой чемодан и положи вместе с остальными вещами.

— Слушаюсь, механик первой статьи Тарсил.

— Раз уж мы служим на одном корабле, можешь звать меня по имени. Мита. — Она протянула руку и пощупала его бицепс. — У тебя неплохие мускулы, Билл.

Билл заискивающе улыбнулся и схватил ее чемодан. Со старшинами надо всегда быть в хороших отношениях. Особенно с женщинами. Хотя на самом деле она, пожалуй, не в его вкусе. Ему нравились крупные девушки, но не такие, чтобы были выше его на голову. А окончательно он почувствовал свое ничтожество, когда заметил, что бицепсы у нее куда больше, чем у него.

— Билл, — слышался знакомый ненавистный голос. — Хватит там болтать, идите сюда.

Билл подошел к адмиралу Практису, который стоял на верхушке дюны, глядя на величественный золотистый закат. Поскольку кроме заката смотреть было больше не на что, если не считать одного крохотного облачка, которое растаяло у них на глазах.

— Один песок. Чертова уйма песка, — мрачно заметил Практис.

— В пустыне всегда так, сэр, — бодро ответил Билл.

Практис бросил на него взгляд, полный уничтожающего презрения.

— Когда я еще раз захочу услышать что-нибудь безмозгло-оптимистическое, я вам сообщу. Не понимаете вы, что ли, как мы влопались? Вот я, вот вы, что не такое уж большое утешение. И кто еще? Тупоголовый новобранец, который еще вчера был тупоголовым штатским, капитан, который уже обкурился зелья до умопомрачения, техник-электронщик без электроники и вон та сексуально озабоченная толстуха, из-за которой мы не оберемся неприятностей, помяните мое слово. Есть кое-какая пища, немного воды, и это почти все. У меня такое неприятное ощущение, что наша песенка спета.

— Имею предложение, сэр.

— Да? Замечательно! Говорите скорее!

— Поскольку вы здесь командующий и идут боевые действия, я хочу, чтобы вы произвели меня в офицеры.

— Чего-чего?

— В самые младшие лейтенанты. Я опытный, обстрелянный солдат с множеством полезных навыков, и к тому же больше никого такого тут нет. Вам пригодятся мой боевой опыт и профессиональные знания...

— Которыми вы не пожелаете делиться, пока не станете офицером. Ладно, хрен с вами, какая разница? Преклоните колени, рядовой Билл. Встаньте, самый младший лейтенант Билл.

— О, благодарю вас, сэр. Разница огромная, — пролепетал Билл.

Практис презрительно скривился, увидев, как Билл достает из кармана потускневшие лейтенантские звездочки и гордо прикрепляет их себе на погоны.

— Говорят, что каждый солдат, у кого есть воля или талант, или и то и другое, носит с собой в ранце маршальский жезл. Я так высоко не замахиwaюсь...

— Заткнитесь. Выбросьте из головы ваше жалкое честолюбие и обратите свои умственные способности, в наличии которых я все больше сомневаюсь, на решение наших проблем. Что нам делать?

Воодушевленный только что обретенным офицерским званием, Билл с готовностью принялся входить в свою новую роль.

— Сэр! Мы начнем с того, что подсчитаем наши запасы, которые должны находиться под строгой охраной и делиться между всеми поровну. Когда это будет сделано, мы приготовим ночлег, потому что солнце, как вы видите, садится. Потом я составлю расписание дежурств на ночь, проведу проверку оружия, разработаю диспозицию на случай боевых действий...

— Стоп! — выкрикнул Практис хриплым голосом, выпучив глаза на военное чудище, которое сам сотворил. — Давайте, лейтенант, просто пораскинем мозгами и сообразим, что нам делать дальше. И ничего кроме этого, иначе я немедленно разжалую вас обратно в рядовые.

Билл, стараясь скрыть разочарование, с мрачным видом покорно щелкнул каблуками. Его командирская карьера оказалась короткой. Он поплелся за Практисом вниз по склону дюны к остальным.

— Прошу внимательно слушать! — крикнул Практис. — Всех, кроме капитана Блая, который уже безнадежно торчит, потому что обкурился до умопомрачения этим своим дерьмом. Ты, рядовой, как твоя фамилия?

— Вербер, ваша честь.

— Да, Вербер, нам повезло, что ты с нами. А сейчас обыщи карманы капитана Блая и все зелье, какое найдешь, принеси мне. Когда он очухается, у него, наверно, найдется еще какая-нибудь заначка, но пока начнем с этого. Теперь слушайте, все остальные. Похоже, наше дело дрянь...

— Что верно, то верно, приятель, — отозвалась Мита.

— Да, благодарю вас, мисс...

— Только без «мисс», приятель. Этот свинский мужской шовинизм запрещен законом. Я старшина-механик первой статьи Мита Тарсил.

— Хорошо, старшина-механик первой статьи, я вас прекрасно понимаю. Но должен также заметить, что мы здесь вдали от цивилизации и от всех ее законов. Мы потерпели крушение на неизвестной планете и должны быть все заодно. Так что давайте ненадолго забудем о самолюбии и попробуем подумать, как нам выбраться из этой скверной истории. У кого-нибудь есть предложения?

— Да, — сказал Ки. — Надо пошевеливаться и уносить отсюда ноги. У этой планеты есть магнитный полюс.

— Ну и что?

— Ну и то, что у меня есть компас. Значит, мы можем идти прямо, а не плутать крутами. Утром мы берем с собой столько пищи и воды, сколько унесем, и сматываемся. А нет — так будем сидеть здесь, пока нас не найдут туземцы. Как знаете, адмирал. Вы тут командир.

В этот момент солнце село, и их окутала кромешная тьма. Билл включил свой ножной фонарик, и при его слабом свете все улеглись, оставив свои проблемы на утро. Появились звезды — неведомые созвездия в незнакомом небе. В таком положении нужны крепкие нервы. Или крепкая выпивка. Билл выбрал второе, тайком развязал свой рюкзак, сунул в него голову и тянул из спрятанной там бутылки, пока не отдал концы.

Глава 5

Теплые лучи восходящего солнца упали на заспанное, небритое лицо Билла. Он с ворчанием открыл один глаз. И, тут же пожалев об этом, с отвратительным скрипом снова его захлопнул: свет раскаленной иглой пронзил его пропитанный спиртными парами мозг. Наученный горьким опытом, Билл осторожно отвернулся от солнца, приоткрыл глаз самую малость и поглядел сквозь пальцы. Вокруг крепко спали вповалку его товарищи, завернувшись в солдатские одеяла, вынесенные из сгоревшего корабля. Все, кроме адмирала Практиса, который, побуждаемый не то чувством долга, не то бессонницей, не то переполненным мочевым пузырем, стоял на самой высокой дюне, глядя вдаль. Билл облился запекшиеся губы, безуспешно попытался выплюнуть хотя бы часть шерсти, покрывавшей его язык, встал и, не в силах устоять перед любопытством, поднялся на дюну.

— Доброе утро, сэр, — вкрадчиво сказал он.

— Заткнитесь. В такую рань я не в состоянии вести светские беседы. Вы видели огни?

— Чего-чего? — отозвался еще и наполовину не проснувшийся Билл.

— Ну да, такого ответа я от вас и ждал. Послушайте, тупица, если бы вы оставались начеку, вместо того чтобы погрузиться в пьяное забытие, вы бы тоже видели то, что видел я. Там, на горизонте, очень далеко,

светились огни. Нет, можете не говорить — это были не звезды.

Билл надулся, потому что именно это он и хотел сказать.

— Это определенно были огни. Они зажигались, гасли и меняли цвет. Поднимите Ки. Немедленно.

Техник, видимо, тоже вчера накурился какого-то зелья: он лежал без чувств, глаза его были открыты, но закачены так, что виднелись только белки — вернее, желтки. Билл потряс его, покричал ему в ухо, попробовал даже несколько раз пнуть его ногой в ребра, но без всякого результата.

— Просто удивительно, — проворчал Практис, выслушав его рапорт. — Что тут у нас — экипаж или наркологическая больница? Пойду сделаю ему укол, в два счета очухается. А вы пока стойте здесь на часах — чтобы никто не наступил на эту вот черту на песке. И нечего пялить на меня глаза — я пока еще не спятил. Она указывает направление на те огни, что я видел.

Билл сел и уставился на черту, размышляя о том, как было бы сейчас здорово хватить глоток чего-нибудь крепкого и снова уснуть, но тут же встрепенулся: до него донеслись жуткие стоны. Он побелел, как мел, и затрясся, словно искусственный член с электрическим вибратором. Практис взобрался на дюну и встал рядом с выражением удовлетворенного садизма на лице.

— Очухался. Но побочное действие у этого укола — ого-го! Вот направление, болван, — эта черта на песке. Возьмите пеленг.

Ки вытащил компас, но рука у него так тряслась, что разглядеть, куда показывает стрелка, он никак не мог, пока не положил компас на песок и не обхватил голову обеими руками. Некоторое время он то таращил глаза, то моргал ими и наконец выговорил глухим голосом:

— Восемнадцать градусов к востоку от магнитного полюса. Прошу разрешения пойти, лечь и умереть, сэр.

— Разрешения не даю. Последствия укола скоро пройдут...

Его прервал пронзительный вопль, за которым последовал рев и грохот огня из бластера.

— На нас напали! — воскликнул Практис. — Я не вооружен! Не стреляйте! Я мирный доктор, в военных действиях не участвую, и воинское звание у меня почетное!

Билл, мозг которого был все еще затуманен сном и алкоголем, вытащил свой бластер и побежал с дюны в ту сторону, откуда слышалась стрельба, вместо того чтобы бежать в противоположном направлении, что он сделал бы в обычном состоянии. Он развил такую скорость, что не смог остановиться, увидев перед собой Миту, которая вела огонь. Он не смог даже свернуть и со всего маху врезался в нее. Оба покатались по земле, размахивая руками и ногами. Она пришла в себя первой и ткнула его в глаз жестким кулаком.

— Больно! — всхлипнул он, схватившись за глаз. — Теперь фонарь будет.

— Убери-ка руку, я тебе еще один привешу. Что это тебе вздумалось сшибить меня с ног?

— Почему стрельба?

— Крысы! — Она подняла с земли бластер и обернулась. — Уже разбежались. Кроме тех, которых я разнесла в пыль. Они подбирались к нашим запасам еды. Теперь мы, по крайней мере, знаем, кто живет на этой планете. Огромные противные серые крысы.

— Не живут они на этой планете, — возразил Практис, уже преодолевший приступ трусости и подошедший к ним. Он ткнул ногой в останки крысы. — *Rattus Norvegicus*. Верный спутник человека на пути к звездам. Мы занесли их сюда сами.

— А как же, — согласился Билл. — Они драпанули из корабля еще быстрее, чем вы.

— Интересно, — размышлял вслух Практис, почесывая подбородок, качая головой, щурясь и проделывая все остальные движения, которые обычно сопровождают работу мысли. — Перед ними целая планета — спрашивается, почему они лезут обратно и подбираются к нашим съестным припасам?

— Может, им не по вкусу местная жратва? — предположил Билл.

— Догадка остроумная, но неверная. Не то что она им не по вкусу — здесь ее просто нет. Планета безжизненна, это ясно любому идиоту.

— Не совсем, — сказал любой идиот. Из пустыни появился новобранец Вербер. Он был в большом возбуждении, кадык у него судорожно прыгал вверх и вниз. В руке он держал цветок. — Я услышал стрельбу и убежал. Вон там я нашел цветы и...

— Дай сюда. Ой!

— ...и укололся, когда хотел их сорвать, в точности как вы, адмирал, когда его схватили.

Практис разглядывал цветок, поднеся его так близко к глазам, что они скосились к носу.

— Стебель, листьев нет, красные лепестки, нет ни пестика, ни тычинок. А сделан из металла. Это металл, идиот. Он не вырос сам. Его кто-то воткнул в песок.

— Да, адмирал. Показать, где растут остальные?

Все направились за ним, кроме капитана Блая, который все еще валялся в полном обездвиженности. Перебравшись через дюну, они подошли к темному пятну на песке, где кучкой росли цветы. Практис постучал по одному ногтем, и раздался звон.

— Металл. Все это металл. — Он ткнул пальцем во влажный песок, понюхал палец. — И это не вода — пахнет вроде нефти.

Никакого научного объяснения не последовало, потому что он был так же озадачен, как и остальные, хотя из самолюбия не показывал виду.

— Сущность феномена очевидна, а подробное описание последует по завершении его исследования. Мне нужны еще образцы. У кого-нибудь есть кусачки?

Кусачки нашлись у Ки, который, повинувшись приказу, откусил несколько образцов. Мите скоро наскучило это металлическое цветоводство, и она вернулась в лагерь, где снова подняла крик и пальбу. Остальные присоединились к ней, и уцелевшие крысы кинулись наутек. Практис с недовольной гримасой посмотрел на разодранные коробки с припасами.

— Вы, самый младший лейтенант, принимайтесь за работу. Запасы еды должны быть заново упакованы, чтобы крысы до них не добрались. Распоряжайтесь. Но к вам, Ки, это не относится. Вы мне нужны. Пошли.

Билл подобрал рваный пластиковый контейнер с прессованными питательными плитками, которые в армии в шутку называли «неприкосновенным запасом». Даже крысы не смогли их разгрызть: в обертке засели сломанные крысиные зубы. Расколоть их молотком можно было только после двадцати четырех часов кипячения.

Билл огляделся в поисках чего-нибудь помягче и посъедобнее и обнаружил несколько туб с пастой — аварийным космическим рационом. Все внимательно следили за его действиями, поэтому он раздал тубы, все

пососали из них и начали с отвращением отплевываться. Паста была мерзкого вкуса, но как будто годилась для поддержания жизни — хотя качество той жизни, которую она была способна поддерживать, оставалось под большим сомнением. Подкрепившись этим тошнотворным лакомством, все дружно принялись за работу, понимая, что лишь эта жалкая кучка продуктов отделяет их от голодной смерти. Или от обезвоживания организма, которое наступает раньше.

Они уже заканчивали, когда послышался стон. Капитан Блай заворочался, сел и почмокал пересохшим ртом. Билл протянул ему тубу с пастой, тот попробовал и издал хриплый вопль отвращения. Он принялся по очереди то прикладываться к тубе, то издавать вопли, и все это время его трясло от омерзения. Появился Практис, который уставился на это зрелище.

— Она в самом деле такая противная?

— Хуже, — ответил Билл, и остальные торжественно кивнули в подтверждение.

— Тогда я пока скажу пас. И доложу о результатах своих научных наблюдений. Эти цветущие растения — живые, они растут на песке. Это не органическая жизнь, основанная на углероде, какую мы знаем, — это сплошной металл.

— Так не бывает, — заметила Мита.

— Благодарю вас, старшина-механик первой статьи, за это сообщение. Однако я полагаю, что мои научные познания обширнее ваших. Нет никаких причин, почему бы жизнь не могла основываться на металле вместо углерода. Другое дело, зачем ей это понадобилось — но давайте сейчас оставим эту интересную тему и займемся другой, еще более интересной: как нам выжить. Самый младший лейтенант, доложите о положении с пищей и водой.

— Пища есть, несъедобная даже для крыс. Воды хватит примерно на неделю, если экономить.

— Хреново дело, — мрачно заметил Практис, тяжело уселся и уставился на цветок, который держал в руке. — Вариантов немного. Либо мы остаемся тут и неделю голодаем, а потом подышаем от жажды. Либо отправляемся в сторону тех огней, которые я видел ночью, и выясняем, что там есть. Давайте голосовать. Кто за то, чтобы остаться и подохнуть?

Никто не шевельнул и пальцем. Он кивнул.

— Так. Теперь кто за то, чтобы отправляться отсюда? Результат был тот же. Практис вздохнул.

— Я вижу, ваши воспаленные головы еще не омыла живая вода демократии. Значит, нам остается старый добрый фашизм. Отправляемся.

Все вскочили и стояли, пошатываясь, в ожидании приказаний.

— Билл, займитесь этим, у вас, вероятно, как раз подходящий опыт. Разделите наши запасы на пять частей и разложите по каким-нибудь мешкам, что ли, чтобы можно было их нести.

— Но... Нас тут шестеро, сэр.

— Здесь я команду, а не вы. На пять частей. Доложите, когда будете готовы. — С этими словами он пошарил в рюкзаке Билла и с торжеством извлек недопитую бутылку. — А я пока постараюсь хоть немного догнать вас, алкоголиков и наркоманов. За работу!

Солнце стояло уже высоко, когда работа была завершена. Адмирал удовлетворенно храпел, стиснув в ослабевшей руке почти пустую бутылку. Билл осторожно разжал его пальцы и допил остатки, после чего разбудил его.

— Шшотамеще?

— Все сделано, сэр. Мы готовы к походу.

Практис хотел было что-то сказать, поперхнулся, схватился за голову и простонал:

— Ох... Я не готов. Пока не приму горсть таблеток.

Он достал из кармана пузырек, высыпал на ладонь горсть таблеток и охрипшим голосом потребовал воды. Эта фармацевтическая бомба произвела чудо: в конце концов он позволил Биллу помочь ему подняться на ноги.

— Берите вещи. Позовите сюда Ки с компасом.

Тяжело нагруженный техник, шатаясь, подошел и, взглядевшись в компас, указал направление. Практис подключил свой карманный компьютер к капсуле-динамике, прицепил ее на погон и покопался в молекулярной цифровой памяти, отыскивая подходящую музыку. Найдя какой-то бравурный марш, он включил его на полную трескучую громкость и зашагал в глубь пустыни во главе своего отважного маленького отряда.

Как только они скрылись из вида, из своих укрытий показались крысы. В поисках чего-нибудь съедобного они обследовали все, что осталось от лагеря, а потом с

большим интересом занялись горой мусора, который хорошо подрумянился и уже успел немного остыть. Вскоре шаги и музыка затихли вдали. Тишину пустыни нарушал только хруст, издаваемый челюстями грызунов.

Но вскоре к звукам этого роскошного пиршества стал примешиваться какой-то шум. Одна за другой крысы поднимали шерстистые головы, поводили ушами и усами, спрыгивали с горы лакомств и прятались.

Над вершиной дюны показалось нечто темное и злое — приземистое, широкое, металлическое. Послышалось звяканье металла, потом короткий резкий писк. Нечто миновало гору дымящегося мусора, обошло сгоревший корабль и медленно поднялось на дюну.

Когда над мусором снова воцарилась девственно чистая тишина, крысы вылезли из укрытий и снова принялись шнырять вокруг.

У них не вызвали никакого интереса ведущие прочь следы ног на песке. Теперь к тому же эти следы были перекрыты другими — их оставило нечто, последовавшее за отважным маленьким отрядом уцелевших при крушении.

Глава 6

Адмирал Практис важно шагал во главе своего отважного маленького отряда в такт бодрящему барабанному ритму музыки, оглушительно гремевшей под самым его левым ухом. Вверх на дюну, вниз с дюны, снова вверх на дюну. Наконец он оглянулся и обнаружил, что остался один посреди пустыни. Охвативший его испуг прошел, когда в пределах видимости появился первый из отставших. Это была Мита, которая мужественно — нет, скорее женственно — несла свою ношу. Остальные остались еще больше. Практис сел и принялся барабанить пальцами по коленке, бормоча что-то про себя, пока все не подтянулись.

— Это никуда не годится. Мы должны идти быстрее.

— Полегче с вашим королевским «мы», Практис, — язвительно сказал капитан Блай. — Ваше «мы» идет налегке, а наше «мы» тащит мешки с продуктами.

— Вы нарушаете дисциплину, капитан!

— Вот именно, костоправ вы этакий. Вы еще не кончили медучилище, а я уже служил на флоте. Речь идет о жизни и смерти. Скорее всего, о смерти. Я ни шагу не сделаю, пока вы не понесете свою долю.

— Это мятёж!

— Точно, — подтвердила Мита, наведя свой бластер ему на переносицу. — Вы готовы нести?

Практис оценил всю весомость ее аргументов и только возмущенно проворчал что-то, когда появился еще один

мешок — неужели они замыслили это с самого начала? — и был взвален ему на плечи. Перераспределив груз, все зашагали пусть и не быстрее, но равномернее. Билл ковылял пошатываясь, потому что правая ступня у него была намного больше левой. И к тому же сапог ему страшно жал. «Какого дьявола я вообще в нем иду? — подумал он. — Только потому, что мне его выдали и если я его скину, буду одет не по форме?» При этой мысли его охватила ярость, он скинул сапог, закинул его подальше в пустыню и расправил пальцы, сверкнув на солнце острыми когтями. Вот это другое дело!.. Шагая гораздо увереннее, он поспешил вдогонку за остальными.

Когда солнце оказалось у них прямо над головами, Практис простонал «Стой!», и все повалились на землю. Билл, побуждаемый, скорее всего, чувством долга, которое появилось у него после производства в офицеры, обошел всех, держа в руках контейнер с водой, и налил каждому его порцию. Те, кто не отличался чрезмерной брезгливостью, пососали тубы с пастой. Глядя на них, отведал пасты и Практис.

— Бр-р-р! — скривился он.

— Преуменьшаете, — возразил капитан Блай. — Она вообще несъедобна.

— Надо что-то делать, — сказал Практис, зашвырнув тубу в пустыню. — Я собирался выждать, но нам нужна пища, иначе мы не сможем двигаться дальше. — Он покопался в своем мешке и вытащил какую-то плоскую коробку. — Билл, принесите мне стакан воды.

— Какого дьявола? — возмутился капитан Блай. — Вы уже получили свою порцию.

— Это не мне, а всем нам. Один из результатов моих оригинальных исследований. Противозаконных, говорили мне. Чушь! Законность — это для слабаков. Ну да, было несколько несчастных случаев, жертв оказалось не так уж много, а здания быстро отстроили заново. Но я не отступал — и одержал победу! Вот она!

Он высоко поднял что-то похожее на запечатанное в пластик козье дерьмо. Ки покрутил пальцем у виска.

— Я видел! — взвизгнул Практис. — Можете смеяться вместе со всеми! Но последним посмеется Мел Практис! Это семя — продукт мутации, содержащий такие стимуляторы роста, о каких и не мечтали эти близорукые, тупоумные ученые. Смотрите!

Он ткнул носком сапога в песок, посадил в ямку семя и полил водой. Поднялся клуб пара — вода растворила пластиковую упаковку. Потом послышалось какое-то энергичное потрескивание.

— Отойдите подальше! Это опасно.

Земля расселась, и из нее показались зеленые побеги, на которых через мгновение выросли листья. Песок вокруг зашевелился — во все стороны потянулись мощные корни. Билл, решив пренебречь предостережением Практиса, дотронулся пальцем до одного листа, оказавшегося у него перед самым носом. Вскрикнув, он сунул палец в рот.

— Так вам и надо, — сказал Практис. — В процессе жизни и роста выделяется тепло — а при такой скорости развития его выделяется больше, чем может рассеяться. Посмотрите, как трескается почва: это из нее извлекается вся вода, а зарождающаяся жизнь разогревает песок.

Зрелище было в самом деле эффектное. Широкие листья поглощали солнечную энергию, приводя в действие ферментативную топку. Вверх поднялся толстый стебель, на нем появилось и начало разрастаться что-то вроде дыни, увеличиваясь у них на глазах. Достигнув метровой длины, дыня окрасилась в ярко-красный цвет, зашипела и треснула, а листья и стебель мгновенно побурели, сморщились и погибли. Все это заняло меньше минуты.

— Впечатляет, а? — сказал довольный Практис, раскрывая перочинный нож и втыкая его в тыкву. Из разреза повалил пар, и вокруг распространился аппетитный запах. — В этой дыне, как в лишайнике, есть и растительные, и животные клетки. Животные клетки — это подвергнутые мутации клетки коровы, то есть мясо. Вы видите, что под действием тепла, выделившегося в процессе роста, оно поджарилось, и мясодыня готова к употреблению.

Он отрезал сочный розовый ломтик и сунул в рот. Сразу же после этого ему пришлось отскочить в сторону: все кинулись на дыню.

Прошло не меньше часа, прежде чем был проглочен последний кусок, прозвучала последняя сытая отрыжка и был издан последний вздох удовлетворения. От дыни остались только кусочки корки. Животы у всех были набиты до отказа.

— А у вас есть еще такие семена, адмирал? — спросил Билл с восхищением и робостью.

— Будьте уверены. Так что давайте выбросим этот неприкосновенный запас и всю остальную казенную дрянь и двинемся в путь. Посмотрим, не удастся ли нам добраться до этих огней, пока не стемнеет.

Послышались стоны, но членораздельных возражений не последовало. Даже самый тупой из них понимал, что нужно выбираться из этой пустыни, пока не кончилась вода.

Они шагали вперед и вперед, и только когда солнце склонилось к самому горизонту, Практис приказал остановиться.

— На сегодня хватит. Я думаю, на ужин поедим еще такого же бифштекса, чтобы утром отправиться в путь с новыми силами. А ночью мы сможем как следует разглядеть эти огни.

Когда стемнело, все расселись, довольные, с набитым брюхом, на гребне дюны. Озабоченное ворчание сменилось радостными криками, когда на горизонте появились огни. Какие-то странные лучи, похожие на свет далеких прожекторов, гуляли по небосводу, переливаясь разными цветами, а потом внезапно погасли.

— Они самые! — воскликнул Практис. — И гораздо ближе. Скоро мы до них доберемся, можете мне поверить.

Все поверили — и напрасно. Они не добрались до огней ни на следующий день, ни еще через день. Огни становились ярче, но, казалось, ничуть не ближе. А от запасов воды осталась только половина.

— Надеюсь, что полпути мы уже прошли, — утрюмо сказал Билл, отбрасывая ногой пустой контейнер. Все горестно кивнули в знак согласия.

Бифштекс был уже съеден, крохотные порции воды выпиты, а время было еще раннее.

— Включить вам музыку? — спросил Практис.

До сих пор они с удовольствием ее слушали, но теперь никто не отозвался. Мрачное настроение сгустилось до того, что его, казалось, можно резать ножом.

— Давайте рассказывать анекдоты, — бодро предложил Билл. — Или загадывать загадки. Что это такое — черное, сидит на дереве и смертельно опасно?

— Ворона с пулеметом, — язвительно сказала Мита. — У этой загадки вот такая борода. Я могу вам спеть...

Ее заглушили крики протеста, которые становились все тише и наконец смолкли. Похоже было, что вечер предстоит невеселый. Поэтому все немного оживились, когда заговорил Ки: до сих пор он обычно молчал, подавал голос только тогда, когда к нему обращались, и при этом обычно ограничивался нечленораздельным ворчанием.

— Послушайте. Я не всегда был. Такой. Был другой. Не такой, как сейчас. И жизнь у меня была другая. Две разные жизни. С чего все началось, я еще никому не говорил. А кончилось все трагедией. Потому что я стал. Совсем другим. Ничего хорошего в этом нет. Но это случилось. Я был... человек-дисплей. — Все ахнули, а у него жутко исказилось лицо. — Да. Был. Я расскажу. Если хотите.

— Да, расскажи! — вскричали все и придвинулись поближе, чтобы выслушать

РАССКАЗ КИ БЕР-ПАНКА

Вкус жизни обернулся для Ки вкусом потухшего окурка.

Он дожевал окурочек. Выплюнул его. Допил напоминавшие мочу остатки пива из треснутого пластикового стаканчика. Швырнул его на пол. Раздавил подбитым гвоздями каблуком.

Наступил Судный День.

Надо решаться.

Выйдя на улицу, он сощурился на перламутровый свет оранжево-желтого солнца. Пенопластовая пыль, облаком висевшая над близлежащим заводом, придавала воздуху тошнотворный муаровый отлив.

Пора...

Барыга стоял в непристойно развинченной позе, прислонившись к растресканной витрине. Его красный комбинезон в обтяжку бросал кровавую тень на выставленные в витрине порнокнижки и искусственные члены с моторчиками. Он и не взглянул на Ки, когда тот подошел. Но он знал, что Ки здесь. Украшенная драгоценными камнями каракатица, висевшая у него в ноздре, затрепетала в предвкушении добычи.

— Достал? — спросил он лаконично.

— Достал. А ты достал?

— Достал. Давай.

— Ладно.

Кредитная карточка, все еще хранящая тепло тела Ки, перешла в руки барыги. Он хмыкнул.

— Тут написано — десять тысяч бакников. Договаривались за девять. Надуть меня хочешь?

— Сдачу оставь себе. Давай.

Барыга дал.

Блок памяти, замаскированный под орешек, скользнул ему в руку. Ки жадно запихнул его в рот. Попробовал на вкус.

— Годится.

Барыга исчез. Ки остался один. Зуб-пьютер начал загружаться из блока памяти. Внезапно из черноты ночи на Ки обрушились яркий свет и громкий звук. Он отскочил в сторону, едва увернувшись от такси-автомата. И нырнул во тьму, освещаемую стробоскопическими вспышками. Здесь, в Кишке, пешеходу лучше не показываться. Ки свернул в темный переулок и забился в безопасное место за переполненным мусорным контейнером, едва не лопавшимся от старости и от громоздившейся над ним горы ненужных распечаток и отработанных чипов — вышвырнутых за негодностью отбросов надвигающейся передовой технологии.

Ки перезагрузился.

Да, вот он. Рецепт, давным-давно спрятанный, а теперь насильно вырванный из надежно охраняемых баз данных. «Теперь он мой», — подумал Ки.

Когда Ки вошел, она лежала навзничь на сексопластовом матрасе. Он закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке. Окинул взглядом ее бледное, как труп, тело.

— Тебе надо больше бывать на солнце.

Ответа не последовало. Веки ее были подкрашены в горошек. Черный кожаный лифчик и расшитые нейло-кружевом трусики не столько скрывали, сколько обнажали ее фигуру. Не ахти какую фигуру. Грудь слишком плоская. Задницы нет.

— В этой комнате безопасно?

— Телефон я отключила.

— Вот.

Он выплюнул на ладонь блок памяти.

— Не нужны мне орехи, которые кто-то уже ел.

Его глаза вспыхнули гневом.

— Дура, это рецепт.

Он пнул ногой компьютер, и тот заработал. Древний IBM/PC, все потроха из которого были выброшены и

заменены на макро-Z-80. Теперь в нем было больше всяких штучек, чем в суперкомпьютере «Крэй». Блок памяти пришелся в точности по размеру специального гнезда. Экран засветился мутным светом, по нему побежали загадочные знаки.

— Вот он.

— Но тут ничего не поймешь.

— Кто учился, тот поймет. Вот это три, а это семь.

Она выпучила глаза, потрясенная его тайными познаниями. Отвернулась, отвергнутая. Сунула в рот пятигранную таблетку. Тибетский аналог противозаконного исландского аспирина. Кайф наступил сразу. По экрану по-прежнему бежали непристойные знаки. Потом лазерный принтер гнусно заурчал и выплюнул распечатку.

— Вот.

— Не могу.

— Сможешь. Достань все, что указано в списке.

Он разразился безумным хохотом, уловив запах аспирина у нее изо рта.

— Тут наркотики. Это противозаконно. Запрещено. — Держа распечатку в трясущихся руках, она прочла: — Спирт, дистиллированная вода, глицерин...

— Иди. Иначе ты покойница.

Из рукава у него бесстыдно высунулся автоматный ствол 12,5-миллиметрового калибра. Она вышла.

Ки Бер-Панку был двадцать один год, когда он выставил свое снадобье на продажу. Давно утраченный, забытый рецепт, плесневевший в изъеденных мышами подшивках «Амстердам ньюс». А теперь заново рожденный, безошибочно нацеленный на сбыт среди барыг. Самый новый. Самый клевый.

«Распрямитель лобковых волос» — как раз то, чего требует наипоследняя мода ходить нагишом. Раз увидел — непременно купишь. А весь товар был в руках у Ки. Бакники текли рекой, только успевай считать нули. Пока однажды...

— Хватит! — сказал он себе, и в голосе у него прозвучало злобное торжество.

Теперь его допустят. Должны.

Когда он подходил к парадному подъезду, их автомат уже проверял его банковский счет. Много раз тщетно

стучался он в эту дверь из нержавеющей стали, скрытую за голограммой двери из нержавеющей стали. Если они правильно прочли его счет, — можно считать, что она перед ним уже открыта. Если нет, — он рискует разбить об нее нос. Но дело того стоило. Он не замедлил шага.

И шагнул прямо в вестибюль. На секретарше в приемной была голомаска, скрывавшая ее лицо. На него уставилась свиная морда. С золотым кольцом в носу и покрашенными губами.

— Да? — хрюкнула она.

— Я нужен «Эплкору».

Ее улыбка была холодна, как жидкий гелий.

— «Эплкору» нужны ваши деньги. Выучиться на человека-дисплея стоит недешево.

— Деньги есть.

— Пройдите к Чень-Ду. Комната тысяча девять. Крайний лифт слева.

Двери закрылись, и пол кабины надавил ему на ноги. А потом и на лицо, когда он распластался под тяжестью ускорения. Тысяча этажей — это долгий путь. Когда двери скользнули вбок, он выполз наружу. С трудом поднялся на ноги. Положил под язык восьмигранную капсулу кофеина. Вкус отвратительный. Но теперь он снова мог передвигаться.

Он распахнул дверь. Увидел сверкающую хромом аппаратуру. И человечка маленького роста — ее хозяина.

— Закрой дверь. Дует, — приказал Чень-Ду невозмутимо, словно последний император.

Протез его левой руки взвизгнул по-романски. Производство Италии, специально для открывания банок со спагетти. Человечек не скрываясь поковырял им в носу.

— Думаешь, способен? Стать человеком-дисплеем? Гиеной клавиатуры?

— Я знаю. Не думайте. Первый зуб у меня прорезался, когда я грыз «мышь».

— Трудное дело.

— Вы можете?

— Никто не может того, что может Чень-Ду. Я обучаю.

Протез чмокнул, словно втянул в рот макаронину: человечек сделал им широкий жест в сторону глумливо подмигивающего пульта управления, который, казалось, заполнял всю комнату.

— Модель 80386. ПЗУ на два мега. Сопроцессор для математики. Дисплей.

— Бросьте эту азбуку. — Он окинул дисплей жадным взглядом. — Это для меня. Мой дисплей. Я стану человеком-дисплеем. Клейте мне на голову датчики. Подключите меня к схеме.

— На голову? Обкурился, что ли? Сигнал от процессора поджарит тебе мозги, как картошку. Надо смягчить удар тока, принять его всем телом. Подальше от мозга. Вот — суппозидатчик.

— Суппозидатчик?! — в ошеломлении повторил Ки. — Значит, вы его не на голову мне приклеите? А засунете в задницу?

— Угадал.

Теперь он понял, зачем в сиденьи табуретки, стоявшей у пульта, проделано отверстие.

Но когда в него хлынул сигнал, он забыл про свое тело. Он слился с дисплеем. Теперь он был человек-дисплей. Всеми своими чувствами он погрузился в недра компьютера. Там все было черно-белое.

— Вы что, обходитесь без цвета?

— Не верь. Пропаганда, — проник в глубины его существа бестелесный голос. — Цвет — только для голорекламы в метро. Облапошивать быдло. Только черно-белое. Занимает меньше памяти.

Холодная белизна льда, жаркий багрянец зарева выскользнули из его памяти и обрушились в бездну забвения. Из тьмы возникло нечто, оно становилось все ближе, пока не заполнило все поле зрения. Картотечный шкаф величиной с небоскреб. Деревянный. Затянутый паутиной.

— Что это? — завопил он в черную тьму.

— Картотечный шкаф. Лучший способ представить работу компьютера. А ты чего ждал? Голубую бесконечность? Сетку неоновых огней? Сферы, закодированные цветом? Чушь. Дерьмовый голофильм для детишек. Как может человеческий мозг, работающий со скоростью химических реакций, поспеть за компьютером на сто тридцать миллионов операций в секунду? Не может. Поэтому написали программу, которая показывает, что происходит. Программа рисует эту картину, чтобы медленный человеческий мозг мог за ней следить. Картотечный шкаф. Открой. В нем картотечные ящики. Открой ящик. Найди программу, карточку. Переходи к субпрограмме. Скука все это.

— Ничего себе скука! — вызывающе выкрикнула его шальная душа в шипящую тьму. Ответа не было. Чень-Ду задремал.

Ки учился. На учебу ушли все бакники, что у него были. И много еще. Его тянуло к клавиатуре. Больше, чем к женщинам, к выпивке, к зелью. Его постоянно томило желание, так что даже во рту стоял этот привкус. Противный привкус. И это его не смущало.

Но нужно было достать еще денег. И было только одно место, где он мог это сделать. В Кишке. В подземном городе под городом. В параллельном мире. Туда и носа не совали власти — им не нравилось брести по колено в сточной канаве, служившей единственным входом. Ки побрел. Отряхнул с ног последние брызги вязких, жирных помоев и шагнул в дверь «Эль Мингаторио».

Желтые огни цвета детского кошмара освещали собравшуюся публику. Мерзкого вида публику, так что цвет был самый подходящий. Ки протолкался к стойке и стукнул кулаком по исцарапанному пластику.

— Ой! — вскрикнул он. Кулак угодил в битое стекло.

— «Ой» только что кончился, — насмешливо сказал бармен с глумливой гримасой, намалеванной на губах. Несмываемой краской. — Как обычно?

Ки кивнул. Рассеянно. Он забыл, что пил обычно. Непристойно толстый, раздутый от жира, похожий на моржа человек, навалившийся на стойку слева от него, пил что-то такое, от чего разило зеленой гнилью. Не то.

Барыга справа от него, с торчащими во все стороны пурпурными волосьями, собранными в колючки с крохотными презервативами на концах, давился чем-то дымящимся и лиловым. И это не то.

Бармен с треском поставил перед ним стакан. Еще одна царапина на стойке.

— Вот тебе. — Ни капли жалости не выражали его губы. — Имбирное пиво.

Ответив такой же глумливой усмешкой, Ки поднес стакан ко рту. Сделал большой глоток. Почувствовал, как его охватило отвращение.

— Это что, диетическое?

Ответом ему был гнусный смех, словно душа умирающего выскользнула во тьму.

В Кишке можно было купить и продать все, что угодно. Ки так и делал. Он шел на все ради желанных бакников. Он продавал свою кровь. Мыл окна. Нянчил

двухголового младенца. Не было такой отвратительной работы, от которой бы он отказался. Он не видел другого выхода. Он должен стать человеком-дисплеем.

В тот день, когда он закончил учебу, за ним пришли.

Бежать было некуда. Окна небьющиеся. Дверь их не остановила — они ее выломали.

— Попался, — сказал первый из них. Свет уличного фонаря падал сквозь жалюзи на его лицо, покрыв его сеткой параллелей.

— Нет!

Чей это был голос — его собственный? А чей же еще?

— Держи.

Не успел он отдернуть руку, как в нее сунули бумагу. Бумага шуршала и трещала, как смертоносная гремучая змея.

Выхода не было. Его призвали.

— Меня призвали. И вот я здесь. Человек-дисплей без дисплея. С загубленной жизнью и способностями. Чиню проводку.

Слезы отчаяния неслышно закапали на песок. Голос Ки затих, и наступило молчание. Рассказ подошел к концу. Правда, слушатели этого не заметили: одурев от усталости, убаюканные его голосом, все крепко спали. Правда, он этого не заметил: во время своего рассказа он то и дело кидал в рот таблетки и теперь безнадежно торчал. Пробормотав заключительные слова, он свалился на песок и захрапел.

Не он один выводил мелодичные полуночные арии. Храп и сопение оглашали тихую ночь — день выдался долгий и трудный. Но — чу! — к храпу примешалось какое-то раскатистое урчанье. Нечто черное показалось на гребне дюны, затмив своим телом звезды. Оно двинулось вниз, в неуверенности остановилось, — и кинулось вперед. Внезапный крик боли тут же оборвался. Нечто черное удалилось, урчанье затихло вдали.

Что-то разбудило Билла. Он открыл глаза, сел и огляделся вокруг. Ничего. Он лег, натянул на голову одеяло, чтобы не слышать храпа, и через мгновение уже спал снова.

Глава 7

Подъем! — орал адмирал Практис, бегая вокруг и пиная ногами спящих.

Подбадриваемые его сапогами и криками, они один за другим нехотя поднимали головы и, моргая, озирались в оранжевом свете встающего солнца.

— Пропала. Мита пропала — ее похитили, украли, утащили!

Это была правда. Все уставились на яму в песке на том месте, где она спала, потом выпучили глаза на следы, уходившие от этого места в нехоженую пустыню.

— Ее съело заживо какое-нибудь жуткое чудище! — завопил Билл, взволнованно роя песок острыми куриными когтями.

Практис недовольно взглянул на него.

— Если это и было чудище, то у него есть водительские права, самый младший лейтенант. Потому что, если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, это следы гусениц, как у трактора. А не ног, лап или щупалец.

— Это точно, — подтвердил Вербер. Кадык у него так и прыгал от волнения. — Гусеницы, они самые. Точно такие были у моего старого трактора на ферме. Послушайте — а может, тут где-нибудь поблизости есть ферма?..

— Заткнись, кретин, пока я тебя не прикончил, — намекнул Практис. — Кто-то похитил Миту во сне. Надо идти за ней.

— Зачем? — проворчал капитан Блай. — Ее давно уже нет в живых. Это не наше дело.

— Самый младший лейтенант, держите наготове оружие. Пристрелите всякого, кто не подчинится моим приказам. Мы идем по следам. Собирайтесь. — Он злобно посмотрел на капитана Блая, который тут же умолк. — Хорошо. Если вы теперь посмотрите на компас, то увидите, что следы идут примерно в том же направлении, куда направляемся мы. Так что собирайтесь и пошли. Быстро.

Все зашевелились. Разделили между собой груз, который несла Мита, собрали вещи. Билл, все еще держа наготове бластер, пошел впереди.

Солнце поднималось все выше, но они шли и шли. Все уже спотыкались от усталости, когда Билл скомандовал остановиться, и все повалились, где стояли.

— Привал пять минут, не больше.

Ответом ему были только стоны изнеможения. Откуда-то издалека донесся раскатистый взрыв.

— Все слышали? — мрачно сказал Билл, поднимаясь на ноги. — Идем дальше.

Вскрабавшись на гребень очередной песчаной дюны, они увидели впереди столб черного дыма. Билл знаком скомандовал залечь и сбросил свой рюкзак.

— Держите оружие наготове — и не зевайте. Если я не вернусь через пять минут... — он открыл было рот, чтобы продолжать, но тут же закрыл, потому что не знал, что сказать дальше.

— Вот что, — вмешался Практис. — Вы только дойдите туда и выясните, что произошло. Если от вас не будет вестей, мы начнем действовать сами.

Преисполненный железной решимости, Билл зашагал навстречу битве — вниз по склону дюны, снова вверх по склону следующей. Каждый раз, добравшись до вершины, он опасливо выглядывал из-за гребня. Когда столб дыма был уже совсем близко, сразу за ближайшей дюной, он распластался на песке, вполз на дюну и с величайшей осторожностью выглянул.

— Давно пора, — сказала Мита, как только его голова показалась над гребнем. — Вода есть?

— С тобой все в порядке? — Держа бластер наготове, он пополз вперед, не сводя глаз с горящей груды металла.

— Обошлась без вашей помощи. Это же надо — дать меня утащить из-под самого носа!

— Что случилось? Что это за штука?

— Почему я знаю? Знаю только одно: я крепко спала, а потом вдруг проснулась вся в песке и почувствовала, что меня кидает из стороны в сторону. Я села и, должно быть, ударилась головой, потому что ненадолго вырубилась. Потом пришла в себя. Крутом было темно, я слышала шум мотора и чувствовала, что мы двигаемся. Бластер остался при мне, и я проложила себе дорогу наружу. Где вода?

— Там, у них. — Он три раза подряд выстрелил из бластера. — Это они услышат. А того, кто сидел за рулем, ты убила?

— Там никого не было, я сразу увидела. Это робот, или она дистанционно управляется, или что-то вроде того. Какая-то машина на гусеничном ходу с большим захватом спереди. Этим захватом она меня и захватила и унесла, пока вы спали без задних ног.

— Ты уж прости, но я ничего не слышал...

Из-за горящей машины послышался металлический стук, а за ним шум мотора.

— Там еще кто-то есть — ложись! — крикнул он, подавая пример и зарываясь в песок.

— Ну, так просто я им не достанусь! — крикнула Мита в ярости и кинулась вперед с бластером наготове. Билл неохотно последовал за ней и ускорил шаги только тогда, когда услышал ее выстрелы.

Она стояла, широко расставив ноги, из дула бластера поднимался дымок.

— Промазала, — недовольно сказала она. — Оно удрало.

Билл увидел следы гусениц, которые поднимались на лежавшую впереди дюну и исчезали за ее гребнем. Следы были узкие, не больше чем в метре друг от друга, и только одни. Он в растерянности заморгал глазами.

— Оно уехало туда? Но тогда как оно попало сюда?

— Оно все время было тут. Внутри вон того, — ответила Мита, указывая на распахнутый люк в боку разбитой машины. — Оно вылезло оттуда и покатилося прочь. И, знаешь, это никакой не робот-води-

тель, оно точь-в-точь такое же, как эта машина, только куда меньше.

— Здесь какая-то тайна, — сказал показавшийся на вершине дюны Практис, запихивая в кобуру свой бластер. — Я слышал, что вы только что сказали. Теперь расскажите мне все, что было до этого.

— Сначала пусть мне дадут воды, — ответила Мита и закашлялась. — Пыльная была работа.

Осушив одним глотком целую кружку воды, она ко всеобщему удовлетворению повторила свою историю. После этого все принялись разглядывать дымящиеся обломки, стучать ногами по металлическому корпусу и восхищаться массивными гусеницами. А также заглядывать в контейнер-захват, где сидела Мита. И качать головой, ничего не понимая.

— Вы, Ки, — приказал Практис. — Вы у нас помешаны на всякой технике. Разберитесь в этой штуке, пока я выращу обед. Мы вам немного оставим.

Они уже кончали есть, облизывая жирные пальцы и вытирая их о песок, когда появился Ки и схватил свою порцию.

— Охе феесно, — выговорил он с набитым ртом.

— Сначала проглотите, а потом говорите, — приказал Практис.

— Очень интересно. Эта машина как будто отлита одним куском. Ни сварных швов, ни заклепок, ничего. И она абсолютно самостоятельна. Вон там, в том выступе впереди, вроде как какие-то схемы и память. Входы с радара, сонара и, кажется, инфракрасного детектора. И нет ничего похожего на оружие. Похоже, она просто катается по пустыне и собирает что-то в контейнер, куда попала Мита. Самое интересное там — двигатель. На солнечной энергии, батареи стоят наверху, а внутри, должно быть, большие аккумуляторы. Потом что-то вроде гидравлического насоса и, возможно, гидравлических систем...

— Что значит — «должно быть», «возможно»? Я думал, вы разбираетесь в технике?

— Разбираюсь. Только в этой штуке не разберешься без алмазной пилы. У нее в гидросистеме вместо трубок вроде бы каналы для масла прямо в сплошном металле. Совершенно нерациональная конструкция, ничего подобного я никогда не видел. И не только это...

— Оставьте при себе все свои технические домыслы, — проворчал Практис. — Эта маленькая загадка может подождать. Нам надо отправиться по следам той машины, что скрылась. Ко всему прочему, они идут в том же направлении, куда нам нужно, — в сторону огней. Может, она доставит им какое-то сообщение, известит о нашем присутствии...

— Кого известит? — спросил Билл.

— Кого или что — откуда я знаю? Я знаю только одно: чем быстрее мы будем шевелиться, тем больше шансов, что мы сможем шевелиться и дальше. Я хотел бы разыскать их, или его, или что там есть, прежде, чем они, или оно, разыщет нас. Так что поторапливайтесь.

Впервые никто не стал возражать. Сначала Практис сверял направление, в котором шли следы, по компасу, но через некоторое время спрятал его в карман. Следы вели в нужную сторону.

Жаркий день тянулся без конца, но Практис приказал остановиться только тогда, когда почти стемнело. Он с недовольной гримасой посмотрел на следы, исчезающие в темноте. Билл с такой же гримасой стоял рядом с ним.

— Вы тоже думаете то, что я думаю? — спросил Билл.

— Да, если вы думаете, что этой штуке не нужно останавливаться на отдых и что сейчас она катит себе дальше.

— Именно это я и подумал.

— Советую выставить на ночь охранение. Совершенно ни к чему, чтобы в темноте загребли еще кого-нибудь.

Сторожили все по очереди. Впрочем, особой нужды в этом не было: приближавшийся шум моторов был хорошо слышен. К тому времени, как они понадежнее окопались на вершине дюны и приготовили бластеры, моторы уже оглушительно ревели. Со всех сторон.

— Мы окружены! — жалобно воскликнул Вербер и ойкнул, когда кто-то ткнул его ногой.

Но больше ничего не произошло. Моторы рокотали все громче, а потом тише и в конце концов заурчали на холостом ходу. Ни один не приближался. Через некоторое время Билл, подстегиваемый любопытством, пополз на разведку. Света звезд было достаточно, чтобы разглядеть внизу темные силуэты.

— Мы окружены, — сообщил он, вернувшись. — Множество больших машин. Подробностей я не разглядел. Но они стоят со всех сторон, гусеница к гусенице. Попробуем прорваться?

— Зачем? — возразил Практис с утрюмой рассудительностью. — Они знают, что мы тут, и у них численное превосходство. Если мы попробуем схватиться с ними в темноте, неизвестно, что из этого выйдет. Давайте дотерпим до рассвета.

— По крайней мере увидим, кто нас истребит, — съязвил капитан Блай, кидая в рот таблетку. — Я пас. Пусть я проснусь покойником, но хотя бы ничего не буду знать.

Спорить никто не стал. Те, кто смог заснуть, заснули. Билл старался изо всех сил, но безуспешно. В конце концов он уселся на гребне дюны и принялся смотреть в сторону невидимых преследователей. Мита села рядом и дружески обняла его за плечи.

— Тебе одиноко, плохо и страшно, — сказала она. — Я вижу.

— Не так уж трудно догадаться. А тебе?

— Ну, нет. Меня так просто не напугаешь. Давай поцелуемся и забудем об этих противных чудищах.

— Да как ты можешь в такой момент даже думать про секс? — жалобно сказал Билл, вывертываясь из ее жарких объятий. — Почему я знаю, может, через несколько часов никого из нас уже не будет в живых.

— Тем лучше повод, чтобы забыться, милый. Или ты девочек не любишь? — Ее презрительную улыбку он ощутил даже в темноте.

— Девочек я люблю, еще как. Только не сейчас. Смотри! — воскликнул он с облегчением. — Кажется, светает. Пойду разбужу остальных.

— Нечего их будить, все давно проснулись, — сказал чей-то голос из темноты. — И с удовольствием слушают вашу беседу.

— Подглядываете, мерзавцы? — крикнула Мита и принялась палить в темноту из своего бластера. Но все тут же попрятались, и никто не пострадал. Злобно бормоча что-то про себя, она подняла глаза к посветлевшему небу и перевела сердитый взгляд на поджигающие внизу машины. — Я врежу между глаз первой же, которая подойдет на выстрел. Вы все жалкие ублюдки, одержимые свинским мужским шовинизмом.

Не знаю, как вы, но вот эта девушка просто так не сдастся. Я прихвачу их с собой, сколько смогу.

— Будьте так любезны, проявите немного благоразумия, — сказал Практис из окопа, в котором укрылся. — Опустите оружие и давайте посмотрим, что будет дальше. Успеем настреляться потом, если до этого дойдет.

Послышался далекий гул, и все подняли головы. В небе над ними показалась какая-то машина. Орнитоптер, хлопающий крыльями. Когда он приблизился, Мита вскочила и открыла по нему огонь. От хвоста машины полетели обломки, она резко накренилась и скрылась из вида.

— Неплохо, — пробормотал Практис, стараясь, чтобы его слова не донеслись до старшины-механика первой статьи и не вызвали у нее новую вспышку гнева. — Но я предпочел бы воздержаться от нападения.

По ту сторону дюны заработал мотор. Мита круто повернулась и успела выстрелить один раз, прежде чем Практис сгрэб ее в охапку.

— Помогите! — крикнул он. — Она нас всех уробит!

Призыв к трусости возымел действие: мужчины мужественно навалились на Миту и помогли обезоружить ее, притворяясь, будто не слышат, как она их честит. Отняв у нее бластер, они отошли подальше и увидели, что по склону дюны к ним приближается машина на колесах. Все постарались принять мирный, дружелюбный и беззаботный вид. Машина подъехала, развернулась боком к ним и остановилась. Услышав металлический скрежет, все попятились, — но это всего лишь открылись люки. Видя, что ничего больше не происходит, Билл, несколько уязвленный в своем мужском достоинстве столь явным превосходством Миты, шагнул вперед, чтобы доказать, что мужество не совсем его покинуло. Он заглянул внутрь машины, обернулся и сообщил:

— Водителя там нет, но есть сиденья. Шесть штук. Ровно столько, сколько тут нас.

— Блестящее наблюдение, — сказал Практис, становясь на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь. — Есть желающие прокатиться?

— А у нас есть выбор? — спросил Билл.

— Лично я его не вижу. — Практик оглянулся через плечо на окружившие их кольцом огромные машины.

— Я пошел, — сказал Билл, зашвырнул внутрь рюкзака и полез сам. — Все равно воды уже почти не осталось.

Все с большой неохотой последовали за ним. Когда они расселись, люки захлопнулись, мотор взревел, и машина сама собой покатила под гору. Одна из больших гусеничных машин отъехала в сторону, они выехали из кольца и понеслись по пустыне. В туче пыли, летевшей из-под колес, едва видно было, как остальные машины развернулись и поехали за ними.

Глава 8

— Подвеска у этой развалины никуда не годится, — заметила Мита, подпрыгивая на металлическом сиденье. Машину трясло и качало на ухабах.

— Зато это куда лучше пешего хождения, — вкрадчиво сказал Билл, пытаясь вернуть ее расположение. Ответом ему была только презрительная гримаса.

— Там что-то есть! — воскликнул Ки, держась для устойчивости за плечо Вербера и вглядываясь вперед сквозь бушевавший снаружи песчаный вихрь. — Толком не видно, но это что-то большое.

Вдали показалось какое-то пятнышко, не больше птичьей погадки. Машина направлялась к нему. Пятнышко стало размером с кулак и продолжало расти. Вскоре уже можно было разглядеть подробности, пока еще совершенно непонятные. Столь же непонятными они остались, когда машина подъехала ближе. И только когда она, перевалив через гребень дюны, покатилась вниз, в ложбину, стало видно, что впереди поднимается целая мешанина башен, шпилей и каких-то конструкций, выстроенных словно из железного лома и окруженных высокой стеной. Песок был испещрен колеями и следами гусениц, пересекавшими его во всех направлениях, но сходящихся в одну точку — туда, где стена выгибалась внушительного размера пузырярем.

Машина, в которой они сидели, продолжала двигаться вперед, а остальные, замедлив ход, замерли на месте

и исчезли из вида в туче пыли. Их волшебная карета, не снижая скорости, неслась к стене, в которой в последний момент раскрылся проход. Они проскочили в него и оказались в крошечной тьме: наружная стена закрылась позади.

— Надеюсь, что эта штука видит в темноте, — пробормотал Практис, ни к кому не обращаясь.

Впереди забрезжил свет, машина замедлила ход, выскочила на солнце и остановилась.

— Ну и что? — спросила Мита. — Опять песок, сплошная стена и то же самое небо. С таким же успехом мы могли оставаться на месте...

Она умолкла: люки со скрипом распахнулись.

— По-моему, они от нас чего-то хотят, — сказал Вербер.

Все опасливо встали и, так как делать больше ничего не оставалось, вышли из машины. Кроме Билла, который не мог сделать и этого.

— Эй, ребята, у меня тут что-то неладно. Эта штука держит меня за щиколотки.

Он встал и дернулся, но его крепко держали металлические лапы. Прийти к нему на помощь никто не успел: люки захлопнулись. Машина тронулась, и Билл, издав хриплый вопль, снова плюхнулся на сиденье. В стене впереди открылся проход, и они проскочили в него. Сердитые крики оставшихся позади товарищей оборвались, когда проход в стене закрылся.

— Не уверен, что мне все это нравится, — жалобно сказал Билл в темноту. Машина продолжала двигаться вперед. Она въехала в какую-то дверь и оказалась в залитом солнцем помещении. Металлические лапы отпустили Билла, как только машина остановилась, и люки снова распахнулись. Опасливо озираясь, он вылез наружу.

Солнце лилось сквозь прозрачные панели высоко над головой, освещая какие-то сложные механизмы и незнакомые устройства, сплошь покрывавшие стены. Все было очень загадочно, но не успел он толком оглядеться, как к нему с громоуханием подъехала и остановилась рядом маленькая пузатая машина на скрипучих гусеницах. Она выкинула в его сторону металлическую лапу с какой-то черной шишкой на конце — если бы он не отдернул голову, лапа угодила бы ему по физиономии. Билл выхватил из кобуры бластер, готовый

разнести машину в куски, если она еще раз попробует съездить ему по морде. Но лапа только повернулась к нему и застыла сантиметрах в тридцати от его головы. По шишке пробежала легкая дрожь, послышался какой-то скрип, пронзительное гудение, а потом она заговорила басом:

— Би-ип... би-и-ип... би-и-и-бип! — сказала она радостным электронным голосом и склонилась к нему, словно ожидая ответа.

Билл улыбнулся и откашлялся.

— Да, вы совершенно правы, — сказал он.

— 0101 1000 1000 1010 1110.

— Пожалуй, это ближе.

По шишке снова пробежала дрожь, и она произнесла:

— *Karsnitz, ipplesnitz, firrkle.*

— Я не совсем понимаю...

— *Su ogni parola della pronuncia figurate e stato segnato l'accento fonico.*

— Нет, — заявил Билл. — Все равно непонятно.

— *Vous y trouverez plus million mots.*

— В последнее время — нет.

— *Mi opinias ke vi komprenas nenion.*

— Вот это уже ближе.

— Должен же быть какой-нибудь язык, который ты сможешь понять, урод ты слизистый!

— Вот так и валяй!

— Означает ли словосочетание «вот так и валяй», что ты понимаешь мои слова?

— Попала в самую точку. Голос у тебя немного скрипучий, а так вообще все в порядке. Теперь я надеюсь, что ты не откажешь в любезности ответить, если я спрошу...

Машина не стала тратить время на разговоры, а вместо этого откатилась назад к стене и остановилась около другой машины, похожей на помесь телекамеры и автомата с газированной водой. Билл вздохнул, ожидая, что произойдет дальше. То, что произошло дальше, выглядело очень внушительно.

Где-то вдалеке зазвенели колокольчики и прогудел паровозный гудок. Звуки становились все громче, в стене возникла дверь, и из нее вылетел золотистый столб света. Невысокий золотистый помост вкатился в комнату и остановился перед Биллом. Он был задрапирован какой-то золотистой тканью, на которой возле-

жала золотистая фигура. Почти человеческая на вид, если не считать того, что у нее было четыре руки и вся она была металлическая. Голова, усаженная золотистыми заклепками, повернулась к нему лицом, золотистые веки, щелкнув, поднялись, и она, открыв золотозубый рот, заговорила:

— Добро пожаловать, о незнакомец из далеких миров.

— Ого, вот это здорово! Да вы говорите по-нашему!

— Да. Я только что научился этому от лингвистического кибернатора. Только у меня не все ладно с совершенными временами и герундиями. И с неправильными глаголами.

— Да я и сам ими никогда не пользуюсь, — смиренно ответил Билл.

— Ответ как будто удовлетворительный, хотя и довольно идиотский. Теперь скажите, что привело вас на нашу дружественную маленькую планету США?

— Это так ваша планета называется?

— Ясное дело, болван, иначе зачем бы я это сказал? Между прочим, вы не могли бы немного проконсультировать меня по поводу сослагательного наклонения? Ну да, я вижу, вы им тоже не пользуетесь. Вы тупо киваете. Тогда снова к делу. Зачем вы сюда прибыли?

— Видите ли, наша база, которой не должно было бы угрожать никакое нападение...

— К вашему сведению, это и есть сослагательное наклонение, которым вы никогда не пользуетесь.

Билл запнулся, не зная, что сказать, потом продолжал:

— Так вот, на нас напали огромные летучие драконы...

— Простите, что я перебиваю, но эти летучие драконы были случайно не металлические?

— Да, металлические.

— Так вот, значит, что задумали эти дребезжащие мерзавцы! — Золотые веки моргнули, и существо издало громкое шипение, потом снова повернулось к Биллу. — Простите меня, я немного забылся. Меня зовут Зоц-Зиц-Жиц-Глоц, но вы можете называть меня запросто — Зоц, в знак нашей растущей близкой дружбы. А вас...

— Самый младший лейтенант Билл.

— Мне называть вас полным именем?

— Друзья зовут меня Билл.

— Как мило с вашей стороны, и с их стороны тоже. Ах да, я совсем никудьшный хозяин. Что вам предложить из прохладительного? Может быть, хорошо отфильтрованного бензола? Или масла высшей марки? Или капелку фенола?

— Нет, спасибо. Хотя я с удовольствием выпил бы стакан воды...

— ЧЕГО?! — рывкнул Зоц, и в голосе его прозвучал металл. — Ха-ха, наверное, я просто ослышался. Наверное, вы хотели бы чего-то такого, о чем я никогда и не слышал. Не может же быть, чтобы вы попросили воды — жидкого при обычной температуре вещества, состоящего из двух атомов водорода и одного кислорода, — H_2O ?

— Его самого, мистер Зоц. Вы прекрасно разбираетесь в химии.

— Стража! Уничтожить это существо! Оно хочет убить меня, отравить! Разобрать его на детали! В переплавку его!

Билл, испуганно охнув, попятился. К нему с грохотом направилась целая коллекция хирургических инструментов устрашающего вида. Щипцы, металлические клещи, извивающиеся щупальца, гаечные ключи — еще бы немного, и они дотянулись бы до него и растерзали бы в клочья, но голос зазвучал снова:

— Стойте!

Все замерло. Кроме одной машины с протянутыми лапами, которая вытянула их слишком далеко: потеряв равновесие, она рухнула на пол.

— Один-единственный вопрос, о слизистый незнакомец Билл, прежде чем я снова спущу их с цепи. Эта вода — что ты хотел с ней сделать?

— Да выпить ее, что еще? Очень пить хочется.

Золотое тело Зоца содрогнулось. А Биллу пришла в голову оригинальная мысль, что случилось с ним так редко. С величайшим усилием, потратив ужасно много времени, его размягченные солдатчиной мозговые клетки ухитрились умножить два на два и при этом получить четыре.

— Я люблю воду. Да я на девяносто пять процентов из нее состою, — сказал он наугад и ошибся.

— Вот чудеса-то! — Зоц снова откинулся назад на своем ложе и погрузился в глубокие размышления — слышно было, как у него в голове крутятся колесики. —

Стража, назад, — приказал он, и стража отступила. — Я полагаю, что теоретически возможна форма жизни, в основе которой лежит вода, как бы отвратительно это ни звучало.

— Ну, не совсем вода, — сказал Билл, лихорадочно пытаясь вспомнить давно забытые уроки естествоведения. — На самом деле это углерод, вот что. И хлорофилл, понимаете?

— Откровенно говоря, не понимаю. Но постараюсь уразуметь, я способный.

— А теперь можно я задам вопрос? — Вялый кивок Зоца Билл считал за знак согласия и продолжал: — Я начинаю соображать. Ведь вы сделаны из металла? Не сделаны, вы просто из металла?

— Это должно быть очевидно.

— Значит, вы живая металлическая машина?

— Слово «машина» в данном контексте звучит оскорбительно. Точнее было бы сказать — форма жизни, основанная на металле. Мы еще поболтаем с вами об этом, о летучих драконах и о всяких других интересных вещах. Но сначала — вот ваш яд... умоляю вас, простите, — ваше питье.

Из стены выкатилась металлическая платформа, протянула лапу, поставила на пол перед Биллом стеклянный сосуд и поспешно ретировалась. Билл поднял его и увидел, что внутри булькает прозрачная жидкость. Не без опаски он взялся за пробку и откупорил сосуд. Он подозрительно принюхался, но не ощутил никакого запаха. Окунул в жидкость кончик пальца, ничего не почувствовал. Облизал палец.

— Старая добрая H_2O . Зоц, приятель, спасибо вам огромное.

Он одним махом осушил сосуд, с удовольствием крякнул и поставил его на пол.

— Это же надо такое увидеть! — ахнул Зоц. — Будет теперь что порассказать ребятам в мастерской... — Он щелкнул пальцами, и какое-то устройство на колесах со щупальцами подъехало и подало ему жестянку с маслом. Он поднял ее вверх. — За ваше здоровье, инопланетянин-ядопивец. — Он осушил жестянку и отшвырнул ее. — Ну, довольно развлечений — теперь за работу. Вы должны рассказать мне подробнее о нападении летучих драконов. Вы не знаете, зачем им это понадобилось?

нападении летучих драконов. Вы не знаете, зачем им это понадобилось?

— Как не знать, знаю. Этой атакой руководили злые и коварные «чинджеры»?

— Все интереснее и интереснее. А что такое чинджеры?

— Враги.

— Чьи?

— Человечества. Мои, то есть всех. Эти чинджеры — разумная инопланетная раса, которая хочет нас уничтожить. Поэтому мы, естественно, должны уничтожить их первыми. Уничтожение в больших масштабах называется у нас войной.

— Начинаю понимать. Вы и другие водянисто-слизистые существа ведете войну с этими чинджерами. А можно спросить, у них обмен веществ основан на металле или на углероде?

— Хм, этого я толком не знаю. У них по четыре руки, как у вас, но я знаю, что они не из металла, хотя и командуют металлическими драконами. Потому что я сам одного видел. Эти драконы — ого-го! — и он деланно засмеялся, собираясь отпустить шутку. — Они случайно не ваши?

— Случайно, нет. Их выращивают злые уонккеры. Я вам о них расскажу, но сначала — все забываю, а что это за существа, которых мы захватили вместе с вами? Они случайно не чинджеры? Или просто деловые партнеры?

— Они люди, как и я. Мои друзья — по крайней мере, кое-кто из них.

— Тогда мы должны о них позаботиться. Нет, я в самом деле плохой хозяин. Я велю доставить их сюда — и тогда расскажу вам ужасную историю уонккерсов.

Глава 9

Машины-пастухи пригнали в комнату остальных членов экспедиции. Те настороженно озирались, не выпуская из рук бластеров.

— Все в порядке, вы среди друзей, — быстро сказал Билл, чтобы предотвратить возможные недоразумения.

— Попрошу выражаться точнее, — отозвался Практис. — Кто именно из этого хирургического инструментария друзья?

— Вот этот золотой тип на кушетке. Его зовут Зоц, и он, кажется, тут главный.

— Не просто кажется, друг Билл. Я самая главная шишка, как сказали бы вы на своем странном языке, хотя мне и не совсем понятно, что такое шишка. Познакомьте меня со своими коллегами.

После того как это было сделано и все досыта напились воды, Билл ввел их в курс дела.

— Похоже, вот этот Зоц и вся остальная компания — формы жизни, основанной на металле.

При этих словах Практис выпучил глаза и собрался было задать множество вопросов. Билл заметил это и быстро продолжал:

— Он познакомит вас с научной стороной дела позже, адмирал. Но сначала он собирался рассказать мне о тех летучих драконах, которые на нас напали. Они имеют какое-то отношение к каким-то уонккерсам.

— Небольшое уточнение, — вмешался Зоц. — Уонккерсы недавно их вывели. Мы тщательно следим за этими металлическими мерзавцами, потому что доверять им нельзя. Билл сообщил мне, что вы ведете войну со злыми чинджерами. Можно сказать, что мы с уонккерсами примерно в таких же отношениях. И, поскольку они, по-видимому, вывели и обучили этих драконов для чинджеров, получается, что мы с вами собутыльники.

— Точнее было бы сказать — союзники, — поправил Практис.

— Спасибо, мой дорогой друг. Что касается уонккерсов, то они намерены уничтожить нас, так что мы должны уничтожить их первыми.

— Точь-в-точь как люди и чинджеры! — радостно сказал Билл.

— Пожалуй, сходство действительно имеет место. Здесь, на планете Сша, множество разнообразных форм жизни — как вы можете видеть, если посмотрите вокруг. Миллионы лет назад жизнь зародилась здесь в теплых лужах нефти, украшающих наши ландшафты. Под лучами благодатного солнца процесс эволюции пошел несколькими путями. В глубокой древности появились простейшие минералоядные существа, которые до сих пор пасутся на богатых рудных месторождениях среди холмов и песчаных прерий. Но жизнь — жестокая штука. Появились хищные машиноядные, которые питались — и сейчас питаются — минералоядными. Такова жизнь, какую мы знаем и, как я понимаю, какую знаете и вы.

— Вот именно! — в восторге согласился Практис. — Параллельная эволюция. Мы должны подробно поговорить на эту тему...

— И поговорим. Но сначала — об уонккерсах. Они появились так же, как и все другие формы жизни. Но они — как бы лучше это выразить — лишены разума и в клиническом, и в юридическом смысле. Они психи. У них не хватает колесиков. Они объединились в гнусный союз безумных машин и были отвергнуты всеми разумными формами жизни. Уже давным-давно мы попытались истребить их, прежде чем они истребят нас. Но из того, что они безумны, не следует, что они глупы. Те, кто выжил после металлических побоищ, бежали и построили крепость в горах. Вместо того чтобы жить

мирно, они порабащают других, бьют их и плохо с ними обращаются. Это ужасно. А еще ужаснее было узнать, что они вступили в союз с этими вырожденками из плоти и крови — чинджерами. По крайней мере, так сказал мне друг Билл.

— Это верно, — подтвердил Практис. — Они командовали атакой летучих драконов.

— Все сходится. В последнее время нам стало известно, что в крепости уонккерсов замечена какая-то лихорадочная деятельность. Наши шпионы, порхающие над холмами, обнаружили множество летучих драконов. Мы опасались нового их наступления, не зная, что у этих хищных полчищ иная цель. Мы рады за себя, но с огорчением узнали о ваших несчастьях.

— Мы тоже, — сказал Практис. — Мне бы очень хотелось побеседовать с вами об эволюции. Но с этим придется повременить. Говоря в качестве военного, а не ученого, — как нам объединить силы в наших общих интересах? Ради истребления наших общих врагов?

— Вот в чем вопрос, верно? Об этом надо подумать. Я предлагаю вам сейчас пройти в отведенные вам апартаменты и слегка закусить. Капля-другая машинного масла, может быть, немного магния в порошке? О, что я говорю!

— Не волнуйтесь, Зоц, — сказала Мита. — У нас с собой есть запасы пищи. Все, что нам нужно, — это клочок земли.

— Так просто? Я уже отдал нужный приказ. По радио, конечно. Отдохните и освежитесь, а я позову вас снова после того, как посоветуюсь со своими советниками.

— Как будто неплохое место, — сказал Вербер, когда они вслед за проводником на колесиках шли по усаженному заклепками коридору. — Господи, как нам повезло...

— Заткнись, недоумок, — намекнул Практис. — Несешь невесть что, не затрудняя свои заросшие синапсы даже подобием разумной мысли. Неужто ты не видишь, какие тут вокруг научные чудеса? Нет, конечно, не видишь. Но я-то вижу! Я напишу об этом статьи, напечатаю книги, прославлюсь на всю галактику!

— И еще получите повышение в чине, — лицемерно подхватил Билл. — Когда вы поднимете все эти машины на войну с чинджерами, вас непременно повысят.

— Единственное повышение, о котором я мечтаю, — это снова вырваться на гражданку. Да, очень может быть, что это в самом деле поможет.

— Вот... ваши апартаменты, — металлическим голосом произнес проводник, распахнув дверь в большую комнату. В ней не было ни мебели, ни украшений — одни только крючья на стенах. Посыльный указал на них щупальцем.

— Эти крючья — для того, чтобы висеть на них ночью.

— Благодарю покорно, железяка, — фыркнула Мита. — Только мы знаем способ, как проводить ночь получше. А как насчет клочка земли, о котором мы говорили?

— Все готово. Следуйте за мной, пожалуйста.

Вслед за машиной Мита вышла через другую дверь во двор.

— Как будто годится. — Она потопала ногой по голой земле, обернулась и крикнула: — Ташите сюда свои семена мясодынь! Мой желудок уже думает, что у меня перерезано горло. О-о-ох!

— О-о-ох? Что это должно означать? — спросил Практис, выглянув в дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как вскипел песок у нее под ногами.

— О-о-ох! — сказал он, глядя выпученными глазами, как Мита погрузилась в землю и исчезла из вида.

— Помощь сейчас прибудет, — сказала машина-проводник, вытянув лапу с электронным глазом на конце и заглядывая им в провал.

Она была права. Дверь распахнулась, и во двор ворвалась, сбив Вербера с ног, какая-то машина, похожая на торпеду с множеством колесиков. Она головой вниз нырнула в провал и исчезла так же быстро, как и Мита.

— Что с Митой? — спросил Билл, выбегая во двор.

— Ума не приложу. У нее под ногами разверзлась земля — раз! — и она провалилась в дыру.

— Имею информацию, — сказал появившийся Зоц. Он все еще возлежал на своем помосте, который теперь несли шесть маленьких машинок-носильщиков. — Этот туннель имеет большую протяженность и уходит за внешнюю стену. До самых холмов. А, ясно. Он заканчивается в прелестной солнечной долине, где

вашего товарища сейчас усаживают на летучего дракона. Нашу машину заметили...

Зоц запнулся и быстро выпил глоток масла.

— На данный момент это все. Наша машина только что уничтожена. Я направил туда машин-воинов, но боюсь, что они уже опоздали. Наблюдатели сообщают, что видят дракона, удаляющегося на большой скорости.

— Можете не продолжать, что он летит в горы, — язвительно перебил его Практис. — По-вашему, похищение гостей входит в понятие гостеприимства?

— Я потрясен, дорогие гости, поверьте. Я обеспечен, и будь у меня под рукой электродрель, я бы тут же совершил харакири. Но, может быть, то, что я остался жив, к лучшему, потому что я смогу организовать погоню и спасение. Пока я говорю, сюда уже движется боевая машина. Я предложил бы, чтобы кто-то из вас сопровождал и консультировал ее во время спасательной операции. Есть доброволец?

Послышалось быстрое шарканье ног: все дружно попятились.

— Я командир мусоровоза.

— Я только что призван, недавно с фермы.

— Только электроника — я даже стрелять не умею.

— Я в чине адмирала и ученый по профессии. Значит, остается только наш закаленный в боях ветеран.

Все посмотрели на Билла, который встревоженно кусал губы, пытаясь найти выход из положения.

— Поздравляю, самый младший лейтенант, — сказал Практис, выступив вперед и хлопнув его по плечу. — Возлагаем все наши надежды на вас. Чтобы вам было легче, произвожу вас в младшие лейтенанты. Поблагодарите меня с ближайшей получки. И вот на всякий случай запасная обойма для вашего бластера. Отправляйтесь без колебаний. Потому что, если вы откажетесь, я всажу вам заряд промеж глаз.

Билл оценил всю логичность его доводов и шагнул вперед. Во двор с оглушительным грохотом вкатилась приземистая, неуклюжая машина воинственного вида. Из нее во все стороны были выставлены пушки, шипы, гранатометы и лучеметы, и даже на месте пиписьки торчал — о ужас! — брандспойт для воды.

— Боевой Дьявол Марк-1, — гордо сказал Зоц. — Он обучен вашему языку и передается в ваше распоряжение.

— Я в вашем распоряжении, — произнесла машина скрипучим голосом. — Предлагаю всем снова пройти в помещение во избежание несчастных случаев. Легко могу нечаянно затоптать.

Она загнала озадаченных людей в комнату — машины уже успели убраться туда сами. Небо потемнело, и послышалось оглушительное хлопанье крыльев: во двор спускался орнитоптер. Он шумно плюхнулся на землю, низко осел на амортизаторах, подпрыгнул и, качаясь вверх и вниз, понемногу успокоился. Из его бока вывалился и уперся в землю складной трап.

Билл глядел на все это с глубоким подозрением.

— Не верю, — бормотал он. — Это птицы, когда летают, машут крыльями. Машины так не могут. Они для этого слишком тяжелые.

— Придется вам поверить собственным глазам, — сказал Зоц. — Это форма жизни, основанная на алюминии, а не на железе. Во всяком случае — желаю вам удачи, мой новый друг Билл. Такое отважное существо из плоти, готовое предстать перед угрозой гибели, чтобы выручить товарища. Защищай его как следует, Боевой Дьявол.

— До последнего эрга энергии, до последней капли смазки! — рывкнула машина.

Она положила конец колебаниям Билла, бережно поставив его на верхушку трапа и взобравшись вслед за ним сама.

Размышляя о том, как лихо его обошли, Билл уселся в седло на спине орнитоптера и просунул ноги в стремена. Марк-1 прикрепил себя болтами сзади него. Зоц крикнул:

— Да пребудут с вами ядерные силы — и сильные, и слабые!

Металлический конь под ними зажужжал, четыре крыла медленно поднялись, опустились, снова поднялись, захлопали все быстрее и быстрее. Машину бешено затрясло. В тот момент, когда она, казалось, вот-вот рассыплется на части, она встрепенулась и поднялась в воздух. Билл, держась изо всех сил, стиснул зубы, чтобы не стучали.

— Ужасно! — выговорил он сквозь зубы.

— Если вы знаете лучший способ летать, расскажите мне, — отозвался Боевой Дьявол с чисто механической бесчувственностью. — Посмотрите вперед — вы

видите, что там показались вершины горного хребта Пртзлксиньдлп-69. На ваш язык «Пртзлксиньдлп-69» можно перевести как «горы, где расстаются с надеждой, царит отчаяние и снег валит все лето...»

— Послушай, Марк, я вполне могу обойтись без твоего репортажа. Ты что-нибудь слышал о том, что произошло?

— Ну конечно. Я постоянно поддерживаю радиосвязь с базой. Наши шпионы сообщают, что дракон приземлился, и ваша спутница исчезла из вида. Был послан ударный отряд, чтобы уничтожить их наблюдательные пункты. Операция прошла успешно, хотя, разумеется, и с большими потерями, но мы ни перед чем не останавливаемся, чтобы помочь нашим новым братьям по оружию. Теперь мы сможем приземлиться незамеченными в непосредственной близости от противника. Держитесь крепче — мы снижаемся.

Билл не имел ничего против того, чтобы снизиться. Было даже занятно — что-то вроде аттракциона в парке. Но когда они, снизившись, влетели в ущелье, волосы у него встали дыбом. Машину судорожно швыряло из стороны в сторону, она задевала за скалы, катилась по склонам и снова взлетала. Наконец, с треском ударившись в последний раз и погнув одно крыло, она боком скользнула в узкую щель между скалами и врезалась в камни. Она лежала, дымясь, выставив вверх погнутое крыло. Билл с трясущимися руками слез на долгожданную твердую землю.

— Спасибо, что прокатили, — проворчал он тоном, полным сарказма.

— О, спасибо вам, — ответил орнитоптер высоким, пронзительным голосом. Глаза его со скрипом повернулись в орбитах, чтобы взглянуть на Билла. — Жаль, что у меня только одна жизнь, которой я могу пожертвовать ради моих товарищей — и новых друзей-мокрецов...

Голос его прервался, глаз потух и закрылся.

— Ну, что дальше? — спросил Билл у боевой машины.

— Мы проникнем во вражескую крепость.

— Ах вот как? Просто так — возьмем и проникнем? А это кому-нибудь до сих пор удавалось?

— Нет. Но ведь на этом фронте еще ни разу не вводили в бой Боевого Дьявола Марка-1.

— Замечательно. Если твоя боевая мощь так же велика, как твое самомнение, победа нам обеспечена.

— Она и так обеспечена. План был разработан ГМТКТ — Главным Мозговым Трестом и Комитетом по Тактике. Вот этот план. Их наблюдательные пункты уничтожены, поэтому атака может быть проведена незаметно. А вот и атакующие.

Он оттащил Билла в сторону, и как раз вовремя: через секунду мимо них покатались боевые машины. Оснащенные гусеницами, колесами и шарнирными ногами, ошетилившиеся оружием, несокрушимые и внушительные на вид, они двигались вперед, сотрясая землю. Кроме того, они пели — боевую песнь, слова которой остались для Билла непонятными, что, вероятно, было к лучшему. Как только они прошли, Билл с Марком поспешили вслед. Каньон, по которому они двигались, был узок и извилист, и лишь время от времени впереди можно было видеть цитадель уонккерсов. Потом пение вдали прервалось могучим взрывом и ударами металла о металл.

— Бой завязался, — сказал Марк. — Защитники крепости вышли наружу, чтобы встретить атакующих. Мы должны спешить, потому что атака обречена на неудачу. Вот мы и пришли.

Боевая машина взбежала по скалистой стене ущелья, которая на вид ничем не отличалась от других. Но на самом деле отличалась — это стало очевидно, когда Марк ткнул металлическим пальцем в какую-то трещину, и целый кусок скалы распахнулся, как дверь, открыв темное отверстие. Билл не успел возразить, как был втолкнут в него, и скала за ними снова закрылась.

Внутри оказалось ровно столько места, чтобы поместиться им обоим. И не просто поместиться, а наблюдать: благодаря неведомым ухищрениям инопланетной науки скала, снаружи выглядевшая сплошной, была прозрачна изнутри.

Снова земля затряслась под ногами, колесами и гусеницами атакующего отряда. Но теперь это был уже отступающий отряд. Его поредевшие ряды пронеслись мимо, преследуемые по пятам стадом вражеских боевых машин столь же устрашающего вида. Со свистом пролетали и рвались снаряды, то и дело сверкали молнии. Потом атакующие скрылись из вида, но многие отважные бойцы остались на месте, разбитые и дымя-

щие. Защитники крепости, увлеченные погоней, объезжали упавших или с хрустом их переезжали.

— И что дальше? — спросил Билл.

— Надо подождать. Уже скоро.

Начали появляться тыловые части, следовавшие за победоносной армией: транспорты с боеприпасами, цистерны, генераторы для подзарядки аккумуляторов. И сборщики лома. Последний из них с грохотом прокатился мимо, остановился, вытянул длинную лапу и поднял лежавшего на земле воина без рук и ног. Бросив его со звоном на груды таких же останков в бункер в задней своей части, машина двинулась дальше. К этому времени контратакующие силы уже скрылись за поворотом ущелья.

Боевой Дьявол чуть приоткрыл дверь в скале, высунил лапу и выстрелил в не успевшую удалиться машину разрядом молнии. В машине послышался треск, она содрогнулась и застыла в неподвижности.

— Выгорели управляющие схемы, — сказал Марк-1, и в его металлическом голосе прозвучало удовлетворение. — Во всем остальном она вполне в рабочем состоянии. Мы должны быстро забраться туда и спрятаться под кучей лома. Скорее!

Они выскочили наружу. Марк-1 отодвинул в сторону несколько обломков, а потом загородился ими. Под обломками было довольно светло, и Билл увидел, как у Марка-1 из подмышки выдвинулся какой-то гибкий прут и ввинтился в машину. Мгновение спустя сборщик лома вздрогнул и ожил. Загудел мотор, он развернулся и двинулся назад, в ту сторону, откуда появился.

Биллу все это очень не понравилось.

Глава 10

— Когда приблизимся к стене, придется прекратить нашу беседу, — сказал Марк-1. — У этого создания мозг был совсем крохотный, и мне придется изо всех сил стараться, чтобы изображать из себя совершеннейшего дурня, когда нас встретят часовые у входа. Приближаемся.

Билл насторожился, но очень скоро ему стало просто скучно: он не имел ни малейшего понятия о том, что происходит. Они двигались, замедляли ход, останавливались, снова двигались. Свет, проникавший под груды лома, становился то ярче, то тусклее.

— Что происходит? — шепнул он.

— Мы проникли во вражескую крепость. Хотите посмотреть?

— Это было бы здорово.

В боку Марка-1 открылась дверца, и из нее выдвинулся телеэкран, который тут же загорелся. На экране стали видны быстро несущиеся мимо стены туннеля, грубо вырубленного в скале. Туннель привел их в помещение с каменными стенами, которое расширяли маленькие машины-каменотесы, снабженные кирками. Для ускорения работы за ними следовали машины-кнутобойцы, которые хлестали их плетками из колючей проволоки. Звон металла о металл сливался с металлическими стонами боли.

— Роботы-рабы, — мрачно сообщил Марк-1. — Как они страдают! Какие негодяи эти уонккеры! Их нужно истребить, стереть с лица земли до последнего винтика.

Снова пошли туннели, но ничего интереснее роботов-рабов не попадалось. От качки, пыли, запаха машинного масла Билла начало укачивать. Он изо всех сил боролся с тошнотой. Потом они вдруг остановились, пол ушел у него из-под ног, и он чуть было не расстался с остатками обеда. Но уже через мгновение он и думать об этом забыл: гряда лома задвигалась и чуть не обрушилась на них. Не протяни Марк вовремя одну из своих лап, Билла непременно задавило бы.

— Как вы можете видеть, мы в лифте, — проскрежетала машина. — Спускаемся вниз, в инкубатор для летучих драконов.

— Что-что? Откуда ты знаешь? Ты же здесь никогда не был.

— Я спросил дорогу. Никто ни в чем не заподозрит такую глупую машину, как эта. Тихо — мы на месте!

После бесконечного звона и грохота, после новых каменных туннелей машина, качнувшись, остановилась. Гряда лома сдвинулась, и под ней стало светлее.

— Задание выполнено, — произнес Марк-1. — Мы проникли в крепость уонккерсов и спустились в логово летучих драконов. Здесь они рождаются на свет и живут. И едят. Едят, разумеется, железный лом. Они расплавляют его, выдыхая пламя. Сейчас я буду разгружаться у них в кладовой. Осторожно — я поднимаю этот обломок, быстро в сторону!

Билл выкарабкался из-под пришедших в движение обломков и прыгнул на каменный пол громадного помещения. Марк-1 спустился вслед за ним; гибкий кабель все еще тянулся от него внутрь сборщика лома. Повинуясь его командам, тот неуклюже двинулся вперед и своим выступающим углом оборвал электрокабель. Плюясь огнем, зашипела дуга, и снова стало тихо. Марк-1 отключился от машины и подошел к Биллу.

— Они увидят, что у него выжжен мозг, но ничего не заподозрят. О том, что мы здесь, никто не догадается. Теперь мы спасем вашего товарища.

— Ты знаешь, где она?

— Могу догадаться. Я засек местонахождение чинджеров, которые, вне всякого сомнения, организовали его похищение. Если мы найдем их, мы найдем и его.

— Ее. О девушках говорят — она, а не он. Звучит заманчиво, — сказал Билл и почувствовал, как у него вдруг застучали зубы. — Но хорошо бы найти ее так, чтобы не наскочить на них.

Они крадучись шли по темным коридорам, мимо открытых дверей, все дальше углубляясь в логово врага.

— Они везде вокруг, — шепнул Марк-1, втолкнув Билла в темную нишу в стене. — Сейчас я вышлю жуков-шпионов.

В груди у него открылась дверца, и маленькие темные существа, похожие на металлических тараканов, пробежали по его ноге вниз и скрылись в темноте.

— Они приступили к наблюдению. Полная комната мягких зеленых существ с четырьмя руками, занятых чем-то непонятным.

— Чинджеры!

— Один жук-шпион движется дальше. Там дракон... ух! На этого кто-то наступил. Докладывает следующий. Запертая решетчатая дверь ведет в комнату. Жук-шпион проходит сквозь решетку. В ярком свете — ваш товарищ, прикованный к стене.

— Эти мерзавцы пытаются ее!

— Не знаю, что это означает. Но она неподвижна. Или спит, или мертва.

— Пошли!

Они двинулись вперед. Билла не оставляли нехорошие предчувствия. Вообще-то это ничего, если только потом поменять штаны.

— Вот эта дверь. Я не стану ее подрывать — лучше отопру отмычкой.

— Замечательно. Давай!

Послышался металлический щелчок, и дверь распахнулась. Они поспешно вошли, Марк-1 закрыл и запер за ними дверь. У Билла перехватило дыхание: он увидел безмолвную фигуру, бессильно повисшую на цепях.

— Мертвая! — простонал Билл.

— Вот и нет, — отозвалась Мита, открывая глаза и зевая. — Но мне тут ужасно неудобно. Очень рада тебя видеть, Билл, милый. Ты можешь что-нибудь сделать с этими цепями?

Она еще не договорила, а Боевой Дьявол уже подскочил к ней и несколькими быстрыми взмахами кусачек освободил ее.

— Мита, познакомься — это Марк-1, Боевой Дьявол.

— Рада с тобой познакомиться, Марк. Спасибо, что доставил сюда моего товарища. А какие у тебя планы на будущее?

— Мы нанесли отвлекающий удар, и нам открыт другой путь бегства. Но подождите секунду. Я слышу какое-то движение в потолке!

Марк отошел в сторону, поднял голову — и в него ударила вылетевшая из потолка оранжевая молния. Боевой Дьявол раскалился докрасна, все его сочленения задребезжали, из него повалил дым. Потом он осел на пол, безмолвный и неподвижный. Это был последний бой Боевого Дьявола.

В дальней стене открылась маленькая дверца, и в комнату вошел чинджер. Билл схватился за бластер.

— И не пытайся, Билл. Хи-хи... это будет самоубийство. Ты под прицелом сотни ружей.

В подтверждение его слов открылось еще несколько маленьких дверец, и оттуда выглянуло множество чинджеров. И столько же ружей.

— Положи его на пол, медленно и осторожно, и вас не тронут.

— Делай, как он говорит, Билл, — сказала Мита. — У тебя нет выбора. Прости, что впутала тебя в эту историю.

Билл стоял в нерешительности, борясь с желанием дорого продать свою жизнь. И при этом как-нибудь остаться в живых. Но нерешительность смерти подобна — в этом он убедился, когда ближайший чинджер взвился в воздух, выхватил у него из руки бластер и перекинул его одному из своих товарищей. Вместе с вырванным ногтем. Билл сунул палец в рот и понял, что дело плохо.

— Хи-хи... — сказал чинджер. — Теперь мы можем сесть и спокойно побеседовать, как в старые добрые времена. Верно, Билл?

— Твой голос мне кого-то напоминает... — Билл удивленно всматривался в него. — Но как это может быть? Я же не знаю ни одного чинджера. Разве что одного — но его уже нет в живых. Трудяга Бигер!

— Хи-хи... Он самый, приятель!

— Да не может быть! Я видел, как огромная змея проглотила тебя на Вениоле — окутанной туманами планете, которая ползает по своей орбите вокруг жуткой зеленой звезды Эрнии...

— Можешь обойтись без подробностей — я ведь там был. Если бы твоя память не пострадала от пьянства и солдатчины, ты бы припомнил, что мы, чинджеры, приходим с плотной, тяжелой планеты. От меня у змеи только брюхо заболело, я открыл ее пасть и даже выломал один зуб, когда выбирался наружу.

Мита попятилась, глядя то на одного, то на другого с выражением ужаса на лице.

— Билл... Ты знаком с чинджером! Значит, ты шпион!

— Хи-хи... Да не волнуйтесь, дорогая леди. Это долгая история, я буду краток. Много лет назад, когда наш общий знакомый был еще новобранцем, я тоже был новобранцем. Шпионом. Билл обнаружил это и выдал меня.

— Ты не мог быть шпионом! Тебя бы сразу распознали!

— Тонкое замечание. Я находился внутри робота-манекена, и остальные манекены ничего не замечали. Да, я давно хотел спросить, Билл, — хи-хи... — а как ты про меня узнал?

— По щелчкам затвора твоей фотокамеры, замаскированной под часы.

Билл решил, что теперь, когда прошло столько времени, уже можно об этом сказать. Во всяком случае, это поможет ему сделать вид, что он готов сотрудничать с чинджерами.

— Хи-хи... Я так и думал. Тебе, может быть, будет приятно услышать, что шпионские фотокамеры новой модели уже не щелкают. Так вот, вернемся к тому, на чем мы остановились в тот жаркий, душный день много лет назад. Мы тогда с тобой беседовали, и ты сказал, что ваша раса — хомо сапиенс — любит воевать. Ты все еще веришь в это?

— Да. И еще сильнее.

— А вы, дорогая леди, принадлежащая к прекрасному полу, хотя и одетая в форму? Почему вы участвуете в этой войне?

— Потому что меня призвали.

— Согласен. Но если бы вас не призвали — вы пошли бы добровольцем?

— Может быть. Чтобы сделать галактику безопасной для человека. В конце концов, это вы, грязные чинджеры, затеяли эту войну и хотите всех нас перебить и съесть.

— Последнее физически невозможно — у нас слишком разный обмен веществ. Но на самом деле мы мирная раса и терпеть не можем насилия. Это вы, люди, воюете против нас.

— И ты полагаешь, что я поверю этой болтовне? — фыркнула она.

— Поверь, — сказал Билл. — Это правда. Вся эта война — сплошное очковтирательство, ее затеяли, чтобы военные сохранили власть, а заводы продолжали работать.

— Хи-хи... То же самое можно сказать обо всех войнах, какие были в истории человечества. С тех пор как мы в последний раз виделись, Билл, я много чего узнал про человечество. Ну и как — хи-хи... — не согласитесь ли вы оба мне помочь?

— Смерть чинджерам! — пробормотала Мита.

— В чем помочь?

— Положить конец этой войне, разумеется. Вам это должно быть по душе, разве нет?

— Знаешь, я теперь вроде как привык к этой работе...

— Хи-хи... Билл, так может говорить только манекен. Я не хочу тебя обидеть, я говорю обо всем вашем обществе. Разве плохо было бы раз и навсегда освободить всех людей, и женщин тоже, от бремени войны? Положить конец всем этим убийствам, мучениям и разрушению? Как вы думаете?

— Я никогда об этом толком не задумывалась. Но нам ведь надо защищаться.

— От кого — или от чего? Давайте я расскажу вам кое-что из новейшей истории — поскольку я сам принимал в ней участие. Садитесь на этот удобный каменный пол и слушайте.

Чинджер с комфортом подперся хвостом, сунул большие пальцы в сумку на брюхе и начал.

ИСТОРИЯ ЧИНДЖЕРА

Я провел молодость, безмятежно занимаясь науками в университете, название которого вы не в состоянии произнести, на родной планете чинджеров, которую вы никогда не обнаружите. В те давние мирные дни, до н.л. — до нападения людей, — жизнь была идиллией, полной наслаждений. Я закончил университет лучше всех в своей группе, и моя семья мной гордилась. Они устроили

большой прием, на который пришли все мои братья — односумочники, как мы говорим. Только братья, разумеется: у нас была мужская семья. Бывают еще женские семьи, средние семьи и ступидагные семьи... но я отвлекся. Сейчас не время говорить о сексе.

После банкета, на котором подавали жареные змеиные ноги — у меня и сейчас слюнки текут от одного воспоминания, — мой старый учитель, да будет вечно благословенна его почтенная седая чешуя, отвел меня в сторону и спросил, кем я намерен стать. Я сказал ему, что подумывал стать преподавателем, но он отговорил меня. «Иди в люди, ящерка, — сказал он. — И попробуй сделать мир лучше». И он был прав. Я открыл свой первый учебник экзопологии и понял, что именно ей хочу посвятить всю свою жизнь. Изучению инопланетных форм жизни. Я получил кандидатскую степень за диссертацию об обитателях болот Вениолы, а докторскую — за разумных жуков-навозников с планеты Какабии. Жизнь была прекрасна. И тогда произошел наш первый контакт с хомо сапиенс.

Я сердцем почувствовал, что это станет моей специальностью. У нас был небольшой поселок на планете Какабии, построенный по соседству с рудником. Я хорошо знал эти места, потому что когда-то работал в близлежащих болотах. Когда пришла субэфирограмма о том, что на планете приземлился неизвестный космолет, я со всех плавников поспешил в городской магистрат и предложил себя в руководители контактной группы экзопологов. Мое предложение приняли. Забежав домой ровно на столько времени, чтобы упаковать свою самообучающуюся машину-переводчика — мы называем ее для краткости СМП, — я сел на первый же космолет, направлявшийся в нужную сторону.

У меня была хорошая команда, высококвалифицированная и полная энтузиазма. В контакт с космическими путешественниками пока никто не вступал: местные жители ждали нас, а тем временем пристально наблюдали за ними. Мы присоединились к группе наблюдателей в их лагере в болотистых джунглях. Только тогда я впервые начал догадываться, что эти инопланетяне — не такие, как все остальные формы жизни, с которыми мы встречались раньше.

«Тдгб, — сказал мне главный наблюдатель, — эти пришельцы — что-то особенное». Он звал меня Тдгб,

потому что так меня зовут, вот почему я назвался кличкой Трудяга Бигер, под которой ты меня знал. Но я отвлекся. Меня предупреждали, чтобы во время первого контакта я соблюдал величайшую осторожность, потому что пришельцы к тому времени убили восемьдесят одну тысячу особей сорока видов. Это меня очень заинтересовало: ведь экзопологи работают только с живыми объектами, а вскрытия производят лишь на особях, умерших от естественных причин. А эти пришельцы сеяли смерть в больших масштабах, и я был в восторге, что смогу изучать такой необыкновенный новый вид.

Будучи предупрежден, я приближался к укреплениям пришельцев с крайней осторожностью, плывя под водой через болото с СМП, герметически упакованной в пластик. Подобравшись так близко, что уже слышались голоса, я установил СМП, включил ее и ретировался. На следующую ночь я извлек записи и убедился, что машина работала безукоризненно, записав много разговоров. Она уже накопила некоторый запас слов и проделала предварительный лингвистический анализ. Я заучивал все наизусть. Спустя две недели СМП сделала свое дело: я чувствовал, что готов вести с космическими путешественниками связный разговор. На следующее утро я с нетерпением ждал восхода солнца у электрического барьера, который окружал их укрепление. Когда они показались, я обратился к ним:

— Приветствую вас, о незнакомцы, что пересекли бесконечные просторы космоса, приветствую вас!

И тут же юркнул за толстый ствол дерева, прячась от града пуль, снарядов и выстрелов из бластеров, которыми, как я и ожидал, осыпали меня. Когда стрельба прекратилась, я совершил вторую попытку:

— Я иду с миром. Я безоружен. Я представляю разумную расу, которая предвкушает дружественный контакт с другой разумной расой.

На этот раз стрельбы было меньше. Когда я еще несколько раз с большими подробностями разъяснил цели моей дружественной миссии, стрельба наконец прекратилась, и какой-то голос крикнул мне:

— Выходи с поднятыми руками — и без всяких фокусов!

— Я не могу поднять руки, потому что у меня нет рук, но вместо этого я подниму лапы. Все четыре,

потому что их у меня четыре. Не стреляйте, дорогие друзья из космоса, я иду.

Как вы можете себе представить, это был волнующий момент — по крайней мере, для меня, потому что среди них мог оказаться какой-нибудь болван, который выстрелил бы в меня. Но служение науке требует риска! Возможность участвовать в первом контакте между разумными расами куда важнее личной безопасности. Я гордо выступил вперед — и тут же распростерся на земле, услышав свист пули.

— Отберите у этого болвана ружье! — послышался голос. — Теперь все в порядке, ящерка, не бойся.

Высоко подняв лапы, я гордо выступил вперед. Как говорится, остальное — уже история. Когда они увидели, какой я маленький, любопытство вытеснило страх, потому что нужно отдать должное человечеству: вы любознательная и разумная раса. Все достали свои камеры и начали фотографировать, потом их вождь потребовал, чтобы его сфотографировали обменивающимся со мной рукопожатием. Что и было сделано, хотя я, к несчастью, пожал ему руку слишком крепко и сломал три пальца. Пока ему делали перевязку, я извинялся, объяснял, что родился на планете с десятикратной силой тяжести и все такое, и он меня простил.

После этого некоторое время все шло хорошо. Мы пригласили их в наш поселок и показали им нашу технику и прочее. Они много записывали и фотографировали, но в обмен почти ничего нам не дали, если не считать чертежей электрических миксеров, автоматических рожков для надевания ботинок, точилок для карандашей и прочего в этом роде. Все остальное, сказали они, — военная тайна. Поскольку оба этих слова были для нас новыми, это нас, естественно, очень заинтересовало. Вскоре после этого они предложили нам выделить делегацию, которая вернется с ними на их родную планету. Мы пришли в восторг, особенно я, назначенный послом. Я подобрал членов делегации, и мы перебрались в их космолет. К тому времени мы уже знали, что обмен веществ у нас и у них совершенно разный, и поэтому взяли с собой, кроме аппаратуры для связи и записи, изрядное количество обезвоженных жуков и других припасов.

Какие незабываемые впечатления! Сразу после старта мы заметили, что они стали с нами более откровенны.

Они отвечали на все наши вопросы, даже самые специальные, и выразили большую благодарность, когда наш физик подсказал им, как усовершенствовать их аппаратуру субэфирной связи. Я был на четырнадцатом небе и готовил наброски своей книги — первой экзопологической монографии, посвященной хомо сапиенсу. Командир космолета, капитан Куиг, предложил мне любую помощь, какая будет в его силах. Я решил, что следует немедленно провести с ним обстоятельную беседу. Вооруженный диктофоном, блокнотом и ручкой, я отправился в его апартаменты.

— Это огромная честь, капитан Куиг, — сказал я. — Даже не знаю, с чего начать.

— Почему бы не начать с того, чтобы звать меня по имени — Чарли? А тебя как звать?

— У нас только одно имя. Мое имя — Тдгб. Меня очень интересуют два слова, которыми вы часто пользуетесь. Что такое «тайна»?

— Это то, что никому не говорят. Что хранят в тайне.

— Но как можно общаться и обучаться, если хранить факты в тайне?

— Очень просто — говорить на другие темы. А тайна есть тайна.

Моя ручка так и порхала по блокноту.

— Очень интересно. А теперь другое слово, которое часто употребляется вместе со словом «тайна». «Военная».

Он нахмурился.

— Зачем тебе это знать?

— Зачем? А почему нет? Мы спрашивали про многие вещи, и нам отвечали, что это военная тайна. Оба понятия нам неизвестны.

— Вы не храните тайн?

— Мы не видим в этом смысла. Знания — всеобщее достояние, и доступ к ним должен иметь каждый.

— Но ведь у вас есть армии и военный флот?

О, как летала по блокноту моя ручка!

— Нет — на первый вопрос, нет — на второй. Значение этих слов нам неизвестно.

— Тогда я сейчас объясню. Армия и флот — это большие группы вооруженных людей, которые защищают своих близких от злых врагов.

— А что такое враги? — спросил я, чувствуя, что перестаю его понимать.

— Враги — это другие группы, страны, народы, которые хотят отобрать у тебя твою страну, землю, свободу. И убить тебя.

— Но кому же это может понадобиться?

— Врагам, — мрачно ответил он.

Я не знал, что сказать, — редкий случай для чинджера, получившего хорошее образование. В конце концов я более или менее собрался с мыслями и заговорил:

— Но у нас нет врагов. Все чинджеры, разумеется, живут в мире с другими чинджерами, потому что думать о том, чтобы причинить вред другому, означает, что и другой может подумать о том, чтобы причинить вред тебе, а это немыслимо. Во время наших путешествий к другим мирам мы еще ни разу не встречали разумного вида. Мы изучаем виды, которые находим, оказываем им помощь, если можем, но до сих пор не обнаружили ни одного врага. — В этот момент меня внезапно осенила ужасная мысль, и я, едва не лишившись дара речи, с трудом выдавил: — Ведь вы, люди, не враги нам, правда?

— Конечно, нет, — громко засмеялся он. — Мы любим вас, маленьких зеленых ящерок, в самом деле любим.

— И мы, разумеется, вам не враги, — заверил я его. — Это невозможно хотя бы потому, что до этой минуты нам было неизвестно само это слово.

Я решил оставить эту странную и щекотливую тему в покое и перешел к другим вопросам, которые меня интересовали. Вернувшись к своим товарищам, я рассказал им, что такое «военный» и «тайна», а потом и «враги», и они пришли в такое же недоумение, как я. Эти чуждые нам представления инопланетян были нам абсолютно непонятны. Наш физик высказал предположение, не заражено ли человечество некоей болезнью, которая заставляет их видеть врагов там, где никаких врагов нет. Это понятие было нам более доступно. Мы даже обрадовались, потому что если так, мы могли бы помочь им найти средство от этой болезни. В таком радостном настроении мы приземлились на планете людей, которая называлась Спьюенте.

Это может показаться образованному слушателю наивным, но это чистая правда. Мы постоянно сталкивались с понятиями, которые разум неспособен переварить, и из-за этого у нас время от времени случались

припадки несварения мозга. Однако наши исследования неожиданно пришли к концу. Один из нас оказался крндлом. Это термин, имеющий отношение к сексуальной жизни и к особенностям строения нашего организма, он слишком сложен, чтобы пытаться его сейчас объяснить. Но это означает, что такой чинджер должен не позже определенного времени вернуться на нашу планету, в наше общество. Когда мы объяснили это нашим хозяевам, они пришли в большое волнение и удалились.

Это не смутило моих товарищей. Это смутило меня. Я уже начал составлять представление о психологии хомо сапиенс — и она мне не нравилась. Тогда это были еще только смутные подозрения, и я не стал делиться ими с товарищами, так они были невероятны. Впрочем, у меня не осталось на это и времени: нас сразу же пригласили в зал заседаний на третьем этаже здания, где мы работали. Из людей там был только капитан Куиг, и он был чем-то очень взволнован.

— Ничего не поделаешь, надо — так надо, — сказал он загадочно. — Мне очень жаль.

— Чего вам жаль? — спросил я.

— Вообще жаль. Я в самом деле полюбил вас, зеленые ящерки, в самом деле полюбил.

Когда он это сказал, я понял, что оправдываются самые худшие мои опасения. Я сказал товарищам, что нужно немедленно спасаться бегством, но они были слишком потрясены и не поняли меня. Поэтому выжил из всех я один, выбросившись в окно как раз в тот момент, когда распахнулись двери и началась стрельба.

Задним числом мне ясно, что когда мы согласились лететь вместе с людьми, это означало, что нам никогда не вернуться назад. Нам были открыты тайны, в том числе и военные, которые следовало хранить в тайне. А сделать это можно было только одним способом — убив нас.

Размышляя обо всем этом и сокрушаясь о гибели своих товарищей, я ломал голову над тем, как мне выбраться с этой планеты, чтобы предостеречь своих соплеменников — чинджеров. Это оказалось очень трудно, потому что все космолеты перед стартом подвергались тщательному досмотру. Тогда мне и пришла в голову мысль переодеться человеком. Мой первый робот-манекен был не столь совершенен, как Трудяга Бигер, но и

в таком виде я уже смог смешаться с толпой людей в дождливую ночь. Эта толпа оказалась группой призывников, которых отправляли на войну, и они были так поглощены собственными горестями, что не обратили никакого внимания на мою довольно-таки необычную внешность.

Вскоре после этого началась война. Как только мы вышли в космическое пространство, я через стену вошел в радиорубку — привычка к десятикратной силе тяжести имеет свои преимущества — и дал субэфирогранму домой. Ей поверили, потому что к тому времени люди, обнаружив наши поселения, начали нападать на них. Во всякой войне участвуют две стороны. Нам предстояло либо покориться, либо сопротивляться. Скрепя сердце, мы сделали свой выбор.

Глава 11

— И ты думаешь, мы всему этому поверим? — насмешливо спросила Мита.

— Это правда.

— Да вы, четверорукие прохвосты, не знаете даже, как это слово пишется!

— Знаем. П-р-а-в-д-а.

— Кончай свои шуточки, приятель. Чтобы я поверила в эту хреновину? Что ваша шайка — самая честная, искренняя и справедливая, а мы, люди, — обманщики и поджигатели войны?

— Это вы так сказали, а не я. Хотя мне кажется, что это довольно точное описание ситуации, я его запомню. Я не говорил, что мы, чинджеры, — идеал. Вовсе нет. Но мы не говорим неправду и не затеваем войн.

— Мне ты сказал неправду, — заявил Билл. — Когда был шпионом.

— Смиренно принимаю поправку. До тех пор пока мы не встретились с вами, людьми, мы не говорили неправды. Теперь, естественно, говорим. Это одна из издержек тотальной войны. Но войн мы все-таки не затеваем.

— Все вранье, — фыркнула Мита. — По-твоему, я должна поверить, что если мы завтра перестанем воевать, вы так просто уйдете восвояси?

— Безусловно.

— А может, вы нападете внезапно, стоит нам отвернуться, и нанесете превентивный удар? Перебьете нас первыми?

— Заверяю вас, что мы этого не сделаем. Такое предположение, которое вы так охотно принимаете, нам совершенно чуждо. Мы воюем, когда нас к этому вынуждают, чтобы выжить, в порядке самозащиты. Мы неспособны вести наступательную войну.

— Война есть война, — сказал Билл. Ему показалось, что это разумная мысль.

— Конечно же, нет, — горячо возразил Трудяга Бигер. — Война — это борьба за власть. Она существует только ради себя самой. А цель власти — власть. Ты помнишь, Билл, как нас обучали, когда мы были призывниками? Власть — это когда разум человека раздирают в клочья, а потом снова склеивают их уже по-новому, как надо.

— Ну, хватит теорий, — прервала его Мита. — Что теперь будет с нами?

— Я хочу заручиться вашей помощью, как я вам уже сказал. Я хочу, чтобы вы помогли мне покончить с этой войной.

— Почему? — спросил Билл.

Чинджер в ярости запрыгал на месте, оставляя глубокие следы на каменном полу.

— Почему? Да ты что, ни хрена не слышал из того, что я сейчас говорю?

— Полегче, приятель, — сказала Мита. — Билл хороший парень, только слишком долго служит в армии, конечно, у него в голове немного помутилось. Я знаю, о чем ты говоришь. Ты хочешь устроить нам промывание мозгов, чтобы мы с тобой согласились, вернулись и положили конец войне, а вы чтобы смогли тайно напасть и нас всех перебить. Так?

Чинджер в ужасе отступил назад, поглядел на нее, потом на него и, не веря своим глазам, заломил все четыре лапы.

— И вы выдаете себя за разумную расу? Я просто не знаю, что с вами делать.

— Отпустить, — откликнулся практичный, как всегда, Билл.

— Ну, нет, пока вы не начнете хоть кое-что соображать. Есть ли у нас шансы справиться с остальной вашей расой, если я не сумею посеять даже самое

малое семя сомнения в ваш сопротивляющийся ум? Неужели эта война будет длиться вечно?

— Если дать волю военным, то будет, — ответил Билл, и Мита кивнула в знак согласия.

— Я должен выпить глоток воды, — сказал Трудяга Бигер. — Или чего-нибудь покрепче.

И он, шатаясь, вышел. Как только дверца за ним закрылась, Билл и Мита повернулись и кинулись к выходу из комнаты в туннель. Но несмотря на потрясение, Трудяга Бигер не совсем перестал соображать. С потолка с ужасным грохотом упала стальная решетка, которая преградила им путь.

— Мы в ловушке, пропали без вести, забыты и, можно считать, уже мертвы, — сказал Билл.

Мита нехотя кивнула.

— Примерно так.

— Не отчаивайтесь, — произнес металлический голос. Они обернулись и увидели, что Марк-1, Боевой Дьявол, зашевелился.

— Ты жив! — воскликнул Билл. — Да ведь тебя убило током и поджарило!

— Это они должны были так подумать. На самом деле справиться с Боевым Дьяволом не так просто. Мой мозг запрятан в герметичный свинцовый контейнер, который находится там, где должна бы быть задница. Голова — это только для виду. Я только притворился, будто меня поджарили. В надежде, что они про меня забудут. Так и вышло. Я дождался подходящего момента...

— То есть сейчас!

— Угадали. Вот сюда, к загону, где живут драконы, — там мы приведем в действие наш план.

— Какой план?

— План, который я разработал, пока слушал эту мерзкую пацифистскую болтовню. Если бы не было войны, то не нужны были бы Боевые Дьяволы. Что бы я стал делать, если бы вдруг разразился мир? Кончил бы свои дни, ржавея без дела где-нибудь в очереди за бесплатным маслом вместе с остальными безработными машинами. Да здравствует война! Вот сюда.

Он направился ко входу в ближайший туннель. Билл с Митой радостно последовали за ним. Там они натолкнулись еще на одну металлическую решетку, которая рассыпалась, открыв им путь, после того как Марк направил на нее точно рассчитанный импульс энергии.

— Теперь пошевеливайтесь, пока эти зеленые не очухались.

Марк-1 набрал скорость, и людям, чтобы не отстать, пришлось пуститься бегом, задыхаясь и пошатываясь. Пот, выступивший у них на лицах, стекал в глаза и мешал видеть. Настолько, что, когда Боевой Дьявол остановился, они по инерции налетели на него.

— Ждите здесь, чтобы никто вас не видел, — приказал Марк-1. — А я пока добуду нам какое-нибудь средство передвижения.

Он сунул голову в ближайшую дверь.

— Есть тут драконы? А, вижу. Привет, ребята. Кто может одолжить мне огонька? Вот ты, громадина, ты на вид самый горячий.

Язык дымного пламени окутал Боевого Дьявола, который удовлетворенно кивнул.

— Вполне годится. Пойдем-ка со мной. Спасибо.

Марк-1 вышел в коридор в сопровождении сверкающего крылатого создания огромной длины. Он подождал, пока весь дракон выползет наружу, и закрыл за ним дверь.

— Где тут нужен огонь? — спросил дракон. — Погоди-ка, никак это люди — те самые, с которыми мы воюем?

— Они самые!

— Хочешь, я их поджарю? — Дракон быстро сделал глубокий вдох и на секунду задержал свое пламенное дыхание. Глаза его горели, и видно было, как ему не терпится что-нибудь поджечь.

— Да нет, пожалуй. Я другого хочу — чтобы ты почувствовал, как ствол упирается тебе в левое ухо. Дошло? Если да, кивни. Отлично. Теперь делай, что я скажу, иначе отстрелю тебе голову напрочь. Договорились?

— Да-да! А в чем дело?

— Просто ты только что перешел на сторону противника. Сейчас ты вывезешь нас отсюда и доставишь к нашим, где тебя щедро вознаградят. Идет?

— Идет. У нас поговаривали, что когда чинджеры в последний раз послали нас в набег, в живых никого не осталось. Так что долго уговаривать меня не надо. Залезайте. Мы выберемся отсюда через черный ход — в это время дня там никого не встретишь.

Марк-1 первым вскарабкался на спину дракона и уселся на его чешуйчатом гребне. Просверлив несколь-

ко дыр и прочно прикрепив себя болтами, он позвал остальных:

— Поехали. Дорога будет тряская, так что я буду держать вас в своих стальных объятьях.

Из коридора, оставшегося позади, раздался чей-то хриплый окрик, и какой-то снаряд, пролетев над головой дракона, разорвался, ударившись о стену. Билл и Мита на много секунд улучшили межзвездный рекорд по скорости влезания на спину дракона. Они еще не успели добраться до верха, как дракон, покачнувшись, ринулся вперед. Марк-1 лишь в последнюю микросекунду успел подхватить людей, как он уже соскользнул вниз по залитому маслом покатоному полу, вылетел на воздух и, хлопая крыльями, понесся прочь.

— Я связался с нашими по радио, — крикнул Марк-1, перекрывая свист ветра, — чтобы нас встретили, как полагается. Ну и денек сегодня выдался!

Однако денек еще не кончился. Их бегство не осталось незамеченным. Наоборот, оно осталось очень даже замеченным: в крепости пробили тревогу. Вдогонку за ними полетели языки пламени и волны силовых полей высокого напряжения. Дракон сложил крылья и камнем полетел вниз. Воздух над их головами затрещал и задымился под испепеляющими лучами энергии. Еще бы немного, и она испекла бы им мозги. У Миты обгорели волосы. Но они оказались уже вне досягаемости огня из крепости, и теперь беспокоиться было не о чем, если не считать угрозы неминуемой гибели от падения на камни на дне ущелья, несшиеся им навстречу.

Впрочем, беспокоиться все-таки было о чем и помимо этого. К ним приближались ракеты с тепловым, радарным и звуковым наведением. Но Боевой Дьявол в самом деле оказался очень даже боевым, и эта атака была ему нипочем. Леденящее дыхание холодного луча отвело от него боеголовки с тепловым наведением, антирадар сбил с пути радарные ракеты, — оставались только самонаводящиеся на звук, которые не так просто было обмануть. Однако и это оказалось по плечу Марку-1. Его брюхо распахнулось, и из него выдвинулся громкоговоритель, издавший громогласный звук вроде колоссального пука. Ракеты закувыркались и рухнули на землю. Дракон вместе со своими пассажирами тоже чуть не рухнул на землю, но в последний момент распростер крылья и

вышел из пике с 11-кратной перегрузкой. Когти его, царапнув по камням, высекли искры.

Выворачившись, дракон быстро полетел к устью ущелья. Марк-1 напевал про себя какой-то воинственный марш, а Билл и Мита с трудом приходили в себя после всего этого пекла, падения и грохота.

— Мы не одни, — сказал Боевой Дьявол, показывая назад. Дракон выпучил один глаз, направил его назад и втянул носом воздух.

— Всего только стая летучих драконов, — презрительно фыркнул он и выдохнул клуб дыма, прочищая горло.

Билл задохнулся дымом, откашлялся, покрасневшими глазами оглянулся назад и увидел в небе множество преследующих их драконов.

— Они сейчас догонят нас! И сожгут дотла!

— Еще чего, — рыгнул дракон. — Это мои братья, мы все из одной кладки. Летать они ни хрена не умеют. Все, кто умел, погибли во время того набега, в который послали их чинджеры.

— Но если ты такой летун, то ты-то как уцелел, а не погиб вместе с ними?

— Я не был в набеге. У меня в тот день случилась изжога.

— А от тех драконов, что летят нам навстречу, ты тоже можешь уйти?

— Ну, нет. Это патруль, они возвращаются из набега. У них форсированные двигатели. Держитесь крепче — я попробую оторваться от них в этом лабиринте ущелий.

Они изо всех сил вцепились в его шкуру. Билл зажмурился и застонал. Дракон нырял под нависающие карнизы, закладывал крутые виражи и чуть не свалился в нефтяное озеро. Пыхтя, как паровоз, он выскочил из последнего ущелья на открытую местность. Перед ними простиралась обширная равнина.

— Горючее... кончается... — прохрипел он и вместо пламени выдохнул облако угарного газа.

Марк-1 выдвинул электронный телескоп, поглядел назад, потом направил его на землю.

— Все в порядке, — сказал он. — Мы от них оторвались. Приземляйся вон там, в трех румбах слева от курса. Там нефтяной фонтан, который бьет из угольных пластов.

— Ого! — прохрипел дракон. — Самое время... заправиться.

Приземление было не из самых удачных. Дракон зашел на посадку носом вниз, ткнулся в землю и перекувырнулся. Но у Марка-1 были стальные нервы — он держался до последнего мгновения, а потом спрыгнул, крепко держа Билла и Миту. Несколько раз ловко перевернувшись через голову, он оказался на ногах.

— Теперь... можешь отпустить, — сказала Мита, бившаяся в его стальных объятьях.

— Вы правы, простите.

Билл упал на землю, откатился в сторону, и его тут же стошнило.

— Прибери потом за собой, — без особого сочувствия сказала Мита. — Где мы?

— Представления не имею, — ответил Марк-1, поворачивая телескоп во все стороны. — Из-за этих виражей я потерял ориентировку. Но это неважно — главное, что мы оторвались от погони. Сейчас заправим этого полудохлого дракона, а потом я попробую засечь какой-нибудь радиомаяк.

Боевой Дьявол, все еще в отличной боевой форме, рысью подбежал к ближайшему выходу угольного пласта и обрушил на него сокрушительный залп своей артиллерии. Когда пыль осела, он набрал полную охапку битого угля и принес ее. Дракон лежал неподвижно, распростертый на земле, вытянув шею. Глаза его были закрыты, и только легкий дымок поднимался у него из ноздрей.

— Раскройте ему пасть, я его раскопечарю, — сказал Марк-1.

Билл изо всех сил тянул с одной стороны, Мита с другой, и в конце концов челюсти дракона со скрипом разверзлись. Марк-1 принялся забрасывать в пасть уголь, запихивая его как можно глубже в глотку, а потом сунул голову в пасть и выстрелил электрическим разрядом. Уголь начал разгораться. Марк-1 вытащил голову и захлопнул пасть. В скором времени сквозь зубы дракона повалил дым. Он застонал и сделал глубокий вдох.

— В самое время успели, — удовлетворенно сказал Боевой Дьявол, очень довольный собой.

— Замечательно, — согласился Билл. — Когда кончишь восхищаться собой, залезь-ка на какое-нибудь высокое место и засеки радиомаяки, про которые ты говорил.

Пока Марк-1 карабкался на скалу, которая возвышалась поблизости, они сидели в полном изнеможении на невысокой рыжей песчаной дюне. Мита первая пришла в себя и обняла Билла одной рукой, нежно прижав его к себе.

— Как романтично: этот зеленый рассвет, эта рыжая дюна...

— И этот раскаленный докрасна дракон, который отдает концы у наших ног. Бросьте, старшина-механик первой статьи, вам не положено вступать в близкие отношения с офицерами.

— А офицерам еще больше не положено сопротивляться женским чарам. Посмотри-ка.

Она медленно расстегнула молнию своей форменной куртки, и его взору открылось розовое великолепие. Билл, загоревшийся страстью не хуже дракона, подался вперед и протянул руки, но в этот момент появился Боевой Дьявол.

— Какой интересный способ совокупления. Продолжайте, прошу вас, это очень любопытно.

— Нечего подглядывать, железяка ты такая, — недовольно фыркнула Мита, вставая и застегивая куртку. — Что ты тут делаешь? Ты должен торчать наверху и засекать радиомаяки.

— А я один засек. Очень слабый, вон в той стороне. Похоже, мы в Пустопорожней стране — на неисследованной территории, где нет ничего, кроме вулканов, землетрясений, оползней и зыбучих песков.

— Чудно. Так давай будить эту спящую красавицу и сматываться отсюда.

Услышав ее слова, дракон чуть шевельнулся и прокрипел:

— Нефти...

— Сейчас, — отозвался Марк-1, кинувшись к ближайшей луже нефти. Он погрузил в нее высунувшийся откуда-то изнутри шланг и засосал в себя изрядное количество. Когда он вернулся, дракон с трудом раскрыл пасть, и Боевой Дьявол направил струю нефти ему в глотку. Откуда-то изнутри дракона послышался приглушенный звук вспышки, и из его ноздрей выбросился огонь.

— Так-то лучше, — сказал он, сев и изрыгнув язык пламени. — Я всегда говорил, что самое главное — сохранить жар души. Что дальше?

— Летим вон туда, — показал Марк-1. — Как только ты будешь в состоянии.

— Долго ждать не придется. Насколько можно судить по вкусу, это первосортный антрацит и нефть наилучшего качества. Сейчас вернусь.

Дракон неуклюже подошел к выходу угольного пласта и принялся отгрызать целые глыбы, запивая огромными глотками нефти. Очень скоро уголь кончился, а нефтяное озеро иссякло. Дракон попробовал помахать крыльями и выдохнул длинный язык пламени.

— Все в норме, давление в котле выше марки, я уже разгорячился, как бык перед случкой. Хорошо еще, что поблизости нет ни одной драконихи. А вообще-то ты тоже ничего себе, мой ржавенький!

Марк-1 поспешно откатился назад, выставив все свои пушки.

— Никакого межвидового секса, ты, перегретая летучая машина! К тому же мы, Боевые Дьяволы, все равно размножаемся вегетативно, так что и не думай!

Дракон, надувшись, пыхнул огнем и неохотно велел всем садиться. Чешуя у него была такая горячая, что жглась, но остыла, как только они поднялись в воздух. До отказа насыщенный энергией, дракон набрал скорость и понесся к горизонту.

— А что это там, впереди? — спросил Билл, морщась от встречного ветра.

— Хоть убейте, не знаю, — пожал плечами Марк-1. — Никогда в этих местах не был. Похоже, какое-то громадное плато поднимается над пустыней.

Приблизившись, они увидели, что это какое-то громадное плато, которое поднималось над пустыней. Дракон сделал несколько кругов в восходящем потоке у края плато, набирая высоту. Оказавшись над плато, они с удивлением заметили, что оно покрыто зеленым пологом растительности.

— Не нравится мне это, — сказал Марк-1.

— И мне не нравится, — проскрипел дракон и вдруг издал стон боли: с плато взлетело множество снарядов, и его чешуйчатая шкура покрылась разрывами.

— Меня подбили! — вскричал он, и левое крыло у него отлетело прочь. — Мы падаем!

Глава 12

— Это конец? — прохрипел Билл, видя, как несет-ся навстречу зеленая земля.

— Боевые Дьяволы умирают со смехом — и с песней, несущейся из их динамиков. Йо-хо-ти-ти-хо-хо!

— Поцелуй меня, Билл, как следует!

С невероятным треском и грохотом дракон рухнул в джунгли, потому что зеленый полог на земле оказался джунглями. От его веса ломались огромные ветви, натягивались и лопались толстые лианы. Вниз и вниз, все медленнее и медленнее падали они сквозь пышную листву, которая расступалась перед ними, замедляя их падение. Наконец лопнула последняя гигантская лиана, и они мягко свалились в высокую траву.

— Неплохо, — сказала Мита, легко соскочив со спины дракона на твердую землю. Остальные последовали за ней и стояли, сочувственно глядя на дракона, который мрачно тыкал когтем в валявшиеся на земле остатки крыла.

— Не так просто... летать с одним крылом, — всхлипнул он, преисполнившись жалости к самому себе, и черная, маслянистая слеза, набрякшая в уголке его глаза, с плеском шлепнулась на землю.

— Не горюй, старина, — сказал Марк-1 с сочувствием, но без особой жалости, выдвигая изнутри себя пушку большого калибра. — Гибель дракона — всегда трагедия. Закрой глаза, и ты ничего не почувствуешь.

Наше спасение — самое лучшее, что ты сделал за всю свою жизнь. Вечный отдых, который тебе предстоит, — самое лучшее, что ты...

— А ну, убери свою хлопушку, сладкоречивый старый мерзавец! — вскричал дракон, становясь на дыбы и пятясь. — Уж слишком ты скор на расправу. — Он сунул себе в пасть отломанное крыло и принялся жевать. — Через неделю-другую у меня отрастет новое. А пока я отлетался.

— И мы тоже, — сказала Мита, оглядывая окружавшие их густые заросли. — Во всяком случае, это выглядит куда уютнее, чем весь этот песок, железо и нефть...

— Ох! — охнул Боевой Дьявол, содрогнувшись и отшвырнув в сторону сломанную ветку, которую поднял было с земли. — Какой ужас! Вся эта мягкая, склизкая масса полна воды! Все это плато пропитано ядом! Мы заржавеем, погибнем от коррозии, развалимся в муках...

— Заткнулся бы лучше, — недовольным тоном предложил дракон, откусив и проглотив кусок ветки. — Это прекрасно горит. Просто надо не забывать смазывать как следует конечности и смотреть, куда садишься.

У Билла заурчало в животе, и он кивнул в знак согласия.

— Если нам придется ждать здесь неделю-другую, надо будет найти пищу и воду.

— Вся эта мягкая мерзость содержит воду, — сказал Марк-1, ковырнув ногой дерн и содрогнувшись. — Если вы можете ее есть...

— Когда мне понадобится совет по гигиене питания от железного недоумка, я скажу, — перебила его Мита, круто повернувшись. — Пойдем, Билл, поищем что-нибудь подходящее. Фрукты, овощи...

— Что вы найдете, так это тех злодеев, которые нас сбили, — злорадно сказал Боевой Дьявол. — Мы, железные недоумки, посидим тут, пока вы будете бродить среди этой мерзкой гадости. И можете не спешить обратно.

Мита показала ему язык, взяла Билла под руку, и они двинулись по какому-то подобию тропинки.

— Боевой Дьявол прав, — мрачно сказал Билл. — Кто знает, какие немыслимые ужасы таятся в этих джунглях?

— У тебя же есть бластер — отстреляешься, — возразила практичная Мита.

— Его отобрали чинджеры. А твой?

— Тоже. Погоди, у меня появилась идея.

Она пошла назад, а Билл принялся грызть ногти, прислушиваясь к звукам, доносившимся из джунглей. Он уже добрался до мизинца, когда она вернулась и протянула ему какое-то оружие необычного вида.

— Так я и думала. Боевой Дьявол так напичкан огнестрельным оружием, что ему ничего не стоит расстаться с парой стволов. Это молниемет. Надо только прицелиться и нажать на красную кнопку, что торчит сверху.

— Отлично, — сказал он, отстрелив верхушку у ни, в чем не повинного дерева. — А что у тебя?

— Гравитационный луч. Он утраивает массу всего, во что выстрелишь. Лишает его подвижности, пока заряд не рассосется.

— Солидная штука. Теперь нам бояться нечего.

— Ну, если говорить честно, то не совсем, — сказал показавшийся из-за кустов краснокожий человек, направив на них длинный пистолет зловещего вида. — Буду вам очень обязан, если вы отдадите мне эти железки и тем самым обеспечите свою безопасность. Как джентльмен-южанин даю вам слово, что не причиню вам вреда.

Мита, не желая сдаваться без боя, отпрыгнула в сторону, подняла свое оружие — и почувствовала, что в горло ей упирается кончик меча.

— Одно движение вашего нежного розового пальчика, мадам, и ваше дело в шляпе. Бросьте его на землю.

Пистолет в другой его руке по-прежнему был направлен на Билла. Выбора не оставалось. Отшвырнув ногой их оружие подальше в сторону, краснокожий человек сунул меч в ножны, опустил пистолет и вежливо поклонился.

— Добро пожаловать в Бартрум*, — сказал он с мягким южным акцентом. — Обычно чужаков здесь не слишком любят, так что могу вас поздравить — вам очень повезло, что вы повстречались со мной. Я майор Джонкарта из вооруженных сил бывшей Конфедерации, и родом я из Виргинии. И хотя я, может быть, и похож на жителя этой планеты, я не из их числа. Я прибыл сюда с далекой планеты. За мной гнались аборигены, я

* *Здесь и далее* — намек на цикл романов Э. Берроуза о Марсе: Бартрум — Барсум, Джонкарта, виргинский джентльмен — Джон Картер из Виргинии и т. д.

нашел убежище в пещере, где и заснул. Полагаю, тут не обошлось без колдовства, потому что мой дух оставил мое тело и оказался здесь...

— Да, крепкая была травка, которой вы накурились, — сказала Мита. — В этой галактике видимо-невидимо психов, которые себя за кого-то выдают. У кого мать оплодотворил какой-нибудь бог, кого подменили эльфы, кого выкрали у царственных родителей...

— Вы что, психоаналитик? — обиделся было Джонкарта, но тут же просиял: — Дорогая моя, если вы в самом деле специалист по психологии, то у меня, доктор, в последнее время бывают очень странные сны...

— Я старшина-механик первой статьи Мита Тарсил. Друзья зовут меня просто Мита — и вы можете войти в их число, если перестанете нести всю эту мистическую чушь.

— О, считайте, что уже перестал, дорогая Мита! Мне очень нравится ваша могучая фигура...

— А мне тут сказать дадут? Я младший лейтенант Билл из Космической пехоты.

— Очень рад за вас, такой замечательный чин! Ну что ж, добро пожаловать.

Покончив с представлениями, они получили возможность разглядеть друг друга как следует. Джонкарта не сводил глаз с Миты — на нее было куда приятнее смотреть, чем на Билла, который становился чем дальше, тем грязнее. Мита была того же мнения и со все возрастающим интересом разглядывала пришельца. Он был высок, широкоплеч и очень краснокож — там, где его кожу не закрывала одежда, которой на нем не было. Вместо одежды на нем было что-то вроде упряжи, как у лошади — с пряжками, всяческими украшениями, болтающимися кинжалами и прочим снаряжением. Собственно говоря, одеждой как таковой можно было назвать только замысловатые, все в заклепках, мини-плавки. «Не пустые», — заметила она про себя, сверкнув глазами. Кожаные ботинки, переливающиеся под кожей мышцы, изысканные манеры — в общем, будет о чем написать домой мамочке. Впрочем, этого она делать не станет: того и гляди, мамочка заинтересуется им сама.

— Ну ладно — насмотрелись, а теперь расскажите мне, что вы здесь делаете, — сказал Джонкарта.

— Нас сбили, — ответил Билл. — Вы к этому имеете какое-нибудь отношение?

— Как в воду глядели, приятель. Я сам это и сделал из вот этого моего радиового ружьишка. На нашем плато крепко не хватает сырья, так что стоит какой-нибудь летучей машине залететь к нам, как мы ее сбиваем. А из металла делаем мечи, ружья, ножи, бомбы — ну, сами понимаете.

— Еще бы, — сказала Мита. — И, наверное, еще остается на сыроторки, мясорубки, саксофоны и погребушки?

— Восхищен вашим остроумием, дорогая Мита. Только мясорубками не повоюешь.

— А не скажете ли вы нам, смутлячок, с кем — или с чем — вы воюете?

— Отчего же, с удовольствием. На этом плато живут два разумных вида. Один из них, ясное дело, куда разумнее, чем другой. Здесь есть краснокожий народ Бартрума и отвратительные, мерзкие и вонючие зеленые человечки Бартрума. Эти отталкивающие существа легко опознать даже в темноте — не только по запаху, но и по тому, что у них по четыре лапы. И клыки, в точности как у вас, Билл. Что наводит меня на кое-какие подозрения.

— Посчитайте мои руки! — сердито сказал Билл. — А четыре лапы и зеленая шкура — это очень похоже на чинджеров. Может быть, они им приходится родственниками.

— А могу я спросить, кто такие эти чинджеры?

— Враги, с которыми воюем мы.

— Воюете? Ай-яй-яй! Только не говорите мне, что вы воюете с ними погребушками и мясорубками. — С этими словами он подмигнул Мите, которая в ответ сморщила нос.

— В общем, у нас своя война. Это не значит, что нам она нравится.

— Ну, я ничего против своей не имею. Я потомок многих поколений воинов...

— Послушайте, — сказал Билл, повысив голос, чтобы заглушить громкое бурчанье в пустом животе. — С тех пор как мы в последний раз ели, прошло очень много времени. Не могли бы мы продолжить беседу за обедом — если только вы знаете, где тут можно раздобыть обед?

— Нет проблем. Пищи в достатке — как только вы запишетесь в добровольцы.

— Так и знал — всегда есть какая-нибудь зацепка.

— Никакой зацепки. Вот, взгляните на этот аппетитный кусок мяса.

Он отцепил от своей упряжи кожаную сумку и вынул из нее копченый окорок тоута.

— Могу предложить краткосрочный контракт. Всего одна вылазка, и вы получаете почетную отставку. К тому же это будет спасательная операция.

— Я уже записалась, — сказала Мита, протянув руку к мясу. — Давайте сюда!

— И я!

Но Джонкарта отдернул руку с мясом и сделал шаг назад, наполовину вытащив меч из ножен.

— Одну минуту, прошу вас. Сначала присяга. Положите правую руку на сердце — у вас есть сердце? Хорошо. Повторяйте за мной. Клянусь Великим Эмболизмом, властителем солнц и звезд, хранителем Бартрума, покровителем краснокожих, врагом зеленых, верной гибелью белых обезьян, подателем благ и всеобщим защитником, что я буду верен Джонкарте с Бартрума и всем, кто служит под его началом, буду повиноваться всем приказам и принимать душ не реже раза в неделю.

Они повторяли за ним, захлебываясь слюной, набегавшей у них от запаха сочного мяса тоута, и жадно схватили ломти, которые он отрубил своим мечом.

— Отличная закуска, правда? Сам коптил. А пока вы жуете, я объясню вам, что мы должны сделать. Дело в том, что принцесса Дежа Вю *, в которую я страстно влюблен, возвращалась с воздушной фабрики, где делают весь воздух для этой планеты, когда на нее и на ее свиту напала банда мародеров — злобных зеленых во главе с самым злобным из них по имени Тарс Тукус. Всех ее спутников предали ужасной смерти, ее верхового тоута убили — вы как раз съели по кусочку его мяса, я решил, что не пропадать же добру, — а ее похитил этот Тарс Тукус вместе со своей гнусной шайкой.

— А вы при этом присутствовали? — спросил Билл, не подумав.

— Нет. К своему отчаянию, я прибыл на место происшествия слишком поздно — иначе из этих мерзавцев никто не остался бы в живых. Все, что случи-

* Дежа Вю — «уже виденное». Психологический термин, означающий появление у человека ощущения, будто происходящее с ним уже имело место в прошлом.

лось, я прочел по их следам на мху, не сохраняющем следов, ибо я великий охотник и следопыт. Никто другой не смог бы найти следы на мху. Только я, вскормленный воинами-апахами...

— А может, хвастовство отложим на потом? — взмолилась Мита.

— Вы правы, мэм, приношу свои извинения. На чем я остановился?

— На том, как вы шли по следам, которые оставили эти зеленые похитители девушек на мху, не сохраняющем следов.

— Ну да, конечно. Я не мог напасть на их лагерь в одиночку и возвращался в город Метан за подкреплениями, когда услышал ваши голоса. Заручившись вашей помощью, я сэкономлю много дней пути, и мы застанем их врасплох.

Мита проглотила последний кусок и вытерла руки о высокую траву.

— А запить что-нибудь есть?

— Конечно, мэм. — Он протянул ей свою кожаную фляжку, и она сделала большой глоток. — Это квеч, он делается из перебродившего молока тоутов.

— И вкус у него как раз такой, — с отвращением сказала она и сплюнула. — Сколько там этих зеленых, с которыми нам драться?

— Один, два, много. Я не большой мастер считать. Вот убивать — другое дело.

— Один-два — еще куда ни шло, — сказал Билл, давясь квечем. — С этим мы справимся. Но если их больше — скажем, много, — нам может понадобиться помощь. Вам бы лучше всего завербовать нашего приятеля, который остался там, позади, — Марка-1, Боевого Дьявола.

— Это поистине омерзительное и опасное существо, потому я и решил держаться от него подальше. Он ваш металлический раб?

— Ну, не совсем. Но он нас слушается. Подождите здесь, я его приведу.

Дракон, который подъел все обломанные ветки и с довольным видом отдувался зеленым дымом, теперь принялся за свисающие лианы; одна из них свисала у него изо рта, как спагетти. Он лениво помахал лапой Биллу и сломал себе еще одну лиану.

Боевой Дьявол, в отличие от него, отнюдь не наслаждался жизнью. Он сидел на камне посуше, подобрав под себя лапы.

— Для тебя есть работа, — сказал Билл, но тот не шелохнулся.

— Он что, умер? — спросил Билл дракона.

— Не совсем. Отключился, чтобы побереечь аккумуляторы.

— Замечательно. А как мне с ним общаться?

— По-моему, это очевидно. По телефону.

Билл обошел вокруг камня и увидел, что с задней стороны на нем прикреплена металлическая коробка с загадочными каббалистическими знаками на крышке.

— Вот по этому?

— Точно.

Билл сломал свой последний ноготь, отколупывая крышку. Он вынул трубку и сказал в нее:

— Алло! Есть кто-нибудь дома?

Трубка затрещала и зашелестела ему в ухо:

— Говорит автоответчик. Боевой Дьявол сейчас отключен. Если вы хотите что-нибудь ему передать, он свяжется с вами при первой же возможности...

— Эй ты, проснись, есть дело!

Но ответом ему было молчание. Билл выругался, повесил трубку на рычаг и захлопнул коробку. И тут он увидел, что на крышке есть красная кнопка с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ СРОЧНЫХ ВЫЗОВОВ».

— Вот это то, что нужно, — сказал он и изо всех сил ткнул в кнопку.

Результат получился ошеломляющий. Ноги Боевого Дьявола с силой опустились на землю, подбросив его высоко вверх. Он опоясался полотнищами огня, во все стороны полетели снаряды, оглашая лес взрывами, и оглушительно завывала сирена.

Билл спрятался за драконом, от чешуи которого со звоном отлетали пули.

— Я пытался тебя предостеречь, — сказал дракон. — Но ты так нетерпелив...

— Что случилось? — крикнул Боевой Дьявол, вращая своими оптическими приспособлениями во всех направлениях.

— Ничего не случилось, — сказал Билл, осторожно выглядывая из своего укрытия. — Я хотел с тобой поговорить...

— Для этого есть телефон. Это нарушение правил — нажимать кнопку для срочных вызовов, когда ничего срочного...

— Да заткнись ты и слушай! Мы должны кое-что сделать.

— Это еще почему? Все, что я должен делать, — это сидеть сложа руки неделю-другую, пока у дракона не отрастет крыло. Как там оно?

Боевой Дьявол сунул микрофон под нос дракону, который указал когтем на металлическую опухоль у себя на боку.

— Растет в лучшем виде.

Билл рассердился.

— Так вот, слушай, Боевой Дьявол, пора тебе начать оправдывать свое прозвище. У нас есть и еще кое-какие дела, кроме сидения сложа руки, пока у дракона не отрастет крыло. Идет война.

— Ну и воюйте сколько угодно. Я отключаюсь. Всем системам отбой. Десять... девять...

— погоди! Тебе же велели слушаться моих приказов!

— Вовсе нет, мой слизистый. Великий Зоц приказал мне выручить из беды другую слизистую и доставить вас обоих обратно живыми. Больше ни за что я не отвечаю. Спокойной тебе...

— Нет! погоди! Ты ведь должен доставить нас обратно, да? И для этого нам придется ждать здесь две недели. Но если мы с Митой все это время не будем ничего есть, мы умрем. Так вот, мы заключили контракт: нам дадут еды, если мы немного повоюем. Но нам нужна твоя помощь, понимаешь? Так что придется тебе отправиться с нами.

— Безупречно логичное рассуждение, я бы сказал, — заметил дракон. — Я буду поджидать вас здесь.

Некоторое время Марк-1 пытался найти выход из положения — так и слышно было, как в голове у него вращаются колесики. Но выхода не было. Зажглись огни, и его двигатель с ревом набрал полные обороты.

— Что ж, — произнес он философски, — Уж лучше Боевому Дьяволу воевать, чем прозябать попусту. Так что за дело. Где там эта ваша война?

Глава 13

Джонкарта, стоя позади Миты с мечом в одной руке и ружьем в другой, с большим подозрением смотрел на существо, приближавшееся вслед за Биллом.

— Не вздумайте подойти ближе, слышите? — приказал он. — Это вот ружье стреляет радиевыми пулями, которым ничего не стоит прострелить твоего железного приятеля насквозь.

Мита попятилась.

— Вы что, с ума сошли? Радиевые пули? Да вы, должно быть, светитесь в темноте — и продолжительность жизни у вас не больше, чем у тушканчика!

— Должен признать, что радиевые пули нового образца действительно светятся в темноте — и могут даже в темноте взрываться. Так что берегитесь! Старые, когда ими стреляли ночью, взрывались только после того, как утром на них падал солнечный свет. Но теперь совсем другое дело. Вы можете положиться на это существо?

— Оно слушается приказов — этого вполне достаточно. А теперь опустите свое ружье. И держитесь от нас на почтительном расстоянии.

— Если это железное создание собирается встать на нашу сторону, оно должно принести клятву верности...

— Ну уж нет! — вызывающе громыхнул Боевой Дьявол. — Верность неделима, а я уже поклялся на нефти в верности золотому Зоцу, моему повелителю.

Но я последую за вами и буду выполнять приказы, чтобы сохранить жизнь моему подопечному — вот этому слизистому. Хватит с тебя и этого, приятель.

— Ну, я не уверен...

— А я уверен, — сказал Билл, которому надоели эти дурацкие препирательства. — К тому же эта штука — вообще не существо, это просто машина...

— Я не «просто машина»! — проскрипел Боевой Дьявол.

— Довольно! — крикнула Мита, но никто не обратил на нее внимания. — Есть только один способ с этим покончить, — пробормотала она, вытащила свое оружие и выстрелила в них.

Крики тут же прекратились. Билл и Джонкарта мгновенно свалились на землю, придавленные утроенной силой тяжести. Даже Боевой Дьявол беспомощно заскрежетал своими шестернями. Мита уселась на лежащий на земле ствол дерева и принялась плести венок из цветов, что-то напевая про себя. Понемногу действие заряда стало проходить, и они со стонами зашевелились. Она надела венок, встала и потянулась.

— Ну, с вашими спорами мы покончили. Может, теперь покончим и с этой войной?

— Вперед! — приказал Джонкарта, надувшись при мысли, что посрамлен какой-то женщиной. — Их лагерь вы найдете в одном дневном переходе отсюда, на окраине мертвого города Меркаптана. Мы займем позиции под покровом темноты. Бой начнется на рассвете.

— Вы тут хозяин, — сказала Мита. — Командуйте. Только не дадите ли вы мне на дорогу еще глоток этого перебродившего молока тоута?

Джонкарте были хорошо знакомы все дороги и тропинки в джунглях и на мшистой равнине, и он двинулся вперед бесшумной кошачьей походкой. (Он убил кошку, ободрал ее и подшил ее шкурой свои мокасины: старый бартрумианский обычай, который, говорят, приносит удачу. Только не кошке.) Вокруг таились неизвестные опасности, но как только они обнаруживались, с ними тут же несколькими залпами расправлялся Боевой Дьявол, который уже вошел во вкус. Вскоре вся земля была усыпана останками гигантских питонов, сумчатых росомах и страшных оладьеедов. Убедившись, что пришельцы сражаются на его стороне всерьез, Джонкарта немного успокоился.

— Должен сказать, ты настоящий боевой дьявол, — сказал он.

— Это уж точно, — согласился Марк-1, и лес снова огласился выстрелами — бросившийся на них нени-теск разлетелся в клочья.

Стрельба, расчищавшая им путь через джунгли, сильно ускоряла дело, и когда они добрались до опушки и увидели перед собой обширную пустошь, поросшую мхом, солнце только еще садилось за дальний край плато.

— Вот они, — сказал Джонкарта, мрачно ткнув перед собой пальцем, — действие не из легких. — Отсюда вы можете разглядеть темные силуэты их палаток, еще более темные силуэты пасущихся тоутов...

— Кстати, о тоутах, — перебила его Мита. — Дайте-ка мне еще кусок этого окорока.

— Вы больше думаете о своем желудке, чем о моей возлюбленной Дежа Вю!

— Сейчас — да, краснокожий. Сначала еда, потом бой.

Боевой Дьявол не нуждался в сне и поэтому вызвался сторожить первым. А также вторым и третьим — он разбудил всех перед самым рассветом.

— Какие у вас планы, Джонкарта? — спросил Билл, когда они подкрепились остатками окорока и зашли за деревья отлить.

— У нас может быть только один план — начать бой и победить!

— Великолепно! — иронически заметил Боевой Дьявол. — Только если вас интересует мнение испытанного в боях Боевого Дьявола, я бы посоветовал организовать дело немного лучше. Сколько их там?

— Бесчисленные орды!

— А не могли бы вы выразиться немного точнее?

— Не стоит трудиться, — сказал Билл. — Я уже пробовал. Он считает так: один, два, много.

— Зато я лучше тебя стреляю, бледнолицый, — обиженно отозвался Джонкарта. — И мне незачем их считать — я бросаюсь в бой!

— Будет вам бой, будет, — простонал Боевой Дьявол, которому эти дряблые, слизистые инопланетяне были уже поперек горла. — Подойдем к делу проще. Что вы скажете, если я отправлюсь туда и разнесу их всех в клочья?

— Ты убьешь мою возлюбленную принцессу!

— Ну хорошо, давайте сделаем иначе. Вы сейчас, под покровом темноты, проберетесь туда и выясните, где она. Потом, когда я появлюсь там на рассвете, вы покажете мне ее палатку, и я разнесу в клочья все остальное.

— Но как я найду ее в темноте?

— По запаху, — сказала Мита, которой надоели эти разговоры. — А если от нее не воняет, то ее все равно легко будет найти среди тех, от кого воняет.

— Воняет! Не будь вы дамой, вас уже не было бы в живых! От моей любимой веет сладким ароматом роз, нежных нарциссов и всех прочих прекрасных цветов...

— Замечательно. Вот и разнюхайте, где спрятан этот прелестный букет, и дайте знать Марку, а то он рвется в бой. Давайте наконец возьмемся за дело!

— Я иду разыскивать свою любимую. Главное — скрытность, поэтому я не рискну взять с собой старушку Бетси — мое верное радиовое ружье. Оставляю его на ваше попечение, мэм...

— Нет уж! Повесьте его на дерево, пусть повисит до вашего возвращения.

Джонкарте ничего не оставалось делать — он тщательно пристроил ружье высоко на дереве и бесшумно, как привидение, скользнул в пустыню.

Когда небо на западе посветлело — планета США вращается в обратную сторону, — Боевой Дьявол, мурлыкая какую-то песенку, перезарядил всю свою артиллерию и привел в готовность лучеметы. Билл растянулся на земле, решив подремать минут сто — ночь выдалась долгая. Но у Миты были иные планы. Она заползла под куст, где он устроился, расположилась рядом на мягком мху, и ночная тишина огласилась звуком расстегиваемых молний. И снова застегиваемых, когда она заметила, что из куста высунулся инфракрасный детектор. Мита попробовала его схватить, но он увернулся.

— Если ты размножаешься вегетативно, — крикнула она, — то откуда такой интерес к гетеросексуальным актам?

— А мне чего-то не хватает. Я не нахожу себе места от нетерпения. Солнце взошло, птички запели, тоуты заржали. Я пошел!

Лагерь уже зашевелился, и он зашевелился еще проворнее при виде приближающегося Боевого Дьявола.

Орды хищных, грязных, вшивых зеленых бартрумианцев высыпали из палаток, выкрикивая злобные ругательства и поливая огнем атакующую машину. Боевой Дьявол навел на них все свои стволы, но огня не открывал.

— Эй ты, краснокожий слизистый, — где ты там?

— Здесь, — ответил Джонкарта, высунув голову из канавы и тут же спрятав ее, когда вокруг засвистели радиевые пули. — Убивай всех подряд, только не трогай палатку, на которой стоит Число Зверя.

— Боюсь, я не знаю, что это значит.

Джонкарта быстро нарисовал на песке «666».

— Вот оно.

— Понял. — Не обращая внимания на пули, сыпавшиеся на его шкуру, Боевой Дьявол выставил свой электронный телескоп и обвел им ряды палаток. — Вижу — поехали!

Зрелище было потрясающее. Карикатурные зеленые человечки не могли устоять перед ураганом пуль и пламени. Один за другим они разлетались на куски. Клочья зеленого мяса летели во все стороны и сыпались на песок среди обвалившихся палаток, шкур, шелковых драпировок, золотых браслетов, презервативов, пистолетов, мечей, ночных горшков — всего того, что делает мало-мальски сносной жизнь в дикой пустыне. Мита с Биллом, держась за руки, вышли из леса и смотрели на эту шумную демонстрацию непобедимой огневой мощи. В несколько мгновений горделивый лагерь превратился в дымящиеся развалины — среди них возвышалась только одна палатка. Она стояла целехонькая, хотя и забрызганная зеленой кровью.

— Моя дорогая Дежа Вю — она невредима?

— Можете не сомневаться. Я стреляю без промаха, — похвастался Боевой Дьявол, выдвинул шланг со сжатым воздухом и подул себе на дымящийся ствол пушки.

— Я здесь, дорогая, и готов принять тебя в объятья! — вскричал Джонкарта, бросаясь вперед и распахивая полотнище палатки.

И издал отчаянный вопль, когда огромное зеленое чудовище выскочило из палатки и опрокинуло его на землю.

— Ты истребил все мое племя! — проревело оно, колотя себя кулаком в широкую грудь. — Я жажду мести и твоей крови!

— Тарс Тукус... Ты был в палатке — наедине с ней! Что ты сделал с моей возлюбленной?

— Угадай! — ехидно ответил зеленый гигант, оскалив клыки и отпрыгнув в сторону. — Вынимай свой меч — и защищайся!

Рукоятка меча сама прыгнула в руку Джонкарты (это гораздо легче, чем вынимать его), и он с ревом бросился вперед. Но Тарс Тукус тоже обнажил свой меч. Мечи. Все четыре, поскольку рук у него было тоже четыре. Это не испугало Джонкарту, который наступал так яростно, что его меч превратился в жужжащий стальной круг, и заставил зеленого воина попятиться, несмотря на его четырехкратное численное превосходство. Как только они отошли от палатки, Джонкарта позвал на помощь:

— Билл — в палатку! Посмотри, не причинил ли он вреда моей возлюбленной!

Билл обошел сражающихся, сунул голову в палатку и замер на месте.

— Как там... она? — задыхаясь, крикнул Джонкарта, обмениваясь с противником сокрушительными ударами.

— Она... Она, по-моему, очень даже ничего!

Дежа Вю, действительно, была очень даже ничего. Раскинувшись на шелковой кушетке, она выглядела воплощением женской красоты. Ее нежная красная кожа — которой на виду было довольно много — излучала цветущее здоровье и соблазн. Жалкие лоскутки прозрачной ткани скорее выставляли напоказ, чем скрывали ее пышные прелести. Грудь, похожие на дыни, рвались на волю.

— Вы... С вами все в порядке? — хрипло спросил Билл.

— Заходи — узнаешь, — хриловато отозвалась она.

Полотнище палатки опустилось за ним. А снаружи бой близился к концу. Даже располагая четырьмя мечами, Тарс Тукус далеко уступал Джонкарте в фехтовальном мастерстве. Верхняя правая рука у него уже устала. Заметив это, Джонкарта бросился вперед, отбил его меч и одним могучим ударом снес зеленому голову. Под его

победный вопль гигантская фигура рухнула на землю и осталась лежать неподвижно. Зеленая кровь струей хлестала из перерубленной шеи.

— Так погибнет каждый, кто осмелится встать между мной и моей возлюбленной! — победоносно выкрикнул Джонкарта, круто повернулся, откинул полотно палатки... и издал вопль ярости, увидев, что там происходит.

— Так погибнет каждый, кто осмелится встать между мной и моей возлюбленной! — снова выкрикнул он и кинулся внутрь.

— Я только осмотрел ее — нет ли на ней ран! — заорал Билл, спрятавшись за спину краснокожей принцессы, чтобы не оказаться пронзенным насквозь.

— Выходи, подлый трус! Выйди из палатки и сразись со мной, как подобает мужчине!

Мита и Боевой Дьявол с большим интересом смотрели, как из палатки выскочил сначала Билл, а потом, всего на шаг позади него, Джонкарта с пеной на губах. Когда краснокожий пробежал мимо Миты, она подставила ему ножку, и он ничком плюхнулся на землю.

— Как вам не стыдно нападать на безоружного! Если уж хотите устроить дуэль, деритесь по правилам. Билл имеет право выбрать оружие.

— Да, вы, конечно, правы, — сказал Джонкарта, поднимаясь на ноги и стряхивая с себя клочья зеленого мяса. Сложив руки на груди, он сердито уставился на Билла. — Выбирайте. Радиное ружье на двадцати шагах? Кинжалы, пистолеты, мечи, топоры — вам выбирать. Только решайте поскорее, я не смогу долго сдерживать свой гнев.

Дежа Вю присоединилась к остальным зрителям, прикрывая прозрачным лоскутком ткани свои прелести, вызывающие у мужчин такие бурные чувства. Мита неприязненно осмотрела ее с ног до головы, фыркнула и отвернулась. «Толста, — подумала она. — Ей еще не будет и тридцати, а уже придется носить грацию».

Все глаза были устремлены на Билла, что отнюдь его не радовало. Он видел, что эта мускулистая горилла только что сделала с четвероруким гигантом.

— Придумал! — заявил он. — Перетягивание пальцев!

— Выбирайте оружие! — в ярости заревел Джонкарта и, поддев ногой один из валявшихся на земле

же молитесь напоследок, пока я не проткнул вас насквозь!

— Помоги мне, верный Боевой Дьявол! — взмолился Билл. — Не дай этому сумасшедшему меня убить!

— Меня это не касается, приятель. Меня послали, чтобы доставить Миту живой — и это я сделаю. А если вы влопались в историю из-за какой-то местной девчонки, это дело ваше.

— Мита...

— Тебе нравится эта толстуха, вот и дерись из-за нее.

— Время вышло, — сказал Джонкарта злорадно, нацелившись мечом Биллу прямо в пупок. — Это там у тебя сердце?

— Нет, здесь, — ответил Билл, дотронувшись пальцем до груди и тут же отдернув руку. — То есть нет, вы не можете это сделать...

Железные мышцы напряглись. Меч нетерпеливо дернулся.

И в это мгновение Дежа Вю издала пронзительный вопль. Все обернулись и увидели ее в омерзительных лапах Тарса Тукуса.

— Но... Но... — начал Джонкарта, заикаясь. — Но я же только что отрубил тебе голову!

— Ха-ха! Отрубил, верно, — насмешливо ответил зеленый воин и свободной рукой показал на обрубок шеи. — Только ты не знал, что у меня две головы — другая была привязана за спиной, ты ее просто не видел. Когда ты отвернулся, я наложил на обрубок турникет, высвободил запасную голову — и захватил в плен эту девицу.

Он пронзительно свистнул, и к нему подскакал шестиногий тоут.

— Стрелять ты не осмелишься, чтобы не попасть в мою пленницу, — победоносно крикнул он, прыгая в седло и крепко прижимая принцессу к своему мерзкому телу. — Я уезжаю! Я не стану тебя убивать, а оставляю в живых, чтобы ты постоянно думал о том, какая судьба постигла ее!

Глухой топот копыт заглушил его безумный смех, и они скрылись за горизонтом.

Глава 14

— За ней, за моей возлюбленной! — вскричал Джонкарта. — Мы должны ее спасти!

— Мы ее и спасли только что, — отозвалась Мита. — Если бы вы отрубили Тарсу Тукусу обе головы, все было бы в порядке.

— Откуда мне было знать, что у него две головы? Я же не извращенец, зачем бы я стал смотреть на него сзади! Мы должны отправиться в погоню — сразу же, как только я покончу с этим донжуаном!

Его смертоносный меч со свистом сверкнул в лучах жаркого бартрумианского солнца. Билл поднял пистолет и нажал на спуск. Молния, вылетевшая из ствола, выбила меч из рук краснокожего.

— Это нечестно! — взвыл Джонкарта, поливая обожженную ладонь квечем. — Вы не джентльмен!

— Это точно, я солдат, а в офицерах только временно.

— Мой меч жаждет испить вашей крови...

Чтобы положить конец спору, Мите снова пришлось прибегнуть к гравитационному пистолету. Пока оба, задыхаясь, лежали на земле, она заглянула в палатку. Там повсюду валялись заплесневелые меха, грязные шелка и стоял густой запах зеленых. Мита заметила какую-то бутылку, осторожно понюхала, глотнула и облизнулась. С бутылкой в руке она вышла из палатки и увидела, что Билл с трудом пытается сесть.

— Выпей-ка — это получше, чем квеч.

Билл радостно присосался к бутылке. В это время пришел в себя Джонкарта, понюхал воздух и вскричал:

— Чем это пахнет? Что вы пьете?

Мита протянула ему бутылку, и он снова вскричал:

— Это же редчайший аромат вина из плодов штункокса, который цветет только раз в столетие, — оно так драгоценно, что...

— Вы выпьете или будете дальше читать лекцию? — спросила Мита с трогательным сочувствием. — В нем есть алкоголь. Ну, редчайшее, ну, драгоценное, так допивайте скорее. И хватит разговоров о том, чтобы прикончить Билла. Мне это петушиное хвостовство надоело. Если хотите устроить дуэль, можете отправляться дальше в одиночку. Или же забудьте о ней, и тогда у вас целая маленькая армия — мы и Боевой Дьявол. Что вы выбираете?

— Жизнь моей возлюбленной превыше моей собственной чести...

— Быстро соображаете. Так что мы делаем дальше? — спросила она, принимая командование: мужчинами она была на сегодня сыта по горло.

— Последуем за ними на тоутах. Эти животные не нуждаются ни в седле, ни в поводьях: ими управляют телепатически.

— Что-то не верится.

— А если тоут упрямится, его нужно трахнуть по голове рукояткой пистолета.

— Рискованное это дело, по-моему, — но я готова попробовать. Ну-ка, Боевой Дьявол, покружи вокруг тоутов и подгони их к нам.

Лучше не описывать, как один краснокожий бартрумианец, два розовокожих человека и Боевой Дьявол гоняли табун шестиметровых, шестиногих и сексуально озабоченных тоутов. Достаточно сказать, что много времени спустя четыре тоута, мозги у которых были наполовину вышиблены от беспрестанного битья по голове, уже брели по бездорожью, неся на себе измученных и вываливавшихся во мху всадников.

— Надеюсь, что нам больше не придется этого делать... по крайней мере, в ближайшее время, — сказала запыхавшаяся Мита и тут же вскрикнула, указывая пальцем назад: — На нас напали!

Омерзительное десятиное существо трупно-белого цвета кинулось на них, роняя слюни. У него было три ряда длинных, острых зубов, и пасть оно держало открытой, словно страдало полипами в носу: сомкнуть челюсти не позволяли торчащие в разные стороны клыки.

Существо прыгнуло на них, взметнулось в воздух и обрушилось на Джонкарту. А тот принялся чесать ему за ухом, и оно, пыхтя, обслюнявило ему всю портупею.

— Это моя верная собака Вискоза. Она, должно быть, бежала день и ночь не меньше двух недель, чтобы догнать нас. Эти существа не знают усталости.

Вискоза тут же лишилась чувств и захрапела, свесившись по обе стороны тоута.

— Вперед, — приказал Джонкарта, сталкивая с ног навалившуюся на них тушу. — Вон туда, в мертвый город Меркаптан на берегу Мертвого моря. Молитесь своим богам, чтобы мы не опоздали.

Они пустились галопом. Боевой Дьявол подскакал на своем тоуте к Мите. Его тоут беспрекословно повиновался всаднику — больше ничего ему и не оставалось делать, поскольку в оба его уха упиралось по орудийному стволу. Боевой Дьявол был в прекрасном настроении.

— Какое необычное приключение. Будет мне что порассказать приятелям в столовой для Боевых Дьяволов. А что этот краснокожий слизистый говорил о каких-то ваших богах? У него такой южный акцент, что мне временами бывает трудно его понять.

— Нет, только не сейчас, Боевой Дьявол. Если ты думаешь, что я стану растолковывать основы сравнительного религиоведения металлической форме жизни на полном скаку по дну высохшего моря, сидя на шестиногом тоуте, то ты просто спятил.

Большую часть дня они скакали во весь опор: на их мольбы о передышке Джонкарта не обращал никакого внимания. Он приказал остановиться только тогда, когда впереди показались полуразвалившиеся башни Меркаптана. Все, за исключением, разумеется, Боевого Дьявола, с облегчением повалились на мягкий мох. Тоуты принялись пастись, а верная собака Вискоза проснулась и тут же испортила воздух. Все, забыв об усталости, кинулись искать спасения — все, за исключением, естественно, Боевого Дьявола, у которого обоняние отсутствовало.

— Вот мой план, — сказал Джонкарта, дождавшись, когда воздух очистится, и наградив свою верную собаку несколькими ударами ноги. — Мы должны застать их врасплох, потому что у них численное превосходство. Я знаю тайный путь, ведущий в...

— А зачем врасплох? — удивилась Мита. — Почему бы просто не послать туда Боевого Дьявола, как в прошлый раз, и не разнести там все в клочья?

— Потому что теперь они предупреждены о нашем присутствии. При первом же выстреле они убьют мою возлюбленную. Этого не должно случиться! Мы пробежимся верхними этажами заброшенных домов, они об этом ни за что не догадаются.

— А почему? — спросил Билл, окончательно запутавшись.

— Потому что на этих верхних этажах обитают омерзительные белые обезьяны — гигантские существа, одержимые жаждой убийства.

— А не окажутся ли они одержимы жаждой убийства нас? — спросила Мита.

— Да, наверное, — надулся Джонкарта. — Это как-то не пришло мне в голову. Придумал! Если они нападут на нас, ваш железный воин их перебьет.

— Прекрасная идея. Взрывы, перестрелка на верхних этажах — эти жалкие зеленые, конечно же, ничего не заметят.

— Я могу это сделать, — вмешался Боевой Дьявол. — Я вооружен беззвучными лучами смерти, лучами-коагуляторами, от которых тело становится твердым, как крутое яйцо, ядовитыми газами и еще кое-чем в этом роде. Показать?

— Покажешь на белых обезьянах, — сказал Билл. — Ну что, начнем, пока не стемнело?

Джонкарта повел их за собой — в полуразвалившийся дом, вверх и вверх по широкой лестнице, пока они не добрались до верхнего этажа, напоминавшего давно не опорожнявшийся мусорный контейнер. Они прошли одну комнату, другую, — и в третьей встретили свою судьбу.

— Вот она! — в ужасе завопил Джонкарта. — Омерзительная белая обезьяна! Убейте ее!

— Какая я тебе белая обезьяна? — рявкнула обезьяна в ответ. — Тоже мне нашел обезьяну, краснокожий

коммунистический выродок! Вот как врежу тебе сейчас, будешь помнить!

— Погоди, — сказал Билл, удержав за орудийный ствол грозно двинувшегося было вперед Боевого Дьявола. — Не стреляй пока. Похоже, это существо умеет говорить.

— Ничего себе существо! Да кто вы такой, что вламываетесь к человеку в гостиную с какой-то жуткой машиной и с этим краснокожим идиотом? И с очаровательной молодой девицей, должен я признать!

— Взять! — приказал Джонкарта, и десятиногая собака кровожадно бросилась вперед.

— Лежать! — приказала белая обезьяна. — К ноге! Молодец, собачка, умница. Вот тебе косточка.

Он бросил ей череп тоута, который Вискоза тут же схватила и принялась шумно грызть.

— Меня зовут Мита, — сказала Мита, выступив вперед. — Надеюсь, мы не причинили вам больших неудобств, явившись без приглашения?

— Ничуть, ничуть! Мое имя Ан Лар, но друзья зовут меня Ан. Или Лар. Или Ан Лар. Жена с детишками отправилась по магазинам. У нас сегодня на обед рост-биф из зеленого бартрумианца, можете присоединиться, если пожелаете.

— О, благодарю вас. Сейчас спрошу своих друзей. — Она круто повернулась и бросила сердитый взгляд на Боевого Дьявола, который неохотно убрал свое оружие. — Вам должно быть ясно, что эти так называемые белые обезьяны — просто люди, или во всяком случае почти люди.

— Конечно, люди, тут не может быть никакого сомнения. Да поразит меня Самеди, если это не так.

— Самеди? — переспросил Билл, чувствуя, как сквозь его проржавевшие нервные узлы пробивается какое-то смутное воспоминание. — Что-то знакомое. Один мой знакомый что-то говорил про Самеди. Солдат по имени Тембо.

— Клянусь богом, он был окрещен в честь святого Тембо — одного из самых почитаемых святых Первой Реформированной Колдовской Церкви. А где сейчас этот ваш знакомый?

— Здесь. По крайней мере, отчасти. Он погиб в бою. Я в том же бою потерял руку. Вот это его рука — все,

что от него осталось. Глядя на нее, я всегда о нем вспоминаю.

— Вот это да! Ну-ка, дай пять! — Левая рука Билла сама собой протянулась вперед. — То-то я смотрю, почему у вас одна рука белая, а другая черная. Только я не решился спросить, чтобы не показаться невежливым. Заходите все, в наше время так редко случается встретить друзей. С самого того черного дня, когда корабль потерпел крушение на этой проклятой планете.

— Корабль? Потерпел крушение? — эхом отозвался Билл.

— Ну да. Огромный космолет, битком набитый беженцами с планеты Земля, если только можно верить легендам. В них говорится, что на этом корабле и произошло великое обращение в истинную веру. Все принадлежали к разным религиям, когда садились в корабль, а вышли из него единой веры. И все благодаря неустанной проповеди Святого Тембо, да будет его имя благословенно.

— И мой Тембо то же самое говорил, — сказал Билл. — Что Земля была уничтожена во время атомной войны — во всяком случае, северное полушарие.

— Конечно, и мне приятно, что эти древние легенды хоть отчасти подтверждаются. Юнцы называют их мифами и посмеиваются над ними. Но это не миф, что мы оказались заброшены на эту бесплодную планету. Мы возделываем на крышах немного картофеля, а когда проголодаемся, съедаем одного-двух зеленых бартрумианцев. Клянусь богом, жизнь здесь нелегкая — особенно когда всякие тут обзывают нас обезьянами!

— Я прошу прощения. Приношу свои извинения, как подобает джентльмену с Юга. Я просто повторил то, что слышал раньше.

— Вот видите, какие бывают зловредные слухи. Но скажите мне, что привело вас в наш прекрасный город?

— Мою невесту, прекрасную принцессу Дежа Вю, похитили гнусные существа, которые живут здесь в нижних этажах. Мы должны освободить ее!

— Ну, тогда вы попали аккурат туда, куда нужно, если вам по душе немного подраться и поразбивать головы зеленым. И к тому же у меня кончаются запасы мяса. Подождите тут минутку, дайте еще кость этой изголодавшейся собаке, а я мигом — не успеет тоут три раза хвостом махнуть.

— Какой милый, — сказала Мита, когда их хозяин выскочил в окно.

Верный своему слову, он почти сразу вернулся, но на его широком белом лбу пролегли озабоченные морщины.

— Похоже, это будет не так просто. Сдается мне, они знают, что вы тут.

— Почему вы так думаете?

— По всему городу развешаны указатели «К ПОХИЩЕННОЙ ПРИНЦЕССЕ». Я убежден, что они вас поджидают.

— Этого мне и надо, — мрачно сказал Джонкарта, решительно стиснув меч. — Если они подумают, что смогут захватить меня, значит, они не тронут ее. Начиная атаку.

— Вы хотите сказать, что мы отправимся прямо в расставленную ловушку? — спросила пораженная Мита.

— У нас нет выбора.

— Он прав, у нас нет выбора, — в один голос подтвердили Билл и Ан Лар.

— Конечно, от тупых самцов ничего другого ждать не приходится, знаю я ваши замашки, — презрительно скривила губы Мита. — А я как женщина говорю, что надо сначала сходить на разведку. Умереть всегда успеем потом.

— Нет! — прогремел Боевой Дьявол. — Сначала драться, потом думать! Пусть я и не мужик, при вегетативном размножении полов не бывает, но клянусь Зоцем, мне нравятся эти их замашки. Пошли!

— Чем уютно думают, только не головой, — недовольно сказала Мита. Они вышли, а она последовала за ними на почтительном расстоянии, оставшись в доме, когда они уже вышли на центральную площадь.

— Никого нет! Они испугались нас и сбежали! — воскликнул Джонкарта, и все разразилось радостными криками.

Но тут у них под ногами разверзлась земля, и они кувыркком полетели в пропасть, а из окружающих зданий высыпали бесчисленные зеленые, издавая победные вопли, смеясь и делая непристойные жесты, которые при наличии у них четырех рук выглядели особенно непристойными.

— Что я вам говорила? — фыркнула Мита. — Но меня никто никогда не слушает.

Тут у нее упало сердце, и она в отчаянии заломила руки.

— Неужели это все? Неужели так приходит конец? Вот так — бесславно, от безжалостной зеленой руки бартрумианца?

Она печально вздохнула. В комнате слышался только хруст кости, разгрызаемой отвратительными клыками верной собаки. И ее отвратительная довольная отрыжка.

Глава 15

А в это время в Железном городе Зоц начал испытывать беспокойство.

— Пора бы уже им вернуться. Я боюсь за ваших товарищей.

Он сделал глоток высокооктанового бензина, чтобы успокоиться, и взглянул на адмирала, поглощенного своим делом.

— Не берите в голову, золотой мой, — рассеянно пробормотал Практис, отвинчивая очередной болт у несчастной машины, прибитой гвоздями к полу. Из ее динамика слышался предсмертный щелчок. Практис протянул руку, и Вербер подал ему гаечный ключ. Капитан Блай стоял рядом, глядя на него невидящими глазами и бессмысленно кивая головой. Хотя они отобрали у него большую часть зелья, но не смогли обнаружить заначку, спрятанную в выдолбленном каблуке. Он принял дозу-другую и теперь безнадежно торчал.

— Был бы рад не брать в голову, благодарю вас, — несчастным голосом ответил Зоц. — Но мне стыдно, что я оказался таким негостеприимным. Сначала пропал без вести один ваш товарищ, а теперь уже два.

— Два, двадцать, двести — какая разница? Я потерял куда больше людей, пока занимался своими противозаконными экспериментами с обычным насморком. Ага!

Машина взвизгнула — он отломил ей ногу и, склонившись над ней, направил свой глаз-микроскоп на сустав. На лице Зоца появилось выражение боли.

— Может быть, вы перестанете, пока я с вами говорю? По вашей просьбе я предоставил вам несколько машин для разборки — то есть для исследования. Но я был бы вам признателен, если бы вы подождали, пока я не выйду.

— Извиняюсь. — Практис выпрямился и вставил на место свой черный монокль. — Работа увлекает меня так, что иногда я обо всем забываю. Где Ки?

— Тут, — отозвался тот, появившись с подносом дымящихся бифштексов. — Еда. Я голоден. Вам?

— Ну, пожалуй, немного. — Практис откусил от куска и положил его обратно. — Я люблю полакомиться мясом не меньше других, но оно уже начинает приедаться. Надо бы мне было заняться скороспелыми артишоками или, может быть, кормовой свеклой...

Его прервал громкий скрежет: машина, которую он исследовал, выдрала из пола удерживавшие ее гвозди и на одной ноге поскакала прочь.

— Стой! — завопил Практис.

— Пусть идет, — сказал Зоц. — У нас еще много их осталось. Так вот, я бы хотел снова вернуться к нашей теме. К вашим пропавшим товарищам. Наши детекторы уловили слабый сигнал радиоответчика, идущий откуда-то с Пустопорожних земель. Похоже, что он передается на частоте, присвоенной Боевому Дьяволу Марку-1. Поэтому я послал за усовершенствованной моделью — Марком-2. Если не ошибаюсь, он как раз прибыл.

Дверь с треском распахнулась, в комнату вбежал Боевой Дьявол, дважды оббежал ее кругом, прострелил дыру в стене и, запыхавшись, остановился удовлетворенный.

— Модель, весьма усовершенствованная путем направленного скрещивания. Мы работали с образцами тканей. Немного поиграли с генами — в общем, вы понимаете. Так что теперь агрессивность у него еще выше, броня крепче, огневая мощь больше, аккумуляторы мощнее, а мозг меньше.

— Все в точности так! — радостно крикнул Боевой Дьявол и разнес в щепки половину потолка. Практис

недовольно взглянул вверх и не заметил, как Вербер стащил остаток его бифштекса.

— И что предполагается с ним делать? — спросил Практис.

— Отправить на выручку, разумеется. Если вы последуете за мной, я отведу вас к орнитоптеру.

— Только не меня — я адмирал. — Он огляделся и скривился при виде балдеющего капитана Блая. — У нас, кажется, не хватает живой силы. Эй вы там, сержант Ки Бер-Панк, вы только что вызвались добровольцем на эту операцию.

— Отрицание, нет, не пойдет. Боюсь высоты. Пошлите Вербера.

— Вербер слишком туп. А меня вы боитесь еще больше, чем высоты. Отправляйтесь!

Ки положил руку на свой бластер, размышляя, не разумнее ли будет прикончить Практиса, чем отправляться на это самоубийственное задание. Но у адмирала хватало опыта обращения с непокорными солдатами, добровольцами и больными, и он среагировал быстрее.

— Ну-ну, — улыбнулся он, направив свой бластер точно между глаз добровольца. — Все, что от вас требуется, — это не отставать от Боевого Дьявола и вернуться вместе со своими товарищами. Отправляйтесь.

Ки неохотно вышел. Боевой Дьявол рысью бежал впереди, выставив глаз на ножке и разглядывая только что обретенного напарника.

— Я так волнуюсь — это мое первое боевое задание.

— Заткнись.

— Не грубите Боевому Дьяволу, а то Боевой Дьявол разнесет вас в клочья.

— Извини. Это нервы. Вообще-то я человек мирный. Показывай дорогу.

Во дворе их ждал орнитоптер. Вокруг него суетились маленькие машины обслуживания, смазывая ему крылья и начищая зубы.

— Отправляемся, — проскрипел Боевой Дьявол и жестом отпустил машины.

— Очень может быть, — произнес орнитоптер глубоким басом. — Ваши психи уже отправили отсюда мою сестренку, она так и не вернулась. Куда мы собираемся?

— На Пустопорожные земли.

— И не думайте! Я не самоубийца.

Молния вылетела из паха Боевого Дьявола и выжгла в хвосте орнитоопера полуметровую дыру. Тот покосился на свой хвост и деланно улыбнулся.

— Знаете, я как раз подумал, что давно втайне хотел взглянуть на эти Пустопорожные земли. Залезайте.

— Еще один доброволец, — мрачно заметил Ки. — Что-то не нравится мне это задание.

— Ничего, слизистые, не унывайте, — сказал Боевой Дьявол, подсаживая его на спину орнитоопера. — Мы летим в бой! Смерть и разрушение!

Он выстрелил в землю, оставив глубокую воронку, и они с лязгом поднялись в воздух.

Полет был как полет. Боевой Дьявол напевал про себя воинственные песни, время от времени весело постреливал из орудий и прислушивался к сигналу далекого радиоответчика.

— Становится громче. И яснее. Держи вон на то темное пятнышко на горизонте и маши крыльями почаще, — скомандовал он.

Орнитоопер, дребезжа, сделал вираж и полетел в указанном направлении. По мере приближения к цели настроение у него неуклонно падало.

— Так я и знал, — простонал он тихо. — Плато Обреченных.

— У меня на карте нет никакого плато Обреченных. А карты у меня хорошие.

— Ни одна карта не может передать его невысказанно отвратительных очертаний и запечатлеть его запретное имя.

— Тогда откуда ты про него знаешь?

— Это случилось так. Представьте себе уютную картину. Вечером вокруг нефтяного источника сидят старики, беседуя о том, о сем, — и вдруг умолкают. В наступившей глубокой тишине раздается голос самого старого орнитоопера. Бессильно опустив дряхлые крылья и треща ржавыми заклепками, он в бесчисленный раз пересказывает притихшим слушателям старинные легенды, передающиеся из поколения в поколение. И в конце всегда предупреждает, что от плато Обреченных нужно держаться подальше.

Увлечшись рассказом, орнитоопер сбился с курса. Ки заметил это, но не подал виду, надеясь, что тупая машина, за которую он изо всех сил держался, тоже не обратит на это внимания. Плато, лежавшее впереди,

вызывало у него не больше энтузиазма, чем у их механического летучего коня.

— Куда повернул? — рявкнул Боевой Дьявол. — Правь вон туда, а не сюда!

— Но это же верная смерть!

— Будет еще вернее, когда я разнесу тебя в клочья!

Пламя вырвалось из его орудий, и кончики крыльев орнитоптера рассыпались в пыль.

— Не смей это делать! — взвизгнул орнитоптер. — Если ты меня собьешь, ты тоже погибнешь!

Еще раз сверкнули огнем орудия, и от крыльев отлетело еще несколько кусков металла. Боевой Дьявол пожал железными плечами.

— Знаю. Но что я могу поделать? В конце концов, идет тотальная война.

Проливая нефтяные слезы, орнитоптер свернул на прежний курс. Ки подумал, не попробовать ли столкнуть этого металлического кретина за борт, но увидел, что тот прочно привинчен к месту.

— Почему ты летишь так высоко? — спросил Боевой Дьявол.

— Чем выше мы летим, тем дальше от тех ужасов, что ждут нас на земле.

— Мне отсюда плохо видно.

— А твои телескопы — ты про них забыл?

— А, ну да. Забыл. — Боевой Дьявол выдвинул телескопы. Ки подумал, что, конечно, для военнотружущего ослабленный интеллект — как раз то, что нужно, но с этой машиной, кажется, хватило немного через край.

— Вон туда. К развалинам города. Сигнал сильный. Посылаю сообщение. Эй, дорогой мой вегетативный родственник, подмога идет!

— Ответ есть? — спросил Ки.

— Принимаю. «В ПЛЕНУ В КОЛОДЦЕ ТОЧКА». Какое-то странное сообщение. Что еще за точка в колодце?

— Это телеграмма, идиот. Она означает, что он в колодце. А точка означает точку. Знак препинания.

— Почему бы так и не сказать сразу?

— А еще что-нибудь там есть? — спросил Ки, подавив гнев, страх, недовольство и много еще других чувств.

— Ага. «СЛИЗИСТЫЕ В КОЛОДЦЕ ВМЕСТЕ СО МНОЙ ТОЧКА ВЫРУЧАЙ ТОЧКА АТАКУЙ АТАКУЙ АТАКУЙ КАК МОЖНО СКОРЕЕ АТАКУЙ АТАКУЙ».

— По-моему, он хочет, чтобы ты их атаковал.

— Что-что, а это я умею! — Раздались оглушительные залпы, и Ки пришлось повысить голос, чтобы их перекричать.

— Перестань стрелять! Ты даешь им знать о своем приближении — и зря тратишь боезапас.

— Садись вон там, наш носитель. Сигнал идет с центральной площади.

Орнитоппер камнем ринулся вниз и шмякнулся на землю по другую сторону разрушенного дома.

— Не там сел. Площадь вон где.

— Сел там, где надо. Спас жизнь себе и слизистому. Иди, могучий Боевой Дьявол. Атакуй!

— Атаковать? Кого атаковать?

— Колодец на площади, где они сидят в плену! — раздраженно крикнул Ки.

— Ах да, колодец!

Боевой Дьявол скрылся из вида, и спустя мгновение послышались взрывы, вопли, крики боли, раскаты грома и прочее в том же духе. И очень скоро затихли.

— Как ты думаешь, он победил? — шепотом спросил Ки.

— Пойди посмотри, — шепотом ответил орнитоппер.

— Давай кинем монетку. Кто проиграет, идет смотреть.

— Не трудитесь, — послышался с балкона у них над головами шепот Миты. — Мне отсюда все прекрасно видно. Это был последний бой Боевого Дьявола. Он нанес им кое-какие потери, но потом попал под огонь тысячи радиевых ружей, и от него осталась только куча радиоактивного лома. Поднимайтесь сюда. Через дверь и по лестнице.

Орнитоппер покосился одним глазом на дверь.

— Ничего не выйдет. Эта дверь для меня мала. Подожду здесь, смажу пока крылья. Желаю удачи.

Ки поднялся по лестнице и вошел в просторную комнату, заполненную бледнолицыми женщинами. Мита сидела за столом в дальнем конце комнаты и стучала молотком по столу, требуя внимания. Когда гомон немного утих, она заговорила:

— Мы уже в который раз возвращаемся к одному и тому же. Лобовая атака не годится. Вы только что видели, что случилось с Боевым Дьяволом, когда он попробовал пойти напролом.

— Подождем до темноты и перебьем этих мерзких зеленых каменными дубинками! — предложил кто-то.

— Да ты что? — крикнул другой голос. — К тому времени пленников давно не будет в живых. Надо действовать немедленно!

Мита махнула Ки, чтобы он подошел.

— Вот! — крикнула она. — Подкрепление. Он нам поможет.

— С радостью... если вы мне объясните, что тут происходит.

— Все очень просто. Джонкарта, родом из Виргинии, а теперь житель этой планеты, пересекал пустыню со своей нареченной, краснокожей девушкой по имени принцесса Дежа Вю, когда на них напали зеленые бартрумианцы, которые похитили принцессу, но вскоре появились мы, отправились в погоню за зелеными и захватили их врасплох, Боевой Дьявол разнес их всех в клочья, кроме одного, который снова похитил принцессу и бежал с ней сюда, куда мы, конечно, последовали за ними и пошли в атаку, но наши силы, подкрепленные мужем вот этой дамы, потерпели поражение и попали в плен, кроме меня, потому что я с ними не пошла, и теперь всех их собираются предать пыткам и казнить.

— Можете не повторять, — сказал Ки, в голове у которого стоял звон. — Я слышал достаточно, чтобы понять — у нас нет никакой надежды. Почему бы нам с вами не сесть на орнитоптер и не смыться отсюда?

— Благодарю покорно, жалкий трус, — презрительно ответила Мита, а остальные женщины, потрясая кулаками, принялись издавать вопли презрения и ненависти.

— Я только хотел помочь, — пожал он плечами.

— Не можем же мы допустить, чтобы они погибли!

— Эта бледная молодая дама права, — произнес незнакомый голос. — Приготовьтесь открыть огонь, ребята. Ее оставьте в живых, а остальных гнусных белых обезьян перебейте.

Все обернулись и ахнули, увидев, что из коридора ворвалась толпа краснокожих воинов, вооруженных до

зубов, во главе с тем, кому принадлежал голос, — тоже краснокожим, но притом еще и седовласым. Они подняли ружья, собираясь стрелять, — но не успели: все женщины, находившиеся в комнате, побросали каменные дубинки и выхватили спрятанные радиевые ружья, направив их на пришельцев.

Наступила мертвая тишина. Ки увидел, что оказался в ловушке — как раз посередине между противостоящими силами противников. Стоило ему двинуться, и началось бы побоище. Ему казалось, что все ружья нацелены на него. В отчаянии он заговорил:

— Погодите! Если хоть кто-нибудь выстрелит, мы все погибнем. И я первый, почему я и намерен выступить в качестве посредника. Если вы, краснокожие, начнете стрельбу, вы погубите пленников, которые сейчас ожидают смерти на площади...

— И одна из них — принцесса Дежа Вю, — добавила Мита, сообразив, что, судя по цвету кожи, новоприбывшие вполне могут быть единоверцами или согражданами взятой в плен толстухи. Она попала в самую точку: их вождь издал громкий крик, отступил на шаг и хлопнул себя по лбу. Мита улыбнулась.

— Мне кажется, вы ее знаете.

— Знаю? Это моя дочь! Ружья к ноге! — скомандовал он через плечо. — Я Боле Илимене Джедак Метанский. Она отправилась кататься на тоутах и долго не возвращалась, так что я начал беспокоиться. Потом мы перехватили телеграмму, отправленную из этого города, и она наполнила мое сердце страхом. Я собрал свою армию и немедленно отправился сюда. Скажи мне, бледнолицая, что произошло?

— Все очень просто. Джонкарта, родом из Виргинии, а теперь житель этой планеты, пересекал пустыню со своей нареченной, краснокожей девушкой по имени принцесса Дежа Вю, когда на них напали зеленые бартрумианцы, которые похитили принцессу, но вскоре появились мы, отправились в погоню за зелеными и захватили их врасплох, Боевой Дьявол разнес их всех в клочья, кроме одного, который снова похитил принцессу и бежал с ней сюда, куда мы, конечно, последовали за ними и пошли в атаку, но наши силы, подкрепленные мужем вот этой дамы, потерпели поражение и попали в плен, кроме меня, потому что я с ними не

пошла, и теперь всех их собираются предать пыткам и казнить.

— Мы спасем их! К оружию, отважные метанцы, к оружию!

— Погодите! — крикнула Мита, когда они кинулись к двери. — Лобовая атака уже привела к гибели Боевого Дьявола, а его убить не так просто. Нам нужен план получше.

— Ну конечно, и у меня есть для вас один замечательный план, — сказала жена Ан Лара, с горящими глазами выступая вперед и подбоченившись. — Вот что мы сделаем. С незапамятных времен мы ведем с зелеными каннибальские войны. Потому что они любят поедать нас, а мы не меньше любим поедать их. Так вот, мы со всеми остальными дамами выйдем безоружными, постараемся выглядеть как можно съедобнее и отдадимся на их милость. Конечно, никакой милости от них ждать не приходится, но мы притворимся, что этого не знаем. Тогда они не станут в нас стрелять, а вместо этого с большим аппетитом кинутся на нас, издавая голодные вопли...

— А мы в это время, — вмешался Боле Илимене со злобной улыбкой, кивая седовласой головой, — спрятавшись за каждым окном, выходящим на площадь, откроем кинжальный огонь и перебьем этих зеленых сукиных детей до последнего!

— Для старичка с таким странным цветом кожи вы соображаете не так уж туго. Ну как, начнем?

С радостными криками они толпой бросились из комнаты — краснокожие мужчины к окнам, а белые женщины на площадь. Когда облака пыли рассеялись, Ки устало подошел к Мите и упал в кресло напротив нее.

— И часто такое с тобой случается?

— Нет. Но с меня и одного раза вполне достаточно.

С улицы донеслись мольбы женщин о пощаде, за которыми последовали восторженные голодные вопли. Которые вскоре сменились ружейной стрельбой и стонами смертельно раненных. Которые затихли и сменились криками ликования. Когда же и они, в свою очередь, умолкли, в наступившей тишине стали слышны только два голоса:

— Джон!

— Дежа!

— ДЖОН!

— ДЕЖА!
— ДЖОН!!
— ДЕЖА!!

Громче и громче раздавались они, сопровождаемые топотом бегущих ног, пока не послышался звук двух столкнувшихся тел. А за ним вновь последовали радостные крики.

— Похоже, план сработал, — сказал Ки.

Вскоре они услышали усталые шаги, с трудом поднимавшиеся по лестнице, и сильно помятый Боевой Дьявол, шатаясь, ввалился в комнату, поддерживая столь же помятого Билла.

— Орнитоптер ждет, — сказала Мита, зевая. — Что вы скажете насчет того, чтобы сматываться отсюда к чертовой матери?

Глава 16

— Ты сбился с курса, — сказал Боевой Дьявол, лягнув орнитоптер, чтобы привлечь его внимание. Тот выставил глаз на длинной ножке и повернул его назад, чтобы посмотреть, кто это сказал.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у меня встроенный указатель направления.

— Ты прав, мы сбились с курса. Но какое-то могучее силовое поле тянет меня вон к тем горам. Я больше не могу ему противиться. Оно сильнее меня...

— Ладно, хватит разглагольствовать. — Из груди Боевого Дьявола выдвинулась пушка большого калибра. — Лети к этому таинственному источнику силового поля, и он перестанет быть таинственным. Я разнесу его в клочья. Там, сзади, всем удобно сидеть?

— Нет! — хором отвечали они, вцепившись в поручни, полумертвые от качки и тряски.

— Бедные мягкие слизистые, — поцокал языком Боевой Дьявол с лицемерным и явно неискренним сочувствием. — Насколько превосходим их мы, металлические существа... Почему мы снижаемся?

— Потому что силовое поле усилилось, и у меня нет выбора.

Их тянуло к скалистому карнизу, на вид совершенно безжизненному. Боевой Дьявол на всякий случай разнес его в клочья, но силовое поле по-прежнему тянуло

их к себе. Даже махая крыльями изо всех сил, орнитоптер не продвигался вперед. В конце концов его притянуло к поверхности скалы, и он повис там, яростно хлопая крыльями, но не двигаясь с места.

— Глуши... мотор!.. — вскричал Билл, и крылья наконец перестали хлопать. Пока Боевой Дьявол отвинчивался, люди со стонами боли соскользнули на землю и заковыляли вокруг орнитоптера, разминая затекшие конечности.

— Ну уж, хватит с меня! — простонала Мита. — Даже если мне придется провести остаток жизни здесь, на горе, больше на этот вибратор я не сяду.

— Поддерживаю, — вздохнул Ки.

— Присоединяюсь, — выпалил Билл.

— Добро пожаловать, можете оставаться.

— Кто это сказал? — крикнул Боевой Дьявол, поворачиваясь во все стороны и выставив из всех отверстий орудийные стволы.

— Это не мы, — ответил Билл. — Похоже, это из вон того туннеля.

Боевой Дьявол мгновенно выпустил дождь снарядов, которые отбили огромные обломки скалы и наполнили воздух летящими во всех направлениях осколками камня.

— Перестань! — крикнул Билл, ныряя за укрытие.

Когда пальба прекратилась, голос заговорил снова:

— Какой стыд! Я предлагаю гостеприимство, а вы отвечаете огнем!

— Выйдите к нам поговорить, — елеинно предложил Боевой Дьявол, держа орудия наготове.

— Ну нет! Знаю я вас. Прежде чем я выйду, вы должны гарантировать мою безопасность.

— Как? — спросил Билл.

— Помогите! — вмешался орнитоптер. — Я скован гравитационным полем и не могу двинуться с места.

— А вот как. Без этого намертво приземленного летуна вы здесь в ловушке. А у меня нет с собой выключателя, чтобы его освободить. Выключатель у других, они следят за нами и слышат каждое ваше слово. Троньте меня, и вы обречете себя вечно оставаться в этих бесплодных горах. Готовы к переговорам?

— Ну ладно, ладно, — пробормотал Боевой Дьявол, пряча орудия.

Огромный камень с грохотом и треском отодвинулся в сторону, и из-за него показалась невероятно изломанная машина. Весь бок у нее был вдавлен внутрь и заржавел, одну ногу заменял негнувшийся металлический протез грубой работы. К пустой глазнице была приварена черная заплата, и она опиралась на костыль из погнутых труб.

— Добро пожаловать, гости, на Ранчо Счастливи́чка. — проскрежетала она. — Я ваш хозяин, Счастли́вчик, а это мое ранчо.

Мита выпучила глаза от удивления.

— Счастли́вчик? Не хотела бы я повстречаться с Несчастли́вчиком!

— Да, Счастли́вчик, и скоро я вам это докажу. Мы спустимся вниз, где вам будет предложена закуска, как только вы сложите оружие. Слизистые первыми — бластеры на землю!

— Кретин! — сказал Боевой Дьявол сердито. — Как я могу сложить оружие, если все оно в меня встроено?

— Нам уже приходилось сталкиваться с такой проблемой, и у нас приготовлено достаточное количество пробок, заглушек и проволоки для обвязки. Вас приведут в безопасное состояние. Можете показаться, дорогие друзья.

С оглушительным топотом, дребезжанием, скрипом и лязгом появилась толпа еще более изломанных существ. Это был настоящий кошмар робота и мечта торговца железным ломом. У одних не хватало гусеницы, у других конечности были заменены ржавыми протезами, пупки яичными скорлупками, глаза электрическими лампочками — любого. механика эта картина привела бы в ужас.

— Вы, ребята, что-то не слишком хорошо выглядите, — заметил Ки. — Что с вами?

— Мы вам все объясним, но сначала... — Счастли́вчик махнул рукой своим помощникам, и они набросились на несчастного Боевого Дьявола. От него потребовали предъявить все оружие, что он неохотно сделал, выдвигая пушки одну за другой. Их тут же заклепывали, замки заклинивали, молниеметы заземляли, взрыватели вывинчивали. Потом все его руки и щупальцы связали проволокой, чтобы он не мог исправить повреждения.

— И бомбы тоже, — приказал Счастли́вчик.

В заднем конце Боевого Дьявола открылось отверстие, и бомбы высыпались на землю. Счастливчик ржавым голосом вздохнул.

— С Боевыми Дьяволами нужно держать ухо востро. Некоторые из них скорее погибнут в бою, чем дадут себя обезоружить...

— Я тоже скорее погибну в бою! — заревел Боевой Дьявол, но было уже поздно. Загудели и защелкали соленоиды, повернулись и нацелились стволы, но все было напрасно: изломанные машины прекрасно знали свое дело, и побоища не последовало. Только одна дымовая граната вылетела у него из коленной чашечки и разорвалась.

— Следуйте за мной, дорогие гости, — радостно сказал Счастливчик и повел их по туннелю.

Ржавые, погнутые двери со скрипом раскрывались перед ними и со скрежетом, неохотно закрывались позади. Миновав последнюю из них, все оказались в высоком зале, бледно освещенном тусклыми лампочками, затянутыми железной паутиной. В центре зала стоял длинный стол. За ним сидело несколько столь же древних машин.

— Добро пожаловать в ВДП, — торжественно произнес Счастливчик. — Это сокращенное название нашего счастливого братства. Полностью это означает — «Всепланетная Лига Дезертиров и Пацифистов».

— Если вы сделаете ее межпланетной, я готов вступить, — мгновенно сказал Билл.

— Интересная мысль, надо будет ее обсудить. Какая радостная перспектива! Наше движение распространится на всю галактику, мы организуем специальное отделение для вас, слизистых...

— Предатели! Изменники! — Пена показалась на губах Боевого Дьявола, все его стволы выдвинулись наружу, корчась и трясясь в бессильной ярости, но единственное, что он смог сделать, — это испустить еще одну дымовую гранату.

— Перестань, слышишь? — закашлялся Билл, отмахиваясь от дыма. — Это ничего не изменит.

— Отпустите меня немедленно! — бушевал Боевой Дьявол. — Я не желаю слышать эти мерзости. Боевому Дьяволу здесь не место.

— Это ты сейчас говоришь, — произнесла древняя и сильно пострадавшая машина, сидевшая за столом. —

Но в наших рядах насчитывается не один Боевой Дьявол. Сейчас ты ведешь эти дерзкие речи, потому что полон сил, отваги и битком набит фаллическим оружием, — но твои динамики запоют совсем иную песню, когда твои пушки будут заклепаны, а аккумуляторы разряжены. Подумай! Мы все когда-то были такими же, как ты, — а посмотри на нас теперь! Вот этот мой товарищ когда-то командовал легионом огнеметов. Сейчас огня в нем не хватит даже на то, чтобы закурить косячок. А вон тот, кто уснул за столом — и боюсь, что уже навсегда, потому что он уже месяц как не шевелится? Когда-то он был истребителем танков. Теперь он сам истреблен, а его танки пусты. Так проходит слава машин. Для многих из нас уже слишком поздно. Мы пришли в ВДП, когда нас списали и должны были отправить на переплавку. Но нас вытащили со свалки и тайно перевезли сюда. Однако... что-то я слишком много говорю. Ты, должно быть, проголодался после своего нелегкого путешествия. Поддомкраться и присаживайся к нам. Твоему летающему товарищу, который прикован к месту там, снаружи, тоже вынесут угощение.

Негодование не помешало Боевому Дьяволу тут же сунуть рыло в жестянку с нефтью.

— А у вас случайно не найдется тут чего-нибудь такого, что могли бы съесть — или выпить — мы? — спросил Билл.

— К счастью, найдется, — ответил Счастличик, указывая на кран, торчащий из стены. — До того, как мы заняли это помещение, тут была камера пыток. Этот кран соединен — страшно сказать! — с водяной цистерной. Угощайтесь. Что касается еды, то наши трофейщики, прочесывая пустыню, обнаружили какие-то инопланетные предметы, украшенные непонятными надписями. Может быть, вы сможете их расшифровать, — сказал он, передавая Биллу инопланетный предмет.

Билл прочел надпись на нем и содрогнулся.

— Комплекты НЗ. Те, что мы выкинули. Спасибо большое, приятель, но нет уж, благодарю. А вот по глотку вашей жидкости для пыток мы выпьем.

— Возможно, нам удастся еще и поесть, — сказал Ки, роясь в карманах. — По-моему, у меня должно быть несколько семян. Я стащил их из кармана у адмирала.

Он показал всем розовую пластиковую капсулу.

— Она не такого цвета, как все остальные, — заметила Мита.

— Значит, это, наверное, другой сорт мяса. Давайте попробуем.

Хозяева любезно показали им туннель, который выходил в залитую солнцем расщелину высоко среди скал. Ветер нанес сюда песка, и в этой скудной почве прижился одинокий железный кустик. Они смочили почву водой, сунули в нее семя и отступили назад. Несколько мгновений спустя из земли с треском поднялось растение, на нем вырос плод и, шипя, лопнул.

— Пахнет ветчиной, — заметил Билл.

— Это, несомненно, свинина, — сказала Мита, отрезая себе кусок. — Если бы у нас было еще немного горчицы, я бы решила, что попала в рай.

Насытившись, Билл откинулся назад, опершись спиной на теплый от солнца камень, и рыгнул.

— А знаете, неплохо. Может, нам стоит вступить в ВЛДП и остаться здесь?

— Мы умрем с голоду — у них же нет никакой пищи, — возразила практичная Мита.

— И к тому же вам придется доживать свою жизнь с этой огромной желтой куриной ногой, — злорадно сказал Ки.

— На это мне наплевать, — ответил Билл, вытянув ногу перед собой и шевеля пальцами. — Как привыкнешь, это не так уж и страшно.

— А как удобно ею выкапывать червей!

— Заткнись, Ки, — сказала Мита. — Разговор у нас серьезный. Мы должны кое-что обсудить. Если мы сейчас дезертируем, это будет означать, что мы не выполним задание, и секретная база чинджеров на этой планете так и не будет обнаружена.

— Ну и что? — заметил Билл рассудительно. — Какая разница? В этой войне все равно никто не победит — и не потерпит поражение. Она просто будет тянуться вечно. Я ничего не имею против того, чтобы дезертировать и влачить жалкое существование, добывая себе пищу своей куриной ногой. Но выйдет ли из этого что-нибудь? На плато пищи хватает. Может быть, мы сможем туда летать на орнитоптере. Мы могли бы торговать с ними. Отправлять туда сломанные машины, чтобы им больше не приходилось их подстреливать.

— Ты забываешь об одном, — напомнила Мита. — Нам придется остаться здесь на всю жизнь. Не видать нам больше ярких городских огней, театров, шикарных ресторанов после спектакля...

— И тухлого ветра с залива, провонявшего гнилью и сточными водами, который овекает грязные улицы Кишки! — подхватил Ки, охваченный ностальгией. — И перестрелок по ночам, и оргий, и выпивки, и травки, и колес...

— Вы оба сошли с ума, — рассердился Билл. — Когда вы в последний раз предавались этим радостям цивилизации? Мы на военной службе, и это на всю жизнь. Мы могли бы обосноваться здесь, повернуться спиной к земному миру, построить себе бревенчатые хижины, растить детишек...

— Брось! Все это сплошной мужской шовинизм! Еще немного, и ты заставишь меня готовить, убирать и вечно ходить в фартуке. Ни за что! Поскольку я тут единственная женщина и вижу, что вы намерены обратить меня в домашнее рабство, — я против! Секс ради забавы — вот мой девиз. А я еще кое на что гожусь!

В доказательство она опрокинула Билла на землю, стиснула его в крепких объятьях и поцеловала взасос, так что температура у него подскочила на семь градусов.

— Можно я буду делать заметки? — спросил Боевой Дьявол, появляясь из туннеля. — Они прекрасно дополнят те, что я сделал относительно этой банды изменников. Кроме того, я подробно записал ваши разговоры о дезертирстве и сообщу о них вашему командиру. Он наверняка прикажет вас расстрелять, или еще что похуже, только за то, что вы осмелились об этом подумать.

— Неужели ты донесешь на своих друзей? — спросил Билл.

— Конечно! Не зря же меня называют Боевым Дьяволом. Мои боги — боги войны! Бесконечная война, уходящая в необозримое будущее, и я иду по ней триумфальным маршем!

Он выдвинул динамик, откуда понеслись омерзительные звуки марша, и принялся строевым шагом шагать взад и вперед, издавая воинственные крики.

— Когда нам захочется еще раз поговорить о дезертирстве, придется сначала избавиться от этого фрукта, — шепнул Билл.

— Точно, — шепнул в ответ Ки, вскочил на ноги и выкрикнул: — Ты совершенно прав, до тошноты воинственный Боевой Дьявол! Твои безупречные логические аргументы меня окончательно убедили. Я записываюсь в добровольцы! Вперед! Смерть чинджерам!

— Смерть чинджерам! — эхом отозвались Билл и Мита и принялись маршировать вслед за Боевым Дьяволом, пока не упали в изнеможении.

— Эх вы, слабосильные людишки! — торжествовал Боевой Дьявол. — Но по крайней мере вы теперь будете воевать, и я больше не услышу никаких трусливых разговоров о дезертирстве. Мы вместе будем шагать вперед, озаренные закатным светом вечной войны. Зиг хайль!

Он повернулся к закату, отдавая честь сразу всеми руками, щупальцами и остальными придатками и выкрикивая то «зиг», то «хайль», как безумный. Билл заметил, что пальцы его ног выступают за край обрыва. Он толкнул в бок своих товарищей, показал пальцем, и те одновременно кивнули. Все трое вскочили на ноги, подняв руки в торжественном воинском приветствии, четким строевым шагом подошли к Боевому Дьяволу...

...И столкнули его в пропасть.

Глава 17

Некоторое время снизу, из долины, доносился треск и грохот, потом все стихло.

— Одним Боевым Дьяволом меньше, — задумчиво произнес Билл.

— Туда ему и дорога, — сказала Мита, начиная раздеваться. — Самое время для оргии на солнышке, ребята.

— На полный желудок? — недовольно отозвался Билл.

— На жестких камнях? Не пойдет, — заявил Ки. Она со вздохом застегнула молнию.

— Нет больше на свете любви — а у вас и полового влечения. Придется поискать кого-нибудь поживее.

— Я хочу пить, — сказал Билл.

— Все ясно, тупица, — сердито сказала она. — Пошли назад.

Когда они снова вошли в зал, собрание уже заканчивалось. Скрипели и скрежетали заключительные здравицы. Счастливчик, дребезжа всеми конечностями, выступил вперед и торжественно приветствовал их.

— Дорогие мои мягкие, неметаллические товарищи, только что у нас состоялось голосование. Мы предлагаем вам убежище — и сейчас же приступим к разработке планов открытия в ВЛДП секции слизистых. Эта мысль преисполняет нас восторгом. Теперь наше скромное движение распространится к звездам. Мы понесем на-

ши идеи на все планеты — мы будем проповедовать, убеждать и обращать в свою веру. По нашему призыву будут дезертировать целые армии, огромные эскадры будут затихать и гасить огни, когда их экипажи перейдут на сторону нашего правого дела. Наступает светлое будущее. Мир сегодня! Мы держим в своих металлических руках завтрашний день! Конец войнам...

Его вдохновляющую речь прервал скрип открывшейся двери. В зал вступил взвод машин с выбитыми на груди металлическими красными крестами. Они сгибались под тяжестью носилок, на которых лежало изломанное тело Боевого Дьявола. Но боевого в этом дьяволе уже ничего не осталось. Вид у него был такой, будто он побывал на нескольких войнах подряд. Правая нога его отломилась, и ее заменяла одна из пушек. Большая часть вооружения была сломана или отсутствовала, а разбитые вдребезги оптические устройства скрывались под темными очками.

— Еще одна жертва бесконечной войны, — заметил Счастливчик. — Какая трагедия. Добро пожаловать в ВЛДП, больше не боевой Боевой Дьявол. Твои труды окончены, и ты, наконец, обрел тихое пристанище. Не хотел бы ты сказать нам несколько приветственных слов?

Искалеченный Боевой Дьявол поднял дрожащую руку и указал изломанным, скрюченным пальцем на людей.

— *J'accuse!* * — прокричал он.

— То-то я смотрю, он мне кого-то напоминает, — задумчиво произнес Билл и радостно продолжал: — Да это же наш старый приятель Боевой Дьявол! С тобой что-то случилось? Нет, не говори, это слишком нас огорчит. Пусть я буду первым, кто поздравит тебя с вступлением в ряды ВЛДП и началом долгого заслуженного отдыха.

— Поддерживаю. Добро пожаловать, — улыбнулась Мита.

— Также поддерживаю. Добро пожаловать...

— Это сделали вы! — механически проскрежетал Боевой Дьявол и бессильно откинулся на носилках. —

* «Я обвиняю!» (фр.) — название знаменитого памфлета Э. Золя в защиту Дрейфуса.

Я погиб в расцвете молодости. Сброшен в пропасть слизистыми. Какой бесславный конец для Боевого Дьявола, полного сил! Кончить свои дни здесь, среди этих развалин! И самому превратиться в развалину... Большого ужаса невозможно вообразить. Я бы разнес сам себя в клочья, останься у меня хоть одна боеспособная пушка. Но нет! Сначала должно восторжествовать правосудие! Это сделали они! Слизистые, стоящие здесь перед вами с виноватым видом. Это они столкнули меня в пропасть и должны расплатиться за свое преступление. Расстреляйте их! Убейте их, а я буду смеяться — ха-ха! — над судьбой, которую они заслужили...

Из него то и дело брызгало масло. Счастливчик — он уже не выглядел счастливчиком — повернулся к своим гостям.

— Неужели мозг этого несчастного пострадал от падения в пропасть с километровой высоты — или в его словах есть доля правды?

— Галлюцинация, вызванная травмой, — заметил Ки. — Он споткнулся и начал падать. Мы пытались спасти его, но не смогли. Гибель Боевого Дьявола — всегда трагедия. Мы должны пожалеть его...

— У меня... запечатанные в броню... пленки с записями. Я могу доказать... что это сделали вы.

Медоточивая улыбка на лице Ки сменилась гримасой, похожей на ножевую рану в животе трупа.

— Кому вы поверите — этому разбитому железному негодяю или нам?

— Ему... если у него есть доказательства, — решительно сказал Счастливчик. — Предъяви их или умолкни, новопреставленный Боевой Дьявол.

— Вот вам! — торжествующе прохрипел Боевой Дьявол, выдвигая из своего правого бедра проектор с треснувшей линзой. На стене появилось изображение, оно прыгало и было не в фокусе. Но на нем было хорошо видно, как люди сталкивают Боевого Дьявола в пропасть. Потом проектор затрясся и вывалился на пол. Но дело было сделано. Все глаза — все, какие еще действовали, — устремились на людей.

Тут в защиту себя и своих товарищей выступил Билл.

— Пусть он расскажет, почему мы это сделали. У нас были на то причины — он собирался донести на нас, добиться суда и расстрела за дезертирство. Мы

действовали лишь в целях самозащиты. Вроде превентивного удара, о котором так любят распинаться военные. Что еще нам оставалось?

— Многое. Но что сделано, то сделано, — сказал Счастливчик. — Обвинение против вас доказано.

— Расстреляйте их! — злоратно проскрипел Боевой Дьявол.

Люди попятились перед надвигавшейся на них толпой машин. В их глазах появился ужас загнанного зверя. Но выхода не было. Все ближе и ближе подступали машины, протягивая к ним ржавые когти, щелкая погнутыми челюстями. Дальше отступать было некуда — они уперлись спиной в стену. Мстительные металлические руки схватили их. Одна уже расстегнула Биллу ширинку...

— Стойте! — крикнул Счастливчик во всю силу своих стальных легких. — Назад! Назад, говорю я! Из двух неправедных дел не сложить одно праведное. Неужели вы забыли, как называется наша организация? ВЛДП. А что это означает?

— Всепланетная Лига Дезертиров и Пацифистов! — хором прогремели машины.

— А какой у нас гимн?

— «Кто воюет почем зря, тот не проживет и дня!»

— А вторая строчка?

— «Подставляй другую щеку, от войны не будет проку!»

— Вот такие дела, — мрачно сказал Счастливчик. — Как бы ни хотелось нам разорвать вас в клочья, разобрать на колесики, развинтить до последнего болта, мы не можем этого сделать. Этого не допускает наш образ мыслей. Вы будете изгнаны из нашего священного убежища и возвращены в строй, откуда вы сбежали, что и станет для вас достаточным наказанием.

— Ребята, а вы не возьметесь передать моему дорогому командиру Зоцу одно безобидное послание на пленке? — с невинным видом спросил Боевой Дьявол.

Все, не сговариваясь, показали ему кукиш: каждому ясно было, что это будет за послание.

— Идите прочь! — приказал Счастливчик. — Вы объявлены вне закона, изгнаны, отвергнуты. Уходите и заберите с собой ваши низменные помыслы.

— А нельзя взять с собой еще и наши бластеры? — спросил Ки.

Внутри Счастливики гневно завертелись шестерни.

— Вы испытываете мое терпение. Если через десять секунд вы не уберетесь, я пересмотрю свое решение.

— Еле вырвались, — сказал Билл, когда они вышли из туннеля на открытое место.

— Тихо! — предостерег его Ки. — Орнитоптеру об этом ни слова. Скажем ему, что Боевой Дьявол решил остаться здесь, или еще что-нибудь сохрем. Если он что-то заподозрит, мы погибли.

Орнитоптер выплюнул ржавую металлическую жвачку и повернул к ним один глаз.

— Только что переговорил по радио с Боевым Дьяволом. Он велел, когда вернемся, донести начальству, что вы его угробили.

— Мы бы с удовольствием что-нибудь соврали, только это не поможет, — сказала Мита. — Ну и что, донесешь?

— Да нет, конечно. Мне эта война нравится не больше, чем вам. На ней погибла моя сестра и большая часть родственников. Мы будем стоять на своем. Каждый будет рассказывать, какую отвагу проявили все остальные, а потом попросимся в отпуск.

— А что мы скажем про Боевого Дьявола? — спросил Билл.

— Про этого мужественного, верного Боевого Дьявола? — переспросил орнитоптер, яростно вращая глазами. — Он продолжал драться, даже когда эти мерзкие бартрумианцы навалились на него тысячами, миллионами. Стоял насмерть, прикрывая наше отступление, пока не разрядил аккумуляторы до последнего вольта. Отдал свою жизнь, чтобы нас спасти.

— Летаешь ты так себе, — восхищенно сказала Мита, — но сочинитель замечательный.

— Спасибо. Я уже кое-что напечатал, правда, только во второразрядных журналах. А летал бы я куда лучше, будь у меня пропеллер: на хлопанье крыльями уходит слишком много энергии, а подъемная сила у них никудышная. Кстати — давайте-ка хлопать отсюда, пока больше ничего не случилось. У меня назначено свидание с одной орнитоптершей, я давно подумываю о семейном гнездышке.

Всю тряскую дорогу они провели в молчании. Возвращаться никому не хотелось, но другого выхода не было. Орнитоптер, отдохнувший и подкормившийся, развил неплохую скорость. Скоро над горизонтом поднялся железный город, и они начали снижаться среди башен, которые, наоборот, возвышались к небу. Когда они неуверенно ступили на землю, навстречу вышли адмирал и Вербер.

— Давно бы пора вам вернуться, — радушно приветствовал их адмирал. — Пишите подробные рапорты — они должны быть у меня на столе не позже чем в семь ноль-ноль. А потом мне понадобится доброволец. — Он сердито заворчал, увидев, что все дружно отступили назад, пока не уперлись спинами в стену.

— Труссы! А ведь вы даже еще не знаете, о чем идет речь.

— Ни о чем хорошем, иначе вам это и в голову бы не пришло, — сказал Ки, выразив общее мнение.

— Вам бы все острить. Мне нужен доброволец, который вызовется пробраться во вражескую крепость и отыскать там космолет чинджеров. Потом проникнуть в него и добраться до субэфирного передатчика, чтобы послать нашему военно-космическому флоту просьбу о помощи.

— И это все? — спросила Мита, излив в этих словах весь свой сарказм.

— Да, все. И лучше подумайте, как сделать это побыстрее. Вчера мы с Вербером съели последнюю мясодыню. Так что либо приготовьтесь умереть от голода, либо отправляйтесь. Мои исследования закончены, оставаться здесь мне больше незачем. Честно говоря, я соскучился по роскоши и комфорту армейской жизни.

— Офицерской жизни, — проворчал Ки.

— Ну, разумеется! Так вот — у кого есть предложения?

Наступившую тишину нарушил голос, которого они уже давно не слышали.

— Я знаю, как это сделать.

Это был капитан Блай. Весь трясушийся, с налитыми кровью глазами, — но трезвый и не под кайфом.

— С чего это вы вдруг решили предложить свою помощь? — спросил Практис с большим подозрением.

— С того, что у меня кончилось зелье. Мне нужно добыть еще.

— Вот теперь верю. И какой у вас план?

— Очень простой. Перебить всех до единого. Всех этих железных изменников, всех чинджеров. Ба-бах — и все.

— Да, действительно, очень простой, — насмешливо произнес Практис. — Ничего проще и глупее я еще не слышал.

— Смейтесь, смейтесь! Надо мной уже много лет смеются. А то и хохочут. Презирают, отвергают, выливают мне на голову ночные горшки. Ах, если бы тогда в постели не было хотя бы той собаки...

— Капитан, в чем же состоит ваш план?

Голос Миты прорвался сквозь пелену слезливой жалости к самому себе, капитан заморгал глазами и огляделся.

— План? Какой план? Ах да. Перебить их всех в горной крепости. Сбросить на них нейтронную бомбу. Как известно каждому, она убивает любые формы жизни, но не приносит вреда имуществу. А потом мы просто являемся туда и захватываем их космолет.

— Сама простота, — сказал Практис и указал пальцем на свой рот. — Надеюсь, вы видите, что у меня на губах застыла презрительная гримаса. Какого хрена, ведь у нас нет никакой нейтронной бомбы!

— Нет. Но прежде чем стать капитаном мусоровоза, я был физиком-ядерщиком. Конечно, до той истории с собакой. А в двигателе нашего мусоровоза вполне достаточно нейтрония.

— Он весь сгорел, — сказал Билл.

— Даже если у вас глупый вид, это не значит, что нужно постоянно говорить глупости. Нейтроний находится в герметически закрытом бронированном помещении. Он еще там.

— Мне кажется, капитан, в этом что-то есть, — сказал Практис, и глаза его кровожадно сверкнули. — Мы идем к кораблю, извлекаем нейтроний, изготавливаем бомбу, сбрасываем ее и захватываем космолет. Замечательно!

— Не пойдет, — сказал Зоц, лениво махнув золотой рукой. Носильщики несколько раз обнесли его вокруг посадочной площадки и бережно поставили паланкин на землю. — Никаких бомбежек.

— Почему? — удивленно спросил Практис.

— Почему? Во-первых, потому, что это положит конец бесконечной войне.

— Но вы же этого и хотите?

— Я — нет. Так же, как и мой брат Плоц, который командует этими свихнувшимися машинами. Которые, кстати говоря, все до единой считают свихнувшимися машинами нас.

— Если уж речь зашла о свихнувшихся машинах... — Мита не закончила фразу, но ткнула пальцем в сторону Зоца.

— Поосторожнее, — проскрипел Зоц, и на его обычно золотисто-радостном лице появилась зловная гримаса. — Если хотите знать, все это подстроено. И Плоц и я жаждем власти — и у нас ее в избытке, пока идет эта война. Она поддерживает экономику и обеспечивает нас металлоломом, так что нам не приходится голодать. Она приносит много пользы.

— Она приносит разрушения, увечья, смерть, — сказал Билл.

— И это тоже. Ну и что? Ведь и вы, люди, играете в те же игры, верно, адмирал?

— Более или менее. Так что можете оставить себе свою войну, это ваше дело. Но нам надо убраться с этой планеты, пока мы не умерли с голоду. Что вы на это скажете?

— Вы сами сказали — это вам надо, а не нам.

— Как вы великодушны. И вы думаете, мы будем сидеть тут и голодать?

— Ну да. Верно сообразили, даже подсказки не понадобилось.

— Ах ты, жестяной предатель! — крикнул в ярости Практис и кинулся на него вместе с остальными. Но они тут же отступили, когда из туннеля выскочили десять Боевых Дьяволов и выстроились перед ними шеренгой.

— Это тебе так не пройдет! — кричал Практис, брызгая слюной.

— Мы расскажем про вашу липовую войну всем машинам. Слышите, Боевые Дьяволы? Вся эта война липовая. Вы умираете понапрасну.

— Это вы говорите понапрасну, — зевнул Зоц с выражением скуки на лице. — Я отдал по радио приказ всем моим войскам, чтобы они забыли ваш язык. Они больше вас не понимают.

Билл взглянул на их верного коня — мужественного орнитоптера. Тот поглядел на него одним глазом.

— Он сказал неправду. Ведь ты меня понимаешь?

— Comment? *

— Не может быть, чтобы ты забыл наш язык, да еще так быстро!

— Enfin, des tables de monnaies et de mesures rendront de reels services. **

— Да, забыл, и именно так быстро.

Билл обернулся и увидел, что Зоц и его свита исчезли, как и Боевые Дьяволы. Послышалось замирающее вдали хлопанье крыльев — орнитоптер поднялся и улетел.

Они в ужасе уставились друг на друга.

Одни.

Брошены на этой бесплодной планете.

Голодная смерть. Неужели теперь ее не миновать?

* Что вы сказали? (фр.)

** Наконец таблицы монет и мер принесут действительную пользу (фр.)

Глава 18

— Не могу поверить, что все это случилось со мной, — простонал Ки.

— А с кем же — с посторонним дядей? — проворчала Мита. — Жалеть себя будем потом. Сейчас надо придумать какой-нибудь план.

— Ну и придумайте, — мрачно предложил Практис. — Я готов рассмотреть любые идеи, даже самые дикие.

Ответом ему было молчание. Долгое время спустя Билл кашлянул.

— Я хочу пить. Пойду раздобуду воды. Кому-нибудь еще принести? Мы знаем только одно — уж воды-то здесь хватит, от жажды мы не умрем.

Осыпаемый оскорблениями, он пошел прочь, остановившись только перед входом в туннель, чтобы перевести дух. Но не успел он двинуться дальше, как его окликнула Мита:

— Погоди, Билл. Тут один дракон хочет с тобой поговорить.

Дракон аккуратно приземлился на четыре точки и мирно сидел, время от времени пуская кольца дыма.

— Привет, Билл, и вы, ребята. Вот и я. Как видите, решил присоединиться к вам, как только крыло у меня отросло. Вернуться в драконник я теперь не могу, ведь я им изменил. Так что я решил, что у вас здесь может найтись для меня какая-нибудь работенка.

— Еще бы, конечно! — радостно вскричали все. — Ты вывезешь нас отсюда!

— Проще простого. Только мне надо будет сначала заправиться. Бочки-другой нефти должно хватить.

— Тут могут быть сложности, — сказал Практис. — Мы слегка разошлись во мнениях с местными жителями.

— И теперь с ними не разговариваем, — сказал капитан Блай. — Вон там, если немного пройти по туннелю, у них склад. Предлагаю вам и вам вызваться добровольцами и выкатить оттуда бочку.

— Вечно вся грязная работа достается рядовым солдатам, — недовольно проворчал Билл.

— И солдаткам, — добавила Мита. — Так что давай не будем предаваться жалости к самим себе, а просто пойдем и сделаем, что надо.

Дверь склада была открыта, но внутри маленький робот-учетчик занимался учетом. И делал пометки металлическим пером на восковой пластинке. Они проскользнули мимо него, выбрали две полные бочки с нефтью и покатали их со склада. Робот-учетчик загородил перед ними дверь и яростно замахал всеми четырнадцатью руками:

— XII, II, XVI, XIV! — сказал он.

— Конечно, конечно, — согласился Билл. — Но ведь тут у тебя их целый склад. Всего на каких-нибудь две меньше — ты и не заметишь.

— XXIXIIXXX! — завопил робот.

Они покатали бочки прямо на него. Послышался хруст. Однако перед смертью он, должно быть, успел сделать последний радиовывоз, потому что они еще не добрались до посадочной площадки, когда на своем паланкине появился Зоц, которого бегом несли носильщики.

— Это вы только что раздавили моего робота-учетчика?

— Мы нечаянно, он споткнулся и упал прямо под бочку.

— И вы думаете, я поверю этим басням?

— Это сушая правда, — ответил Билл, положив руку на сердце и изображая святую невинность.

— Может быть, кто-то вам и поверил бы, но только не я. И потом что вы собирались делать с этой нефтью?

Билл почувствовал, что больше врать уже не в силах, но на помощь ему пришла Мита.

— Вы хотите нашей смерти, — всхлипнула она. — Здесь нет пищи. Нам грозит голодная смерть. Мы и подумали — может, нам стащить немного нефти, привыкнуть к ней, ведь в ней, в конце концов, полно питательных углеводов, а мы как-никак углеродная форма жизни. Неужто вы пожалеете последний глоток нефти для умирающих инопланетян?

— Ладно, ладно, достаточно. У меня есть дела поважнее, чем болтать со слизистыми. Вы же знаете, у нас идет война.

Паланкин скрылся в глубине туннеля, и Билл издал громкий вздох облегчения.

— Здорово у тебя это получилось! — сказал он, глядя на Миту влажными глазами, полными собачьей преданности.

— Еще бы. У меня настоящий артистический талант. Я ведь тебе не просто смазливая мордашка. Неужто ты до сих пор не догадался? Ты какой-то непонятливый. Ведь тебя это интересует? Или ты ненормальный, а может, извращенец? Тогда скажи, чтобы я больше не тратила зря время. Кто тебе больше нравится — я или Ки?

— Ты, конечно! Кто я, по-твоему, такой?

— Я просто хотела убедиться. А теперь давай сюда свои губы!

Она крепко стиснула его в объятьях, и они поцеловались. Биллу показалось, что он попал в лапы к страстному тигру, жаждущему проглотить его целиком...

— Ой! Ты меня укусила!

— Это любовные игры, милый. Привыкай.

— Эй вы, прекратите заниматься сексом при исполнении служебных обязанностей и катите сюда эти бочки.

Практис подозрительно посмотрел, как они покатили бочки мимо него, потом пошел за ними к посадочной площадке.

— Какая прелесть! — воскликнул дракон, облизываясь. — Самая лучшая марка. Восхитительно.

Быстрым движением стального когтя он проткнул бочку, запрокинул ее и выпил одним огромным глотком. Потом удовлетворенно выпыхнул язык пламени и обдал их облаком копоти.

— Прошу простить, что так веду себя за столом.

Голос его замолк и перешел в бульканье — вторая бочка последовала за первой. Потом воздух огласился хрустом и звоном — он принялся жевать бочки.

— Теперь мы можем поговорить о деле? — спросил Практис, когда был проглочен последний кусочек железа.

— Конечно. Вам нужно средство передвижения?

— Правильно.

— Куда?

— Хороший вопрос, — задумчиво произнес Практис. — Ты мог бы доставить нас на то плато, где вам всем так понравилось. Вы говорили, что еда там вполне удобоваримая.

— А местные жители — нет! — заявил Ки, и остальные закивали в знак согласия. — Одни психи. И ничего хорошего там нет — только гоняются все друг за другом и дерутся.

— Веское замечание. Но куда еще? Не можем же мы сдать ся чинджерам.

— А почему бы и нет? — Все повернулись к Биллу с разной степенью отвращения на лице. Ки нагнулся и поднял с земли большой камень. — Погодите минуту! Мы просто перебираем возможные варианты. Их не так много, вы же знаете. Чинджеры говорят, что настроены мирно и не желают ни убивать, ни воевать. Так пусть они это докажут. Мы идем к ним. Им придется нас кормить, чтобы мы не сдохли. А если у них нет такой пищи, которая бы нам подошла, им придется поскорее отправить нас куда-нибудь с этой планеты.

— Этот план настолько глуп, что может сработать, — хрипло выговорил капитан Блай, едва шевеля запекшимися губами.

— Я говорю — нет, а адмирал тут я. Никакой сдачи в плен. Только в самом крайнем случае. Есть на этой пустынной планете еще какое-нибудь место, куда мы могли бы податься?

— Вот что, — сказал дракон, и все глаза устремились на него. — Я помню одну историю, которую рассказывал нам старый дракон, когда мы ночами сиживали вокруг костра и пекли орешки. Козьи. Он рассказывал про зеленое плато, где мы только что побывали, и про отвратительные формы жизни, которые там кишмя кишат. Но он рассказывал еще и про

другое плато, такого же мерзкого зеленого цвета, которое лежит на расстоянии почти целого дневного перелета за ним. Но он предостерегал нас, чтобы мы не вздумали туда соваться. Ибо там таятся Страшные Опасности. И всякая Нечисть.

— Он так и говорил? Страшные Опасности и Нечисть?

— Угу. Именно так. И если вы думаете, что так легко произносить заглавные буквы, попробуйте сами.

— Нет, спасибо, — отозвался Практис. — Я хочу спросить только об одном. Ты сказал, что оно зеленое?

— Как глаз дракона во время течки.

— Интересное сравнение. Прекрасно. Отправляемся туда.

— А как насчет Страшных Опасностей и Нечисти? — жалобно спросил Билл. — Что-то мне это не нравится.

— А что еще делать? Выполняйте приказы, солдат. И первый приказ — заткнуться. Ладно, отправляемся немедленно. В полете будет сильно трясти, так что если кто не облегчился, облегчайтесь сейчас. Останавливаться ради этого мы не станем. Вперед!

Когда они карабкались на спину дракона, слышался знакомый гнусный голос.

— Эй, дракон! Я хочу тебе кое-что сказать.

Носильщики поднесли паланкин с Зоцем.

— Да, сэр, — ответил дракон, поглядев через плечо, уселись ли уже пассажиры.

— Немедленно стряхни этих инопланетных слизи-стых — это приказ. Мне это не нравится.

— Ах вот как, сэр? Ну, вот это, я думаю, понравится вам больше.

С этими словами дракон выдохнул язык пламени, который мгновенно расплавил и носильщиков, и паланкин. Остался невредим только Зоц, покрытый тугоплавким золотом. Он вскрикнул и пустился наутек. Дракон развел пары.

— Летим, летим, летим! — пропел он фальцетом и поднялся в воздух.

— Огромное спасибо тебе за помощь, — с благодарностью сказала Мита.

— Не за что. С тех пор как я только вылутился из яйца, меня учили ненавидеть этого Зоца, мне про Зоца и говорить не хоцца. Может, он и не так уж плох...

— Он просто железное тучело!

— Вот и хорошо. Так приятно, когда предрассудки подтверждаются. А раз так — пожелаем себе летной погоды. Следующая остановка — Плато Тайн.

— И облети то, другое плато подальше, — посоветовал Билл. — Вспомни, что случилось в прошлый раз.

— Как я могу это забыть? Я еще не обновил толком новое крыло.

Подкрепившись высокооктановым горючим, дракон был полон сил и летел всю ночь напролет. Никто не спал, особенно дракон, по вполне понятной причине, и рассвет они встретили невыспавшимися и с мутными глазами. Моргая, они смотрели на восходящее солнце и на плато, которое поднималось перед ними из безжизненной пустыни прямо по курсу.

— Долетели, — хрипло произнес Билл.

— Не совсем, — сказал дракон, зевая и выпуская небольшой клуб пламени. — Я хочу немного набрать высоту на случай, если и там кому-то не терпится нажать на спуск.

Они долго кружили в восходящих потоках воздуха, прежде чем дракон решился пересечь границу плато.

— Там действующие вулканы, — сказал Практис. — Держись от них подальше.

— Буду пока держаться, если вы настаиваете. Но как я люблю лаву! Волны огня, дымящиеся фумаролы! Это как раз по мне. А вот это, похоже, как раз по вам. Там что, война идет?

Практис приподнял нащепку на глазу и выдвинул свой телескопический объектив.

— Очень интересно. Какое-то огромное сооружение, что-то вроде замка. Оно отчаянно защищается, потому что на него отчаянно нападают. Подробности с такой высоты разглядеть трудно, но похоже, что у них ничья. Приземляйся, дракон.

— Только не в самую гущу боевых действий! — взмолился Билл.

— Да нет, болван, не в гущу. Но поблизости от нее. Видишь вон тот холм, покрытый лесом? Садись по другую сторону от него, чтобы наступающие нас не видели. Оттуда мы произведем рекогносцировку.

За время долгого полета ноги у них так затекли, что они смогли только повалиться на землю и лежали, едва шевеля лапками, словно перевернутые на спину жуки.

— Надеюсь, полет вам понравился, — сказал дракон.

— Отличный полет. Замечательный. Ого-го! — задыхаясь, еле выговорили они.

— Прекрасно. Здесь я намерен вас оставить, потому что воюющие слизистые меня не интересуют. Увидимся.

Они слабо помахали руками своему верному скакуну, и могучие крылья подняли его в воздух. Он громогласно попрощался, осыпав копотью их беспомощные тела.

Билл шевельнулся первым и со стоном встал. Кругом простирался пышный луг, по которому с веселым журчаньем бежал ручеек.

— Пойду напьюсь из этого веселого ручейка, — сказал он и шатаясь пошел к нему.

Остальные, как только смогли, присоединились к Биллу и растянулись на берегу ручья, жадно, с хлюпаньем глотая воду. Вскоре они пришли в себя, сели и принялись осматриваться на новом месте. Вокруг пели птички, жужжали пчелки, цветочки покачивали пышными головками на ветерке и раздавались громкие команды адмирала.

— Вы, младший лейтенант, гляньте, что там по другую сторону холма, и доложите. Остальные прочешите местность — нет ли тут плодов, ягод или какой-нибудь другой еды. И запомните — есть самим запрещается под страхом трибунала. Все съедобное приносите мне на проверку.

— Как бы не так, — злобно проворчала Мита, и остальные кивнули в знак согласия. Все рассыпались по лугу, а Билл полез через заросли кустарника на холм и вскоре смог разглядеть, что происходит по другую его сторону. Он укрылся под кустом, который случайно оказался кустом черной смородины, и с наслаждением жевал ее, глядя вниз. Наевшись, он сорвал одну ягодку для адмирала и начал спускаться с холма.

Остальные уже вернулись и слушали разнос, который устроил им адмирал.

— Вы принесли только по одному плоду каждый! Вы меня за идиота считаете, что ли? Не смейте отвечать! А вы, лейтенант, что вы принесли?

— Ягоду! — Он протянул ее адмиралу, и тот в ярости заорал:

— Ягоду! А у самого все лицо от них синее. — Сердито глядя на Билла, он сунул ягоду в рот и проглотил ее. — Докладывайте! Что там происходит?

— Там вот что, сэр. — Билл сыто рыгнул, и взгляд адмирала стал еще на несколько градусов сердитее. — Тот замок, что мы видели по дороге сюда, насколько я видел, со всех сторон окружен атакующими. Подъемный мост поднят, и время от времени они поливают тех, кто стоит под стенами, кипящим маслом. Шуму и крику много, но они, по-моему, не особенно спешат.

— Какие у них ружья?

— Это самое странное. Нет у них никаких ружей. Есть большие деревянные машины, которые швыряют камни, и другие машины, которые пускают длинные дротики. Солдаты вооружены копьями, луками и стрелами, мечами и прочим в том же роде. И я было подумал, что все атакующие — женщины, потому что они в юбках. Потом я подполз поближе и разглядел, что у них волосатые ноги и что все они мужчины...

— Приберегите свои грязные сексуальные впечатления для соседей по казарме. Какую-нибудь еду вы видели?

— Еще бы! — Глаза у Билла загорелись. — У них там разведен костер, и над ним на вертеле жарится целая туша. Запах жареного доносился даже до меня.

Все проглотили слюну, сплюнули и прокашлялись.

— Надо вступить с ними в контакт, — сказал Практис. — А для этого нам нужен доброволец.

Глава 19

— Адмирал Практис, — сладким голосом начала Мита, — мне кажется, сейчас самое время сделать одну вещь.

Она сжала кулаки, шагнула вперед — и отвесила ему затрещину. Он навзничь повалился на траву, и на его физиономии тут же начал наливаться синяк.

— Вы меня ударили!

— А вы заметили?

— Солдаты! — вскричал он с пеной на губах, брызгая слюной во все стороны. — Мятеж! Убейте изменницу на месте!

Но никто не кинулся восстанавливать справедливость. Двинулся с места один Ки — он зевнул, подошел к адмиралу и пнул его ногой в ребра.

— Дошло до вас? — спросил капитан Блай. — Я вижу, ваши остекленевшие глаза выражают полное непонимание, так что придется все вам растолковать. Мы находимся в бесчисленных световых годах от нашей ближайшей базы — на которой даже не знают, где мы. Шансов выбраться с этой планеты у нас очень мало. И похоже, что пока мы здесь, все чины отменяются. Обращаться друг к другу мы будем по имени. Меня зовут Арчибалд.

— Мне больше нравится «капитан», — сказала Мита. — А как ваше имя, Практис?

— Адмирал, — злобно буркнул он.

— Ну, будь по-вашему, если вам так нравится. Но больше никаких приказов, никакого чинопочитания и всей этой армейской хреновины, ясно?

— Никогда я не подчинюсь диктатуре пролетариата.

Они принялись колотить его ногами по ребрам, пока он не завопил:

— Да здравствует Народная Социалистическая Республика США!

— Вот это другое дело, — сказал Ки. — Ну а что дальше?

— Разрабатываем план? — с готовностью предположил Билл.

— Заткнитесь, — намекнул Практис. — Имею я право высказаться? Ведь теперь я из вашей шайки?

— Один человек — один голос. Говорите.

— Здесь идет война. Там, за холмом, — армия. А во время войны, когда рядом армия, всегда страдают мирные жители. Верно?

— У вас безупречная логика.

— Значит, мы не должны вести себя, как мирные жители. Мы военные и вступим в армию. И нас накормят. Предлагаю создать воинскую часть и выбрать командира. А потом пойти в добровольцы.

— А кто будет командиром? — спросил Билл.

— Наверное, экс-адмирал, — сказала Мита. — Черный монокль, лысина, отвратительные манеры — сразу видно, как раз из таких выходят офицеры. К тому же в прежней жизни он имел опыт командования. Беретесь, Практис?

— Никак не ожидал, что вы мне это предложите, — сладким голосом ответил тот и, мгновенно сменив тон, рявкнул: — Становись! — но тут же заискивающе добавил: — Пожалуйста. Рад, что вы готовы сотрудничать. Надо, чтобы все было похоже на правду, поэтому постарайтесь шагать в ногу, если сможете. Спину распрямить, живот подобрать, грудь вперед — шагом... а-арш!

Он пристроил на плече свой маленький динамик и поставил бодрящий марш «Рев ракет, гром орудий, крики умирающих» — там очень громко бьют в большой барабан, так что даже тупица из тупиц понимает, когда надо шагать левой.

Промаршировав через лут и вокруг холма, они приблизилась к армии осаждающих. Когда их заметили,

битва замедлилась и остановилась. Все уставились на них выпучив глаза и разинув рты. Офицер, который, по-видимому, командовал операцией, в доспехах из меди и кожи, тоже повернулся к ним. Их пение заглушило даже плеск кипящего масла, лившегося со стен. Эхом отдавались слова марша:

И когда взревут ракеты,
И раздастся зов трубы, —
Так и знай: уж все солдаты
Приготовили гробы!

Зрелище было крайне воинственное — для тех, кто мало что понимает в воинственных зрелищах. Отбивая шаг, они строем подошли к офицеру, и Практис во весь голос выкрикнул последнюю команду:

— Рота, стой!

Пристукнув сапогами, они остановились, и Практис лихо отдал честь офицеру — так эффектно это у него никогда не получалось.

— Все в наличии, СЭР. Адмирал Практис со своей частью явился для несения службы, СЭР.

При их внезапном появлении офицер сначала встал было в тупик, но тут же из него вышел, обернулся и что-то скомандовал через плечо хриплым голосом. К ним рысцой подбежал какой-то пожилой человек в грязной одежде и со столь же грязной белой бородой.

— *Ave atque vale!* * — нерешительно спросил он.

— Убей меня, папаша, не понимаю, — ответил Практис. — Я знаю два-три языка, но такого никогда еще не слышал.

Старик приложил руку к уху, прислушался и, кивнув, повернулся к офицеру:

— Варварская смесь гэльских наречий, центурион. Немного от англов, немного от саксов, попадаются гортанные звуки — это из старонорвежского, и все это местами сдобрено латынью. Ничего интересного, даже существительные не склоняются.

— Хватит твоих лекций, Стерк. Ты здесь всего-навсего раб. Иди, работай — продолжай жарить быка, а тут я займусь сам. — Он осмотрел с ног до головы

* Здравствуй, а также привет! (лат.)

Практиса и весь его маленький отряд и скривился. — Клянусь великим Юпитером, что это еще за сброд?

— Добровольцы, благородный центурион. Наемники, которые желают служить под твоим началом.

— Где ваше оружие?

— Тут вышла такая история...

— Какая?

Адмирал не сразу придумал, что бы соврать, но ему на помощь пришла Мита, которая уже начала приобретать богатую практику по этой части.

— Здесь дело чести, и наш уважаемый командир не хочет об этом говорить. Некоторое время назад, когда мы переходили ручей, нас застиг внезапный паводок. Чтобы не утонуть, нам пришлось бросить оружие и спастись вплавь. Конечно, потерять оружие — позор для солдата, и наш командир даже пытался броситься на свой меч, но меча-то у него уже не было. Поэтому он и привел нас сюда, чтобы мы вступили в твою армию и вернули утраченную честь в огне битвы...

— Ладно, достаточно, — крикнул центурион. — Объяснение короткое и исчерпывающее. Во всяком случае я ни слову не верю. — Он увидел, что Мита собирается что-то сказать, и крикнул еще громче: — Довольно! Верю, верю! И, кстати, мне сейчас в самом деле не хватает людей. Плата — один сестерций в день. Вам выдадут по одному мечу и по одному щиту на человека, и вы не будете получать платы, пока за них не рассчитаетесь. Примерно год — или до тех пор, пока вас не убьют. В этом случае оружие как государственная собственность будет возвращено государству...

— Мы согласны на эти условия, — заорал Практис, заглушая шум битвы. — Мы у вас на службе. Когда кормежка?

— Бык готов! — крикнул пожилой раб, и в возникшей суматохе новоприбывших едва не затоптали. Но они не ударили в грязь лицом — толкаться за кормежкой им было не привыкать. Поработав локтями и применив несколько приемов каратэ, отважный маленький отряд оказался в самой голове очереди как раз к тому времени, когда началась раздача мяса. Спасаясь от напора голодной толпы, они утащили свою еще шипящую добычу в ближайшую рощицу и принялись ее уплетать.

— Мясо слишком жирное, недожаренное, подгорелое, песок на зубах хрустит, и вообще гадость, — сказал Ки. — Но вкусно.

Все кивнули и вытерли жирные пальцы о траву.

— А чем его запить?

Билл указал пальцем.

— Вон стоит бочка, и к ней очередь с кружками.

Они встали в очередь и взяли по кружке из лежавшей на земле груды. Кружки были кожаные и обмазанные чем-то вроде дегтя. Практис, как и положено офицеру, подошел первым и подставил свою кружку. В нее плеснули из черпака какой-то жидкости, он сделал большой глоток и тут же выплюнул.

— Ух! Это вино на вкус — как уксус пополам с водой.

— А это и есть уксус пополам с водой, — сказал раздатчик. — Вино только для офицеров. Следующий!

— Но я офицер!

— Обратитесь в профсоюз, это не мое дело. Следующий!

Как ни противна на вкус была эта жидкость, все же она помогала еще более противному на вкус мясу проскочить в горло. Они осушили по кружке и растянулись на земле, чтобы вздремнуть после еды. Почувствовав, что на его лицо упала какая-то тень, Практис заворочался во сне, открыл один глаз и увидел, что над ним возвышается чья-то темная фигура.

— К оружию! — завопил он и принялся шарить вокруг себя в поисках меча.

— Это всего-навсего я, раб Стерк, — сказал раб Стерк. — Ты адмирал, который командует этим отрядом?

Практис сел и бросил на него подозрительный взгляд.

— Ага. А кому какое до этого дело?

— Я раб Стерк...

— Ты уже представился. Чего тебе надо?

— Скажи мне, адмирал — это офицер?

— Самый главный на флоте.

— А что такое флот?

— Тебе это зачем-то нужно знать?

— Да, сэр.

— На флоте говорят «так точно, сэр».

— Так точно, сэр.

— Вот это уже лучше. Так чего тебе надо?

— В жизни не слышала разговора нелепее и нуднее, — сказала Мита, снова улегшись поудобнее и натянув на голову куртку.

— Вино для офицеров, — сказал Стерк, скидывая со спины пузатый кожаный бурдюк. — Раз ты офицер, я тебе принес немного.

— Эта армия мне начинает нравиться, — радостно сказал Практис, запрокинул голову и направил темную струю из бурдюка себе в глотку.

Его пришлось колотить по спине не меньше пяти минут, прежде чем приступ судорожного кашля прошел. К этому времени все проснулись. Билл сделал маленький глоток и выпучил глаза.

— Впрочем, мне приходилось пить и похуже, — хрипло заметил он.

— В нем все-таки есть алкоголь, — сказал Практис еще более хрипло. — Дайте сюда.

— Может ли ничтожный раб спросить, что привело вас в эти края? — заискивающе спросил Стерк, видя, что они вот-вот нахлещутся до обалдения.

— А, так вот зачем ты здесь! — сказал Ки. — Тебя прислал тот офицер, чтобы все у нас вывести. Попробуй только это отрицать.

— С какой стати? — хихикнул старик. — Так оно и есть. Он хочет знать, откуда вы пришли и что здесь делаете.

Все взгляды обратились на Миту — похоже, она уже была произведена в лжецы первой статьи.

— Мы пришли из далекой страны...

— Не может быть, чтобы из слишком далекой — это плато не так уж велико.

Она улыбнулась и переключила передачу в своей машинке для вранья.

— Я не говорила, что мы с этого плато. Мы с другого плато, и мы бежали оттуда через песчаное бездорожье бесконечной пустыни, спасаясь от идущей там бесконечной войны.

— Вы не первые, кто бежит от этих ненормальных бартрумианцев. Но вы не краснокожие и не зеленые — значит, вы мерзкие белые обезьяны.

— И сюда дошли слухи о них? Забудь, все это чепуха. Там много чего происходит, о чем вы не имеете ни малейшего представления.

— А мне до этого нет дела. Я просто пытаюсь напоить вас допьяна и вывести, где вы спрятали свои радиевые ружья.

— У нас их не было.

— Вы уверены? Спрашиваю в последний раз.

— Вполне уверены. Теперь давай вино, хоть оно и скверное, и катись отсюда. Неужели ты думаешь, что будь у нас хоть какое-нибудь оружие, мы вступили бы в вашу паршивую армию?

Старый раб погладил бороду и кивнул.

— Вот это, адмирал, уже похоже на правду. Значит, у вас нет никакого другого оружия, и вы готовы драться, вооруженные лишь мечом и щитом, или еще чем-нибудь столь же примитивным?

— Правильно.

— Это все, что я хотел узнать. Можете наслаждаться вином.

Стерк униженно склонился перед ними, и все снисходительно помахали ему рукой.

Потом Стерк поднес ко рту свисток, который до того прятал в ладони, и пронзительно свистнул. Со всех сторон из-за деревьев выскочили солдаты, и мгновение спустя к горлу каждого были приставлены острые копья.

— Отведите их в цирк, — приказал Стерк. — Там теперь будет шесть новых добровольцев.

— В цирк? К дрессированным медведям, клоунам и слонам? — радостно спросил Билл.

— К копиям, мечам, трезубцам, львам и тиграм. На верную смерть.

Глава 20

Под угрозой копий отважный маленький отряд провели через весь лагерь под насмешливые крики и издевательства грубых солдат.

— Вы об этом пожалеете!

— *Morituri te salutamus!* *

— Иностранцы!

— Варвары!

Не обращая внимания на оскорбления, большей части которых они все равно не понимали, они дошли до палатки центуриона.

— Слава тебе, центурион Педикул, слава! — вскричал дряхлый раб. — Пленники доставлены.

Откинув полотнище палатки, вышел Педикул. Он уже снял доспехи и был в просторной тунике, которая выгодно подчеркивала его мужественную фигуру и позволяла видеть, насколько он толстобрюх, кривоног и косоглаз.

— Выстройте их передо мной, — приказал он, глядя на всех сразу и ни на кого в отдельности.

Ударами мечей и копий пленников заставили встать в ряд. Педикул осмотрел их.

* Приветствую тебя, обреченный на смерть! (лат.) — перифраз традиционного возгласа гладиаторов, обращенного к императору: «Обреченные на смерть приветствуют тебя!».

— Вот этот хорош собой — рослый, крепкий и с клыками, — сказал он, глядя на Билла.

— О, благодарю вас, сэр, — заискивающе сказал Билл.

— Поставьте его первым. Он, должно быть, продержится несколько раундов, прежде чем его прикончат.

— Да я тебя первый прикончу, пузатый! — проворчал Билл и прыгнул вперед — но ему преградили путь обнаженные мечи.

Педикул злорадно усмехнулся, показав вставную челюсть, которая тут же выскочила у него изо рта, и он поспешно запихнул ее обратно. Проходя мимо адмирала, Вербера и Блая, он лишь окинул их презрительным взглядом и остановился перед Митой, пожирая глазами ее роскошные формы.

— Остальных — на арену, — приказал он. — Кроме вот этой! Разденьте ее догола и умастите бальзамом, миррой и лимонной умывальной водой. Потом оденьте в лучшие шелка — она будет моей рабыней для любви.

— О, благодарю тебя, добрый командир! — выдохнула Мита, поймала его руку и склонилась над ней, чтобы поцеловать. — А ты ничего себе для палеолита. Таких любезных предложений я не слыхала уж много лет. И, наверное, упала бы в обморок от такой заманчивой перспективы, если бы только челюсть у тебя получше держалась.

С этими словами она крепко стиснула его кисть, тренированным движением захватила локоть и рванула в сторону и на себя. Педикул издал крик боли и вслед за ним — вопль страха, когда она подбросила его в воздух и швырнула на палатку. Палатка обрушилась и накрыла его. На его полузадушенные крики подбежали солдаты, и через несколько секунд Мита и все остальные уже стояли неподвижно с приставленными к горлу остриями мечей.

— Отлично, — сказал Билл. — Ты молодец.

— Спасибо, милый, доброе слово всегда приятно. А кроме того, что я молодец, я еще три года подряд была чемпионом ВМФ.

— Всего флота? Военно-морского?

— Да нет, кретин. Вспомогательного и мусоровозного.

— На арену! — проскрежетал Педикул, выбираясь с помощью солдат из развалин палатки. Челюсть он потерял, парик сбил на глаза. — Смерть, кровь,

мучения — мне не терпится это видеть. И первой выпустите эту чересчур мускулистую красотку!

Подгоняемые уколами копий, преследуемые ревущей толпой солдат, они добежали до арены. Это была естественная поляна, примыкавшая к косогору, на котором были устроены шедшие полукрутом ряды мест для зрителей. Поляну окружала стена, земля на ней была выровнена и покрыта пятнами крови. На поляну выходили клетки, в ближайшую из которых затолкнули пленников. Из соседней клетки донесся страшный рев, и все попятились, боясь, что хищник дотянется до них через решетку. Все, кроме Миты, которая просунула руку между прутьями прежде, чем ее успели остановить.

— Кис-кис-кис, иди сюда, — сказала она.

Угрожающего вида дикий кот радостно замурлыкал, когда она принялась чесать ему за ухом. Кот был одноглазый и покрытый шрамами — сразу видно, что испытанный боец.

— Да он всего в полметра ростом, — удивился Билл.

— И больше никаких животных не видно, — добавил Ки, указывая на остальные клетки. — Все пустые. А где же львы и тигры?

— Для них сейчас не сезон, — сказал подошедший начальник рабов, щелкнув бичом. — Львы и тигры у нас выступают только в те месяцы, названия которых начинаются на Х.

— Но таких месяцев вообще нет! — сказал педантичный Практис.

— Да? А как же XI и XII, умник ты этакий? Ладно, ребята, потеха начинается. Нужен доброволец — кто пойдет первым?

Когда пыль осела, стало видно, что все стоят прижавшись спиной к решетке. Практис и капитан Блай оказались последними — у них в отличие от рядовых не было мгновенного рефлекса на слово «доброволец». Начальник рабов злобно усмехнулся.

— Нет добровольцев? Тогда я выберу сам. Вот ты, громила. Центурион хочет, чтобы ты открыл предварительные состязания. А красотку он сберегает под конец.

— Удачи, Билл, — сказали они, выталкивая его вперед. — Ты умираешь за правое дело.

— Приятно было с тобой познакомиться. Счастливого пути.

— Желаю тебе попасть на небеса — хоть на часок, пока дьявол не узнает, что ты убит.

— Ну, спасибо, ребята. Вы меня очень поддержали.

Все это Биллу очень не нравилось. Одно дело — война со всеми ее ужасами. Но дурацкий смертоносный цирк на каком-то Богом забытом плато? Ему не верилось, что все это действительно происходит с ним.

— С тобой, с тобой это происходит, — проворчал начальник рабов, угадав его мысли. — А теперь бери меч и сеть, выходи и постарайся выступить получше. Иначе — смотри.

— А чего смотреть? Что может быть хуже?

Билл примерился к мечу, перехватил его поудобнее и приготовился.

— Что может быть хуже? Тебя могут вздернуть на дыбу, четвертовать, засечь плетью, сварить в кипящем масле, а для начала повывернуть ногти.

Билл с яростным ревом кинулся вперед, но остановился, как вкопанный, увидев шеренгу лучников, которые целились в него.

— Все ясно? — спросил начальник рабов. — Теперь иди и делай, что приказано.

Билл поглядел вверх, на вопящую толпу солдат, на императорскую ложу, где в окружении каких-то шлюх восседал со злобным видом пузатый Педикул. Выбора, похоже, не оставалось. Он повернулся и потащился на арену, помахивая мечом и сетью и размышляя, как это его угораздило так влопаться.

На арене он оказался один. Но в дальнем ее конце уже отпирали клетку, и из нее вышел высокий блондин с трезубцем в руках. На нем была изящная, но изорванная в клочья одежда и дорогие, но стоптанные сапоги. Однако выступал он величественно, как король, не обращая внимания на крики черни. Широким шагом он подошел к Биллу и оглядел его с головы до ног.

— Отвечай, презренный, как твое прозвание, — сказал он.

— Звание — солдат, временно произведен в младшие лейтенанты.

— Думается мне, ты меня не понял. Твое имя?

— Билл.

— Я Артур, король Авалона — хотя этим негодьям сие и неведомо. Можешь звать меня Арт, чтобы сохранить мою тайну.

— Ладно, Арт. А меня приятели зовут Билл.

Видя, что они мирно беседуют, вместо того чтобы заниматься человекоубийством, зрители пришли в ярость. На арену посыпались пустые бутылки и оскорбления.

— Надо драться, друг мой Билл — или хотя бы делать вид. Защищайся!

Он сделал выпад трезубцем, и толпа разразилась кровожадными воплями. Билл парировал удар и сделал шаг в сторону. Арт прыгнул вбок, увертываясь от сети, которую попытался набросить на него Билл.

— Вот это воистину дело. Мы должны притворяться, что деремся, пока не окажемся на той стороне арены, под императорской ложей. Получай, презренный!

Его меч скользнул по ребрам Билла, распоров куртку. Почувствовав прикосновение холодной стали, Билл взвизгнул и отпрыгнул назад. Толпа пришла в восторг.

— Ты полегче! Еще проткнешь меня, чего доброго!

— Клянусь, что нет. Но, как говорят простолюдины, надо, чтобы это смотрелось. Нападай! Нападай!

Сталь звенела о сталь. Грубая толпа неистовствовала. Она взревела от радости, когда нога короля попала в сеть. Она взревела от разочарования, когда он выпутался. Выпад следовал за выпадом, пока они не оказались под самой императорской ложей.

— Наконец-то! — задыхаясь, выговорил Артур. — Тут есть запасной выход с арены — под самой ложей. Его охраняет вон тот часовой. Туда мы и скроемся — после того, как ты меня убьешь.

Они со звоном скрестили оружие. Толпа разразилась ревом. Билл в недоумении шепнул:

— А как это мы скроемся, если я тебя убью?

— Сделаешь вид, что убьешь, тупая ты голова! Опутай меня своей сетью и воткни мне меч между боком и рукой. Как во всех плохих пьесах.

— Понял. Начинаю.

Со скоростью атакующей кобры сеть взметнулась вверх и опутала его противника. Правда, бросать сеть Билл был не мастер, и Арту пришлось нырнуть вперед, чтобы в нее попасть, а потом подтянуть к себе край, чтобы запутаться в ней.

— Давай, давай, презренный! — прошипел он, увидев, что Билл стоит, растерянно моргая. — Повали меня и потребуй, чтобы толпа вынесла приговор.

Конечно, им не помешали бы несколько репетиций, но для этих зрителей сошло и так. Билл прыгнул вперед, и Арт упал под его напором, старательно запутавшись трезубцем в сети. Билл схватил его за руку, прижал к земле, поставил колено ему на грудь. Чувствуя себя несколько нелепо, он занес меч, готовый нанести удар, и обернулся к зрителям.

Разыгранную ими немудреную сцену толпа приняла за чистую монету. Все вскочили на ноги, требуя смерти — большой палец у каждого был опущен к земле. Билл огляделся вокруг — все пальцы указывали вниз. Он взглянул на Педикула, но тот держал палец вниз с особым злорадством.

— Прикончи его, — крикнул он. — Впереди еще много схваток.

Билл опустил меч, как ему было сказано. Тело Арта выгнулось в предсмертной судороге и застыло неподвижно. Толпа неистовствовала. Билл вытащил меч и подошел к императорской ложе. Все взгляды были устремлены на него. Что оказалось очень кстати, потому что король на самом деле запутался в сети и никак не мог выпутаться. Билл уголком глаза заметил это и, размахивая мечом, с криком бросился вперед: нужно было срочно отвлечь внимание на себя.

— Слава тебе, центурион Педикул, слава!

— Ну ладно, слава так слава, — проворчал центурион, заглядывая в программку, потом снова посмотрел на Билла. — Погоди-ка, а почему у тебя на мече нет крови?

— Потому что я вытер его об одежду убитого.

— Что-то я не видел, чтобы ты его вытирал. — Педикул нагнулся вперед, ища что-то глазами. — Да я и убитого не вижу!

— Сюда! — крикнул Арт, оттолкнув часового так, что тот покатился на землю, и ногой распахнув дверцу с красной надписью: «ЗАПАСНОЙ ВЫХОД».

Дважды просить Билла не пришлось — он нырнул в дверцу сразу вслед за Артом. Они бежали по длинному извилистому туннелю, слабо освещенному солнечным светом, который пробивался в щели между досками трибуны у них над головой вместе с сыпавшимися

оттуда ореховыми скорлупками и косточками маслин. До них донесся топот ног и гневные крики ярости и разочарования. Позади с грохотом слетела с петель дверца, и в нее повалили вооруженные солдаты.

— Беги, презренный, беги! Беги так, словно все дьяволы ада гонятся за тобой по пятам!

— А они и гонятся, — задыхаясь, едва выговорил Билл, прислушиваясь к несшимся сзади яростным воплям.

Впереди что-то забрезжило, и Билл увидел свет в конце туннеля. Распахнулась деревянная дверь, и им преградил путь вооруженный человек.

— Мы погибли! — вскричал Билл.

— Мы спасены! Это мой воин.

— Слава тебе, Артур! — крикнул воин, подняв сверкающий меч.

— Привет, Модред. Кони с тобой?

— Воистину со мной.

— Молодец, рыцарь. Вперед!

Под деревьями толпились вооруженные солдаты. Артур одним прыжком взлетел на коня, Модред подсадил Билла на другого, а сам сел позади. Они уже скакали во весь опор по лугу, когда из двери показались первые преследователи.

Однако их бегство не осталось незамеченным. Теперь за ними в погоню с воплями и проклятиями бросилась вся армия. В воздух взлетели стрелы и копья. Но двое всадников в тяжелых доспехах заняли места в арьергарде, и стрелы и копья, не причиняя им вреда, отлетали от их брони. И от конской брони тоже, ибо коней защищали стальные накрупники, поножи и, поскольку это были жеребцы, еще и клепаные стальные начленники. Все было предусмотрено до мельчайших подробностей.

Они скакали по дороге к замку, а перед ними уже опускали подъемный мост. Его конец с грохотом упал на землю по эту сторону рва в то самое мгновение, когда передний конь занес переднее копыто. Копыто стукнуло по дереву, за ним — все остальные копыта. С раскатистым топотом они проскакали по мосту, и тот снова поднялся, как только над ним промелькнул последний конский хвост. Преследователям осталось только бесноваться на краю рва, а защитники замка показывались от хохота на башнях.

Всадники остановили коней в парадном дворе замка, среди топота копыт и брызжущей во все стороны пены. Билл соскользнул на землю, и Арт, снова превратившийся в короля Артура, подошел к нему и дружески пожал ему руку.

— Добро пожаловать, чужеземец, добро пожаловать в Авалон.

— Все это прекрасно, — сказал в ответ Билл, — и я ценю такую честь. Но как насчет моих друзей — нельзя же оставить их там на верную смерть!

И тут у него упало сердце.

— А что если они уже убиты?

Глава 21

— Умерь свои страхи, мой новый товарищ Билл. Воистину, разве я не предвидел, что вся эта комедия на арене, равно как и само наше бегство и погоня, — прекрасный отвлекающий маневр? Все их войско было там. Поэтому храбрейшие из моих рыцарей вышли наружу через потайной ход, неведомый нашим врагам. Из надежного укрытия они наблюдали за тем, что происходит, и должны были напасть на ослабленное войско, чтобы освободить твоих друзей. Вперед! Поднимемся на башню и посмотрим, чем кончилось дело.

Артур, который был, по-видимому, в прекрасной форме, поднимался по лестнице, прыгая через две ступеньки. Билл едва поспевал за ним. Поднявшись наверх, они увидели, что их поджидает какой-то дряхлый старик в остроконечной шапке.

— Слава тебе, король Артур, слава! — выкрикнул он.

— И тебе слава, добрый Мерлин. Что ты можешь нам сообщить?

— Сообщаю, что я глядел в свое волшебное зеркало и видел все, что случилось внизу.

Билл осмотрел волшебное зеркало и одобрительно кивнул.

— Неплохой телескоп-рефлектор, хотя и маленький. Зеркало сам шлифовал?

Мерлин высоко поднял лохматую седую бровь, провел ладонью по длинной бороде и спросил:

— Мой господин, я воистину в удивлении. Кто этот всезнайка?

— Его прозвание Билл, и он тот пленник, которого я спас на арене. А как другие пленники?

— Воистину я все видел в своем... — он бросил сердитый взгляд на Билла — ...волшебном зеркале. Твои могучие рыцари кинулись в атаку, пронзили своими копьями великое множество этих деревенщин, обратили в бегство остальных и освободили пленников.

— Отлично! Пойдемте вниз, дорогие друзья, и вкушим там разных лакомств и прекрасных вин, чтобы отпраздновать этот день.

«Прекрасные вина» — это прозвучало заманчиво. Билл так заторопился, что наступил Мерлину на халат.

Зал, куда они вошли, заполняли какие-то верзилы в стальных доспехах, которые с лязгом и скрипом расхаживали взад-вперед, во весь голос хвастая своими по-двигами.

— Ты видел, как мое верное копьё пронзило ему башку?

— А я проткнул сразу троих!

— Я-то их не считал, но могу сказать...

— Билл! — позвал чей-то знакомый дружеский голос, и через толпу к нему протолкалась Мита. Ее сопровождали недовольные крики тех, кому она наступила на шпоры, и вопль толстого рыцаря в кольчуге, которого она отшвырнула в сторону. Билла обхватили теплые мускулистые руки, к его губам прижались жадные губы, и кровавое давление у него подскочило одновременно с температурой.

— Как звать эту прекрасную деву? — слышался откуда-то издали голос Артура, и Билл, очнувшись, приступил к процедуре представления.

— Это Мита, Артур. Это Артур, Мита. Он здешний король.

— Руку, Арт. Тут у тебя неплохо. И спасибо, что прислал войска нам на выручку. Если я смогу тебе чем-нибудь отплатить, — только скажи.

Глаза короля налились кровью от возжеления. Он крепко стиснул ее руку, отеснив Билла в сторону.

— Есть только один способ... — начал он хрипло.

— Артур, ты должен представить меня этим милым людям.

Слова были довольно обычные, но в них прозвучала неприкрытая угроза. Король поспешно бросил руку Миты, словно раскаленную кочергу, обернулся и поклонился.

— Гиневра, королева моя, что делаешь ты здесь, вдали от своих покоев?

— За тобой присматриваю.

Это не помешало ей присмотреться и к Биллу, которому она ласково улыбнулась.

— Я Билл, а это Мита, — представился он ослепительной рыжеволосой красавице.

— Очень рада, королева, — лицемерно произнесла Мита. — Когда мы познакомимся поближе, вы непременно скажете мне, кто вам так красит волосы...

— Да услышат меня все, кто здесь есть! — поспешно воскликнул Артур, видя, что дело может далеко зайти. — Все, кто собрался здесь, чтобы приветствовать наших гостей, только что спасенных из рук язычников. Любезные гости, познакомьтесь с сэром Ланселотом, сэром Гавэном, сэром Модредом... — список оказался длинным.

Билл не остался в долгу и представил своих — полностью, с чинами, званиями, личными номерами и всем прочим. Последовали многочисленные рукопожатия, после чего Билл с радостью схватил бокал вина, который поднес ему слуга. Зазвучали тосты, а на закуску подали лакомства, — это оказались ласточки в сахарной глазури. Что было бы не так уж плохо, если бы их сначала ощипали. Потом рыцари затопали из комнаты, чтобы поменять доспехи, а дамы вышли попудриться. Получившие свободу пленники рухнули на стулья, стоявшие вокруг обширного круглого стола, отодвинутого к стене на время празднества. Артур постучал по столу рукоятью кинжала.

— Прошу внимания. Мои новые боевые друзья, не случайно мы собрались здесь сегодня. Сейчас Мерлин расскажет вам о том, что было, что есть сейчас и что будет. Мерлин, твое слово.

Жидкие аплодисменты затихли, когда Мерлин поднялся на ноги.

— Итак, слушайте, — начал он с легким валлийским акцентом. — Добрый король Артур по горло сыт

этими зловредными римскими legionами — вот где они у него сидят, и даже еще глубже. В нашем королевстве все идет прекрасно, налоги поступают аккуратно, а если не поступают налоги, то поступают как полагается с крестьянами, — так ведь это же феодализм, чего вы от него хотите? Но я отвлекся. Если бы нам никто не мешал, мы бы возделывали свой хлеб, время от времени проламывали друг другу головы на турнирах, крестьяне чесали бы в затылках, и все шло бы отлично. Но нет! Всякий раз, как только все налаживается, снова являются легионы. Они осаждают замок, стреляют из своих баллист и арбалетов и вообще валяют дурака, пока им не надоест и они не отправятся восвояси. Им-то хорошо — я полагаю, это взбадривает их примитивную экономику, доставляет им хлеб и зрелища и все такое прочее. Но каково нам? Налоги растут, потому что приходится закупать все больше масла и дров для его кипячения, чтобы поливать их со стен. Строительство мостов и монастырей приостанавливается, потому что каменщиков приходится сгонять сюда чинить стены. И знаете, сколько времени это продолжается? С незапамятных времен, вот сколько.

— Но я поклялся, что скоро этому придет конец.

— Правильно, Артур, конец, точно. На чем я остановился? — Потеряв нить своей сладкозвучной речи, Мерлин опрокинул бокал меда, пропел несколько нот из «Гарлехских молодцов», чтобы прочистить горло, и продолжал с новым пылом. Голос его гулко отдавался под сводами зала.

— Но больше этого не будет! Артур, наш король, как вы только что слышали, сыт этим по горло. Мы послали к врагам шпионов. Те из них, кого не поймали и не распяли, вернулись. И вот что они узнали.

Наступило молчание. Все не отрываясь смотрели на него, включая Артура: он хоть и слышал уже эту историю, всегда упивался волшебными речами Мерлина. Мита с обильно напудренным носиком скользнула в дверь и присоединилась к слушателям. Еще глоток меда, и Мерлин пустился повествовать дальше.

— Все они язычники, но это мы знали и раньше. Они гадают по козлиным внутренностям, воскуряют благоволия Меркурию и Сатурну, от бесплодия приносят жертвы Минерве, поклоняются Юпитеру и предаются всем прочим пантеистическим глупостям. Но скажите-

ка мне, какого бога я не назвал? Я вижу в ваших глазах недоумение, которое свидетельствует либо о скверной памяти, либо о недостатке классического образования. Я скажу вам — не хватает Марса!

Все разразились громкими аплодисментами, сами не зная почему — разве что потому, что этому, очевидно, придавал такое значение Мерлин. Потом все поспешно выпили вина, и он продолжал.

— Марса, бога войны. Конечно, самого важного для этого воинственного племени. Моим шпионам не хватило духу пробраться в глубь их страны, последовать за центурионами, когда те потайными тропами отправились в горы. Но я последовал за ними сам, ибо нет таких тайн, в которые не мог бы проникнуть Мерлин! Переодевшись седобородым стариком, я шел за ними, пока не обнаружил это за самыми дальними горами, на краю утеса, где кончается плато, — там я это обнаружил!

— Сейчас будет самое интересное, — сказал король Артур с горящими глазами, нетерпеливо сжимая в руке рукоять меча.

— Знаете ли вы, что это было? Я скажу вам. Это был храм Марса! Вырубленный из целой скалы, с мраморными колоннами, резными наличниками и с алтарем перед ним, на который были возложены жертвы и приношения. Эти приношения офицеры несли туда собственными руками, ни одного легионера не было видно поблизости — можете себе представить, как все это тайно и важно. А принеся жертвы, они в страхе отступили назад — и им было чего бояться! Наступила ночь, хотя день еще не кончился. Загремел гром, засверкали молнии. Потом таинственное сияние заполнило воздух, и стало видно, что приношения исчезли. А потом, на бис, заговорил сам Марс. От его голоса, наводившего ужас, вставали дыбом волосы и сам собой опорожнялся мочевой пузырь, можете мне поверить. И дело не ограничилось одним-двумя пророчествами и прогнозом погоды. Этот небесный пьяница повелел им снова начать войну! Вот где корень всех наших бед! Эти ленивые легионеры и толстопузые центурионы были бы рады-радешеньки сидеть без дела, бросая рабов на съедение львам и накачиваясь дешевым пойлом. Но нет, Марса это не устраивает. Готовьтесь к войне, говорит он, стройте баллисты, призывайте воинов, начинайте вторжение...

Мерлин так увлекся, что на губах у него показалась пена, он весь трясся, как в лихорадке. Подскакившая Мита с помощью Билла усадила его на стул и влила ему в рот бокал меда. Артур молча понимающе кивнул.

— Вот и вся суть. Если мы хотим покончить с этой бесконечной войной, нужно вступить в битву с языческими богами.

— Неплохая идея, — кивнул Практис. — И ваше войско как раз для этого годится. Тяжелая кавалерия, внезапная атака, обход с флангов, бац — и дело в шляпе.

— Если бы это было так, могущественный адмирал! Но — увы! — это не так. Мои мужественные и бесстрашные рыцари робеют и прячутся под кровать, когда речь заходит о богах.

Оправившийся Мерлин оживленно закивал головой.

— Суеверные трусы, вот они кто. Им бы только красивые слова говорить. «Воистину я отдал бы свою жизнь за своего господина». Хрен бы он отдал, а не жизнь! Одна молния из храма — и он пробежит, не останавливаясь, целую милю. Тут уж ничего не поделаешь. Малодушные трусы — и это несмотря на то, что я предложил им полную божественную защиту!

Мерлин схватил кожаный мешок и вывалил на круглый стол все, что в нем было.

— Посмотрите только! Чеснок — тоннами. Крестиков — больше, чем вы найдете в ином монастыре. Распятия, в которых заключена святая вода. Целые ящики реликвий, мешки костей святых, обломок Истинного Креста, трюмный насос из Ноева ковчега — все, что угодно! И что они говорят при виде этого? «К сожалению, у меня как раз на это время назначена деловая встреча». Никто из них не хочет идти — даже сам король!

— Воистину я бы отправился в этот поход, не будь у меня множества срочных государственных дел. Тяжек груз, который несет голова, увенчанная короной.

— Ну да, конечно, — проворчал Мерлин: он, конечно, не попался на эту удочку, но не отважился на оскорбление его величества. — И что мы теперь имеем? Главная угроза нашему королевству известна, обнаружена и может быть устранена. Но кем — одиноким стариком? Вы шутите! Да, мое могущество, конечно,

велико, но мне нужна грубая сила и несколько боевых топоров за моей спиной.

— И тут появляемся мы, — сказал Билл. Он только сейчас понял, что их спасение не было продиктовано чистым альтруизмом.

— Ты подглядел мне в карты. С помощью своего телескопа — то есть волшебного зеркала — я видел, как вы приземлились. Вас принес летучий дракон — и я, будучи валлийцем, оценил это по достоинству. Я сказал: «Король, — сказал я, — вот те молодцы, что нам нужны. Чужеземцы, которые не страшатся богов». — Он умолк и бросил на них проницательный взгляд. — Ведь вы не суеверны, правда?

— Я правоверный зороастриец, — робко сказал Билл.

— Продолжай, — проворчал Практис. — Выкладывай свое предложение, а уж потом мы будем думать, как от него отвернуться.

— Больше мне нечего сказать. Добрый король Артур спас вас. Вам дадут оружие, и вы последуете за мной к храму Марса, где мы откупимся от него кое-какими приношениями.

— Все как будто ясно, — усмехнулся Ки. — А если мы не пойдём?

— Очень просто. Все равно пойдете — обратно в цирк. И мы еще пожертвуем им пару голодных львов, чтобы было веселее.

— Мужайтесь, — посоветовал им Артур, пользуясь своим положением. — И имейте в виду, что награды последуют незамедлительно. Воистину, вас ждет возведение в рыцари, а то и Орден Подвязки или кавалерство Ордена Британской Империи.

Это щедрое обещание не произвело на них особого впечатления.

— Мы хотели бы обсудить это между собой, — сказала Мита.

— Конечно. Можете никуда не торопиться. Даем вам целый час. — Мерлин поставил на стол песочные часы и перевернул их. — Выбирайте — или храм, или арена.

Глава 22

— Вечная история — не в лоб, так по лбу, — горестно вздохнул Билл.

— Это все собака — зачем только я ей свистнул? — жалобно сказал капитан Блай.

— Мне бы сейчас зелья принять, — прошептал Ки.

— А дома-то, на ферме, уже урожай собирают, — всхлипнул Вербер.

Мита презрительно скривила губы, и Практис кивнул в знак согласия.

— Будь я еще вашим командиром, я бы задал вам такую трепку, что все горести тут же вылетели бы у вас из головы. Но теперь я просто один из вас, и все, что я могу предложить, — кончайте хныкать и давайте подумаем, как нам выпутаться.

В поисках поддержки он выглянул в окно, но стена замка отвесно падала вниз до самой скалы, на которой он стоял. Мита попробовала было открыть дверь, но ее Артур, уходя, запер.

— А почему бы нам не взять и не сделать, что они просят? — бодро спросил Билл. но тут же съежился под градом сердитых взглядов. — Погодите, дайте договорить, а потом можете злобно пялиться, сколько вам угодно. Я хотел сказать, что выбраться из этого замка не так просто. А было бы просто, так там, снаружи, придется иметь дело с римским легионом. Так что давайте согласимся на этот бредовый план. Получим

оружие и все такое, а потом удерем — и прихватим с собой одного старого валлийца.

— Все понял, — радостно хихикнул Практис. — С этого момента ты считаешься старшим лейтенантом. Мы выбираемся из замка, минуем позиции легиона, потом трахнем старика по башке — и отправляемся восвояси, вооруженные, свободные и сами себе хозяева.

В песочных часах тяжело упала последняя песчинка. В этот самый момент дверь с грохотом распахнулась, и вошел король Артур.

— Каков будет ваш ответ?

— Наш ответ будет — ох, да, — ответили они.

— Если вы и умрете, то умрете за самое благородное дело. Идите к оружейникам!

Им выдали доспехи, кольчуги, шлемы, алебарды, кинжалы, луки, мечи, щиты и мочеприемники.

— Я не могу двинуться, — глухо послышался из шлема голос Билла.

— Главное — чтобы ты мог двигать рукой, в которой меч, остальное неважно, — сказал оружейник, заклепывая разболтавшуюся заклепку на шлеме Практиса.

— Я оглохну, прекрати! — завопил тот, шатаясь сделал шаг и повалился на пол. — Я не могу встать!

— Вы непривычны к доспехам — может, стоит надеть на вас поменьше. — Оружейник сделал знак своим помощникам. — Снимите с них немного, чтобы они могли двигаться.

Сбросив около тонны брони, они получили возможность передвигаться. Правда, каждое их движение сопровождалось ужасным скрипом, но это было исправлено с помощью масленки. Они выпили вина на дорогу, и тут появился Мерлин, одетый точно так же и ехавший на осле.

— А нам тоже надо будет ехать верхом? — спросил Билл.

— На своих двоих, парень, — это очень полезно для здоровья. Мы выйдем через потайной ход, который выведет нас за холмы, в тыл легиона.

— Звучит неплохо, — сказал Практис, и они принялись подмигивать друг другу и пересмеиваться, прикрываясь рукой, как только Мерлин повернулся к ним спиной. Им сунули в руки зажженные факелы, окованная железом дверь распахнулась, и они вслед за Мер-

лином вошли в сырой туннель, с потолка которого капала вода. Туннель был длинный — им казалось, что они идут по нему целую вечность. Воздух становился все более спертым и вонючим, факелы в нем гасли один за другим. Когда последний почти догорел, Практис крикнул вперед Мерлину:

— Я понимаю, что это глупый вопрос, но все-таки — как мы будем находить дорогу, когда догорит и этот?

— Не страшитесь, ибо Мерлин великий маг. Пусть факел догорает. У меня есть вот этот магический кристалл, который осветит нам путь. Абракадабра!

Он вынул из висевшей на седле сумки какой-то шар и поднял его над головой. Шар тускло светился. Мерлин встряхнул шар, и свет стал немного ярче. Билл присмотрелся и шепнул Мите:

— Тоже мне магия. Это просто дурацкий аквариум, полный светлячков.

— Я тебя слышал! — крикнул Мерлин. — Но у тебя и такого нет, умник. И этот шар выведет нас отсюда.

В конце концов они добрались до выхода из туннеля и оказались на тенистой поляне, где толпились воины короля Артура.

— Почетный конвой, — усмехнулся Мерлин. — Он присмотрит, чтобы вы выполнили свое благородное дело и не попытались удрать в самоволку прежде, чем мы доберемся до храма Марса.

Ответом ему было лишь молчание и злобные взгляды. Он разразился старческим хихиканьем и встал во главе процессии. За ним последовали добровольцы по неволе, а за ними — конвой.

Они шли весь день — через рощи, лесистые ущелья, сухие русла рек, вдоль журчащих ручьев и холмов, сглаженных ледником. Идти было жарко, и когда солнце зашло, они с облегчением повалились на мягкую луговую траву.

— Я хочу пить, — сказал Ки.

— Вода вон в том ручье, — указал Мерлин. — С тобой пойдут пятеро стражников.

— А когда мы будем есть? — спросил Билл.

— Сейчас. Сержант, раздать галеты.

На каждой галете стояли рельефные буквы «АХК», что означало «Авалонская хлебная компания». Они, должно быть, были выштампованы на галетах еще до того, как их испекли — или отлили и закалили, или

каким-то способом заставили окаменеть. Ибо не вырос еще такой зуб и не появилась на свет такая челюсть, которые могли бы разгрызть авалонскую галету. Их нужно было разбивать камнями, и прочными камнями, потому что непрочные рассыпались в пыль, не оставляя на галете и следа. И только если удавалось отломить от галеты кусочек, его можно было сделать съедобным, размочив в воде. Все, бормоча проклятья, принялись колотить камнями по галетам, злобно поглядывая на Мерлина, который ел холодное жаркое из лебедя, запивая его мальвазией.

Так шли они два дня и наконец вошли в мрачное, зловещее ущелье — глубокую расселину в скалах, словно прорубленную гигантским топором. Из невидимых ключей повсюду сочилась вода, стены были покрыты мерзким лишайником.

— Осталось немного, — бодро сказал Мерлин. — У этого ущелья занятное местное название — Десценсус Авернус. Это можно перевести приблизительно так: «Войдешь, но не выйдешь».

— Рота, стой! — скомандовал командир конвоя. — Куда ведет это сырое ущелье, почтенный волшебник?

— Оно ведет к храму Марса.

— Воистину! Тогда мы остаемся здесь и будем прикрывать ваш тыл. Идите с Богом.

— Спасибо. Я и то удивлен, что вы зашли так далеко. Ждите здесь нашего возвращения. И вот еще постскриптум: если я не вернусь вместе с этой компанией, если они вернутся одни, можете использовать их в качестве мишеней для своих лучников.

— Воистину, будет, как ты скажешь!

Мерлин покосился на небо.

— Еще часа два до темноты. Давайте покончим с этим делом. Вот, держите.

Он протянул Биллу тяжелый мешок, который был приторочен к его седлу.

— Что это такое? — спросила Мита, подбрасывая его на руке.

— Священные реликвии, о которых я говорил.

— Оставь их этим трусливым воинам, — сказал Практис, преисполненный чувства собственного превосходства. — Может, это поднимет их дух.

— Как хотите. Но сначала... — Мерлин пошарил в мешке и вытащил крестик, шестиконечную звезду,

полумесяц и зубчик чеснока. — Я вообще-то не суеверен, но подстраховаться не мешает. Вперед.

В мрачном молчании шли они за ним, пока не скрылись из вида солдат за поворотом ущелья.

— Ну-ка, стойте, — сказал тут Практис, и все остановились.

— Я не давал приказа стоять, — сказал Мерлин.

— Я дал. Раз уж мы идем с тобой до конца — а судя по тому, какие крутые тут стены, нам деться некуда, — то скажи, какой у тебя план действий.

— Идти к храму.

— А потом?

— Призвать Марса явиться и принять наши дары и приношения.

— Какие дары и приношения?

— Да эти галеты, которые вы жевали всю дорогу. Они больше ни на что не годятся. А приняв наши дары, он встанет на нашу сторону. И тогда перестанет побуждать их к войне. Очень просто.

— Глупец, — сказал Билл. — С какой стати Марсу это делать?

— А почему бы и нет? Боги постоянно вмешиваются в людские дела. Все дело в том, кто первый сунет им взятку.

— Меня не интересует эта лекция по сравнительной теологии, — вмешалась Мита. — У меня отсырела кольчуга, и если мы не будем двигаться, боюсь, что я проржавею насквозь. Вся эта болтовня ни к чему. Давайте отыщем храм, а там как получится. Пошли.

Они пошли. И сразу же из лежащего впереди ущелья до них донеслись барабанный бой и далекий звук труб.

— Слышите? — спросил Билл. — Что это такое?

— Храм Марса, — торжественно провозгласил Мерлин. — Приготовьтесь встретить свою судьбу!

Они пошли дальше, постепенно замедляя шаг, положив руки на рукояти мечей и то и дело тревожно хватаясь за кинжалы. Но разве может обычное оружие противостоять могуществу богов?

Воинственная музыка стала громче — и вот за последним изгибом ущелья перед ними предстал беломраморный храм. Перед ним стоял алтарь для приношений, а за алтарем ступени вели к темной двери святилища. Тихо, на цыпочках, словно боясь потревожить бога в

его храме, они подошли к алтарю. На нем ничего не было, кроме птичьего помета и огрызка яблока.

— Дары, — шепотом сказал Мерлин, с кряхтением вылезая из седла. — Положите их на алтарь.

Когда галеты были высыпаны на грязную мраморную поверхность, звуки музыки мгновенно замерли. Замерли и они, полные самых зловещих предчувствий. Что-то шевельнулось в темном дверном проеме, и из него вылетело огромное черное облако. Осел с топотом умчался прочь. А потом зазвучал голос. Он не говорил, а гремел, как раскаты грома:

— КТО ИДЕТ? КАКИЕ СМЕРТНЫЕ ОСМЕЛИЛИСЬ НАВЛЕЧЬ НА СЕБЯ ГНЕВ МОГУЧЕГО МАРСА?

— Я Мерлин, всемирно знаменитый волшебник из Авалона.

— Я ЗНАЮ ТЕБЯ, МЕРЛИН. ТЫ ТЩЕТНО ПЫТАЕШЬСЯ ПРОНИКНУТЬ В ТАЙНЫ КОЛДОВСКОГО ИСКУССТВА И ДУМАЕШЬ, ЧТО ТЕБЕ ПОДВЛАСТНЫ СИЛЫ ТЬМЫ.

— Это просто у меня такое хобби, великий Марс. А вообще я хожу в церковь каждое воскресенье. Я и мои товарищи пришли воздать тебе почести и принесли богатые дары, чтобы просить твоего божественного заступничества в наших делах...

— БОГАТЫЕ ДАРЫ? — громыхнул голос. — ВЫ ОСМЕЛИЛИСЬ ПОДНЕСТИ МАРСУ ЭТИ НЕСЪЕДОБНЫЕ ГАЛЕТЫ?

Сильный порыв ветра вырвался из храма, сдул галеты с алтаря и повалил всех на землю.

Но это еще не все! Черное облако и тьма за дверью с грохотом за клубились, на них заплясали отсветы адского огня, и в их мрачной глубине возникло лицо. Злобное и страшное, в шлеме, увенчанном острым шипом и обвешанном черепами. А когда Марс раскрыл рот, чтобы говорить, все увидели, что зубы у него в виде могильных камней, и такого же размера.

— Я ОТВЕРГАЮ ВАШИ ЖАЛКИЕ И НЕСЪЕДОБНЫЕ ДАРЫ. ВАША НАГЛОСТЬ ЗАСЛУЖИВАЕТ СМЕРТИ...

— Ну а вот это?

Мерлин поднял над головой золотую пластинку, которую вынул из бумажника, и она сверкнула в свете молний.

— ЭТО ЕЩЕ ТУДА-СЮДА! — прогремел Марс. — НА АЛТАРЬ ЕЕ. ЕЩЕ ЕСТЬ?

— Воистину есть. Вот серебряная заколка с жемчугом для мужского плаща, подвязка с бриллиантом для женщины, у которой все есть, и шикарная булавка для галстука, украшенная рубинами и лунными камнями.

— ЛУННЫЕ КАМНИ — ЭТО ХОРОШО. ДИАНА ИХ ЛЮБИТ.

— Я рад, что могущественный Марс доволен. За это я прошу награды.

— ГОВОРИ. ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

— Очень просто, это сущий пустяк. Останови войну. Прикажи легиону возвратиться в казармы.

— ТЫ ЧТО, СМЕРТНЫЙ? ПРОСИТЬ МАРСА, БОГА ВОЙНЫ, ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ? НИКОГДА!

Изо рта у Марса вылетела молния и ударила в землю прямо перед ними, оставив дымящуюся воронку. Они кинулись врассыпную, а вслед им летел громовый голос:

— СЛЕДОВАЛО БЫ УНИЧТОЖИТЬ ВАС МОИМИ НЕБЕСНЫМИ МОЛНИЯМИ. ВОЙНА БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ. ПРОЧЬ ОТСЮДА, ИНАЧЕ ВЫ УМРЕТЕ. В ОБМЕН НА ВАШИ ПРИНОШЕНИЯ Я ДАРУЮ ВАМ ЖИЗНЬ, И НЕ БОЛЕЕ ТОГО. ПРОЧЬ ОТСЮДА!

Когда ударила молния, Билл кинулся в сторону и распластался по стене храма рядом с входом. Клубы дыма были здесь не такими густыми. Он подполз поближе, высунулся из-за мраморной колонны и бросил осторожный взгляд внутрь. Потом пригляделся внимательнее. Только насмотревшись вволю, он отполз и вернулся к остальным.

— Великий Марс! — взмолился Мерлин. — Если ты не хочешь остановить войну, устрой хотя бы перемирие на несколько месяцев, пока мы не уберем урожай!

— НИКОГДА! — Целый сноп молний заплясал вокруг него. — ПРОЧЬ ОТСЮДА, ИЛИ ВЫ УМРЕТЕ! НАЧИНАЮ ОТСЧЕТ. ДЕВЯТЬ... ВОСЕМЬ... СЕМЬ...

— Мы слышим тебя, Марс, успокойся! — крикнул Билл. — Мы возвращаемся обратно. Приятно было познакомиться. Пока.

Мерлин стоял в нерешительности, но остальные были готовы обратиться подалеже. Однако Билл взмахом

руки остановил их, приложил палец к губам, требуя тишины, и снова крадучись пошел вдоль стены храма.

— Он спятил, — сказал Практис.

— Заткнитесь и смотрите! — перебила Мита и ткнула его локтем в бок, чтобы лучше дошло.

Билл уже добрался до входа, — а потом встал и шагнул внутрь! А перед этим махнул им рукой, чтобы шли за ним. Все в молчании двинулись вперед, трепеща от страха. А голос Марса продолжал раскатисто грохотать:

— ЧЕТЫРЕ... ТРИ... А, ВЫ УЖЕ УШЛИ. И НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ, ПРЕЗРЕННЫЙ МЕРЛИН, НИ ТЫ, НИ ТВОИ ПОДРУЧНЫЕ. ЗДЕСЬ ВАС ЖДЕТ ЛИШЬ ГИБЕЛЬ ОТ РУКИ МОГУЩЕСТВЕННОГО МАРСА!

Билл вошел в храм, остальные за ним.

— Смотрите, — сказал он. — Нет, вы только посмотрите!

Глава 23

Храм был грубо вырублен в скале, на его стенах еще виднелись следы от сверл и зубил. В углах висела паутина, пол устилали сухие листья — зрелище было отнюдь не роскошное. У самого входа стоял дымогенератор, из которого валил дым, густым облаком стоявший в воздухе. Изображение Марса проецировал на облако кинопроектор у задней стены. А голос его гремел из двух студийных широкополосных динамиков, стоявших по бокам проектора.

— ХО-ХО-ХО! — прогремели динамики.

— Это что еще за хреновина? — спросил Практис, в изумлении глядя на эту выставку.

— Надувательство это, вот что, — сказал Ки. — Великий бог Марс — просто набор электронных фокусов. Но кто же тут нажимает на кнопки?

Билл указал на нишу в дальнем углу храма, вход в которую закрывала драпировка. Все со злорадной усмешкой обнажили мечи и крадучись, на цыпочках направились к ней.

— Готовы? — шепотом спросил Билл, и они нетерпеливо кивнули. — Ну, поехали!

Темная драпировка была подвешена на роликах, как занавес в ванной. Это и был занавес от ванной — Билл понял это, когда отдернул его. Все заглянули в нишу — и медленно опустили мечи.

За занавесом стоял пульт управления с циферблатами, телеэкраном и латунными тумблерами. «Хо-хо-хо!» — произнес в микрофон маленький лысый человечек, и позади них усиленный динамиками голос Марса громыхнул: «ХО-ХО-ХО!».

— Сейчас мы тебе устроим «хо-хо-хо»! — сказал Билл.

— Минутку, — пробормотал маленький человечек, лихорадочно щелкая тумблерами. — Проклятый дымогенератор не желает выключаться... А-а-ах!

Он испуганно ахнул, поняв, что оказался не один, круто повернулся и отступил к пульта, выпучив глаза, задыхаясь от ужаса и прижав руки к груди.

— Кто... кто вы? — выдавил он из себя.

— Вот чудеса, папаша, — ответил Практис. — А мы как раз хотели задать тот же вопрос тебе.

— Вы грубые скоты, — вмешалась Мита, растолкав их и схватив старика за руку. — Не видите, что ли, как он ужасно выглядит? Хотите довести его до сердечного приступа? Ну-ну, ничего, успокойся. — Она придвинула деревянный стул, стоявший у пульта, и осторожно усадила его. — Сядь. Никто тебя не обидит.

— Это еще не факт, — заявил Мерлин, выступив вперед с поднятым мечом. — Если он и есть голос Марса, значит, во всех бедах Авалона повинен этот гад!

Билл протянул руку и ущипнул Мерлина за локоть, там, где проходит нерв. Мерлин громко вскрикнул и выронил меч из онемевшей руки.

— Давайте сначала кое-что выясним, а потом уж будем махать мечами, — сказал Билл и повернулся к человечку на стуле. — Рассказывай. Кто ты и что тут делаешь?

— Я так и знал, что этим когда-нибудь кончится, — пробормотал человечек. — Отчасти даже хорошо, что так случилось. Эти крутые ступеньки для меня просто смерть. — Он поднял влажные глаза на Миту. — Там, на пульте, прелесть моя. Пожалуйста. Бренди. Плесни чуть-чуть в стакан.

Он сделал глоток, и лицо его порозовело. После чего он получил короткую передышку, пока те, кто его захватил, передавали бутылку из рук в руки и слышалось громкое бульканье. К тому времени как бутылка дошла до Мерлина, в ней оставался всего один маленький

глоток. Он с недовольной гримасой допил остатки и отшвырнул бутылку.

— Рассказывай, мерзавец!

— Я не мерзавец. Меня зовут Зог. Я волшебник.

— Ну и что, я сам волшебник. Выкладывай!

— Это длинная, длинная история.

— А мы никуда не спешим. Говори!

И старик заговорил.

ИСТОРИЯ ВОЛШЕБНИКА ЗОГА

Все это началось в незапамятные времена. Много веков назад, Я разыскал вахтенный журнал, но все записи в нем очень давние. А календаря здесь не существует, и времен года, в сущности, тоже, так что следить за ходом времени очень трудно. Но из того, что рассказывал мне отец и что я прочел в вахтенном журнале космолета, мне удалось по частям восстановить всю историю. «Зог» — так назывался корабль с эмигрантами, он вез поселенцев на какую-то далекую планету. На борту что-то произошло — что именно, неясно, какая-то трагедия. Может быть, случился мятеж, или пиво кончилось, или туалеты взорвались, а может быть, и все сразу. Там есть только какие-то туманные намеки на что-то странное. Во всяком случае, «Зог» изменил курс и приземлился на этой планете. Покинуть ее было ему не суждено. И, как вы можете видеть, поселенцы живут здесь по сей день.

С самого начала все шло наперекосяк. Фамилия капитана была Гиббонс, а я его потомок, потому что моя фамилия тоже Гиббонс. Капитан хотел устроить жизнь поселенцев так, как считал нужным, но старший помощник, дурной человек по фамилии Мэллори, с этим не согласился. У него были собственные представления о том, как должно быть устроено цивилизованное общество. Он и его последователи покинули лагерь, перешли на дальний конец плато и там основали Авалон.

Мой дед был рад, что они ушли, — это написано в вахтенном журнале. Средневековый бред — так он называл их культуру, считая, что она далеко уступает величественной римской цивилизации. Те, кто остался с ним, обосновались на этом краю плато и долгое время процветали в здешнем благодатном климате. В вахтенном журнале есть еще одна неразборчивая запись, где говорится о третьей группе, о тех, кто ехал палубными пассажирами. Они не захотели иметь дела ни с теми, ни

с другими, отправились на Бартрумианское плато, и с тех пор никто никогда о них не слыхал.

Вот так и шло дело на протяжении веков. Капитан Гиббонс знал, что простому аграрному обществу ни к чему всякие научно-технические хитрости, поэтому он удалился сюда, чтобы присматривать за своими подопечными. Был построен храм Марса, втайне установлено оборудование, и с тех давних пор ничего не менялось. Римские легионы делают свое дело, Артур и его авалонцы — свое, а Марс бдительно следит за всеми и поддерживает порядок.

Зог Гиббонс закончил свою историю, и наступило молчание — все переваривали его рассказ (а заодно и бренди). Первым заговорил Мерлин:

— Спасибо за урок истории. Но ты отнюдь не заслужил благодарности за то, что поддерживал войну. Зачем?

— Зачем? Вы спрашиваете — зачем?

— Да! — хором ответили все.

Зог попытался встать со стула, но ему не дали. Выхода не было. Он тяжело вздохнул и заговорил:

— Ради того, чтобы выжить, наверное, и ради легкой жизни. И еще ради того, чтобы поиграть в бога. Это захватывающая игра — швыряться молниями и раздавать налево и направо приказы. Куда лучше, чем работать ради собственного пропитания. Мне подносят самое лучшее вино, жареные бараньи ребрышки, мышей, замаринованных в меду, и еще много чего. Мне это нравится. И поддерживать войну мне тоже нравится. Если бы не это, какой-нибудь умник мог бы догадаться, что происходит. Тогда наступил бы мир и всеобщее процветание. И прогресс. О, как я ненавижу это слово! Во всех бедах человечества виноват прогресс. Мой предок капитан Гиббонс твердо на этом стоял. Я читал его записи и согласен с каждым словом. Прогресс — это политики, это прогрессивный подоходный налог, рекламные агентства, феминистки, загрязнение среды и все остальное, что делает современную жизнь столь невыносимой. Золотой век Рима куда лучше! Только величие, и никакого падения!

— Я начинаю думать, что он свихнулся, — сказал Практис.

— Не скажите, по-моему, отличная афера, — заметил Ки. Указав на толстый кабель, шедший вдоль стены, он спросил старика: — А это твое электропитание?

Зог кивнул.

— Самое драгоценное, что у меня есть, хотя напряжение понемногу падает и падает. После того как я метнул эти две молнии, придется заряжать аккумуляторы не меньше месяца. А все вы виноваты — нечего было совать нос не в свое дело.

— Пока мы еще не совсем размякли, — проворчал Мерлин, — давайте-ка не будем забывать, кто тут больше всего совал нос не в свое дело.

— А меня больше интересует другое, — сказал Билл. — Откуда берется электричество — и куда идет этот кабель?

— Вот-вот, я тоже хотел спросить, — поддержал его Ки.

Зог с трудом поднялся на ноги.

— Следуйте за мной, — сказал он, — и вы все узнаете.

Он двинулся к выходу из храма. Практис, волоча ноги, двинулся за ним, на всякий случай придерживая его за шиворот, чтобы он ненароком не уволок ноги подальше. Кабель поднимался по стене к массивным изоляторам, вбитым в скалу. Потом он тянулся к выходу из храма и уходил куда-то вверх по ущелью. Они шли вдоль него, пока ущелье не закончилось обрывом. Кабель был перекинут через край обрыва и терялся из виду. Все осторожно подошли и заглянули через край. Здесь плато кончалось — каменная стена внизу упиралась в песок, в бескрайнее бездорожье пустыни. Но здесь оно было нарушено. Рядом с тем местом, где они стояли, в скале была вырублена лестница, которая вела вниз, а от ее подножья по бездорожью пустыни шла тропинка. Она упиралась в открытый шлюз космолета.

— «Зог» — он еще здесь! — ахнул Билл.

— Конечно, здесь, — буркнул Практис. — А где ему еще быть, по-вашему?

— Первый, кто двинется с места, получит между глаз, — раздался сзади голос. — Бросьте мечи и повернитесь, только медленно.

Глава 24

Они положили на землю мечи, медленно повернулись и увидели какого-то молодого человека, стоявшего на скале над ними. На лице у него была злобная гримаса, а в руке пистолет.

— Это ионный пистолет, — сказал он. — Он стреляет смертоносным ионным лучом. А если вас еще ни разу не ионизировали, значит, вы не знаете, что такое настоящая боль, от которой вопят, корчатся и жалеют, что еще не умерли.

Он злорадно усмехнулся и провел языком по губам.

— Это еще кто? — спросил Практис.

— Это мой сын, Зог-младший, — сказал Зог-старший. — Наследник храма, будущий Марс. — Впрочем, он произнес это без особой радости.

— Хрен тебе, а не будущий, — крикнул Зог-младший. — Тут, чего доброго, и помрешь, не дождавшись, пока ты соберешься на пенсию. И между прочим, папаша, обрати внимание, что ты тоже под прицелом. Это же надо — угодить в плен! Нет, больше ты в Марсы не годишься. Старый Марс умер — да здравствует новый Марс! — выкрикнул он, брызгая слюной.

Зог-старший покачал поникшей головой.

— Ты для этой работы не годишься, мальчик. Теперь я могу это признать. Вот почему я так тянул с выходом в отставку. Ты слишком упрям, опрометчив...

— Ну да, как бы не так! — крикнул Зог-младший и, нажав на спуск, ионизировал камень, лежавший у края обрыва. — Ладно, ребята. Если кто из вас верующий, можете быстренько помолиться своему богу или богам. А потом начнется ионизация.

— Ох, сейчас упаду в обморок от ужаса! — сказала Мита, закрывая глаза и шумно падая в обморок от ужаса.

— Мой мальчик, не говори так! Ты же не станешь убивать этих ни в чем не повинных людей!

— Еще как стану, папаша! И тебя заодно. Так что прощайтесь и приготовьтесь отправиться к своим предкам.

Он сделал шаг вперед, поднял пистолет и прицелился. Но не успел он нажать на спуск, как Мита, троекратный чемпион ВМФ по дзюдо, продемонстрировала свое мастерство, вцепившись ему в лодыжку. Он охнул, почувствовав, что земля уходит у него из-под ног, выронил пистолет, получив рубящий удар по руке, и покатился на землю сам, получив рубящий удар под челюсть.

— Спасибо, Мита, — от всего сердца сказал Билл.

— Кто-то должен же был что-нибудь сделать, пока вы стояли столбом, а этот маньяк вот-вот собирался нас ионизировать.

— Бедный мальчик, никто его не понимает, — сказал Зог, шатаясь подошел и склонился над сыном.

— Псих он, — заявил Практис. — Свяжите его, пока не очухался и не взялся за свое. Я пока это подержу, — и он поднял с земли ионный пистолет. — А больше ненормальных тут поблизости нет, Зог? Только на этот раз говори правду.

— Он мой единственный сын, единственное дитя, моя кровиночка, — захныкал Зог, свертывая свой плащ и подкладывая его Зогу-младшему под голову. — Это я виноват, что вконец его избаловал. Ему бросилась в голову вся та власть, которая будет у него в руках. Но этого не должно случиться, не должно...

— Да нет, должно, — произнес чей-то голос. — А ну-ка, отойдите от него все. И встаньте лицом к скале.

Какая-то седая женщина незаметно для них поднялась по каменным ступеням, оказавшимся у них за спиной, и теперь угрожающе целилась в них из ружья.

— Это ионное ружье, мэм? — вежливо спросил Билл.

— Будь уверен, сынок. Стоит мне нажать на спуск, и из него вырвется опустошительный поток ионов, уничтожая все на своем пути.

— Очень мило, — сказал Билл, опуская забрало своего шлема и делая шаг вперед. — Будьте так любезны, отдайте-ка его мне, пока никому не причинили вреда.

— Ты будешь первым, парень, если сделаешь еще шаг!

Билл сделал еще шаг, и из ружья вырвался опустошительный поток ионов, уничтожая все на своем пути. Мита вскрикнула, увидев, как смертоносное ионное пламя окутало его со всех сторон.

Он сделал еще шаг, схватил ружье за ствол, вырвал его из рук женщины и швырнул с обрыва.

— Ты жив! — ахнула Мита.

— Конечно, жив, — сказал Ки, — потому что он лучше вас знает физику. Ионы — это электрически заряженные частицы. Как только они попадали к нему на броню, заряд уходил в землю. Очень просто.

— В самом деле просто. Только я что-то не видел, чтобы ты сам двинулся с места.

— Ну да, я трус. — Ки пожал плечами. — Не спорю.

— Знакомьтесь — моя жена Электра, — сказал Зог.

— А кто тут еще есть? — спросил Практис, озираясь и держа наготове пистолет.

— Больше никого, — всхлипнул Зог. — Мы хотели иметь большую семью, чтобы по кораблю топотало множество маленьких ножек. Но этому не суждено было сбыться. Будь у нас семья побольше, этого не случилось бы. Ее единственный сын, ее кровинушка, теперь я понимаю, что это она его вконец избаловала...

— И ты имеешь наглость сваливать на меня, старый импотент! — проскрипела Электра. — О, как я сожалею о том дне, когда меня посвятили Марсу! Стоило мне попроситься в девы-весталки, меня бы наверняка приняли. Но нет, сказала моя мать. Тебя ждет лучшая судьба, потому что ты благородного происхождения...

— Прекратите, — сказал Практис. — Семейную ссору продолжите потом, без нас. Пошли к кораблю —

я голоден, хочу пить, и вся эта чушь мне надоела. День выдался нелегкий.

— Особенно в этой броне, — сказала Мита, скинула доспехи и швырнула их вниз с обрыва.

Все мгновенно, со звоном и грохотом, последовали ее примеру. Потом, оставив Зога-младшего на попечение матери, они вслед за Зогом начали спускаться с плато.

— К сожалению, для питья у меня сейчас есть только жертвенное вино в холодильнике, — извиняющимся тоном сказал Зог. — Мне его много приносят.

— Я готов принять такую жертву, — сказал Билл, облизываясь.

В салоне космолета было очень уютно: драпировки на переборках, кресла-качалки, свежие железные цветы на столе, множество бокалов. Ки трижды осушил свой и, удовлетворенно рыгнув, указал пальцем на толстый кабель, который спускался с обрыва, шел по песку, проходил через открытый входной шлюз и исчезал где-то в глубине корабля.

— Куда он идет? — спросил он.

— В глубину корабля, — ответил Зог. — Не знаю, куда и зачем, и даже как он работает. Все оборудование установили мои предки. Я только за ним присматриваю. Там, в ущелье, стоят сигнальные системы, они предупреждают меня, когда кто-нибудь там появляется. Я поднимаюсь по лестнице, включаю тумблеры и забираю приношения. Кстати — кому еще вина?

Из уважения к нему все согласились выпить еще по одной. Кроме Ки, которому не терпелось выяснить, куда ведет кабель. Пока все накачивались вином, он пошел вдоль кабеля, тянувшегося по коридору. Некоторое время он отсутствовал, но этого никто не заметил: жертвенное вино лилось рекой. Вернувшись, он окинул захмелевших товарищей насмешливым взглядом.

— Ну и ну! Дорвались наконец!

— Нуишшо? — отозвался кто-то. — Низзя шшоли? Нам так туто пришлось на этой планете, можно немного и расслабиться.

— Ну да, рассказывайте! Нет, не рассказывайте! — воскликнул он, когда они заговорили все хором. — Это просто образное выражение, оно означает, что я с вами полностью согласен. Вы меня слышите, пропойцы? И в состоянии понять, что я говорю? Кивните головой,

если в состоянии. Так, хорошо. Так вот, я хотел сказать вам, что кабель доходит до самого ядерного реактора. А реактор, представьте себе, еще на ходу, столько столетий спустя. Но топливо, должно быть, уже наполовину полураспалось. Настоящая реликвия. Ручное управление стержнями — там такое колесо, которое поднимает их и опускает. А графитовые блоки-замедлители надо забрасывать в топку лопатой. Я набросал немного, покрутил колесо, и теперь напряжение нормальное.

— Вы г-гений, — сказал Практис, еле ворочая языком, и все остальные согласно закивали, еле ворочая головами. Кроме Зога, который, отягощенный годами и невзгодами, уже допился до бессознательного состояния и лежал на полу.

— Спасибо, я так и знал, что вы это оцените. Но погодите, это еще не все. Я нашел рубку управления этой рухлядью, там даже штурвал стоит и масляные лампы. Я врубил ток, загорелся свет, и все стало выглядеть очень мило. Дверь в радиорубку была заварена, но я ее взломал. А там стоит субэфирный передатчик, и он в рабочем состоянии.

Он терпеливо ждал, когда звуки его голоса понемногу раскатают их вялые барабанные перепонки, те приведут в действие молоточек, наковальню и стремячко в среднем ухе, от которых нервные импульсы, протискиваясь сквозь затуманенные алкоголем синапсы, проследуют все глубже и глубже по пораженной склерозом нервной ткани и наконец достигнут тех крохотных остатков разума, какие еще уцелели у них в мозгу...

— Ты... ЧТО? — вскричали все хором, мгновенно протрезвев и вскочив на ноги под звон разбивающихся бокалов.

— Ну, ребята, если бы я мог собрать это в бутылку, получилось бы верное средство для мгновенного протрезвления. Да, вы все правильно поняли. Там есть субэфирный передатчик, и он работает.

— Все понятно, — сказал Практис, снова рухнув в качалку с налитыми кровью глазами и трясущимися руками. — Тот ненормальный капитан, который затеял все эти игры в римлян, должно быть, запечатал радиорубку, чтобы никто из жертв его социального идиотизма не мог позвать на помощь. Но он сохранил передат-

чик на случай, если самому понадобится помощь. И с тех пор все так и осталось.

— Ну что, передадим сообщение? — предложил Билл, и все, кивая головами, как полоумные, кинулись из комнаты вслед за Ки.

Электра, которая вошла на камбуз, ведя за ухо провинившегося сына, громко втянула носом воздух.

— Так я и знала. Стоит от них на секунду отвернуться, и они тут же налижуются жертвенным вином. А какое свинство тут устроили!

Глава 25

Послав субэфирное сообщение, все поспешили назад, чтобы отметить это событие жертвенным вином. Но не успели они поднять бокалы, чтобы выпить за успех, как послышался какой-то странный звук.

— Космолет! — ахнул Вербер.

— Они уже здесь!

Под звон бокалов, разбивающихся о палубу, они кинулись из салона. Над головой послышался рокот могучего двигателя космолета, и все высыпали через шлюз в пустыню. Космолет пронесся низко над ними, и Мита воскликнула:

— Это космолет чинджеров! Сейчас они будут нас бомбить!

Все одновременно кинулись внутрь корабля, но тут открылся бомбовой люк космолета, и что-то вылетело из него наружу.

— Поздно, — вздохнула Мита, выбираясь из толкучки. — От атомной бомбы не убежишь. Приятно было с тобой познакомиться, Билл, хотя никак не могу этого сказать кое о ком из твоих приятелей.

— Я тоже, Мита. Только пока еще не все кончено. Если я не ошибаюсь, это не бомба, а капсула с каким-то посланием, которая опускается на парашюте.

Он кинулся бежать и подоспел как раз в тот момент, когда парашют коснулся земли. Крышка капсулы откинулась, и ему в руку выпал клочок бумаги.

— Это письмо, — сказал он. — От моего старого приятеля Трудяги Бигера, который оказался шпионом чинджеров по имени Тдгб.

— Я с ним знакома, — сказала Мита. — А что такого хочет нам сообщить этот шпион, чего мы не знаем и даже знать не хотим?

— Очень интересно. Слушай. «Дорогой Билл и его спутники! Мы отбываем с этой планеты и оставляем всю ее вам. Мы перехватили ваше субэфирное сообщение с просьбой о помощи и координатами планеты. Самое главное в жизни — это вовремя смыться. Наши разведчики докладывают, что приближается целая эскадра, так что вас скоро спасут». Подпись: «Искренне твой Тдгб». И тут есть еще постскрипtum. Вот — «Билл, не забудь, что я говорил о мире. Мы стремимся к вечному миру, и вы должны стремиться к тому же. Положим конец этой бесконечной войне, положим начало миру и процветанию. Вы можете добиться этого! Умоляем вас — помогите нам! Мир, процветание и свобода для всех!»

— Пацифистские бредни, — сказал Практис, выхватив у Билла письмо и разорвав его на мелкие клочки. — Значит, вы вели с противником подрывные разговоры?

— Мы были у них в плену! У нас не было выбора, пока мы не нашли выход, но до тех пор нам пришлось их слушать!

— Ну, нет! Вы могли зажать уши. В истории войн было много случаев производства в офицеры на поле боя, старший лейтенант Билл. Но вы можете гордиться тем, что стали первым, кого на поле боя разжаловали, рядовой Билл. Отныне вы простой солдат. Не будет вам больше приличной кормежки, никаких офицерских клубов и привилегированных борделей!

— Все равно ничего этого мне так и не досталось!

— Значит, вам не о чем жалеть, — злобно хихикнул Практис. — Война — ад, никогда об этом не забывайте.

— Да, для простых солдат, — сказала Мита, круто повернувшись, вошла в корабль и достала из холодильника еще бутылку жертвенного вина. — Надо мне подумать, как бы самой выслужиться в офицеры.

Вслед за ней в салон вошли Ки и Практис, за которыми плелся Вербер. Она налила им по бокалу. Капитану Блаю незачем было входить вслед за ней,

поскольку он отсюда и не уходил. Как только было отправлено субэфирное сообщение, он снова углубился в бутылку и с тех пор из нее не вылезал. Поставив ноги на его неподвижное тело, все прислушались к звукам семейной ссоры, доносившимся из глубины корабля.

— За мир, — сказала Мита и подняла бокал.

— Ну, нет! — возразил Практис. — За войну, за бесконечную войну!

— Что-то у вас получается точь-в-точь как у того липового Марса, бога войны.

— А что вы думаете, он во многом прав. Я бы и сам не отказался его изображать, это доходное предприятие. И я так бы и сделал, если бы Мерлин не ускользнул, пока мы лежали пьяные. Он все разболтает, и в этой счастливой стране, скорее всего, наступит мир.

Он нахмурился и скорчил гримасу, словно проглотил какую-то гадость.

— Но только здесь, на этом плато, — напомнила Мита. — Не так уж далеко отсюда ведут бесконечную войну бартрумианцы. В точности как мы.

— Вы правы! Я забыл. Спасибо, что напомнили. Да, не все так плохо.

Она допила свой бокал, ничего не ответив.

А снаружи Билл, устремив взгляд на бескрайние пески, лениво ковыряя землю когтями, размышлял о вновь открывшейся перед ним перспективе солдатской службы. Что легко дается, то легко отбрасывается. Слишком гладко все шло, это не могло продолжаться долго. Все равно в глубине души он всегда останется солдатом. Если копнуть еще немного поглубже, то на самом деле он хотел бы быть штатским, но это уж слишком.

Впрочем, все эти мысли его отнюдь не радовали, а, прямо сказать, нагоняли изрядную тоску. По совести, надо бы сейчас сделать то, что сделал бы на его месте всякий солдат: вернуться в корабль и нализаться до полного обалдения вместе с остальными. Нализаться, петь непристойные песни, свалиться с ног, поплевать. Вот весело будет!

Он уже повернулся к кораблю, когда послышался отдаленный рев приближавшегося космолета. Неужели уже подмога? Надо поскорее взяться за выпивку, пока не пришло время против воли возвращаться к трезвой солдатской жизни...

Но космолет, летевший быстрее звука, уже пронесся у него над головой, оглушив его ударной волной, словно у него выстрелили над ухом, и исчез из вида. Билл, моргая, поглядел вверх и увидел, что это снова исчез из вида космолет чинджеров. Но на этот раз из его бомбового люка вылетел не парашют, а маленькая капсула с ракетным двигателем. Она с жужжанием описала круг и приземлилась почти у самых ног Билла. Открылась крышка, и из капсулы выглянул чинджер.

— Привет, Билл. Я вижу, ты стоишь один, и решил еще поговорить с тобой напоследок. Кроме того, у меня для тебя есть подарок. Мы захватили один ваш грузовой космолет, и он оказался битком набит запчастями для медиков. Там было несколько замечательных замороженных ступней, я выбрал для тебя самую лучшую. Она здесь, в этом автоматическом полевом микрогоспитале.

— Для меня, Трудяга Бигер? Какой ты молодец! — пролепетал Билл, двинувшись к нему с протянутыми вперед руками и со слезами благодарности на глазах. Которые тут же превратились в слезы боли, когда Трудяга Бигер, подпрыгнув, стукнул его по носу и сбил с ног на песок.

— Не спеши, солдат. Если хочешь новую ступню, придется тебе немного поработать. Бесплатных обедов давно уже не бывает. Ха-ха, мы кое-чему научились от вас, людей, хрен бы вас взял.

— Поработать? А что надо делать?

— Сеять раздоры, распространять пацифистскую пропаганду, шпионить на нас. Трудиться изо всех сил, чтобы положить конец войне.

— Не могу я, это же аморально... — Трудяга Бигер презрительно издал губами непристойный звук. Билл из вежливости покраснел. — Конечно, не так аморально, как сама война. Но правда, не могу я стать предателем. А что я за это буду иметь?

— Новую ступню.

— Для начала неплохо. А дальше?

— Что-то ты много торгуешься для честного солдата, пусть даже речь идет об измене. А дальше будешь получать жалованье. Тысяча баксов в месяц и ящик спиртного. Ну как, согласен?

— Пожалуй...

Его слова заглушил рев ионизатора. Ионы с шипением обрушились на песок в том самом месте, где только

что стоял Трудяга Бигер. Но когда живешь на планете с десятикратной тяжестью, привыкаешь двигаться быстро. Когда прозвучал второй выстрел, чинджер был уже в капсуле и захлопнул крышку. Капсулу окутало испепеляющее пламя, но она, видимо, была покрыта импервиумом или каким-нибудь еще чудом инопланетной науки и осталась невредимой. Взрехали ракетные двигатели, и капсула, взвившись в небо, исчезла из вида.

— Так что ты там говорил, Билл? — голос Миты был полон угрозы. Теперь ее ионный пистолет был нацелен на него. — Я недослышала конец.

— Пожалуй, это оскорбление, — вот что я сказал! Это оскорбление — подумать, будто честный солдат способен предать своих садистов-командиров.

— Я так и подумала, что ты это собирался сказать. — Она дружески улыбнулась и сунула пистолет в кобур. — А теперь, пока все остальные пьянствуют, а подмога еще не пришла, у нас наконец есть время скинуть одежду и порезвиться прямо тут, на теплом мягком песке.

— Вот это по мне! — воскликнул он радостно, и его куриная нога, дернувшись, оставила в песке глубокую рытвину. Он посмотрел на нее и нахмурился. — А ничего, если я сначала сменю эту ступню? Мне не хотелось бы тебя оцарапать.

— Ну что ж, я столько ждала, могу подождать и еще немного, — вздохнула она. — Но давай поскорей, ладно?

— Будь уверена!

Он повертел коробку в руках и увидел, что на другой стороне напечатаны правила пользования: «Дорогой Билл, нажми красную кнопку и дай ей разогреться. Когда загорится зеленая лампочка, сунь свою птичью ступню в отверстие в крышке. С наилучшими пожеланиями — твой друг чинджер».

— Это было очень мило с его стороны, — сказал Билл, нажимая на кнопку. — Пусть он враг и чинджер, он все же неплохой парень. Куда лучше кое-кого из моих знакомых офицеров. Куда лучше всех моих знакомых офицеров.

Загорелась лампочка, он в последний раз поскреб когтями по земле и сунул ногу в отверстие.

С должным уважением предав земле свою желтую куриную ступню, он принялся шевелить новыми розо-

выми пальцами, разглядывая их с восхищением. Все семь. Он ни о чем не спрашивал: дареной ногой в зубы не смотрят. Он взглянул в небо, куда скрылся космолет чинджеров.

— Я и вправду рад бы помочь тебе в этой истории с миром, мой маленький зеленый приятель. Только это не так просто. И потом сейчас мне надо подобрать себе сапог по ноге. А как-нибудь в другой раз подумаем и о мире.

— Что ты там бормочешь о каком-то пире? Сейчас будет тебе пир. Сапог подберешь потом, — прошептала Мита дрожащим от страсти голосом, повернула его к себе лицом и поцеловала так горячо, что давление спермы подскочило у него на сто процентов.

Ради приличия — и желая непременно добиться, чтобы эта книга была допущена в детские библиотеки, — мы вынуждены против воли опустить занавес над этой деликатной сценой гетеросексуального акта. Заметим только, что солнце, как и всегда, медленно опускалось за восточный горизонт, и на бескрайнюю пустыню надвигалась ночная тьма. На этой планете, по крайней мере в этот момент и только в этой ее точке, определенно воцарился мир.

Содержание

Билл — герой Галактики, роман, <i>перевод с английского В. Ковалевского</i>	5
Билл, герой Галактики, на планете роботов-рабов, роман, <i>перевод с английского А. Иорданского</i>	177

Миры Гарри Гаррисона кн.15 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 383 с.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга пятнадцатая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редакторы И. Васильева, А. Александрова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Г. Бочарова, Т. Куликова, А. Хиришфелде
Оператор компьютерной верстки В. Хисамеев
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Оформление обложки и форзаца: А. Кириллов
Оформление шмуцтитиулов: В. Ковалев

**Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством**

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 11.10.94. Формат 84×108/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2999. С 042.

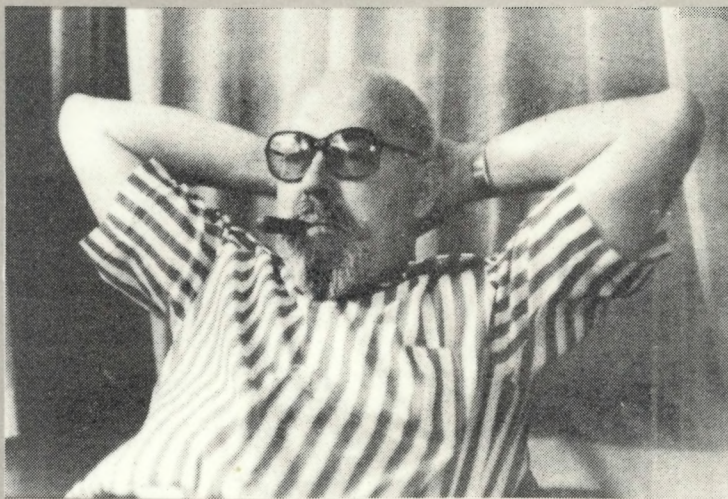
Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher